

Ю. В. Андреев

ОБ ИСТОРИЗМЕ ГОМЕРОВСКОГО ЭПОСА

Как известно, в науке до сих пор еще не сложилось единого мнения об исторической основе гомеровских поэм. Что считать такой основой? На какую историческую реальность ориентировался великий поэт, изображая Троянскую войну и другие непосредственно примыкающие к ней события? ¹ Вокруг этих вопросов, возникших в прошлом столетии, все еще не стихают ожесточенные споры. Грубо схематизируя запутанную ситуацию, сложившуюся за последние годы в этой области нашей науки, можно выделить три основных подхода к проблеме.

1. По мнению ряда авторов, в своем повествовании Гомер ориентировался преимущественно на то время, к которому относятся описываемые им события, и, следовательно, изобразил греческое общество таким, каким оно было во времена самой Троянской войны, т. е. на завершающих стадиях микенской эпохи ².

2. Другая группа исследователей локализует гомеровское общество и гомеровскую культуру как некую целостную систему по сю сторону от хронологической черты, разделяющей микенскую и послемикенскую эпохи в пределах так называемых «темных веков» (время с XI по IX в. до н. э.) или даже вне рамок этого периода. Среди этой группы ученых нет полного единства мнений в вопросе о том, что же собственно считать «гомеровским периодом». Некоторые авторы отодвигают этот хронологический отрезок в самые глубины «темных веков» ³. Другие признают собственно «гомеровским периодом» только VIII столетие, т. е. предполагаемое время создания поэм («Das achte ist sein Jahrhundert», — как решительно заявил в свое время В. Шадевальдт) ⁴. Третьи спускаются еще ниже по хронологической шкале, переселяя и самого Гомера и изображаемое им общество в VII или даже VI в. до н. э., как, например, Миро в его фантастической книге «Гомеровские поэмы и греческая история» ⁵.

¹ Мы не касаемся здесь более специального вопроса об исторической реальности самой Троянской войны, т. е. основного сюжетного стержня «Илиады» и поэм «Цикла». Обзор литературы вопроса см.: Lesky A. Homeros. RE, Suppl. XI. Stuttgart, 1968, S. 750 f.; Geiss H. Troia.— Streit ohne Ende.— Klio, 57/1, 1975.

² Вот лишь некоторые из авторов, придерживающихся такой точки зрения: Nilsson M. P. Homer and Mycenae. L., 1933; Severyns A. Homere. T. I. Le cadre historique. Bruxelles, 1945; Myres J., Gray D. Homer and His Critics. L., 1958; Bowra C. M. Homer. L., 1972; Luce J. V. Homer and the Heroic Age. N. Y., 1975.

³ Finley M. I. The World of Odysseus. N. Y., 1978, p. 48, 154 ff.; Ленцман Я. А. Греция XI—IX вв. до н. э.— В кн.: Всемирная история. Т. I. М., 1955, с. 37; Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1963, с. 100.

⁴ Schadewaldt W. Homer und sein Jahrhundert.— In: Das Neue Bild der Antike. I. Lpz., 1942, S. 56; Rose F. W. Class Ambivalence in the Odyssey.— Historia, 24, 2, 1975, p. 135.

⁵ Mireaux E. Les poèmes Homériques et l'histoire grecque. I—III. P., 1949.

3. Весь этот разброд мнений, как нередко бывает в таких случаях, создает благоприятную почву для крайних проявлений скептицизма и неверия в возможность конструктивного решения проблемы. В последнее время все чаще ставится под сомнение правомерность самих понятий «гомеровский период» и «гомеровское общество», казалось бы, уже давно и прочно укоренившихся в нашей науке. Уже сейчас некоторые авторы склоняются к тому, чтобы признать оба эти понятия внеисторическими фикциями, за которыми не скрывается никакая объективная реальность. Наиболее ясное выражение эта тенденция нашла в статье Э. Снодграсса «Историческое гомеровское общество?»⁶. Вывод, к которому он приходит, способен привести в отчаяние любого историка, полагающегося на данные гомеровских поэм как на свидетельство вполне заслуживающего доверия источника. В понимании Снодграсса Гомер нигде не дает целостной картины общественных отношений, равно как и материальной и духовной культуры греческого общества. Фигурирующие в поэмах исторические реалии, будь то формы семьи и брака, типы жилищ, вооружения и т. д., в действительности лишь «научные химеры», никогда и нигде не существовавшие. По природе своей они дискретны и при внимательном рассмотрении распадаются на разновременные, почти не связанные между собой элементы.

Сколько бы удручающе для нас ни были эти суждения исследователя, мы не можем просто отмахнуться от них как от какой-то вздорной болтовни. В скептической позиции Снодграсса есть свой достаточно веский резон. Действительно, внимательный анализ уже выявил в тексте поэм множество анахронизмов как культурно-исторического, так и лингвистического характера, и есть основания ожидать, что еще большее их число будет выявлено в дальнейшем. В результате создается впечатление, психологически вполне оправданное, что и весь этот текст есть не что иное, как причудливый сплав или, по выражению Керка⁷, «культурная» и одновременно «лингвистическая амальгама», образовавшаяся из слияния множества разнородных элементов, восходящих частью к микенской эпохе, частью к начальной стадии «темных веков» (XI—X вв.), частью к более поздним временам.

Анахронистичность народной эпической поэзии естественным образом вытекает из самого процесса ее развития, если представить себе этот процесс как безостановочное движение определенных тем и сюжетов в русле устной поэтической традиции, при котором каждое новое поколение народных сказителей обогащает своими импровизациями тему, переиначивая у предшественников, и тем самым все дальше уводит ее от первоисточника. Конкретные исторические факты, попавшие в орбиту притяжения эпической традиции, при такой передаче постепенно как бы обесцвечиваются, утрачивают свою конкретность, свою сиюминутность и превращаются в некие отвлеченные, общеприложимые художественные схемы или формулы. На этом пути возникает множество разнообразных исторических гибридов, которые далеко не всегда удастся разложить на составляющие их разновременные элементы. Складывающиеся таким образом памятники героической поэзии обычно трудно бывает привязать к какой-то одной определенной исторической эпохе. Каждый фольклорист и историк, имевший дело, например, с русскими былинами, хорошо это знает, хотя и не всегда готов в этом признаться⁸.

⁶ Snodgrass A. M. An Historical Homeric Society? — JHS, 94, 1974. См. также Лепсман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 228 сл.; Hope Simpson R. A., Lazenby J. F. The Catalogue of the Ships in Homer's Iliad. Oxf., 1970, p. 9; Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном мире. Л., 1973, с. 150 сл.; Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977, p. 7 f., 138.

⁷ Kirk G. St. The Songs of Homer. Cambr., 1962, p. 192 f.

⁸ Пutilov Б. Н. Об историзме русских былин. — В кн.: Русский фольклор. Т. X. Специфика фольклорных жанров. М. — Л., 1966, с. 115 сл.; Пропп В. Я. Об историз-

Однако в случае с Гомером дело обстоит несколько по-иному. Несмотря на очевидные признаки родства, сближающие «Илиаду» и «Одиссею» с устным поэтическим творчеством, это явление уже принципиально иного порядка, нежели былины киевского или новгородского циклов, руны «Калевалы» и другие образцы героического эпоса. В гомеровских поэмах при всей их архаичности гораздо сильнее выражено индивидуальное авторское начало. Оно проявляет себя и в сложной монументальной композиции обеих поэм, и в глубокой разработке психологии действующих лиц, и в весьма свободном обращении поэта с традиционными образами, мотивами, формулами героической поэзии. Судя по всем этим признакам, «Илиада» и «Одиссея» уже перешагнули ту черту, которая отделяет ранние долитературные формы эпоса от того, что принято называть «книжным «или» авторским эпосом». Возможности греческой письменности в том ее виде, в котором она известна нам теперь по надписям второй половины VIII в. до н. э., вполне допускают появление первых образцов поэзии этого рода уже в столь раннее время¹⁰.

Мы напоминаем об этих достаточно известных положениях, ставших азами современного гомероведения, лишь потому, что о них нередко забывают, приступая к конкретному историческому анализу текста поэм. В результате возникает ложное представление о гомеровской картине героического века как хаотическом скоплении или монтаже кое-как связанных между собой разнородных фрагментов.

Скептические выпады в адрес концепции реального гомеровского общества могут и должны быть парированы с помощью основного тезиса школы унитариев. Художественное единство гомеровских поэм предполагает в качестве своей важнейшей предпосылки также и принципиальное единство их исторической основы. Но такую основу могла дать творчеству Гомера только окружавшая его современная действительность, а отнюдь не удаленная от него микенская эпоха, или хронологически более близкие, но скрытые почти непроглядной тьмой столетия послемикенского упадка и регресса. Об этих временах поэт мог знать лишь понаслышке, со слов своих предшественников — народных сказителей, которые едва ли были способны донести до него в своих песнях, основанных на шаблонной формульной технике, сколько-нибудь целостную картину жизни минувших исторических эпох.

Появление среди безымянных творцов и носителей греческой эпической традиции поэта такой яркой и мощной творческой индивидуальности, каким, вне всякого сомнения, был создатель «Илиады» и «Одиссеи» должно было оказать на эту традицию эффект, подобный действию плотины, поставленной поперек речного русла. Свободное движение потока исторической информации, сопровождавшееся перемешиванием и взаимопроникновением отдельных его слоев, было приостановлено, после чего начался противоположный процесс аккумуляции и отбора исторического материала. Разумеется, к решению этой сложной задачи Гомер подошел не как историк, а прежде всего как великий художник. Склонность к историческому исследованию в собственном значении этого слова, которой нередко наделяют его как античные, так и современные гомеров-

ме русского фольклора и методах его изучения. — Уч. зап. ЛГУ, № 339. Сер. филол. наук, 1968, вып. 72. Ср. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

⁹ О соотношении традиционного и авторского начала в гомеровском эпосе см.: Hainsworth J. B. *Homer. Oxf.*, 1969; Parry A. A. *Homer as Artist.* — CQ, 21, 1, 1979; Gunn D. N. *Thematic Composition and Homeric Authorship.* — HSCPh, 1974; Nagler M. N. *Spontaneity and Tradition. A Study in the Oral Art of Homer.* Berkeley — Los Angeles, 1974; Holoka J. P. *Homeric Originality. A Survey.* — CIW, 66,5, 1973; Kirk G. St. *Homer and The Oral Tradition.* Cambr., 1976; *Homer: Tradition and Innovation.* Ed. by B. C. Fenik. Leyden, 1978.

¹⁰ Lesky. *Homeros*, S. 703 ff.; Heubeck A. *Schrift.* — In: *Archaeologia Homerica.* III. Kap. X. Göttingen, 1979, S. 159 f.

Веды, в действительности едва ли была ему свойственна. Кажется маловероятным, чтобы он выезжал на места описываемых событий, подобно Фукидиду или Полибию, разыскивал и изучал всевозможные древности, пытался читать старинные хроники или надписи, если они попадали в его руки ¹¹.

Новая монументальная форма героического эпоса, к которой, по-видимому, впервые в истории греческой поэзии обратился автор «Илиады» и «Одиссеи», не могла быть создана путем простой монтировки традиционных фольклорных тем, мотивов и образов. В подавляющем большинстве случаев она требовала их радикального переосмысления и переоценки ¹². С переходом на новую ступень поэтического творчества переосмыслению подверглись не только сами образы эпических героев, но и вся система их взаимоотношений. Она стала гораздо более сложной, глубже мотивированной, обогатилась множеством новых психологических и социальных нюансов. В сущности это означало разработку совершенно новой художественной концепции или модели героического общества. Однако для того, чтобы придать этой модели максимальную убедительность, сделать ее, так сказать, пластически осязаемой для своих слушателей или читателей, поэт должен был наполнить ее каким-то конкретным живым материалом. Таким материалом его могла снабдить только современность. Только обращение к современной исторической действительности позволило Гомеру вписать воссоздаваемую им картину жизни героического века в рамки целостной художественной системы и тем самым преодолеть, конечно лишь в известных пределах, исконную разнородность и внутреннюю противоречивость фольклорной традиции, присущую ей анахронистичность.

Конечно, и после этого анахронизмы не ушли совершенно из эпической картины мира. Во многих ее частях они остались, но при этом были до известной степени сглажены и нивелированы или, если выразить ту же мысль более точно, подчинены определенной дисциплине, которой, собственно, и обеспечивается художественная и историческая цельность гомеровской модели общества. Целенаправленный научный анализ во многих случаях вскрывает внутреннюю гетерогенность отдельных элементов этой модели, обнаруживая в них следы их отдаленных архетипов, как, скажем, обнаруживается архетип микенской царской власти в образах гомеровских басилеев ¹³. Однако как целостная художественная структура, как неповторимое сочетание всех этих разнородных элементов эпическая модель общества могла быть сориентирована только с одной определенной эпохой, исторически достаточно близкой ко времени жизни самого поэта или, что еще более вероятно, включающей в себя это время.

Таким образом, сама логика поэтического творчества, законы открытого им жанра монументального эпоса толкали Гомера на тот путь художественного освоения действительности, который может быть назван

¹¹ Так считает, например, Р. В. Гордезиани (Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978, с. 319 сл.).

¹² Конечно, определенный процент эпических формул, выработанных предшествующей поэтической традицией, вошел в общий фонд выразительных средств гомеровской поэзии, не претерпев сколько-нибудь значительных изменений и сохранив, так сказать, свою индивидуальность. Некоторые из этих формул восходят ко временам столь отдаленным, что их внутренний смысл уже ускользает от самого поэта. Однако в целом такого рода «поэтических окаменелостей» в поэмах не так уж много. Как справедливо указывает Ф. Кодино (*Codino F. Einführung in Homer. B., 1970, S. 73*), инерция традиционной формульной техники особенно сильно проявляется у Гомера в описаниях различных объектов материальной культуры, а также отдельных застывших обычаев вроде жертвоприношений или погребальных обрядов. В гораздо меньшей степени она ощущается в изображении сложных социальных ситуаций, огношений между людьми, их внутренних переживаний и т. п.

¹³ Deger S. Herrschaftsformen bei Homer. Wien, 1970; Andrejew J. V. Könige und Königsherrschaft in den Epen Homers.— Klio, 61/2, 1979.

«наивной модернизацией прошлого»¹⁴ Конечно, было бы ошибкой понимать этот гомеровский модернизм слишком прямолинейно и упрощенно как некое подобие современного натурализма, выражающееся в буквальном, почти фотографическом копировании окружающего мира. Законы эпической типизации продолжали действовать и на той высшей стадии развития героической традиции, которая нашла свое воплощение в гомеровском эпосе. Отличающий творчество Гомера высокий уровень художественного обобщения и идеализации действительности был бы невозможен без устранения из эпической картины мира всего чуждого конкретному, сиюминутному, злободневному.

Судя по некоторым признакам, Гомер еще застал начальную фазу так называемой «архаической революции», которой суждено было в короткий срок до неузнаваемости изменить весь облик греческого общества, его материальной и духовной культуры¹⁵. Вторая половина VIII в. до н. э., т. е. именно тот период, когда, согласно наиболее вероятным предположениям, были созданы обе гомеровские поэмы, стала временем чрезвычайно важных событий: были основаны первые греческие колонии на Западе и Востоке, заметно ускорилось развитие ремесла и торговли в самой Греции, появились первые города-полисы, широко распространилось новое алфавитное письмо, заметно обострились социальные и политические противоречия. Разумеется, все эти важные исторические сдвиги не могли пройти мимо сознания поэта. Однако в его произведениях мы не найдем прямого их отражения. Лишь отрывочные глухие намеки показывают, что процесс перестройки греческого общества уже начался в то время, когда создавались «Илиада» и «Одиссея».

Все это отнюдь не противоречит нашему основному тезису о современности как главном источнике вдохновения автора поэм. Если Гомер не считал нужным прямо откликнуться в своем творчестве на такие, безусловно, весьма актуальные для его времени события, как греческая колонизация в Сицилии и Италии или устройство общегреческих игр в Олимпии, то он сделал это именно потому, что это были совершенно очевидные новшества, для которых не было и не могло быть места в воссоздаваемой с соблюдением целого ряда условностей картине жизни героического века¹⁶. Мы не должны, однако, забывать о том, что историческая ситуация в Греции VIII столетия отнюдь не исчерпывалась одними этими новшествами. Наряду с ними в жизни этого периода было еще немало элементов статичности и покоя, немало древних традиций, уходящих своими корнями в отдаленное историческое прошлое. Именно эти привычные для самого поэта и его аудитории черты современной действительности выдвигаются в эпическом повествовании на первый план и практически почти безраздельно в нем доминируют, благодаря чему у читателей возникает иллюзия абсолютной неподвижности и гармонической сбалансированности представленной в поэмах социальной системы. Если мы сейчас, обращаясь к истории VIII в. до н. э., видим в ней лишь наиболее динамичные, так сказать, дестабилизирующие моменты и не замечаем противостоящих им моментов стабильности, то это можно объяснить только как результат смещения исторической перспективы, вполне естественного при взгляде в столь отдаленное прошлое.

Таким образом, в историческом мышлении Гомера взаимодействуют, отчасти дополняя и уравновешивая друг друга, две противоположные,

¹⁴ Тронский И. М. Проблемы гомеровского эпоса. — В кн.: Гомер. Илиада. М. — Л., 1935, с. XXXVIII сл.; Rose. Class ambivalence..., p. 131 ff.; Straßburger H. Homer und die Geschichtsschreibung. Heidelberg, 1972, S. 31 f. Об аналогичной модернизации традиционных сюжетов в современной Гомеру вазовой живописи см. Snodgrass A. The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971, p. 432 ff.

¹⁵ Kirk. The Songs of Homer, p. 282 f.; Lesky. Homeros, S. 687 f.; Гордезиани. Ук. соч., с. 213 слл.

¹⁶ Тронский. Проблемы гомеровского эпоса, с. XXXVIII сл.; Lesky. Homeros, S. 741; Straßburger. Op. cit., S. 27 f.; Finley. The World of Odysseus, p. 148 f.

но не вполне взаимоисключающие тенденции. Одна из них (модернизирующая) проявляет себя в бессознательном уподоблении прошлого, т. е. эпохи Троянской войны, современности, другая (архаизирующая) тенденция выражается в более или менее сознательной архаизации самой этой современности посредством устранения из нее всех излишне актуальных исторических моментов. Если первая из этих двух тенденций свидетельствует о крайней примитивности гомеровского взгляда на историю, о непонимании поэтом принципиальных различий между прошлым (в особенности отдаленным прошлым) и настоящим¹⁷, то встречающиеся в эпосе элементы сознательной архаизации позволяют думать, что его создатель не был чужд известной исторической рефлексии, хотя бы и в зачаточной ее форме.

Может показаться, что эта рефлексия простирается довольно далеко в глубь веков. Коллективная память народного предания, несомненно, сохранила и донесла до поэта определенный минимум информации о важнейших событиях героической эпохи, а также и о ее трагическом завершении. Однако столь же несомненно также и то, что подлинные исторические события II — начала I тыс. должны были подвергнуться при такой передаче весьма серьезным искажениям, а самое главное — стали практически неотделимы от событий вымышленных, никогда не происходивших в действительности, т. е. привнесенных в историю из мифологии. В этом потоке смешанной историко-мифологической информации до Гомера могли дойти лишь отрывочные сведения о политической ситуации в Греции в период, предшествующий дорийскому переселению, в том числе названия давно забытых центров микенской цивилизации с сопровождающими их эпитетами («златообильные Микены», «крепкостенный Тиринф» и т. д.). О местоположении и реальном характере всех этих царских резиденций, о населявших их племенах и народах поэт имел, судя по всему, лишь самые смутные представления¹⁸.

Из того же источника, т. е. из устной поэтической или же прозаической традиции, Гомер мог почерпнуть некоторые сведения об особом житейском укладе поколения героев, например, о применении ими бронзового оружия и боевых колесниц, о широком распространении в эту эпоху обычая трупосожжения, о героическом рационе, состоявшем по преимуществу из мясной пищи, и т. п. Поэт, несомненно, сознательно вводит в свое повествование все эти характерные штрихи и детали с тем, чтобы создать у читателя или слушателя ощущение большой исторической дистанции, отделяющей его от описываемых событий. При этом его, судя по всему, мало беспокоит (а скорее всего, он о ней просто даже и не догадывается) крайняя разнородность всего этого материала, унаследованного им от его предшественников. Ему, например, не приходит в голову, что боевые колесницы и кремация никак не могут быть совмещены в одной исторической плоскости¹⁹, что исключение из обихода

¹⁷ В этом смысле историческое мышление Гомера ничем не отличается от мышления создателей таких памятников европейского средневекового эпоса, как «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», «Беовульф» и др. Во всех этих случаях к событиям далекого прошлого «привязывается» обобщенная и идеализированная, но все же вполне узнаваемая в своих основных очертаниях картина современной поэту исторической действительности (ср. *Snodgrass. An Historical Homeric Society?* p. 124).

¹⁸ Знаменитый «Каталог кораблей», в котором некоторые авторы готовы видеть «подлинный документ (версифицированную хронику) микенской эпохи», в сущности представляет собой всего лишь произвольную компиляцию из обрывков эпической традиции и вполне реальных сведений о политической географии Греции в начале архаического периода. См. *Giovannini A. Etude historique sur les origines du Catalogue des Vaisseaux. Berne, 1969; Андреев Ю. В. Политическая география гомеровской Греции. — В сб.: Древний Восток и античный мир. М., 1980. Ср. Hope Simpson, Lazenby. Op. cit.*

¹⁹ О боевых колесницах в эпосе см.: *Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare. Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Camb., 1973* (оригинальная,

героев молочной и рыбной пищи — это не более чем поэтическая условность, один из тех искусственных запретов, которыми народные сказители обставили жизнь людей героического века, чтобы они не были слишком похожи на их современников.

Располагая, таким образом, крайне ограниченным и к тому же ненадежным в силу своей внутренней неоднородности запасом конкретной исторической информации, Гомер, естественно, был неспособен, даже если бы и захотел, представить себе, хотя бы приблизительно, систему общественных связей, характерную для микенской эпохи или для более близкой к нему эпохи миграций, так же как и осознать своеобразие культуры каждой из этих эпох. Поэтому, за вычетом некоторых — лежащих на поверхности фактов — культурно-исторического порядка вроде вытеснения бронзы железом, о которых поэт мог знать или догадываться, история в целом осмысливается им прежде всего как смена поколений, ведущая к постепенному ухудшению и вырождению человеческой породы, отнюдь не как процесс социального и культурного развития²⁰. Отсюда уже отмеченное отсутствие в сознании Гомера сколько-нибудь четкой грани между прошлым и настоящим, отсюда же и принципиальная возможность их взаимопроникновения и слияния в рамках единой художественной системы. По существу прошлое для создателя «Илиады» — это то же самое настоящее, но улучшенное, облагоустроенное, приподнятое над житейской прозой современности.

Однако при всей своей субъективной неспособности постичь всю «громадную перспективу исторического развития»²¹, отделяющую его от описываемых им событий, поэт объективно должен был всего яснее и лучше различать в этой перспективе хронологически наиболее близкие к нему явления, лишь смутно догадываясь о более удаленных. Поэтому мы вправе поставить перед собой вопрос о том хронологическом отрезке, который послужил для автора (или авторов) поэм преимущественным источником использованной им исторической информации. Совершенно очевидно, что таким источником не могли быть ни микенская эпоха, ни непосредственно следующий за ней период миграций. Представленный в поэмах житейский уклад свидетельствует о давно уже наступившей прочной оседлости, а также и об известном материальном достатке, хотя еще и весьма далеком от сказочных богатств микенских царей, но все же уже заметно превышающем крайне низкий жизненный уровень эпохи послемикенского упадка, о котором мы можем судить по имеющимся теперь достаточно репрезентативным археологическим данным²².

Таким образом, собственно гомеровский период, если признать, что за этим понятием все же скрывается некая объективная реальность, а не просто вневременная поэтическая фикция, должен включать в себя, с одной стороны, время относительной социальной стабилизации, наступившее вслед за эпохой миграций, с другой же (это с неизбежностью вытекает из всего сказанного выше об особенностях исторического мышления Гомера) — время жизни и творчества самого поэта. В итоге получаем хронологический отрезок общей продолжительностью около двух или двух с половиной столетий, ограниченный, с одной стороны, завершающей фазой миграционного движения греческих племен (примерно вторая

но не во всем убедительная концепция); *Anderson J. K. Greek Chariot-Borne and Mounted Infantry.* — *AJA*, 79, 3, 1979; о кремации см. *Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs.* L., 1971, p. 25 f.; *Andronikos M. Totenkult.* — In: *Archaeologia Homerica*. III. Göttingen, 1968, Kap. W, S. 51 ff.

²⁰ Ср. аналогичные наблюдения на материале исландских саг в кн.: *Гуревич А. Я. История и сага.* М., 1972, с. 35. Более подробно об историческом мышлении Гомера см. *Finley M. J. The Use and Abuse of History.* N. Y., 1975, p. 14 f.; *Лосев А. Ф. Античная философия истории.* М., 1977, с. 40 сл.

²¹ *Тронский.* Вопросы языкового развития..., с. 150 сл.

²² *Finley M. J. Homer and Mycenae: Property and Tenure.* — *Historia*, VI, 2, 1957, p. 136; ср. *Snodgrass. The Dark Age of Greece*, p. 392 f.

половина X в. до н. э.)²³, с другой — начальной стадией Великой колонизации (вторая половина VIII в. до н. э.)²⁴. В зеркале эпической поэзии этот период предстает перед нами как бы в своей среднестатистической оценке. Резкие различия, существующие между его началом и концом (о них нас информирует главным образом археология), у Гомера почти не ощущаются: настолько они сглажены общей идеализирующей окрашенностью эпического повествования²⁵. В результате такой нивелировки основной «центр тяжести» периода оказывается смещенным к его середине, а не к концу, как было на самом деле, что, естественно, ведет к серьезному искажению всей перспективы исторического развития на этом отрезке времени²⁶.

Все это, конечно, сильно затрудняет конкретный научный анализ гомеровского материала. Отсюда, однако, отнюдь не следует, что мы должны вообще отказаться от использования «Илиады» и «Одиссеи» в качестве исторического источника. При всей условности и иллюзорности представленной в эпосе картины общественной жизни ее ни в коем случае нельзя расценивать только как порождение поэтического вымысла, оторванное от почвы исторической действительности. Некоторые важные тенденции социально-экономического и политического развития греческого общества в X—VIII вв. до н. э., хотя и в весьма специфической и необычной форме, все же нашли в ней свое отражение. Задача исследователя в том и состоит, чтобы выявить в тексте поэм, несомненно, заключенное в нем зерно исторической истины, ни на минуту не забывая при этом о художественном своеобразии этого уникального источника.

²³ Верхнюю временную границу гомеровского периода пока еще не удается надежно фиксировать. Сам процесс перехода от всеобщего хаоса и разброда эпохи миграций к относительной стабильности следующего за ней периода мог продолжаться не одно десятилетие. К тому же в разных районах греческого мира он протекал, вероятно, крайне неравномерно. Судя по археологическим данным, в Аттике, на Эвбее, в Арголиде уровень благосостояния населения начал заметно повышаться во второй половине X в. до н. э., что, по-видимому, свидетельствует о вступлении греческого общества в этих районах в новую, более спокойную фазу социального развития. См. *Snodgrass. The Dark Age of Greece*, p. 330 ff.; *Desborough V. R., d'A. The Greek Dark Ages. L.*, 1972, p. 344 ff. Впрочем, недавние археологические находки и, в частности, сенсационные открытия в Лefканди на Эвбее (см. о них *Popham M., Touloupa E., Sackett L. H. The Hero of Lefkandi.— Antiquity*, 56(218), 1982, p. 168 ff.), возможно, заставят передвинуть эту границу еще выше по хронологической шкале.

²⁴ Предлагаемая нами датировка существенно отличается от принятого в советской историографии античности определения гомеровского периода как промежуточного этапа, отделяющего микенскую эпоху от архаической. Обычно в это понятие включаются три столетия — с XI по IX в. до н. э. (так, *Ленцман. Греция XI—IX вв. до н. э.*, с. 637; *Колобова К. М. Греция в XI—IX вв. до н. э. Л.*, 1956, с. 3; *Сергеев. История древней Греции*, с. 100), хотя встречаются и отклонения от этой схемы (см. *Дурье С. Я. История Греции. Л.*, 1940, с. 50; *Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции*, с. 193; *Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л.*, 1976, с. 12). Аналогичные расхождения наблюдаются и в определении продолжительности так называемых «темных веков» в западной историографии. Так, по *Старру (Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization. 1100—650 B. C. N. Y.*, 1961, p. 78), этот период охватывает 1150—750 гг., по *Снодграссу (The Dark Age of Greece, p. 2) — XI—VIII вв.*, по *Десборо (op. cit., p. 11) — 1125—900 гг.*, по *Керку (Kirk G. S. The Homeric Poems as History.— C.A.N., II, part 2, ch. XXXIX (b). Cambr., 1965, p. 25) — только 1125—1050 гг.*

²⁵ В этой связи важно подчеркнуть, что при всех различиях, существующих между «Илиадой» и «Одиссеей» как в чисто художественном, так и в морально-идеологическом плане, обе поэмы изображают в общем одно и то же общество, один и тот же уклад жизни. Определенные расхождения в обрисовке героического быта вытекают не столько из «возрастной» разницы поэм, сколько из жанрового и сюжетного своеобразия каждой из них. Так, авантюрный характер второй гомеровской поэмы, свойственное ей преобладание сцен мирной жизни над сценами войны позволили автору «Одиссеи» максимально приблизить свой рассказ к современной действительности, освободив его от некоторых традиционных условностей героического жанра. Cp. *Page D. L. The Homeric Odyssey. Oxf.*, 1955, p. 157 ff.; *Snodgrass. An Historical Homeric Society?* p. 114 f.

²⁶ В этом смысле можно, по-видимому, согласиться с *Гринхалем*, считающим IX в. до н. э. «осевой датой» гомеровского периода (*Early Greek Warfare...*, p. 170).

Т. А. Моисеева

МИДАС КАК СИМВОЛ БОГАТСТВА В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Воссоздание истории Фригии по данным античной письменной традиции осложняется по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, до нас не дошло ни одного сколько-нибудь систематического изложения истории Фригийского государства греческим или римским автором и мы располагаем лишь фрагментами той информации о Фригии, которая была известна в античности¹. Во-вторых, расцвет фригийской государственности на рубеже VIII—VII вв. до н. э. скупое, но впечатляющее заявивший о себе в строках ассирийских анналов и все более зримо открывающийся в археологических памятниках Гордиона, оказав несомненное воздействие на формировавшуюся тогда культуру греческого полиса², уже с архаического периода стал для греческих авторов не только объектом исторического познания, но и благодатным материалом для литературно-мифологических, философских, этических и прочих интерпретаций. И именно в форме последних доступная нам письменная традиция античности сохранила значительную часть сведений об истории Фригии. Эти указанные обстоятельства следует иметь в виду, используя сообщения античных авторов как источник реконструкции фригийской истории, источник, познавательные возможности которого существенно расширяются благодаря новому археологическому и эпиграфическому материалу.

Мы попытаемся выявить особенности интерпретации данных античной литературной традиции о Фригии на примере образа Мидаса. Этот выбор определяется как тем, что именно Мидас оказался одной из самых популярных в античности фригийских реалий, так и тем (и это главное), что имя Мидас (*Midas*) служит опорной точкой для соотнесения и идентификации информации о Фригии, имеющейся в разных видах источников: это имя с середины VII в. до н. э. фигурирует в греческой литературе; Мита — правитель мушков (*Mitā šar matMuški*) упоминается в анналах

¹ Труды, посвященные Фригии, создавались в разные периоды истории античного мира. Об их существовании мы знаем по сохранившимся названиям, иногда сопровождаемым цитатами. Так, сочинение «Φρύγιος λόγος» приписывалось Демокриту (*Diog. L.*, IX, 49) и Диагору (*Suda*, s. v. Διαγόρας). В трактате, приписываемом Плутарху, упоминаются такие авторы трудов о Фригии, как Демарат, Тимолай, Александр Полигистор, Агатархид, Аретад, Гермесианакс Кипрский (*Ps.-Plut.*, *De fluv.* IX, 1; IX, 5; X, 1; X, 5; XII, 2; XII, 4). О Фригии писали Метрофан (*Suidas*; *Steph. Byz.*: Εὐχαρπία), Феодот из Тарса (*Scholl. Apoll. Rhod.* II, 122) и другие.

² *De Vries K.* Greeks and Phrygians in the Early Iron Age.— In: *From Athens to Gordion. The papers of a memorial symposium for R. S. Young.* Philadelphia, Pennsylvania, 1980, p. 33; Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия.— В кн.: История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 62 сл.

Саргона II (721—705 гг. до н. э.); имя MIDAS встречается в старофригийских надписях из Гордиона и других местностей Малой Азии. Иными словами, Мидас античной традиции оказывается исторической личностью, правителем государственного образования, игравшего заметную роль в международных отношениях древневосточного мира рубежа VIII—VII вв. до н. э. Центром этого государственного образования был, очевидно, Гордион на Сангарии³. Население, именуемое в ассирийских текстах мушками, говорило на индоевропейском языке, зафиксированном первым по времени возникновению на территории Малой Азии буквенным письмом (так называемые «старофригийские» надписи). Время правления Мидаса в позднеантичной традиции определяется двояко: по Евсевию — 738—696 гг. до н. э., а Юлий Африкан датировал смерть Мидаса во время киммерийского набега на Фригию 20 годами позднее. Ассирийские тексты упоминают Мидаса в период с 717 по 709 гг. до н. э.⁴

Следует отметить, что с Мидасом условно ассоциируется самое значительное курганное погребение Гордиона докиммерийского периода⁵ — так называемый «курган Мидаса» (ММ)⁶. Под курганной насыпью высотой 53 м и диаметром 250 м обнаружена деревянная погребальная камера, воспроизводящая по своему интерьеру, вероятно, покои дворца, длина, ширина и высота которой соответственно 6,20, 5,15, 3,86 м. В северо-западном углу камеры на остатках монументальной деревянной кровати лежал скелет мужчины 61—65 лет. На возможность отождествления этого погребенного с Мидасом, правителем Фригии периода ее расцвета⁷, указывают размеры кургана (с которым в Анатолии может сравниться только находящийся близ Сард гигантский курган Гигеса⁸, высота насыпи которого 40—45 м, а диаметр — 220 м) и богатство погребального инвентаря. Несомненно, данный погребальный памятник был сооружен для лица необычайно высокого социального статуса. Для Фригии, пережившей свой расцвет за весьма короткий период, таковым, вероятнее всего, мог быть именно Мидас, современник Саргона II (или Тиглатпаласара III).

Мидас, историчность которого в свете данных ассирийских анналов, фригийской эпиграфики и археологии теперь не вызывает сомнения,

³ В греческой традиции Гордион как *Φρύγιος Γορδίων* впервые упоминается Ксенофонтом (Hell. I, 4, 1), но с Сангарием Фригия ассоциируется уже у Гомера (II, III, 187). Как резиденция фригийских царей Гордия и Мидаса Гордион фигурирует у сравнительно поздних античных авторов — Страбона (XII, 5, 3), Курция Руфа (III, 1, 41), Арриана (I, 29, 3—5), но источники последних восходят, по крайней мере, ко времени посещения Гордиона Александром Македонским, Гордия же, давнего, по всей вероятности, имя Гордиону, как отца Мидаса знает Геродот (I, 35; 45). Историчность Гордия фиксируется лувийской неоглифической надписью из Богча (Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей. — ВДИ, 1981, № 2, с. 57).

⁴ Но, как отмечает М. Меллиник (*Mellink M. J. Midas in Tyana.* — In: *Florilegium Anatolicum*. Ed. E. De Boccard. Mélanges E. Laroche. P., 1979, p. 250), если письмо из Нумруда, найденное недавно (*Postgate J. N., Sargon's Letter Referring to Midas.* — *Iraq*, 35, 1973, p. 21—34), датируется правлением Тиглат-Паласара III, а не Саргона II (*Houwink ten Cate Ph. H. J. Kleinasien zwischen Hethitern und Persern.* — In: *Fischer Weltgeschichte. Die altorientalischen Reiche*. III. 1967, S. 127, 347), время правления Мидаса-Миты отодвинется к 735 г. до н. э.

⁵ Археологически это слою обитания, предшествующие культурному слою, содержащему следы пожара и разрушений, предположительно связываемых с набегом киммерийцев на Фригию, известным по клинописным текстам и античной традиции.

⁶ ММ изучался в течение шести археологических сезонов начиная с 1957 г. экспедицией Музея Пенсильванского университета, которой руководил Р. С. Янг. Самая полная публикация материалов этого курганного захоронения в кн.: *The Gordion excavations. Final reports*. V. 1. *Young R. S. Three Great early tumuli. Pennsylvania*, 1981, p. 79—190.

⁷ Что касается самого имени «Мидас», то оно известно уже из хеттских клинописных текстов как имя правителя Паххуву, располагавшейся в восточной части Малой Азии в последний период существования Хеттской державы. Предположительно оно могло быть лувийским (Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 114).

⁸ *Hanfmann J. M. A. On Lydian Sardis.* — In: *From Athens to Gordion...*, p. 100.

в античной литературной традиции наделялся зооморфными чертами (ослиные уши: Aristophan., Plut. 287; Schol. Aristophan. Plut. 287; Ovid., Met. XI, 146; Pers. Sat. 1. 121; Lukophr. 1401; Athen. XII, 516b), связывался с богами и мифологическими персонажами (Кибелой — Hyg. Fab. 191; Diod., III, 59; Plut., Caes. 9; Atnob. V, 7; Hesych S. Μίδα θεός; Силеном Марсием и Дионисом — Herod., VIII, 138; Xen., An. 1, 2, 13; Arist., fr. 44=Plut. Cons. ad Apoll. 27; Theop.—FGH, II, fr. 75; Paus., I, 4, 5; Aelian, Var. hist. III, 18; Athen., II, 23; Орфеем — Konon, fr. 1; Iust. XI, 7; Polyain., VII, 5; Klem. Al., Protr. II, 13, 1; Литиерсом — Athen., X, 415 b; Омфалой — Athen., XII, 516b). Наконец, Мидас якобы обладал сверхъестественной способностью превращать окружающее своим прикосновением в золото (Arist., Politica, I, 3, 16; Callisth.=Stob., Flor. III, 7, 66=Plut., Par. Min. 5=Lyd., De mens. 164; Ovid., Met. XI, 85; Hyg. fab. 191; Polyhistor-Plut., De fluv. 10, 1).

Таким образом, на данном примере мы получаем возможность проследить механизм превращения реальной исторической личности в литературно-мифологический персонаж, символ то богатства и мудрости, то глупости и жадности. При этом представляется неправомерным трактовать Мидаса только как фольклорный персонаж и тем самым игнорировать факт его исторического существования⁹ или рассматривать изолированно исторического и мифологического Мидаса¹⁰. Следует попытаться выяснить, каковы могли быть объективные исторические основания для переосмысления фигуры реально существовавшего фригийского царя в разные периоды жизни античного общества, т. е. определить объем, содержание и достоверность информации о Фригии, какой мог располагать тот или иной упоминающий Мидаса античный автор, а с другой стороны, попытаться установить, какими потребностями социально-политического и идеологического развития самого античного общества могла быть обусловлена та или иная интерпретация образа Мидаса.

При этом мы будем исходить из того, что, во-первых, восприятие Мидаса как литературно-мифологического персонажа в античной традиции было вторичным и сосуществовало с представлением о Мидасе как об исторической личности¹¹; во-вторых, на всем протяжении истории античного мира, судя по дошедшим до нас памятникам греко-римской литературы, семантика образа Мидаса представляла собой разнообразный, но устойчивый и относительно целостный набор характеристик¹²; в-третьих, в семантике образа Мидаса наиболее существенным и значимым было его истолкование как олицетворения богатства. Именно в качестве такового мы и будем рассматривать Мидаса в нашем исследовании, тем более что «богатство» относится к важнейшим этико-экономическим категориям, при помощи которых греки и римляне осознавали объективный процесс развития своего общества.

В сохранившейся греческой письменной традиции впервые вообще и впервые как символ богатства Мидас упоминается в известном фрагменте элегии Тиртея, сохранившемся у Стобея¹³. Напомним, что содержанием данного фрагмента является формулировка Тиртеем нравственного ко-

⁹ См., в частности, Толстой И. И. Связанный и освобожденный Силен. — В кн.: Памяти академика Н. Я. Марра. М., 1938; Bošković-Stulli M. Narodne predaja o vladarevoj tajni. Zagreb, 1967.

¹⁰ Kroll. Midas. — RE, XV, 2. Stuttgart, 1932, S. 1526—1540.

¹¹ Например, у Геродота сведения о Мидасе как о реальном фригийском правителе (I, 14; 35) соседствуют с представлением о нем как мифологизируемом персонаже (VIII, 138).

¹² Тот факт, что контакты Фригии с греками археологически фиксируются с рубежа VIII—VII вв. до н. э., а также то, что традиции местной государственности могли сохраняться в Гордионе в лидийский и персидский периоды, делает вероятным предположение, что набор характеристик Мидаса как литературно-мифологического персонажа в античной традиции мог отражать в своей основе и реальные особенности фригийской государственности и культуры.

¹³ Tyrt., fr. 9, 1—14=Stob., 4, 10.

декса гражданина формировавшегося спартанского полиса. Эта формулировка дается через сопоставление-противопоставление декларируемых Тиртеем качеств спартиата, сутью каких является доблесть гражданина-воина, сознательно и самоотверженно на поле боя защищающего интересы своего города-государства, таким качествам, как превосходство в физической силе и росте, в беге, красоте, богатстве, царственности и сладкозвучии голоса. Нетрудно заметить, что доблести, из которых Тиртей исходит для придания наибольшей убедительности поэтически пропагандируемому им социально-этическому идеалу гражданина, — не что иное, как демонстративные *ἀρετή* эпического героя¹⁴, несовместимые с качественно новыми условиями полисного развития. Эти развенчиваемые Тиртеем доблести выступают в элегии в персонифицируемой форме. И здесь как одну из персонификаций богатства наряду с Киниром мы встречаем Мидаса: ...πλουτοῖη δὲ Μίδεω καὶ Κινύρεω μᾶλλον...¹⁵. Важно выяснить, чем обусловлен этот выбор, сам факт которого указывает на наличие у Тиртея и его современников достоверных знаний о Фригии конца VIII — начала VII в. до н. э. и ее правителе.

То обстоятельство, что Мидас в элегии Тиртея фигурирует среди известных греческой эпической традиции мифологических персонажей таких, как циклопы (воплощение физической силы), Борея (быстрота в беге), Тифон (внешняя красота), Адраст (сладкоречие), Пелопс (царственность), отнюдь не означает, что Мидас для Тиртея — персонаж столь же нереальный, а идентификация его с богатством — лишь литературный прием. Есть основания не согласиться с теми, кто отрицает историчность информации, содержащейся в рассматриваемом фрагменте¹⁶. Во-первых, в античной традиции сохранились сведения о контактах Спарты архаического периода с Малой Азией и о малоазийском происхождении таких поэтов, как Алкман (из Сард), Терпандр (с Лесбоса), писавших на ионийском диалекте и использовавших малоазийские сюжеты и образы¹⁷. Примечательно, что с Малой Азией ассоциируется значительная часть персонажей, избранных Тиртеем для персонификации эпических качеств, с которыми сопоставляется провозглашаемый им идеал гражданина. Так, Тиртей знает о малоазийском происхождении Пелопса, которого в интересующем нас фрагменте упоминает как Танталида¹⁸.

С Малой Азией связаны также Тифон¹⁹ и Кинир, царь кипрского города Пафоса, по одной из мифологических версий²⁰ переселившийся на Кипр из Киликии. Страбон же столицей царства Кинира называет Библ²¹. Ассоциируется с Малой Азией и имя «Адраст», которое могло быть производным от имени крито-анатолийского божества Адрастеи²². Как фригийское божество Адрастея почиталась в Трое. С ней был связан герой Адраст, правитель Перкоты, сын Мeroпа (II. II, 527), построивший святилище Кибелы на реке Асопе близ Кизика и основавший одноименный себе город в Мизии²³. Адраст включен в одну из мифоло-

¹⁴ О новом содержании *ἀρετή* у Тиртея по сравнению с Гомером см. *Tigerstedt E. N. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. V. 1. Stockholm, 1965, p. 50.*

¹⁵ *Tyrt.*, 9, 6.

¹⁶ Этому мнению придерживается, в частности, Б. Шнелль: *Snell B. Tyrtaios und die Sprache des Epos. — Hypomnemata. Untersuchungen zur Antike und zu ihren Nachleben. Heft. 22. Göttingen, 1969, S. 34—35.*

¹⁷ *Bowra C. M. Greek Lyrik Poetry. From Aloman to Simonides. Oxf., 1961, p. 20.* Кстати, малоазийское происхождение приписывалось на том же основании и самому Тиртею (*Suda: Τυρταῖος Ἀρχεβρότου Λάκων ἢ Μιλήσιος*).

¹⁸ В более поздней традиции Пелопса называли то фригийцем (*Hecat.* — FGrH, fr. 1, 119; *Herod.*, VII, 8, 11), то лидийцем (*Pind.*, Ol. 1, 24).

¹⁹ Тифон по одной мифологической версии — сын царя Трои Лаомедонта, возлюбленный богини Эос, по другой — сын Эос и Кефала (*Apollod.*, Bibl. III, 14, 3).

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Strabo*, XVI, 2, 18.

²² *Apollod.*, Bibl. I, 1, 6—7.

²³ *Strabo*, XIII, 1, 13.

гических генеалогий троянских царей: на дочери Адраста женат Ил, пришедший во Фригию и основавший здесь Илион²⁴. Наконец, имя Адраст носит злополучный внук Мидаса в «лидийском логосе» Геродота²⁵. Но как воплощение красноречия у Тиртея скорее всего имеется в виду Адраст, сын Талая, правитель Сикиона, для которого также имеются малоазийские ассоциации²⁶.

Таким образом, упоминание фригийского правителя Мидаса в рассматриваемом месте элегии Тиртея вполне вписывается в реконструируемый малоазийский кругозор аудитории, к которой поэт обращался. При этом этот малоазийский кругозор мог быть сформирован не только эпической традицией, но и отражать реальные контакты Спарты с Малой Азией. Имеются археологические материалы, свидетельствующие о наличии тесных экономических и политических связей Спарты VII в. до н. э. с Самосом и Эфесом²⁷. Более того, есть, правда немногочисленные, археологические свидетельства и о связях Спарты с Фригией: в храме Артемиды Орфии обнаружены фригийские изделия конца VIII в. до н. э.²⁸ В контактах Спарты и Фригии посредническую роль мог играть Самос, где фригийский импорт зафиксирован для периода ранее 700 г. до н. э.

Но чем мог быть обусловлен выбор Мидаса в качестве персонификации богатства? В элегии Тиртея понятие «богатство» выражено термином, производным от глагола *πλούεω*. Этот же термин известен в «Илиаде», — в частности, в 24 песне он обозначает отличительную черту Приама, который до нашествия ахейцев вызывал удивление богатством и сыновьями (II. XXIV, 546). Семантика данного термина весьма широка. Но известно, что в гомеровском эпосе богатство выступает как дар богов, связано с благородством происхождения, служит демонстративным признаком. Уже в «Трудах и днях» Гесиода понятие «богатство» усложняется: различается богатство, нажитое трудом (дар богов), и богатство, полученное в результате насилия и лжи (320—322). Следует подчеркнуть, что в предшествующей Тиртею греческой литературной традиции богатство выступает не столько как экономическое понятие, сколько как социально-этическое, не только как абстракция, но и как образная персонификация²⁹. Поэтому правомерно предполагать, что эта широкая семантика понятия «богатство» воспринималась и современниками Тиртея³⁰. Но восприятие богатства Тиртеем, выражавшим идеологию формировавшегося спартанского полиса, уже не могло полностью совпадать с эпическим, поэтому у Тиртея богатство фигурирует среди характеристик, которым противопоставляется декларируемый поэтом гражданский идеал.

Что касается выбора личности Мидаса как персонификации богатства, то в этом можно усмотреть следование предшествующей Тиртею греческой литературной традиции, для которой Фригия символизировала богатство и процветание. Вспомним, что в «Илиаде» Фригия выступает как могущественный союзник Трои и во Фригию уходят богатства Приа-

²⁴ *Apollod.*, *Bibl.* III, 12, 3.

²⁵ *Herod.*, I, 35.

²⁶ Ивик (*Ibycus*, fr. 41 = *Strabo*, VI, 2, 4) говорил, что река Асоп близ Сикиона протекала из Фригии. А по Павсанию (II, 8, 8) в храме Сикиона хранились флейты Марсия, принесенные сюда водами рек Марсия, Меандра и Асопа.

²⁷ *Burn A. B. The Lyric Age of Greece*. L., 1978, p. 45.

²⁸ *Dawkins R. M. The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta*. L., 1929, pl. 84. b.

²⁹ В «Теогонии» (969 сл.) богатство персонифицируется в божестве Плутосе, рожденном Деметрой и Иасионом.

³⁰ Во фрагменте, сохраненном в *Par. Oxyrh.* (XV, 1795, 32), приписываемом некоторыми Алкману (*Skolion Gr. Dichterfr. d. Kaisers*. VII, 33 = *Alkman fr. 2*), дается несколько видоизмененный вариант интересующей нас строки: *ἄλβιος ἦν ὁ Μίδας τρίς δ' ἄλβιος ἦν Κινύρας*. Здесь понятие «богатство» выражается термином, также имеющим широкий диапазон значений (см. о нем *De Heer Kornelis. Máxar — εὐδαιμονία — ἄλβιος εὐτυχία. Study of the Semantic Field Denoting Happiness in Ancient Greek to the End of the 5th Century B. C.* Amsterdam, 1968).

ма (XVIII, 288—292). В гомеровском гимне «К Афродите» (VII в. до н. э.) богиня выдает себя за дочь царя Фригии Отрея и обещает за собой богатое приданое, состоящее из золота и тканой одежды³¹. Данные клинописных текстов и фригийской археологии делают весьма вероятным предположение о том, что образ Фригии, сложившийся в греческой литературе VIII—VII вв. до н. э., достаточно адекватно отражает реальный факт военного и экономического расцвета Фригийского царства рубежа VIII—VII вв. до н. э., связанный с именем Мидаса I. То обстоятельство, что Гордий, предшественник Мидаса I, совершал походы к югу от излучины Галиса, где в районе Богча была найдена его лувийская пероглифическая надпись³², а Мидас — в район к северу от Тавра, где недалеко от Тианы обнаружена старофригийская надпись с его именем³³, и, по свидетельству анналов Саргона II, захватывал крепости в Киликии, можно расценивать как свидетельство активной военной экспансии фригийских царей, соперничавших с Ассирией и Урарту в стремлении господствовать на торговых путях, ведущих в Восточное Средиземноморье, и, возможно, за доступ к запасам металлов на северо-востоке Анатолии. Но то, что ассирийцы не вторгались на территорию собственно Фригии, объясняет отсутствие в ассирийских текстах информации о конкретном воплощении богатств фригийских царей. Правда, этот пробел все более восполняется археологическими данными из Гордиона. Находки на основном городище и в курганных захоронениях, идентифицируемых как «царские», позволяют говорить о Гордионе как о важном центре металлообработки, ткачества, деревообрабатывающего ремесла и обмена Анатолии первой половины I тыс. до н. э.³⁴ Об этом свидетельствует, в частности, обнаруженный в западной части цитадели Гордиона хозяйственный комплекс докimmerийского периода, представляющий собой две серии мегаронных сооружений, зеркально отражающих друг друга³⁵. Здесь в многочисленных помещениях хранились запасы сельскохозяйственной продукции, значительное число людей³⁶ обрабатывали продукты земледелия, занимались ткачеством и другими ремеслами. Впечатление богатства производит Мегарон 3, условно идентифицируемый как «дворец», где обнаружены изделия из таких драгоценных материалов, как золото и слоновая кость. Особенно интересен шарообразный слиток золота, который, по мнению Кейса Де Вриза, возглавляющего в настоящее время раскопки Гордиона, мог выполнить роль своего рода прото-монеты³⁷. Фрагменты предметов, инкрустированных золотом и слоновой костью, обнаружены и в других мегаронных сооружениях, входящих в комплекс так называемой «царской резиденции» Гордиона. Больших трудовых затрат требовало сооружение погребальных камер и курганных насыпей. Особенно выделяется уже упоминавшееся курганный захоронение MM, погребальная камера которого и по размерам, и по богат-

³¹ Homeri Hymni, IV, 137—139.

³² Дьяконов. Малая Азия и Армения..., с. 57.

³³ Mellink. Midas in Tyana..., p. 249—257.

³⁴ Barnett R. D. Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age.— САН, v. II, p. 2, p. 430 ff.; Mellink M. J. Conclusions. — In: The Gordon Excavations, v. 1, p. 266.

³⁵ Это так называемое «террасовое здание», состоящее из девяти примыкающих один к другому мегаронов, имевших общую северо-восточную стену, и «здание SS», расположенное напротив и имевшее аналогичную планировку. Общая длина «террасового здания» свыше 100 м. См. отчеты Р. С. Янга в AJA, 1958, v. 62, № 2, p. 145—147; 1960, v. 64, № 3, p. 240—243; 1962, v. 66, № 2, p. 164—167; 1964, v. 68, № 3, p. 283; 1966, v. 70, № 3, p. 267—278; а также информацию: Recent Archaeological Research in Turkey.— Anatolian Studies, 1974, XXIV, p. 31—33 и др.

³⁶ Например, только в мегароне 6 «террасового здания» могли одновременно заниматься обмолотом зерна 18 человек (AJA, 1964, v. 68, № 3, p. 285). В целом в комплексах TB и SS могло одновременно трудиться около 300 человек — De Vries. Greeks and Phrygians ..., p. 40.

³⁷ Ibid., p. 34.

ству интерьера могла быть реальным эквивалентом жилого дворцового помещения ³⁸.

И здесь обращает на себя внимание то, что имущество, сопровождавшее в загробный мир представителей верхушки фригийского общества, по своему составу совпадает с вещественным выражением богатства в греческом эпосе ³⁹: изделия из бронзы (примечательно, что в кургане ММ из 389 находок по инвентарному каталогу 356 — изделия из бронзы), инкрустированная мебель, ткани. Кажется, что изобилие фибул, явно превышавшее их прямое функциональное назначение, может объясняться их использованием как олицетворения богатства.

Дошедшая до нас греческая письменная традиция, предшествующая Тиртею, не упоминает имени Мидаса. Но Гомеру приписывалась эпиграмма на погребении Мидаса, датируемая, очевидно, не позднее VII в. до н. э. ⁴⁰ Поэтому, возможно, не только факт экономического процветания был известен греческой эпической традиции, но и имя царя, при котором этот расцвет имел место. Иными словами, основания для избрания Мидаса символом богатства Тиртей мог иметь уже в греческой традиции предшествующего периода, отразившей реальный факт могущества Фригийского царства. А упомянутые выше археологические данные о связях Спарты с Фригией VIII в. до н. э. делают ассоциацию Мидаса с богатством еще более достоверной.

При этом надо иметь в виду и то, что интенсивное экономическое развитие Фригии, судя по археологическим материалам из Гордиона, продолжалось и во второй половине VII в. до н. э. Установлено, что после «киммерийского» разгрома центр Гордиона временно переместился на «Малый холм», но вскоре жизнь возродилась и на основном городище. Причем, по мнению Р. С. Янга, длительного перерыва в обитании на цитадели Гордиона не было ⁴¹. Гордион послекиммерийского периода полностью базировался на плане своего предшественника и, как предполагает Р. Эдвардс ⁴², между 690 г. до н. э. и серединой VI в. до н. э. продолжал оставаться резиденцией местной фригийской династии ⁴³. Продолжали строиться курганные захоронения с богатым инвентарем ⁴⁴. Именно в этот период усиливаются связи с греческим миром ⁴⁵. Но нам представляется, что как символ богатства и могущества в элегии Тиртея должен был подразумеваться именно Мидас I, ибо в VII в. до н. э., в период возвышения Лидии, греческих поэтов поражают уже богатства Гигеса (Архилох, фр. 57), хотя в памяти дельфийского жречества авторитет и богатства Гигеса занимают все же второе место после Мидаса ⁴⁶. Кажется, не случайно в элегии Тиртея Мидас олицетворяет воплощение богатства наряду с Киниром. Как кипрский царь, даритель драгоценных доспехов Агамемнону, Кинир известен в «Илиаде» (XI, 20). Причем, кажется, уже у Гомера Кинир более всего ассоциируется с богатством, которое у него, согласно Пиндару ⁴⁷, было даром богов. Археологические материалы, полученные в результате раскопок на Кипре, данные хетт-

³⁸ Mellink. Conclusions..., p. 263.

³⁹ Это мнение разделяет и К. Де Вриз (Greeks and Phrygians..., p. 40 f.).

⁴⁰ Anthologia Palatina, VII, 158; *Plat.*, Phaedr. 264D; Certam. Hom. et Hes. 15, Dion. Chrys. (anonymus) Or. 37; *Pseudo-Herodot.*, Codex. fort. recte. Помимо Гомера приписывалась Симонидом Кеосским Клеобулу из Линда (*Diog. Laert.*, I, 89).

⁴¹ AJA, 1964, 68, № 3, p. 284.

⁴² An. St., 1959, IX, p. 15.

⁴³ Ср. намек Геродота (I, 35) в «лидийском логосе» о правлении во Фригии во времена Греза потомков династии Мидаса.

⁴⁴ Kohler E. L. Cremations of the Middle Phrygian Period at Gordion.— In: From Athene to Gordion..., p. 65—70.

⁴⁵ Kenneth Sams G. Import at Gordion Lydian and Persian Periods.— Expedition. The University Museum Magazine of Archaeology/Anthropology. University of Pennsylvania, v. 21, № 4, 1979, p. 6—17.

⁴⁶ Herod., I, 14.

⁴⁷ Pind., Nem. VIII, 17—20.

ских, египетских и других древневосточных документов позволяют предполагать возможность реальной основы и для восприятия образа Кинира как символа богатства. Так, источники свидетельствуют о том, что во II тыс. до н. э. Кипр был важнейшим в Восточном Средиземноморье центром добычи, обработки и торговли медью⁴⁸. Археологические раскопки показали, что центром металлообработки и морской торговли был и город Пафос, с которым греческая традиция связывает Кинира⁴⁹. Важно иметь в виду, что процветание Кипра, основанное на металлургии, продолжалось и в начале I тыс. до н. э., так как здесь не было того периода исторического регресса, который именуется «темными веками» для Греции и Малой Азии⁵⁰. Примечательно, что археологические данные подтверждают и сведения античной традиции о малоазийских связях Кипра раннего железного века. Так, в курганных погребениях докиммерийского Гордиона (K—III и P) найдены изделия из стекла кипрского происхождения⁵¹. Кипрские фибулы обнаружены в слоях фригийского времени в Алишаре и Богазкёе. Иными словами, есть основания предполагать, что упоминание Мидаса наряду с Киниром в качестве символов богатства помимо прочего может отражать знания о реальных контактах Фригии и Кипра, в частности, через Киликию, откуда Аполлодор переселяет Кинира на Кипр и куда совершал походы Мидас I.

Нам представляется возможным предполагать и то, что как реально существовавший правитель Фригии Мидас в качестве персонификации богатства был особенно важен Тиртею для усиления идеологического воздействия его элегии. Дело в том, что анализ персонификаций, избранных поэтом для качеств, несовместимых с кодексом гражданина формировавшегося спартанского полиса, показывает, что подбор их имел в условиях второй Мессенской войны, когда решался вопрос о самом существовании Спартанского государства⁵², известную политическую актуальность.

По сообщению Страбона со ссылкой на Тиртея, союзниками мессенцев в этой войне были аргосцы, элейцы, писаты и аркадцы⁵³. И если с этой точки зрения посмотреть на подбор персонификаций в элегии Тиртея, то естественно вспомнить, что Пелопс в греческой мифологической традиции связан прежде всего с Писатидой — местом действия мифа о состязании Пелопа с Эномаем⁵⁴. Примечательно, что археологические данные подтверждают свидетельства античных авторов об особом почитании Пелопа в Олимпии как местного хтонического героя со второй половины II тыс. до н. э. Далее, Адраст, царь Сикиона — города-государства, переживавшего в VIII—VII вв. до н. э. расцвет, мог ассоциироваться с враждебным тогда для Спарты Аргосом⁵⁵. С Аркадией в восприятии аудитории Тиртея мог связываться Кинир⁵⁶. И если для мифо-

⁴⁸ Catling H. W. Cypriot Bronzework in the Mycenaean World. Oxf., 1964; *Hell-bing L. Alasia Problems*. Göteborg, 1979, p. 73, 79 ff.; *Петрова Э. Б.* Античный Кипр: Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Казань, 1975.

⁴⁹ Catling. Cypriot Bronzework..., p. 30; Maier F. C. Excavations at Kouklia.— In: Report of the Department of Antiquities Cyprus, 1968, p. 86—93; 1969—1971.

⁵⁰ Birmingham J. The Chronology of Some Early and Middle Iron Age Cypriot Sites.— *AJA*, 1963, 67, № 1, p. 15—42.

⁵¹ The Gordion Excavations, v. 1, p. 31. Примечательно, что для сохранившихся фрагментов инкрустации трона Мегарона 3 Гордиона указывают кипрские аналогии того же времени (*De Vries*. Greeks and Phrygians..., p. 35).

⁵² Huxley G. L. Early Sparta. L., 1962, p. 54.

⁵³ Strabo, VIII, 4, 10.

⁵⁴ Paus., V, 1, 5; Strabo, VIII, 3, 31; 6, 10; 6, 19.

⁵⁵ На дочери Адраста был женат правитель Аргоса Тидей (*Hom.*, II. XIV, 119).

⁵⁶ По Аполлодору (III, 9, 1), на дочери Кинира Лаодике был женат Элат, сын Аркада. Кроме того, античные авторы (*Paus.*, VIII, 5, 2; *Strabo*, XIV, 6, 3) сообщают об аркадской колонизации Пафоса на Кипре, царем которого считался Кинир. Достоверность этого сообщения подтверждается археологически (*Gjerstad E.* The Colonization of Cyprus in Greek Legend.— In: *Opuscula Archaeologica. Acta Instituti Romani Regni Sueciae*. T. III, 1944, p. 107—123).

логических персонажей в элегии Тиртея можно обнаружить актуальный политический смысл, то реальность фигуры Мидаса — восточного правителя, олицетворяющего богатство, типологически близкой микенскому и эпическому, но чуждой консолидирующемуся спартанскому полису, должна была особенно усиливать неприемлемость данного качества в условиях Спарты периода второй Мессенской войны.

Мы столь подробно остановились на анализе фрагмента элегии Тиртея, во-первых, потому, что упоминание Мидаса здесь близко по времени к расцвету Фригийского царства на рубеже VIII—VII вв. до н. э. и может рассматриваться как отражение знаний греков об этом факте, во-вторых, потому, что рассмотренный фрагмент Тиртея, где фигурирует Мидас, широко цитировался в более поздней античной традиции, от Платона до Стобея.

Новое содержание получает образ Мидаса как воплощение богатства в греческой литературной традиции рубежа V—IV вв. до н. э. Это был период, когда в социально-экономическом развитии греческого полисного мира назревают признаки кризиса политической организации города-государства и одновременно делаются попытки осмыслить и преодолеть в сфере философии и искусства обостряющиеся противоречия социальной реальности. При этом отношение к богатству имеет симптоматическое значение. Мидас, как ставшая традиционной персонификация этого явления и понятия, получает относительную самостоятельность по отношению к Мидасу — реальному правителю Фригии. И, очевидно, не случайно образ Мидаса как символ богатства фигурирует в программных произведениях таких различных, если не сказать противоположных, по мировоззрению авторов рубежа V—IV вв. до н. э., как Платон и Аристоксан.

Для Платона, который почти дословно цитирует рассмотренный выше фрагмент элегии Тиртея⁵⁷ и в «Государстве» и в «Законах», Мидас символизирует богатство, которое по своей значимости в жизни человека и общества безусловно уступает этическому совершенству и справедливости. Так, в «Государстве» речь идет о том, что человек, равный по богатству Мидасу, но больной от природы и невоздержанный по образу жизни, не заслуживает ни облагораживающего воздействия искусства, ни лечения. В «Законах» же выражена мысль о том, что даже богатство Мидаса и Кинира не даст счастья человеку и не придаст смысла его жизни, если этот человек несправедлив. Эта семантика образа Мидаса как воплощения богатства у Платона прекрасно вписывается в общую концепцию этого великого философа-идеалиста и аристократа. Известно, что краеугольным девизом идеального государства Платона было не искать несправедливого обогащения. Философ считал необходимым равномерное распределение богатства, выступал против чрезмерного обогащения и чрезмерной бедности, которые являлись, по его мнению, основной причиной вырождения существующих форм государства и опаснейшими противниками законодателя. Побуждает же людей извлекать чрезмерную прибыль, а не удовлетворяться умеренной этическое несовершенство. Стремление к обогащению, таким образом, находится в прямом противоречии со справедливостью — основной добродетелью гражданина и государства⁵⁸.

Иными словами, Мидас как воплощение чрезмерного богатства воспринимается Платоном как символ явления, несовместимого с природой конструируемого философом идеального государства и его эстетической концепцией. Причем для Платона, не только использовавшего для выражения своих идей арсенал греческой мифологии, но и творившего собст-

⁵⁷ *Plat., Rep. III, 408 b: οὐδ'εἰ Μίδου πλουσιώτεροι εἶεν; Plat., Leg. II, 680^e, 681^a: ἐν δὲ ἄρα πλουτῇ μὲν Κινύρα τε καὶ Μίδα μᾶλλον, ἢ δὲ ἄδικος.*

⁵⁸ Об экономических воззрениях Платона см. *Железнов В. Я. Экономическое мировоззрение древних греков. М., 1916.*

венные мифы, разграничение Мидаса — реального правителя Фригии и Мидаса — мифологизируемого персонажа не имело принципиального значения ⁵⁹.

У Аристофана, выражавшего преимущественно интересы сельского демоса Афинского полиса, Мидас выступает как символ всеобъемлющего богатства (синоним изобилия), олицетворение которого — слепой бог Плутос — прозревает в созданной Аристофаном одноименной комедии ⁶⁰. В ней нашли свое отражение как реальная ситуация в Афинах 388 г. до н. э. — истощение государственной казны Афин в ходе Пелопоннесской войны и внезапное ее пополнение или за счет персидского золота, привезенного Кононом, или за счет пожертвований граждан, так и обострение в Афинах этого периода противоречий между богатством и бедностью, особенно болезненно сказывавшееся на положении афинских земледельцев ⁶¹. Но здесь же в фантастико-пародийной форме рассматривается во всем диалектическом противоречии важный философский вопрос о несправедливом распределении богатств на земле, о роли богатства и бедности и их неразрывной взаимосвязи.

Мидас упоминается рабом Хремилом, слугой главного героя — крестьянина Кариона, повстречавшим слепого бога Плутоса и помогшим ему прозреть и стать справедливым. На восторженную реплику предводителя хора земледельцев, простодушно поверившего в перспективу жить в богатстве и изобилии, Хремил замечает: *ὦτ' οὖν θεοῦ λαβετε*. Представляется, что Аристофан не случайно вложил эту реплику в уста раба и упоминанием об ослиных ушах придал ей иронический оттенок. Не относится ли эта ирония к утопической мечте афинского крестьянства о возвращении первозданного и всеобщего изобилия? Таким образом, Мидас у Аристофана — гипербола не просто богатства, но богатства фантастического, нереального.

Примечательно, что в комедии «Плутос» впервые в дошедшей до нас греческой традиции Мидас наделяется зооморфными чертами, ассоциируется с ослом. У более поздних античных авторов ослиные уши Мидаса становятся символом его немusыкальности, ибо Мидас включается в сюжет мифа о музыкальном состязании Марсия и Аполлона (в частности, Ovid., Met. XI, 146) ⁶². Упоминание ослиных ушей Мидаса у Аристофана может указывать на то, что данная ассоциация была известна грекам уже в классический период, тем более что с Марсием Мидаса связывает уже Геродот (VIII, 138), хотя, возможно, первоначально ассоциация Мидаса с ослом имела иные основания ⁶³.

Следует отметить, что в трактовке образа Мидаса как символа богатства у Платона и Аристофана при всей несхожести мировоззрений этих авторов есть общее. У обоих Мидас воплощает богатство в его всеобщей форме, причем отражает восприятие богатства не в экономическом, а преимущественно социально-этическом плане ⁶⁴.

⁵⁹ О роли мифологического принципа в творчестве Платона см. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969, с. 557.

⁶⁰ Aristoph., Plut. 287; Schol. Aristoph. Plut. 287.

⁶¹ Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957, глава «Плутос», с. 278 сл.; Holzinger K. Kritisch-exegetischer Kommentar zu Aristophanes' Plutos. Wien — Leipzig, 1940, S. 107—109.

⁶² В античной традиции были и другие рационалистические толкования ослиных ушей Мидаса: как объяснение происхождения фригийской тиары и введения шпильки в государство Мидаса—Schol. Aristoph. Plut. 287; Conon (по Фотию); Schol. Lukophr. 1401 1401 и др.

⁶³ Фрейденберг О. М. Въезд в Иерусалим на осле.— В кн.: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978, с. 503, 515.

⁶⁴ К. Маркс объяснял это тем, что в древнем мире богатство не выступало как цель производства. «Дело в том, что, с одной стороны, богатство есть вещь, оно воплощено в вещах, материальных продуктах, которым человек противостоит как субъект; с другой же стороны, богатство как стоимость — это просто власть распоряжаться чужим трудом не в целях господства, а для частного потребления и т. д. Во всех формах бо-

Принципиально по-иному выглядит семантика образа Мидаса как символа богатства у Аристотеля⁶⁵. Не претендуя на сколько-нибудь полную характеристику экономических взглядов этого величайшего ученого античности⁶⁶, отметим, что Аристотель сделал блестящую попытку раскрыть экономическую сущность богатства в условиях развития товарно-денежных отношений полиса. Он считает необходимым различать богатство, имеющее предел и воплощенное в совокупности потребительных стоимостей, и богатство как изобилие денег, тяготеющее к безграничному накоплению и получаемое в результате торговли. Если первый вид богатства оценивается Аристотелем как богатство «истинное», то второе считается им «неестественным», ибо стремление к беспредельному приобретению денег, как считал философ, разрушало сами основы полисной организации. В отличие от большинства мыслителей античности, негативно оценивавших богатство с позиций этических, Аристотель для обоснования бессмысленности безграничного накопления богатства в денежной форме использует экономическую аргументацию. Поэтому в «Политике» он акцентирует внимание исключительно на посреднической функции денег как условного менового знака. В этой связи Аристотель высказывает мысль о том, что стоит только тем, кто пользуется деньгами, изменить их систему и последние потеряют всякую ценность, будут бесполезны, а человек, обладающий такими деньгами даже в большом количестве, не в состоянии будет достать себе кусок хлеба⁶⁷. Плачевное положение этого мнимого богача, которому грозит голодная смерть, Аристотель сравнивает с положением Мидаса, у которого из-за ненасытности его желаний яства превращались в золото⁶⁸.

Таким образом, Мидас у Аристотеля выступает как символ бессмысленности богатства, воплощенного в деньгах, утративших свою функцию менового знака и лишившихся потому всякой потребительной стоимости. Иными словами, в «Политике» впервые в античной традиции семантика образа Мидаса включает богатство как экономическое понятие. Правда, упоминая Мидаса как олицетворение жажды безграничного накопления денег ради денег, Аристотель допускает непоследовательность, игнорируя тот факт, что золотые деньги помимо условной меновой функции обладают и собственной потребительной ценностью как драгоценный металл. Уточняя рассматриваемое суждение Аристотеля, К. Маркс писал, раскрывая истинную диалектику богатства в его потребительной форме и денег как средства обмена: «Деньгам как *всеобщей форме богатства* противостоит весь мир действительных богатств. Они — чистая абстракция последних; поэтому, если их удерживают в такой форме, они — всего лишь фантазия. Там, где богатство кажется существующим в совершенно материальной, осязательной форме как таковой, оно имеет свое существование лишь в моей голове, оно — чистая химера. Мидас. С другой стороны, как *материальный представитель всеобщего богатства*, деньги реализуются лишь благодаря тому, что снова бросаются в обращение и исчезают при обмене на отдельные особенные виды богатства. Они остаются в процессе обращения в качестве средства обращения; но для накапливающего индивида они потеряны, и это исчезновение есть единственно возможный способ использовать их как богатство»⁶⁹.

гатство принимает вещную форму, будь это вещь или отношение, опосредованное вещью, находящейся вне индивида и являющейся случайной для него». «Исследуется всегда вопрос: какая форма собственности обеспечивает государству наилучших граждан?» — Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. I. М., 1980, с. 481.

⁶⁵ Arist., Polit. I, 3, 16, 1257a.

⁶⁶ Об экономических взглядах Аристотеля см. Железнов. Ук. соч., с. 240 сл.

⁶⁷ Arist., Polit. I, 3, 16—17.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 179.

Примечательно, что в «Политике» Мидас как символ богатства впервые в дошедшей до нас античной традиции конкретизируется способностью превращать окружающее в золото. Возникает вопрос: из каких источников мог узнать Аристотель этот сюжет? С одной стороны, информация о Мидасе в рассматриваемом месте труда Аристотеля совпадает с сохранившимся у более поздних античных авторов рассказом о том, что Дионис в благодарность за гостеприимство, оказанное Мидасом Силену Марсию, наделяет фригийского царя по его желанию способностью прикосновением превращать все окружающее в золото, и о том, что перед угрозой голодной смерти недалёковидный Мидас отказывается от этого дара. Хотя Аристотель не приводит начальную часть этого сюжета, но уже Геродот⁷⁰ и Ксенофонт⁷¹ знают о поимке Силена в садах Мидаса, причем Ксенофонт относит это к Фригии, а Геродот — к Македонии. Поэтому есть основания утверждать, что в греческой литературной традиции до Аристотеля Мидас не только ассоциировался с богатством, но и связывался с Силеном. Правда, трудно установить, существовал ли у греков изначально сюжет, объединявший представление о необычном богатстве Мидаса с рассказом о взаимоотношениях его с Марсием и Дионисом, или эти сюжеты бытовали изолированно друг от друга и впервые были объединены именно в труде Аристотеля. Но в любом случае правомерно говорить о греческих источниках образа Мидаса у Аристотеля. Следует отметить в этой связи, что именно в «Политике» в семантике Мидаса как символа богатства впервые акцентируется внимание на его бессмысленной жадности. Трудно сказать, принадлежит ли эта трактовка полностью Аристотелю, но она несомненно сосуществовала с противоположной, сохранившейся, в частности, у Феопомпа⁷², согласно которой Мидас, поймав Силена, беседует с ним на философские темы, не помышляя о золоте. Эта трактовка была известна и Аристотелю⁷³.

При интерпретации образа Мидаса Аристотель мог располагать и македонскими источниками, на которые ссылался еще Геродот. Аристотель же, будучи воспитателем Александра Македонского, имел особые возможности познакомиться с подобными сведениями⁷⁴, тем более что традиция о связи македонской династии с Мидасом использовалась Александром в период его завоевания Фригии⁷⁵.

Правомерно возникает вопрос: воспринимался ли Мидас Аристотелем как персонаж полностью мифологический? В рассматриваемом месте «Политики» на это, казалось бы, указывает выражение *...τὸν Μίδα καὶ ἐκείνον μυθολογοῦσι...* Но это не исключает, однако, наличия у Аристотеля представления о Мидасе как историческом правителе Фригии. В частности, сохранился фрагмент «Кимской политики» Аристотеля, где упоминается жена фригийского царя Мидаса Гермодика, отличавшаяся красотой, мудростью и изобретательностью и начавшая чеканку монеты в родном городе⁷⁶.

⁷⁰ Herod., VIII, 138.

⁷¹ Xen., An. I, 2, 13.

⁷² FGh, fr. 76 = Aelianus, V.H.III, 18.

⁷³ Arist., fr. 44R = Plut., Cons. ad. Apoll. 27.

⁷⁴ Fredricksmeier E. A. Alexander, Midas and the Oracle at Gordium. — Classical Philology, 1961, v. XVI, № 3, p. 160 ff.

⁷⁵ Муссеева Т. А. Царская власть у фригийцев (К интерпретации легенды о Гордиевом узле). — ВДИ, 1982, № 1, с. 121 сл.

⁷⁶ Arist., fr. 614, 37 (ed. Rose). Ср. Pollux, 9, 83. По данным античной традиции, Кимы были основаны около 1050 г. до н. э., но упоминаются среди 100 малоазийских городов, разгромленных Ахиллом в период Троянской войны (Apolloed., Bibl. epit. 3, 33). Археологически зафиксирован факт существования города в VIII в. до н. э.: Anatolian collection of Charles university (Kyme 1). Ed. J. Bonzek. Praha, 1974, p. 77; Hošek R. Kyme. A Historical Survey. — Ibid., p. 180; Kyme: The results of the Czechoslovak expedition. Praha, 1980 (Kyme 2), p. 147. Эолийская керамика выдает влияние бронзовых изделий из Гордиона (Larisa am Hermos. Die Ergebnisse der Ausgrabungen. T. III. Stockholm, 1942, S. 193). Возможно, именно эолийское происхождение имеет

Следует отметить, что у Аристотеля впервые в дошедшей до нас греческой письменной традиции Мидас как символ богатства конкретно связан с золотом. Однако это не исключает того, что ассоциация с золотом входила в семантику Мидаса как воплощения богатства у греков и до Аристотеля, но свидетельства этого не сохранились или же конкретизация золотом была не важна для греческих авторов, упоминавших Мидаса как символ богатства в предшествующий Аристотелю период.

Представляется интересным в этой связи сопоставить упоминание о Мидасе в «Политике» Аристотеля с дошедшим до нас фрагментом сочинения Каллисфена «Метаморфозы»⁷⁷. Каллисфен, который, как известно, был племянником Аристотеля и историком Александра Македонского в период завоевания последним Малой Азии, во второй книге «Метаморфоз» рассказывает легенду, связанную с фригийским городом Келены. Согласно ей, из-за гнева Зевса Идейского около города образовалась бездна с водой, поглотившая много домов и жителей. Царю Мидасу оракулом было предсказано, что бездна исчезнет, если бросить в нее самое ценное в человеческой жизни. Мидас и жители Келен бросали золото, серебро, украшения, но расселина закрылась только после того, как сын Мидаса Анхур добровольно верхом на коне бросился в бездну, решив, что самое ценное — человеческая душа. На месте, где была бездна, Мидас воздвиг алтарь Зевсу Идейскому, сделав его золотым посредством прикосновения своих рук.

Таким образом, если Аристотель сообщает о превращении пищи в золото для Мидаса, то Каллисфен — о конкретном способе этого превращения: от прикосновения рук Мидаса⁷⁸. Но обращает на себя внимание то, что у Каллисфена эта золотиносная способность Мидаса фигурирует в контексте, совершенно отличном от аристотельского. Объяснить это можно, допустив, что Каллисфен пользовался не только греческими и македонскими источниками о богатствах Мидаса⁷⁹, но и малоазиатскими. В основе изложенного выше рассказа Каллисфена лежит, возможно, информация фригийского происхождения, которую Каллисфен мог получить во время посещения греко-македонским войском фригийского города Келены⁸⁰. Район Келен представляет собой древнейший центр фригийской цивилизации. Обнаруженная недавно турецкими археологами в районе Динара (близ Келен) деревянная погребальная камера с настенной росписью⁸¹ позволяет с большим доверием отнестись к сообщениям греческих авторов о Келенах как месте, где локализуются сказания о Марсии — фригийском божестве, одноименном с рекой, истоки которой находились в Келенах, изобретателе флейты — музыкального инструмента, происхождение которого греки приписывали фригийцам и который восходит к хеттскому периоду, божестве круга Диониса и Кибелы⁸².

греческая керамика, датируемая 720—690 гг. до н. э., обнаруженная недавно в Гордионе. Таким образом, сообщение Аристотеля, предполагающее факт связи Фригии и Мидаса с эолийскими Кимами, может иметь определенную историческую основу. А. И. Доватур (Политика и Политии Аристотеля. М.—Л., 1965, с. 266) считает вероятным источником данного сообщения Аристотеля местное предание.

⁷⁷ *Plut., Moralia* (Parall.), 5 = *Stob., Flor.* VII, 69; *Lyd., De Mens.* 164.

⁷⁸ *Stob., Flor.* (Περὶ Ἀφροδείας), VII, 69.

⁷⁹ Страбон (XIV, 5, 28) сохранил фрагмент Каллисфена, в котором источником богатств Мидаса называются рудники близ горы Бермий в Македонии, т. е. там, где, по Геродоту (VIII, 138), располагались «Сады Мидаса».

⁸⁰ *Arr., I*, 29; *Curt., III*, 1.

⁸¹ *Uçankus H.* — In: VIII Türih Kongresi, Ankara, 11—15, Ekim, 1976. Kongreye Sunulan Beldiriler I. Ankara, 1979. — *Türk Tarih Kurumu, Yayınların*, IX, 8, 305—334.

⁸² *Herod., VII*, 26; *Xen., An.* I, 2, 8; *Strabo*, XII, 8, 15; *Paus., X*, 30, 4 и др. В Богазкёе обнаружена групповая статуя фригийского периода, изображающая Кибелу в сопровождении двух юношей, играющих на флейте и лире. Она датируется VI в. до н. э. (*Bittel K. Phrygische Kunstbild aus Bogazkoy. — Antike Plastik, Lief. 2, B.*, 1965). Гарнетт считает возможным видеть здесь прообраз состязания Аполлона и Марсия (*Barnett. Phrygia and the Peoples of Anatolia*, p. 432).

С Келенами в греческой традиции связывался и Литиерс — фригийское божество плодородия (дождя⁸³ и жатвы⁸⁴). Как указывалось выше, Мидас в античной литературе связывался и с Марсием, и с Литиерсом. Но, по нашему мнению, нельзя исключить, что ассоциация Мидаса с Келенами может отражать и реальную историю Фригии. Район Келен должен был входить в состав Фригийской державы в период ее расцвета на рубеже VIII—VII вв. до н. э. Через этот район проходил участок «царской» дороги персидских царей, который мог использоваться и ранее фригийскими царями династии Гордия — Мидаса во время их походов в район Тианы, Киликии, документированных эпиграфически и данными ассирийских анналов. Обращает на себя внимание и тот факт, что топоним «Аскания» (Arr., An. I, 29, 1) и производный от него эпитет фригийского бога Мена зафиксирован в районе Келен (Strabo, XII, 3, 31). В этой связи следует напомнить, что имя Аскания — одного из предводителей фригийцев в «Илиаде» — фигурирует как имя предка Гордия в лувийской иероглифической надписи из Богчи. Иными словами, Келены могли быть городом, подвластным Мидасу I, и память об этом, весьма вероятно, сохранялась в среде местного фригийского населения на протяжении персидского периода, когда Келены оставались важным административным центром — резиденцией персидских царей и их сатрапов (Xen., An. I, 2, 7—9). Примечательно, что местность, где были расположены Келены, страдала, по свидетельству того же Каллисфена, от землетрясений, одно из которых произошло во времена Александра Македонского (Strabo, XII, 8, 18). Местные жители должны были приписывать их гневу Зевса Идейского, точнее, малоазийского божества, идентифицированного с Зевсом⁸⁵, и совершать соответствующие ритуалы и жертвоприношения. Вероятно, последние восходили к глубокой древности и входили в сакральные функции местных царей, имеющие, возможно, хеттское происхождение⁸⁶. Каллисфен передал местное фригийское предание, придав ему определенный морализирующий оттенок противопоставлением ценности человеческой жизни ценности золота. Это позднее должно было импонировать Плутарху и Стобею, сохранившим рассматриваемый фрагмент труда Каллисфена.

Примечательно, что до нас дошел и другой рассказ о «золотом» прикосновении Мидаса, местом действия которого были Келены. Он принадлежал автору I в. до н. э. Александру Полигистору, написавшему сочинение «О Фригии». Во фрагменте, сохранившемся у Плутарха⁸⁷, введен новый по сравнению с рассказом Каллисфена мотив засухи. Население Келен томится жаждой. Мидас дотрагивается до земли, но она изливает золото. Только в результате обращения к Дионису из недр возникает источник, получивший имя Мидаса. Очевидно, Полигистор передал здесь местное фригийское предание, объяснявшее происхождение одноименного Мидасу источника, из которого происходила река Марсий, и отразившее сакральные функции фригийского царя по борьбе с засухой⁸⁸. Келенский Мидас упоминается в поэме Каллимаха «Аконтий и Кидиппа», где он символизирует богатство в лирическом контексте:

⁸³ Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978, с. 150.

⁸⁴ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1980, с. 470 сл.

⁸⁵ Эпиграфически зафиксировано почитание во Фригии Зевса с эпитетом Κελαινεύς (ΜΑΜΑ, VI, № 180) — Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв. М., 1977, с. 67.

⁸⁶ У хеттов засвидетельствован ритуал вызывания исчезнувшего божества плодородия из «дыры», соединявшей подземный мир с земным. При этом у этой «дыры» резали овец, в нее бросали мясо, хлеб, возливали вино и пиво (Арджинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982, с. 89).

⁸⁷ Plut., De fluvi. X, 1.

⁸⁸ О сакральных функциях хеттских царя и царицы см. Арджинба. Ук. соч., с. 103—105.

богатству Мидаса противопоставляется как более высокая ценность счастье новобрачного ⁸⁹.

В античной традиции рубежа I в. до н. э. и I в. н. э. были систематизированы различные мифологические сюжеты, связанные с Мидасом. Так, в сохранившемся фрагменте сочинения мифографа Конона ⁹⁰ конспективно сообщается о Мидасе как ученике Орфея и собеседнике Силена у горы Бермий. Здесь получают рационалистическое толкование ослиные уши Мидаса, молва о которых возникла якобы из-за множества соглядатаев, которых Мидас имел, чтобы оградить себя от козней. Для нас важно отметить, что у Конона Мидас — первоначально царь бригов, а способность его превращать окружающее, в том числе и пищу, в золото выступает как причина, по которой Мидас убедил своих подданных переправиться из Европы через Геллеспонт и поселиться по соседству с мисийцами. Конон знает также о сокровищах Мидаса во Фракии.

Самую выдающуюся в художественном отношении обработку античных мифов о Мидасе мы находим в «Метаморфозах» Овидия ⁹¹. Римский поэт был несомненно знаком со всей разнообразной семантикой образа Мидаса ⁹², но с необычайной изобразительностью интерпретировал именно те мифологические сюжеты, которые позволяют выразить основную идею поэмы — изменчивость мира ⁹³. Поэтому наиболее подробно Овидий излагает сюжеты о появлении у Мидаса чудесной способности прикосновением превращать окружающее в золото и о принятии им зооморфного облика (появление ослиных ушей). При этом Овидий отступает от традиционных характеристик Мидаса и наделяет последнего откровенно сказочно-фольклорными чертами ⁹⁴. Это проявляется, в частности, и в интерпретации Мидаса как символа богатства у Овидия. Здесь главным оказывается фольклорный мотив неразумного желания. Конкретизируя впервые в известной нам античной традиции механизм получения Мидасом «золотоносной» способности, Овидий пишет, что о ней Мидас попросил Диониса, когда тот в благодарность за гостеприимство, оказанное Силену, предоставил фригийскому царю возможность исполнения желания. Овидий подчеркивает, что бессмысленность желания Мидаса получить способность превращать все, к чему прикоснется его тело, в золото, была очевидна для Диониса уже в момент исполнения желания. Мидас же понял это только тогда, когда оказался перед печальной перспективой умереть от жажды и голода. В раскаянии он молит божество избавить его от злуполучного дара, что и достигается купанием в реке Пактол, которая в результате становится золотоносной.

Следует подчеркнуть, что у Овидия, таким образом, Мидас выступает не столько как символ богатства, сколько как символ жадности, глупости и варварства. Эта негативная оценка Мидаса сохраняется и во второй части поэтического повествования о нем, где за грубый варварский музыкальный вкус (предпочтение искусства Пана искусству Аполлона) Мидас

⁸⁹ *Callimachus*, *Aitia* III, fr. 75, 47: ... οὐδ' ἄ Κελαινίτης ἐκτεάτιστο Μίδης δέξασθαι. Цит. по: *Callimachus*. Fragmenta. Ed. R. Pfeiffer. V. 1. Oxf., 1965; ср. Aristaeus. I, 1: τῆς νυκτός ἐκεῖνης Ἀκόντιος οὐκ ἂν ἠλλάξατο τὸν Μίδου χρυσόν.

⁹⁰ *Konon*. *Διήγησεις*. I, 1—16.— In: *Konon*. Text und Quellenuntersuchung von Ulrich Hofer. Greifswald, 1890.

⁹¹ *Ovid.*, *Met.* XI, 85—193.

⁹² В частности, ассоциация Мидаса с Орфеем (XI, 92) является основой для введения рассказа о Мидасе в структуру поэмы.

⁹³ *Ovid.*, *Met.* XV, 144 сл. «Метаморфозам» Овидия посвящена значительная научная литература: *Вулик Н. В.* Овидий (Итоги и перспективы исследования).— ВДИ, 1978, № 1, с. 176—187; см., в частности, *Galinsky G. K.* *Ovid's Metamorphoses. An Introduction to the Basic Aspects*. Berkeley and Los Angeles, 1975; *Segal Ch. P.* *Landscape in Ovid's Metamorphoses. A Study in the Transformations of a Literary Symbol*.— *Hermes*, 25, Wiesbaden, 1969.

⁹⁴ Об интересе Овидия к фольклору см. *Вулик Н. В.* Сказочные мотивы в поэме Овидия «Метаморфозы».— В кн.: *Язык и стиль античных писателей*. Л., 1966, с. 26—38.

наделается ослиными ушами, которые неудачно пытается скрыть под тигровой. Но надо иметь в виду, что эта негативная трактовка образа Мидаса не принадлежит полностью Овидию, а восходит по крайней мере к Аристотелю. Поэтому явно искусственными выглядят попытки С. Лундстрема рассматривать образ Мидаса у Овидия как средство пародирования режима Августа⁹⁵. Очевидно, для Овидия, славившего свой век как вершину восходящего движения человечества, утративший черты исторической личности Мидас служит воплощением сельской грубости и варварства, характерных, по мнению поэта, для ранних стадий развития человеческого общества.

Близкий к изложенному в «Метаморфозах» рассказ о «золотоносной» способности Мидаса мы находим у современника Овидия мифографа Гигина⁹⁶. Как символ богатства Мидас фигурирует также у Марциала⁹⁷, Плутарха⁹⁸, Максима Тирского⁹⁹, Лукиана¹⁰⁰, Стобея¹⁰¹. Но эти авторы следуют более ранним рассмотренным выше античным источникам и не вносят принципиально нового в интерпретацию образа Мидаса как воплощения понятия «богатство». Только у Максима Тирского «золотоносную» способность неразумно просит у пойманного Силена безымянный фригиец, печальная участь которого только сравнивается с Мидасом.

Возникает вопрос: имеет ли какое-либо реальное основание ассоциация Мидаса с золотом в античной традиции? Примечательно, что в известной пока в весьма ограниченном объеме лексике фригийского языка имеется термин, обозначающий золото: мы имеем в виду глоссу Гесихия: γλοῦρ-εχ· χρῶσεα. Φρύγες¹⁰². Археологические раскопки в Гордионе обнаружили изделия из золота в упоминавшемся выше Мегароне 3 (дворце?) и других сооружениях цитадели докиммерийского периода¹⁰³. Но ни одно из курганных захоронений докиммерийского периода в Гордионе и Анкаре не содержит ценностей в виде золота или серебра¹⁰⁴. Е. Акургал, пытаясь объяснить отсутствие золота в «кургане Мидаса», датировав его временем киммерийского вторжения и считая, что золото взяли киммерийцы¹⁰⁵. Но Р. С. Янг убедительно доказал, что курган ММ был сооружен в докиммерийский период и не подвергался грабежу. По его мнению, отсутствие золота в самых значительных курганных захоронениях Гордиона периода наивысшего внешнеполитического расцвета Фригийской державы может быть объяснено тем, что у фригийцев на рубеже VIII—VII вв. до н. э. не было обычая класть в могилу изделия из золота¹⁰⁶. В некрополе Гордиона золото появляется впервые в курганах с кремацией VII—VI вв. до н. э. М. Меллинк пишет в этой связи, что «мы не имеем свидетельств изобилия драгоценных металлов во Фригии, что отличается от ситуации в Лидии и Персидской державе»¹⁰⁷.

⁹⁵ Lundström Sven. Ovids Metamorphosen und die Politik des Kaisers. Uppsala, 1980, S. 44—45, 60—61; см. также Вулаш Н. В. Художественное произведение или политический трактат? — ВДИ, 1982, № 1, с. 209.

⁹⁶ Hygini, fab. 191, 1—5.

⁹⁷ Mart., VI, LXXXVI, 4.

⁹⁸ Plut., Mor. 5, 10—24; Ps.-Plut., De fluv. X, 1.

⁹⁹ Max, Tyrii, Philosophumena, 5.

¹⁰⁰ Luc., Dialogi Mortuorum, 2, 1.

¹⁰¹ Stob., Flor. VII, 69.

¹⁰² «Золотая по-фригийски»; ср. еще Hesych.: γλοῦρός· χρῶς (золото — glūros). Во втором случае глосса не помечена этниконом (Нерознак. Палеобалканские языки, с. 146).

¹⁰³ De Vries. Greeks and Phrygians..., p. 33—42.

¹⁰⁴ Young R. The Gordion Campaign of 1965.— AJA, 1966, 70, № 3, p. 268.

¹⁰⁵ Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. B., 1961, S. 71; того же мнения придерживается Р. Барнетт (Phrygia and the Peoples of Anatolia..., p. 426).

¹⁰⁶ AJA, 1966, 70, № 3, p. 268.

¹⁰⁷ Mellink. Conclusions..., p. 268. Но изделия из золота, электра и серебра найдены на основном городище фригийской столицы.

Как уже отмечалось выше, богатство царей докиммерийского Гордиона, судя по находкам на городище и в курганных погребениях, воплощалось преимущественно в обилии изделий из бронзы. В этой связи небезынтересно привести результат спектрографического анализа трех произвольно взятых бронзовых фибул из «кургана Мидаса» (ММ 226, 254, 335). Оказалось, что состав цинка в них необычайно высок — свыше 10%. «Это скорее латунь, чем бронза», — к такому выводу пришел проведенный анализ А. Стейнберг, который высказал остроумное, хотя и весьма гипотетичное предположение, что этот сплав, имевший золотистый цвет, и стал источником мифа о «золотом» прикосновении Мидаса¹⁰⁸.

Как известно, античные авторы локализовали место действия мифа о «золотоносной» способности Мидаса не только в Келенах, но и на Пактоле. Месторождения золота на Пактоле, упоминаемые греческой традицией, начиная с Геродота¹⁰⁹, получили недавно археологическое подтверждение. Экспедиция Калифорнийского университета обнаружила на севере Пактола поселение золотодобытчиков лидийского времени с уникальной металлургической мастерской для обработки золота¹¹⁰. Поэтому не лишено вероятия предположение о том, что золото в аллювиальных отложениях Пактола могло разрабатываться уже в период могущества Фригии¹¹¹, хотя не исключается, что ассоциация Мидаса с Пактолом, известная нам только в относительно поздней античной традиции, была вторичной и возникла по аналогии с лидийскими царями.

И еще на один аспект семантики образа Мидаса как символа богатства в античной традиции следует обратить внимание. Мы считаем возможным предположить, что превращение фигуры Мидаса в воплощение богатства у греков и римлян отразило помимо прочего наличие знаний о сакральных функциях фригийских царей как обеспечителей благополучия и процветания (т. е. богатства в самом широком смысле) своего народа.

В пользу этого предположения говорит уже то, что у самих греков древнейшая семантика термина *πλοῦτέω*, судя по мифу о рождении Плутона от богини плодородия Деметры (Hes., Theog. 969), могла включать понятие «плодородие». На это же указывает анализ мифологического контекста, в котором Мидас фигурирует в античной традиции. Здесь особенно показательна его связь с Кибелой, сыном или мужем которой Мидас считался¹¹², с Литиерсом, Дионисом, Марсием. С семантикой плодородия связаны и ослиные уши Мидаса, ибо, как показала, в частности, О. М. Фрейденберг, связь осла с плодородием была важнейшей в религиозно-мифологическом восприятии народов древнего мира¹¹³. Примечательно, что осел считался животным Диониса, ассоциировался с золотом, и О. М. Фрейденберг даже, кажется, полагала, что превращение Мидаса

¹⁰⁸ Steinberg A. Analyses of selected Gordion bronzes.— In: The Gordion excavations Final reports. V. 1, p. 288 f.

¹⁰⁹ Herod., I, 102; Strabo, XIV, 4, 5.

¹¹⁰ Hanfmann. On Lydian Sardis..., p. 106. Предположительно это поселение идентифицируют с Металлоном, упоминаемым в 13 книге Нонна (Nonnus. Dionysiaca, 13, 471—473).— Foss Clive Explorations in Mount Tmolos.— In: California Studies in Classical Antiquity. V. 11. 1979, p. 38—39).

¹¹¹ Дьяконов. Урарту. Фригия, Лидия..., с. 61. Г. Ханфманн в недавней обобщающей публикации результатов археологических изысканий в Сардах (Hanfmann G. M. A. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis 1958—1975. Cambr., 1983, p. 76) пишет: «Греческая легенда наделяет „золотым прикосновением“ Мидаса — последнего царя Фригии (ум. в 696 г. до н. э.) и лишает его этого дара на Пактоле. Можно интерпретировать это как свидетельство того, что первые лидийские месторождения золота были известны уже в правление Мидаса. Мы не нашли золота в периоды, предшествующие царствованию Гигеса». Но Мидас I, если датировать его гибель 675 г. до н. э., мог быть современником Гигеса (685—652 гг. до н. э.).

¹¹² Hyg. fab. 191, 1; Plut., Ces. IX; Diod., 3, 59(1), 195, 199 (18), 208.

¹¹³ О. М. Фрейденберг считает, что во Фригии существовал культ осла как божества смерти и неба (ук. соч., с. 502).

в символ богатства было обусловлено его зооморфными чертами ¹¹⁴. Интересно, что культовое почитание осла как могущественного животного зафиксировано в Кимах Эолийских ¹¹⁵, с которыми античная традиция связывала Мидаса.

На сакральные функции Мидаса указывает и его ассоциация со стихией воды: античные авторы называют связанные с именем Мидаса источники в разных местах Фригии ¹¹⁶, в рассмотренном выше рассказе Полигистора способность Мидаса превращать окружающее в золото прямо связана с необходимостью избавить народ от засухи. Культовым действием являлась по сути своей поимка Силена путем смешения вина с водой источника. И важно отметить, что отношение Мидаса к воде, известное нам из античной литературной традиции, находит ближайшие аналогии в том, что известно о сакральных функциях хеттских царей, непосредственных предшественников фригийцев в Анатолии ¹¹⁷. Сакральные функции Мидаса можно видеть причудливо преломившимися и в рассказе, сохранившемся у Цицерона и Элиана ¹¹⁸, о том, что младенцу Мидасу муравьи приносили в рот зерна пшеницы, знаменуя тем самым его статус носителя изобилия.

Очевидно, что этот семантический пучок ассоциаций, дошедший до нас в разновременные возникших трудах античных авторов, должен восходить к ранним контактам греков с фригийцами. Кажется, что уже Тиртей, избирая Мидаса символом богатства и упоминая его наряду с Киниром, связь которого с культом Афродиты и культом плодородия недвусмысленно представлены в греческой традиции, мог знать и о сакральных функциях фригийского царя.

Важно, что на сакральные функции Мидаса указывают и немногие имеющиеся данные фригийской эпиграфики и археологии. В частности, старофригийские надписи, упоминающие Кибелу, обнаружены на скальных алтарях и фасадах, посвященных этому божеству, в различных районах Фригии ¹¹⁹. Интересна, например, надпись на внутренней стороне ниши фасада памятника Мидаса из «города Мидаса», содержащая обращение Мидаса к богине ¹²⁰. Сакральные функции Мидаса, вероятно, предполагает титул WANAK, которым он обозначается в том же памятнике, датируемом рубежом VIII—VII вв. до н. э. ¹²¹ Сакральную семантику, кажется, имел и интерьер погребальной камеры «кургана Мидаса»: помещение тела умершего на кровати, обилие бронзовых сосудов, среди которых обращают на себя внимание омфалы, служившие для ритуальных возлияний в греческом мире, и др.

Таким образом, превращение исторического фригийского царя Мидаса в символ богатства в самом широком этико-экономическом смысле этого понятия в античном мире имело в своей основе знание греками и римлянами реального факта экономического и политического расцвета Фригийской державы на рубеже VIII—VII вв. до н. э. и их осведомленность о сакральных функциях фригийских правителей. Но при этом в различные периоды античности семантика образа Мидаса как воплощения богатства наполнялась новым содержанием, отражая изменения в историческом развитии самого античного общества.

¹¹⁴ Там же, с. 515.

¹¹⁵ Suda s. v. ὄνος εἰς Κυμαίους; *Plut.*, Qu. G. 2.

¹¹⁶ Ксенофонт упоминает источник Мидаса около города Тимбрия (An. I, 2, 13) Павсаний — около Анкиры (I, 4, 5). Полигистор — около Келен (*Ps.-Plut.*, De fluv. I, 1).

¹¹⁷ *Арджинба*. Ук. соч., с. 103 сл.

¹¹⁸ *Cic.*, De div. I, 78; *Aelian.*, V. H. XII, 45.

¹¹⁹ *Нерознак*. Ук. соч., А 9, А 28 (34).

¹²⁰ Там же, А 79.

¹²¹ Там же, А1. О значении этого титула в микенский период см. *Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978, с. 213 сл.

С. Н. Муравьев

TRADITIO HERACLITEA (A)
СВОД ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКОВ О ГЕРАКЛИТЕ

О т составителя.

В 1974—1976 гг. в ВДИ было опубликовано собрание всех доступных нам древних известий о жизненном пути Гераклита Эфесского и о характере и судьбе его сочинения *. Это собрание, которое впредь будет обозначаться как *Memoria Heraclitea*, представляло собою первую, вводную часть подготавливаемого Полного свода древних текстов о философе.

Ниже читателю предлагается начало второй, центральной части Полного свода — *Traditio Heraclitea*, — куда должны войти в хронологическом порядке вообще все тексты, так или иначе связанные с Гераклитом, причем в наиболее полном объеме и независимо от их ценности и содержания. Задача второй части — отразить степень осведомленности о Гераклите всех писателей и мыслителей последующих эпох (от V в. до н. э. до Возрождения), писавших про него, их мнения и представления о нем; помочь установить, какими прямыми или косвенными источниками они пользовались и какими путями распространялось то или иное ходячее мнение об Эфесце. Эта часть распадается на два раздела: А. Свидетельства, где либо философ назван, либо совершенно ясно, что они к нему относятся, и В. Реминисценции его учения и литературные подражания, отношение которых к Гераклиту установимо только на основании сличения с текстами первой группы. Именно поэтому тексты раздела В смогут быть изданы лишь по окончании издания свидетельств раздела А.

Третья, заключительная часть свода — *Recensio* — должна будет состоять из критически обработанных собраний «мнений» Гераклита, фрагментов его книги ** и тех из использованных им источников, которые поддаются идентификации.

* * *

1. EPICHRMVS — ЭПИХАРМ
(~ 550 — ~ 455)

De Heraclitea fluxus doctrina — О всеобщем течении
Testimonia — Свидетельства

(Epich.) 1

Т 1

(a) Plat. *Theaet.* 152 D 7 — E 5 (Burnet; Diès) [→ Plat. 6^a]

ἐκ δὲ δὴ φορᾶς τε καὶ κινήσεως καὶ κράσεως πρὸς ἀλλήλα
γίγνεται πάντα ἃ δὴ φαμεν εἶναι, οὐκ ὁρθῶς προσαγο-
Е ρεύοντες· ἔστι μὲν γάρ οὐδέποτε οὐδέν' αἰεὶ δὲ γίγνεται.
καὶ περὶ τούτου πάντες ἐξῆς οἱ σοφοὶ πλὴν Παρμενίδου

* См. *Testimonia de vita et scripto Heracliti Ephesii*. — ВДИ, 1974, № 4, с. 198—218; 1975, № 1, с. 231—244; 1976, № 2, с. 68—70 (тексты); а также статьи — комментарий к ним в ВДИ, 1974, № 4, с. 3—23; 1975, № 1, с. 27—47; 1976, № 2, с. 47—71.

** Некоторое представление о фрагментах книги Гераклита и об их последовательности можно получить по их художественному переводу, опубликованному в кн.: Лукреций. О природе вещей. М., 1983, с. 237—268.

ἔμφερέςθων, Πρωταγόρας τε καὶ Ἡράκλειτος καὶ Ἐμπε-
δοκλῆς, καὶ τῶν ποιητῶν οἱ ἄκροι τῆς ποιήσεως ἑκατέρως,

5 κωμωιδίας μὲν Ἐπίχαρμος, τραγωιδίας δὲ Ὀμηρος...

Все, о чем, выражаясь неправильно, мы говорим, что оно есть, все это возникает из перемещения, движения и взаимного смещения. Ибо ничто никогда не есть, а все всегда возникает. Насчет этого были согласны, кроме Парменида, все мудрецы подряд: и Протагор, и Гераклит, и Эмпедокл, а из поэтов величайшие в каждом виде поэзии: в комедии — Эпихарм, а в трагедии — Гомер...

Stob. I, 19,9 (I. p. 168,11 Wachsmuth), Euseb. *Praep. evang.* XIV, 4, 1 s. (VIII/2, p. 263,9 Mras), Anonym. in *Plat. Theaet.* pp. 45—47 (Diels—Schubart)

Mch 40 (1¹) p. 195 = 138, Mfo A 6 || E 1 ἔστι — 5 DK 23 A 6

[BTYW {Stob. FP, Euseb. BION(D)}] D 7 δὴ φ. : διαφορῶς Euseb. || E 2 τοῦτου : τοῦ Stob. F¹P¹ (corr. F^YP²) || ἐξῆς οἱ Plat. TY, Stob. : ἐξαίσιον Plat. BW, Euseb. : ἐξαίσιον οἱ Anon. || E 3 συμφ-/ἔμφερέςθων Plat. B (ut uid.) Y, Stob. F^Y mg. : ἔμφερέςθων Pl. TW, Anon., Euseb. : ἔμφερέρονται Stob. F¹ : συμφέρονται P || E 4 ἐκατέρως et cett. om. Euseb. B

T 2

(b) Anonym. in *Plat. Theaet.* (152 E 4 s.) col. 71, 12 (p. 47 Diels — Schubart) [→ An. Pl. 1]

Ἐπίχαρμος ὁ [ὁμιλή- σας τοῖς Πυθαγόρειοις ἄλλα τ[έ]τινα ἐπινενόη- 15 κεν δ[ε]ιν]α τ[ό]ν τε περὶ τοῦ] αὐτοῦ[μένου λόγον.] ἐφοδ[ε]ύει δὲ κα- τὰ τὸ] Ἡρα[κλείτου] / «ἄλλως α[..... 20 ται προσφ[..... περ]. εἰ οὖν[..... π[αύε]ται [ρέων καὶ ἀλ- λ[άτ]των [τὸ εἶδος, αἱ οὐσίαι ἄλλ[ο]τε ἄλλαι 15 γίνονται [κατὰ συν- εχῇ ρύσιν. κα[ὶ ἐκω]μώι-	δῆσεν αὐτὸ ἐπὶ τοῦ ἀ- παιτουμένου συμβο- λᾶς καὶ [ἀρ]γυρουμένου 30 τοῦ αὐτοῦ εἶναι διὰ τὸ τὰ μὲν προσγενῆ- σθαι, τὰ δὲ ἀπσληλυ- θέναι, ἐπεὶ δὲ ὁ ἀπαι- τῶν ἐτ[ό]πτησεν αὐ- 35 τὸν καὶ ἐνεκαλεῖτο πάλιν κ[α]κίσινον [φά- σκοντος ἐστ[ὶ]ν ὁ <ν> μ[ε]ν ε[ἴ]- ναι τὸν τ[ε]υ[π]τηκό- τα, ἑτερο[ν] δὲ τὸν ἐγ- 40 καλούμενον.
---	---

Эпихарм, который общался с пифагорейцами, придумал и кое-что новое и удивительное, в частности рассуждение о растущем (?). Он исследует изречение Гераклита (?) «.....» А коль скоро (не) перестает течь (?) и изменяться видом (?), сущности становятся то такими, то иными из-за постоянного течения. И он осмелел это в комедии на примере должника, отрицающего, что он должник, поскольку, мол, кое-что к нему прибавилось, а кое-что от него убавилось; после чего кредитор избил его и был вызван им в суд, где он в свою очередь заявил, что подвергшийся избиению — один человек, а истец — другой.

12-26 ρύσιν DK B 126B || 26 καὶ — 40 DK 23 ad B 2

[Pap. Berol. 9782] 12-17 usque ad ἐφοδεύει rest. edd. || 17 δὲ — 18 ci. edd. (δὲ add. Diels FVS, DK) : εΦΟΔ / ΕΡΑ pap. || 19 linolea citationem signif. || 19-21 ἄλλως ἄλλο αἰετίζεται πρὸς ὃ ἂν ἐλλιπέες ci. edd. || 21 εἰ οὖν μηδεὶς ci. edd. || 22-23 ci. edd. : Π ... ΤΑΙ /Α... Των pap. || 24-40 rest. edd.

T 3

(c) Chrysipp. *SVF* II nr. 762, ap. Plut. *De comm. not.* 44, 1083 A (VI/2, p. 115, 12 Pohlenz—Westman)

ὁ τοῖνον περὶ αὐξήσεως λόγος ἐστὶ ἀρχαῖος· ἠρώτηται γάρ,
ὥς φησι Χρύσιππος, ὅπ' Ἐπιχάρμου.

К тому же рассуждение о росте — древнее. Согласно Хрисиппу, эту проблему поставил Эпихарм.

Cf. locos ad → T 4 citatos

DK 23 ad B 2, Kaibel *CGF* Epich. ad fr. 170

[EB]

T 4

(d) Plut. *De sera num. vind.* 15, 559 AB (III, p. 422, 6 Pohlenz; VII/2, p. 153 Vernière) [→ Plut.]

μᾶλλον δ' ὅλως ταῦτά γε τοῖς Ἐπιχαρμείοις ἔοικεν, ἐξ ὧν ὁ
(B) αὐξανόμενος ἀνέφω τοῖς σοφισταῖς λόγος· ὁ γὰρ λαβὼν πάλαι τὸ
3 χρέος νῦν οὐκ ὀφείλει γεγωνὸς ἕτερος, ὃ τε κληθεὶς ἐπὶ δεῖπ-
νον ἐχθρὸς ἀκλῆτος ἦκει τήμερον· ἄλλος γάρ ἐστι.

Вообще это скорее напоминает Эпихармовы ситуации, положившие нача-
ло рассуждению о растущем у софистов: взявший ранее в долг нынче уже
не должен ничего, так как стал другим, а приглашенный вчера на обед
приходит сегодня незванным гостем, ибо он уже другой человек.

Cf. Plut. *De tranqu. an.* 14, 473 D (III, p. 209,17 Pohlenz; VII/1, p. 118 Dumortier—
Defradas) *De E* 18, 392 CD (VI, p. 30 Flacelière), *Quaest. conv.* IX, 11, 741 C (IV,
p. 316, 19 Hubert), *Vita Thes.* 23 (I/1, p. 20,17 Ziegler⁴), *An seni sit ger. resp.* 6, 786 F;
Arist. *Polit.* Γ 3, 1276^a34; Academici et Stoici ap. Plut. *De com. not.* 44, 1083 A-C
(VI/2, p. 115,14 Pohlenz-Westman) [post ← T 3]; Chrysippus libros *Περὶ αὐξανόμενου*
scripsit (*SVF* II nr 397 ex Phil. *De incorr. m.* p. 236,6 Bernays). Cf. etiam Posid. *fr.* 96
(Edelstein—Kidd) ap. Stob. I, 20, 7 (I, p. 178,13 Wachsmuth), Sext. *Emp. PH* 82—84

DK 23 ad B 2; Kaibel *CGF* Epich. ad fr. 170

[GCW XF IJ K V Y N M α A E R Sh(i) Z (nvw)] 1 ταῦτά γε om. J¹ || 2 αὐξανόμενος h
3 χρέος X || ἕτερος : ὕστερος C¹ W || τε Pohlenz : δὲ codd. || 4 χθρὸς hX^{corr}.

T 5

(e) Alcim. *C. Amyntam* I, fr. (FGrH 560 F 6) ap. Diog. Laert. III, 9 s.
(I, p. 124, 24 Long)

φαίνεται δὲ καὶ Πλάτων πολλὰ τῶν Ἐπιχάρμου λέγων. σκεπτέον
δὲ ὁ Πλάτων φησὶν αἰσθητὸν μὲν εἶναι τὸ μηδέποτε ἐν τῷ
3 ποιῶι μηδὲ ποσῶι διαμένον ἀλλ' αἰεὶ ῥέον καὶ μεταβάλλον,
(10) ὡς ἐξ ὧν ἂν τις ἀνέλῃ τὸν ἀριθμὸν, τούτων οὔτε ἴσων
οὔτε τινῶν οὔτε ποσῶν οὔτε ποιῶν ὄντων, ταῦτα δ' ἐστὶν ὧν
6 αἰεὶ γένησις, οὐσία δὲ μηδέποτε πέφυκε. νοητὸν δὲ... καὶ
μὴν ὃ γε Ἐπιχάρμος περὶ τῶν αἰσθητῶν καὶ νοητῶν ἐναργῶς
εἴρηκεν (seq. Epich. *fr.* DK 23 B 1 et B 2 [→ T 6])

Ясно, что Платон многое позаимствовал у Эпихарма. Судите сами. Платон
говорит, что чувственное — это то, что никогда не пребывает неподвиж-
ным ни качественно, ни количественно, но постоянно течет и изменяется,
(10) так что то, у чего отнимешь число, не будучи ни равным, ни опреде-
ленным, ни такого-то количества, ни такого-то качества, пребывает в пос-
тоянном становлении и ему никогда не присуща никакая сущность.
А умопостигаемое... Так вот Эпихарм и в самом деле ясно высказывается
о чувственных вещах и об умопостигаемых: (*следуют фр. В 1 и В 2 Эпи-
харма*).

2 ss. Cf. ← T 1, → T 6, Plat. *Th.* 154 C 1 — 155 C 3; uide etiam → Plat. 5—7
atque Plat. *Tim.* 48 E, *Phaed.* 83 AB, *RP* VI, 509 D—511 E, *Tim.* 27 D—29 A etc.

DK 23 ad B 2, Olivieri² Epich. ad fr. 152, Lorenz *fr. inc.* 40 (p. 266 s.)

[BPF] 3 μηδὲ τῷ ποσῶι F || 5 ὄντων. ταῦτα erratim intpx. Long

Fr. DK 23 B 2, ap. Alcim. C. Amyntam I, fr. (FGrH 560 F 6) ap. Diog. Laert. III, 11 (I, p. 125, 14 Long)

- 〈Αἰ〉 πὸτ ἀριθμὸν τις περισσόν, αἱ δὲ λῆις πὸτ ἄρτιον, ποτθέμειν λῆι φᾶφον ἢ καὶ τὰν ὑπαρχουσᾶν λαβεῖν,
 3 ἢ δοκεῖ κά τοι γ' <ἐθ'> ὡτὸς εἴμεν; — Οὐκ ἐμὶν γὰ κα.
 — Οὐδὲ μὲν οὐδ' αἱ ποτὶ μέτρον παχυαῖον ποτθέμειν
 λῆι τις ἕτερον μᾶκος ἢ τοῦ πρόσθ' ἐόντος ἀποταμῖν,
 6 εἴτι χ' ὑπάρχοι κῆνο τὸ μέτρον; — Οὐ γάρ. — Ὡδὲ νῦν ὄρη
 καὶ τὸς ἀνθρώπως ὁ μὲν γάρ αὔξεθ' ὁ δὲ γα μὲν φθίνει,
 9 ἐν μεταλλαγαῖ δὲ πάντες ἐντὶ πάντα τὸν χρόνον.
 ὁ δὲ μεταλλάσσει κατὰ φύσιν κοῦποκ' ἐν ταῦτῳ μένει
 ἕτερον εἴη κα τὸ δὴ τοῦ <μῆ> παρεξισταχότος.
 καὶ τὸ δὴ κατὰ χθὲς ἄλλοι καὶ νῦν ἄλλοι τελέθουμες
 12 καυθις ἄλλοι κοῦποχ' ὡτοὶ κατὰ <γα τοῦτον> τὸν λόγον.
 — Если к нечету захочет, или к чету (можно так),
 Кто-то камушек прибавить или камушек отнять,
 Как считаешь: тем же ль будет то число? — Не тем же, нет.
 — А к длине если захочет, длинной в локоть, кто-нибудь
 Приложить другую меру иль от прежней отрубить,
 Сохранится ли длина та? — Нет, нисколько. — Глянь тогда
 На людей: один растет все, а другой худеет все,
 В измененьи постоянном пребывают все они.
 По природе ж, изменяясь, вещь на месте не стоит
 Но становится иною по сравнению с былой.
 Так и мы с тобой сегодня уж не те же, что вчера
 И что завтра: все иные по закону по сему*.

Epicharm. fr. 94,7 ss. (Ahrens), fr. inc. 40,7 ss. (Lorenz), fr. 170,7 ss. (Kaibel, CGF), fr. 152,7 ss. (Olivieri) 2.

[BPF (dgq), /L/ = teste Long, /O/ = teste Olivieri, /D/ = teste Diels, /K/ = teste Kaibel]

- 1 < > G. Hermann /D/ || λῆις πότ₂ Bergk: λῆις τὸν BPF: κα τιν' Herm.: λῆι τις Cobet ||
 2 ποτθέμειν ci. Ahrens, acc. Kaib.: ποτεθεμεν B /L/: ποτθεμην P¹ /L/: πότε θέμιν FP² /L/: ποτέ θέμιν B /DO/ P² /K/: ποτέ θέμην FP /DO/ P¹ /K/: ποτθέμεν Grotius ||
 || τὰν ὑπαρχουσᾶν Lorenz (ὑπαρχουσᾶν Herm.): τὰν ὑπάρχουσᾶν BPF ||
 3 κά τοι γ' <ἐθ'> Kaib.: κατοικ' B: κατοικ' P¹ q: κατοὶ καὶ P²: κατὸι καὶ F: κά τοι τόχ' Herm.: κά τοι τόχ' Ahr. || ὡτὸς Lor.: εαυτὸς B: ὁ αὐτὸς FP: ὡτὸς Cobet: αὐτὸς Herm.: αὐτὸς Ahr. || εἴμεν BF: εἰ μὲν P || γὰ κα Herm.: τάχα BPF: τάχα Casaubonus: τόχα Bergk ||
 4 αἱ ποτὶ Casaub.: ἀ ποτὶ B: ἀπό τι F: ἀποτὶ P || παχυαῖον Casaub.: παχὺ ἐόν BPF ||
 || ποτθέμειν /L/ seu ποτ' θεμειν /O/ seu ποτθεμειν /D/ B: ποτ' ἐθέμιν P: ποτ' ἐθέμην /DO/ seu ποτεθέμειν /L/ F: ποτθέμεν Grotius ||
 5 ἕτερον BF /L/ seu P² /O/ seu BP² /D/: στερρὸν P² /L/ seu P¹ F² /KDO/: στερων B /O/: ἕτερον supra στερρὸν (= P¹) P² /K/: ἕτερον στερρὸν dg /L/: ἕτερον στερὸν g /K/: στερρὸν ἕτερον (deletis verbis λῆι τις) Herm. ||
 6 χ' Herm.: κ' BPF || κῆνο B: κείνο F² P: τῆνο Casaub. ||
 7 τὸς ἀνθρώπως Herm.: τὸς-ους B: τὼς-ους P: τὼς-ως F || ὁ δὲ γ' ἀμῶν Herm. ||
 9 μεταλλάσσει (seu-σση) φύσιν τε κοῦποκ' ἐν τῷτῳ μένοι (seu-νη) Bergk || κοῦποκ' ἐν τ. P: καὶ οὔπωκ' ἐν τ. F: καὶ οὔποτ' ἐν τ. B: κοῦποκ ἐν τῷτῳ Ahr. ||
 10 ἕτερον BPF: ἄτερον Ahr. || κα τὸ δὴ τοῦ <μῆ> scripsi: κατοδῆ /DO/ seu κα τοῦ δὴ /L/ τοῦ F: κάτω δὴ /KL/ seu κατοδῆ /DO/ τοῦ P: καὶ τόδ' εἰ /DL/ seu καὶ τὸδεῖ /O/ τοῦ B: κα τόδ' ἤδη τοῦ Cob.: κα τὸ <νῦν> δὴ τοῦ ci. Kaib.: κα τόδ' <ἀεὶ τοῦ edit. Basil.: κα τοδῆ τοῦ <τοι> Ahr.: καὶτὸ δῆτα τοῦ seu κ' αὐτὸ γ' ἤδη τοῦ Herm. ||
 11 κατὰ BPF: κῆγῳ Ahr. ||
 12 ὡτοὶ Bergk: αὐτοὶ BPF /DL/ seu solum PF et αὐτοὶ B /O/ || κατὰ < > τὸν λόγον ed. Bas.: κατὰ τὸν λόγον BPF: καττὸν <αὐτὸν αὖ> λόγον Cob.: <τελέθουμες> καττὸν λόγον seu <δῆλον ἔτι> καττὸν λόγον Herm.: καττὸν <ατρεκῆ (seu-χῆ)> λόγον Bergk

* Буквальный русский перевод см. в комментарии.

Vide etiam → Traditio (B) s. Epich. [respectus et imitationes]

Testimonium — Свидетельство

(Mel.) 1

T 7

Diog. Laert. IX, 24 (II, p. 449, 1 Long) [← M 15; → Diog. L 13]

Μέλισσος Ἰθαγιένους Σάμιος. οὗτος ἤκουσε Παρμενίδου· ἀλλὰ
καὶ εἰς λόγους ἦλθεν Ἡρακλείτῳ· ὅτε καὶ συνέστησεν αὐτὸν3 τοῖς Ἐφεσίοις ἀγνοοῦσι, καθάπερ Ἱπποκράτης Δημόκριτον
Ἀβδηρίταις.

Мелисс, сын Итегена, самосец. Он был слушателем Парменида, но имел беседы и с Гераклитом: тогда-то он и представил его эфесцам, не знавшим его, подобно тому как Гиппократ представил абдеритам Демокрита.

2 εἰς λόγους ἦλθεν] cf. fort. Arist. PA 645^a 18 [← M 19; → Arist.] τοὺς ξένους... τοὺς βουλομένους ἐντυχεῖν αὐτῷ || 3 [Hippocr.] Epist. 10-17, Democr. nrr. XXIX (Philo, De provid. II, 13) Luria

DK 30 (Reale) A 1

[BPF] 1 ἰθαγιένους BP² : ἰθαγιένους FP¹

Vide etiam → Traditio (B) s. Mel. [respectus]

3. EVRIPIDES — ЭВРИПИД
(485/80—406)*Testimonia — Свидетельства*

(Eur.) 1

T 8

Tatian. Or. ad Gr. 3 (p. 3, 15 Schwartz) [← M 41^c, ad M 37; → Ar. C. 2, Tat. 1]καὶ γὰρ οἷς μέλον ἐστὶ περὶ τούτων φασὶν Εὐριπίδην τὸν τρα-
γωιδopoῖον κατίοντα (sc. εἰς τὴν Ἀρτέμιδος ναόν) καὶ ἀνα-3 γινώσκοντα διὰ μνήμης κατ' ὀλίγον τὸ Ἡρακλείτειον σκότος
σπουδαίως παραδεδωκέναι.

Ибо те, чья это забота, утверждают, что сочинитель трагедий Эврипид, бывавший там (в храме Артемиды) и выучивший ее мало-помалу наизусть, ревностно распространил Гераклитову темень.

[MPV] 1 μέλλον P¹ || 3 Ἡρακλείτειον M² : -εῖτιον corrector cod. Paris. 2376 : Ἡράκλειτον MP_A : Ἡράκλειον V || 4 σπουδαίως codd. : τοῖς σπουδαίοις Schwartz

2

T 9

Aristo Ceijs, fr. 29—30 (Wehrli VI) ap. Diog. Laert. (a) IX, 11 (II, p. 442, 11 Long) et (b) II, 22 (I, p. 66, 13 L.) [← M 41^{b+a}, M 26^c; → T 10; Ar. C. 2; Diog. L. 12, 4]

(a) ... κομίσαντος Εὐριπίδου (sc. Σωκράτει τὸ Ἡρακλείτου σύγγραμμα)...

(b) φασὶ δ' Εὐριπίδην αὐτῷ (sc. Σωκράτει) δόντα τὸ Ἡρακλείτου σύγγραμμα...

(a) ... (сочинение Гераклита,) которое (Сократу) достал Эврипид... (b) Говорят, что, когда Эврипид дал ему (Сократу) сочинение Гераклита...

(b) ≈ Suda s. Δηλίου κολουμνητοῦ (ad fin.) [→ Suda 4]

(a) DK A 1 (11) || (b) DK A 4

[BPF, Suda] (b) Σωκράτει γὰρ δόντος τοῦ Εὐριπίδου τὸ Ἡρακλείτου τοῦ σκοτεινοῦ σύγγραμμα Suda

Vide etiam → Traditio (B) s. Eur. [respectus]

(Soc.) 1

T 10

(a) Aristo Ceius, fr. 30 (Wehrli VI) ap. Diog. Laert. II, 22 (I, p. 66, 13 Long) [← M 35^a, M 26^c, T 9^b; → Ar. C. 2, Diog. L. 4]

φασί δ' Εὐριπίδην αὐτῷ (sc. Σωκράτει) δόντα τὸ Ἡρακλείτου
σύγγραμμα ἐρέσθαι «τί δοκεῖ;» τὸν δὲ φάναι «ἃ μὲν ἄσυνῆκα,

3 γενναῖα· οἷμαι δὲ καὶ ἃ μὴ συνῆκα· πλὴν Δηλίου γέ τινας
δεῖται κολουμβητοῦ».

Говорят, что, когда Эврипид дал ему (Сократу) сочинение Гераклита и спросил, что он думает, тот ответил: «То, что я понял, прекрасно; чего не понял, думаю, тоже; только, право, здесь нужен делосский ныряльщик».

≈ *Suda* s. Δηλίου κολουμβητοῦ (ad fin.) [→ *Suda* 4] || 3 cf. *Anth. Gr.* IX, 578 (Leo Philosophus), 3 (III, p. 352 Beckby²) δεῖται κολουμβητοῦ δὲ πάντως Δηλίου (sc. τὰ Κωνιαὶ Ἀπολλωνίου) : cf. fort. etiam Heraclid. Pont. fr. 89 (Wehrli VII) ap. Diog. Laert. VIII, 5 (II, p. 394, 27 Long) γενέσθαι Πύρρον τὸν Δήλιαν ἀλιέα (sc. ἔλεγε Πυθαγόρας περὶ ἑαυτοῦ) = Pythag. DK 14, 8

DK A 4

[BPF, *Suda*] 1 s. φασί — σύγγραμμα Diog. : Σωκράτει — σύγγραμμα [← ad T 9^b] *Suda* || 3 s. πλὴν — κολουμβητοῦ Diog. : πλὴν Δηλίου (codd. — : Δηλήϊου A) δεῖται κολουμβητοῦ εἰς τὸ μὴ ἀποπνιγῆσαι ἐν αὐτῷ *Suda*

T 11

(b) Aristo Ceius, fr. 29 (Wehrli VI) ap. Diog. Laert. IX, 11 (II, p. 442, 10 Long) [← M 41^b, M 26^c, M 43^b, T 9^a; → Ar. C. 2, Diog. L. 12]

τά δὲ περὶ Σωκράτους καὶ ὅσα ἐντυχὼν τῷ (sc. Ἡρακλείτου)
συγγράμματι, κομισάντος Εὐριπίδου, καθὰ φησιν Ἀρίστων, ἐν

3 τῷ περὶ Σωκράτους [← T 10] εἰρήκαμεν.

О Сократе и о том, что он сказал на сочинение Гераклита, которое ему достал Эврипид, как сообщает Аристон, мы сказали в разделе о Сократе [← T 10].

DK A 1 (11)

[BPF]

T 12

(c) Croto quidam ap. Seleuc. ap. Diog. Laert. IX, 12 (II, p. 44, 12 Long) [← 41^d, M 26^a; → Cro. 1, Sel. 1, Diog. L. 12]

Σέλευκος μέντοι φησὶν ὁ γραμματικὸς Κρότωνά τινα ἱστορεῖν
ἐν τῷ Κατακολουμβητῇ «Κράτη» τινὰ πρῶτον εἰς Ἑλλάδα

3 κομίσαι τὸ βιβλίον (sc. Ἡρακλείτου)· ὃν καὶ εἰπεῖν Δηλίου
τινος δεῖσθαι κολουμβητοῦ δὲ οὐκ ἀποπνιγῆσεται ἐν αὐτῷ.

Однако грамматик Селевк сообщает со слов некоего Кротона в сочинении «Ныряльщик», будто первым книгу (Гераклита) ввел в Элладу некто «Крат», который-де и сказал, что нужен делосский ныряльщик, чтобы в ней не утонуть.

3 Δηλίου — 4 ≈ *Suda* s. Δηλίου κολουμβητοῦ [← T 9, app.]

DK A 1 (12)

[BPF] 2 κράτη τινὰ BP¹ (KPAT^H fort. corrupt. pro ΣΩKPAT^H alicubi ap. Seleuc. seu Croton.) : κράτητά τινα FP² || 3 ὃν P : om. BF

T 13

d) *Suda* s. Δηλίου κολουμβητοῦ (II, p. 37 Adler) [← M 35^b, M 26^b; → *Suda* 4]

τοῦτο ἐρρήθη εἰς βιβλίον Ἡρακλείτου διὰ τὸ δυσνόητον Δηλίου
τινὸς δεῖσθαι κολουμβητοῦ... Δηλίου κολουμβητοῦ, ἐπὶ τῶν ἄλ-

3 ρως νηχομένων... καὶ παροιμία Δῆλιος κολυμβητῆς ἐπὶ τῶν
πάνυ ἐμπεύρων νήχεσθαι.

Так было сказано о книге Гераклита из-за ее непонятности, — что нужен делосский ныряльщик, чтобы в ней не утонуть... «В делосском ныряльщике» значит в отлично плавающих... Выражение «делосский ныряльщик» употребляется о весьма опытных пловцах.

[A(GITVFM)] 1 ἐρρέθη IFM² || 2 δεῖσαι A

T 14

(e) Eliae in *Porph. Isag.* 16 (p. 41,3 Busse) [← M 35^d, M 27^a; → *El.* 1]
...διὸ καὶ τις τὰ Ἑρακλείτου (sc. βιβλία) ἔφη βαθέος δεῖσθαι κολυμβητοῦ...
...потому-то кто-то сказал, что Гераклитовы (книги) требуют глубинного ныряльщика...

[CPV] τῶν Ἑρακλείτων V || βαθέως C

T 15

(f) Daudis in *Porph. Isag.* 4 (p. 105 Busse) [← M 35^c, M 27^c; → *Dau.* 1],
Graece

περὶ γὰρ τῶν συγγραμμάτων Ἑρακλείτου εἴρηται δεῖσθαι βαθέος κολυμβητοῦ.
Ведь именно о сочинениях Гераклита сказано, что они требуют глубинного ныряльщика.

Idem, *Armeniace* (p. 34, 22 Arevšatyan): ...*vasn oroy asac' eal ē xoraguni pitanapay lulordi.* (Гераклитовские писания), ...о которых сказано, что для них нужно глубокое ныряние (*пер. С. С. Аревшатяна*).

Cf. *Simpl. in Arist. Phys.* I, p. 36, 31 (Diels) *Plato dixit* βαθέος κολυμβητοῦ δεῖσθαι τὴν διάνοιαν αὐτοῦ (sc. *Parmenidis*) [cf. *Plat. Theaet.* 183 E 7]

[KTV] κολυμβητοῦ V [*Armeniace sine apparatu*]

5—10. HERACLITI SECTATORES VEL COMMENTATORES IGNOTI НЕИЗВЕСТНЫЕ И МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ И КОММЕНТАТОРЫ ГЕРАКЛИТА

5. HERACLITEI ANONYMI — БЕЗЫМЯННЫЕ ГЕРАКЛИТОВЦЫ (ss. V—IV)

Testimonia — Свидетельства

(Her. an.) 1

T 16

Diog. Laert. IX, 6 (II, p. 439, 23 Long) ex Aristone Ceio [← M 40^a; → *Ar. C.* 2, *Diog. L.* 12]

τοσαύτην δὲ δόξαν ἔσχε τὸ σύγγραμμα (sc. τοῦ Ἑρακλείτου)
ὡς αἰρετιστὰς ἀπ' αὐτοῦ γενέσθαι τοὺς κληθέντας Ἑρακλειτεῖους.

И сочинение (Гераклита) имело такой успех, что из-за него появились (у него) последователи, прозванные гераклитовцами.

DK A 1 (6)

[BPF]

2

T 17

(a) *Plat. Theaet.* 179 D 4—180 C 5 (Burnet; Diès) [← M 40^b]

ΣΩ. ...μάχη δ' οὖν περὶ αὐτῆς (sc. τῆς φερομένης οὐσί-
5 ας) οὐ φαύλη οὐδ' ὀλίγοις γέγονεν.

ΘΕΟ. πολλοὺ καὶ δεῖ φαύλη εἶναι, ἀλλὰ περὶ μὲν τὴν
Ἰωνίαν καὶ ἐπιδίδωσι πάμπολυ. οἱ γὰρ τοῦ Ἑρακλείτου
ἐταῖροι χορηγοῦσι τούτου τοῦ λόγου μάλα ἐρρωμένως.

- ΣΩ. τῷ τοι, ὦ φίλε Θεόδωρε, μᾶλλον σκεπτέον καὶ ἐξ
 Ε ἀρχῆς, ὥσπερ αὐτοὶ ὑποτείνονται.
 ΘΕΟ. παντάπασι μὲν οὖν. καὶ γάρ, ὦ Σώκратες, περὶ
 τούτων τῶν Ἡρακλειτεῖων ἤ, ὥσπερ σὺ λέγεις, Ὀμηρεῖων
 καὶ ἔτι παλαιότερων, αὐτοῖς μὲν τοῖς περὶ τὴν Ἐφεσον, ὅσοι
 5 προσποιοῦνται ἔμπειροι, οὐδὲν μᾶλλον οἶόν τε διαλεχθῆναι
 ἢ τοῖς οἰστρωσίν. ἀτεχνῶς γὰρ κατὰ τὰ συγγράμματα
 180 φέρονται, τὸ δ' ἐπιμνεῖναι ἐπὶ λόγῳ καὶ ἐρωτήματι καὶ ἡσυχίᾳ
 ἐν μέρει ἀποκρίνασθαι τε καὶ ἐρέσθαι ἥττον αὐτοῖς ἐνὶ ἡ τὸ
 μηδέν· μᾶλλον δὲ ὑπερβάλλει τὸ οὐδ' οὐδὲν πρὸς τὸ μηδὲ
 σμικρὸν ἐνεῖναι τοῖς ἀνδράσιν ἡσυχίας. ἀλλ' ἂν τινὰ τι
 5 ἔρημι, ὥσπερ ἐκ φαρέτρας ῥηματίσκια αἰνιγματώδη ἀνασπώντες
 ἀποτοξεύουσιν, καὶν τούτου ζητῆς λόγον λαβεῖν τί εἴρηκεν,
 ἐτέρῳ πεπλήρηται καινῶς μετωνομασμένῳ. περανεῖς δὲ οὐδέποτε
 οὐδὲν πρὸς οὐδένα αὐτῶν· οὐδέ γε ἐκείνοι αὐτοὶ πρὸς ἀλλή-
 λους, ἀλλ' εὖ πάνυ φυλάττουσι τὸ μηδὲν βέβαιον εἶναι
 Β μήτ' ἐν λόγῳ μήτ' ἐν ταῖς αὐτῶν ψυχαῖς, ἡγούμενοι, ὥς ἐμοὶ
 δοκεῖ, αὐτὸ στάσιμον εἶναι· τούτῳ δὲ πάνυ πολεμοῦσιν, καὶ
 καθ' ὅσον δύνανται παντάχῃθεν ἐκβάλλουσιν.
 ΣΩ. ἴσως, ὦ Θεόδωρε, τοὺς ἀνδρας μαχόμενους ἐώρακας,
 5 εἰρηνεύουσιν δὲ οὐ συγγέγονας· οὐ γὰρ σοὶ ἑταῖροί εἰσιν.
 ἀλλ' οἶμαι τὰ τοιαῦτα τοῖς μαθηταῖς ἐπὶ σχολῆς φράζουσιν,
 οὓς ἂν βούλωνται ὁμοίους αὐτοῖς ποιῆσαι.
 ΘΕΟ. ποίοις μαθηταῖς, ὦ δαιμόνιε; οὐδὲ γίγνεται τῶν
 C τοιούτων ἕτερος ἐτέρου μαθητῆς, ἀλλ' αὐτόματοι ἀναφύονται
 ὁπόθεν ἂν τύχῃ ἐκαστος αὐτῶν ἐνθουσιάσας, καὶ τὸν ἕτερον
 ὁ ἕτερος οὐδὲν ἡγεῖται εἰδέναι. παρὰ μὲν οὖν ταύτων, ὅπερ
 ἦτα ἐρῶν, οὐκ ἂν ποτε λάβοις λόγον οὔτε ἐκόντων οὔτε
 ἀκόντων.

СОКРАТ. ...Баталия вокруг него (несущегося сущего) разгорелась нешуточная и вовлекла немало людей. — ФЕОДОР. Еще бы нешуточная! При- том она всюду распространяется по Ионии. Ибо у хора сторонников этого рассуждения весьма энергичные запевалы: друзья Гераклита. — СО. Тем более, друг мой Феодор, нам это рассуждение надо рассмотреть, причем с самих оснований и так, как они сами его нам преподносят. — ФЕО. Разумеется... Правда, Сократ, об этих Гераклитовых или, как ты их на- зываешь, Гомеровых и еще более древних воззрениях с людьми из Эфеса, которые все выставляють себя знатоками, ничуть не легче беседовать, чем со слениями. Совершенно как у них в писаниях, их постоянно заносит, остановиться же на доводе или вопросе и спокойно в свою очередь отве- чать и задавать вопросы они менее, чем способны; да и «менее, чем» слиш- ком слабо сказано, поскольку они начисто лишены даже малейшего спо- койствия. Но сто́ит тебе что-нибудь спросить у них, как они, точно стре- лами из колчана, засыпят тебя загадочными изречениями, а если ты вздумаешь докопаться до смысла одного из них, они в тебя запустят дру- гим, заново переосмысленным. Никогда ничего ни от кого из них ты не добьешься. Да и сами они друг от друга: так они остерегаются, как бы в их рассуждениях или собственных душах не оказалось чего устойчиво- го, считая это, видимо, застоём, а с ним они сильно воюют и, по возможнос- ти, изгоняют его отовсюду. — СО. Но, может быть, Феодор, ты видел этих людей в пылу сражения, а во время затишья с ними не общался: они ведь не из твоих друзей. Я все-таки думаю, что своим-то ученикам, которых они хотят воспитать подобными себе, они все это на досуге разъясняют? — ФЕО. Каким ученикам, чудак? Никто из них не идет в ученики к другому, они вырастают как грибы, находя вдохновение кто где придется, и каждый другого считает невеждой. От этих людей, как я собирался сказать, не добьешься толка ни лаской, ни угрозами!

[BTYW {Eus. ION(D)}] D 6 φαύλη δεῖ Y || D 7 πάπολον B || D 9 τῶι τοι : τοῦτο (ut. uid.) T || μᾶλλον : μάλα T || καὶ om. TY || E 4 καὶ : τε καὶ W Eus. || E 5 ποι- οῦνται W Eus. || ἐμπ. : ἐμπ. εἶναι Y || οὐδέν : οὐδὲν γὰρ Eus. I : οὐδὲ Eus. ON || οἶόν τε : οἶονται W Eus. || E 6 κατὰ : καὶ || 180 A 1 ἀποκρίνασθαι : -εσθαί W Eus. ON || τε W Eus. : om. BTY || ἐνι : μέλει (Mras, μέλλει IOD, μελ. ει N) Eus. || A 2 οὐδ' οὐδέν : δ' οὐδέν W || μηδὲ om. Eus. || A 4 ἀνασπῶνται Y || A 6 οὐδέπω W || B 1 ἐν τῶι λόγων W || αὐτῶν Eus. || C 2 ἐνθουσιᾶσθαι W¹ || C 3 s. ὅπερ ἤια ἐρῶν T : ὅπερ ἤια ἐρῶν B : ὅπερ ἤια ἐρῶν W : ὅπερ ἤια ἐρῶν Y : ὅπερ ἤια ἐρῶν Eus. N : ὅπερ ἤια ἐρῶν (ὅπερ ex ὁ πάρα corr. O) Eus. 10 : ὅπερ α (ex ὁ πάρα) ἤια ἐρῶν Eus. E

T 18

(b) *Schol. in Plat. Theaet.* (179 E 6), II, p. 364 (Bekker) [← ad M 40^b; → *Sch. Pl.*]

ἡγριωμένοι καὶ μεγαλόφρονες (sc. οἱ περὶ τὴν Ἐφεσον).
Обидчивы и горды (люди из Эфеса).

T 19

(c) *Procl. in Plat. Cratyl.* (384 A) 22 (p. 9, 3 Pasquali)
ὅτι διαβέβληνται οἱ Ἡρακλείτῃ καὶ ὡς ἀλαζόνες καὶ ὡς
εἰρωνες καὶ ὡς ὑπερόπται ἐν τε Θεαιτήτῳ ὑπὸ Θεδώρου καὶ
3 νῦν ὑπὸ Ἑρμογένους, πλὴν οὐχ ὑπὸ φιλοσόφων· ὁ μὲν γὰρ
γεωμέτρης, ὁ δὲ νεανίσκος· οὐ γὰρ σχολὴ τῷ ὄντως φιλο-
σόφῳ τὸν καιρὸν εἰς τοιαῦτα ἀναλίσκειν.

О том, что гераклитовцев обвиняют и в хвастовстве, и в скрытности, и в высокомерии как в «Теэтете» Феодор (← T 17), так и здесь (→ *Crat.* 7^a) Гермоген; однако — не философы: один ведь математик, а другой — юноша. Ибо недосуг истинному философу тратить время на такие вещи.

[ABFP] 2 τε FP : τῷ AB

Cf. etiam → *Plat.* 4^b (Apuleius) *ab Heracliticis*

De rerum fluxu — О всеобщем течении

[Vide etiam ← T 17 (179 D 4; E 6—180 A 3; A 7 — B 3)]

3

T 20

(a) *Arist. Metaph.* Γ 5, 1010^a7 (Ross; Jaeger) [→ T 77]
ἔτι δὲ πᾶσαν ὁρῶντες ταύτην κινουμένην τὴν φύσιν, κατὰ δὲ
τοῦ μεταβάλλοντος οὐθέν αληθεύμενον, περὶ γε (τὸ πᾶν) τὸ
3 πάντῃ πάντως μεταβάλλον (ὑπέλαβον) οὐκ ἐνδέχεσθαι ἀλη-
θεύειν. ἐκ γὰρ ταύτης τῆς ὑπολήψεως ἐξήνθησεν ἡ ἀκροτάτη
δόξα τῶν εἰρημένων, ἡ τῶν φασκόντων ἡρακλειτίζειν...

Кроме того, видя, что вся здешняя природа находится в движении, и поскольку о том, что изменяется, нельзя высказать никакой истины, они действительно предположили, что о целокупном, которое все и всячески изменяется, истину высказать невозможно. И вот на почве этого-то предположения и расцвело наиболее крайнее мнение, то, которого придерживаются утверждающие, что они последователи Гераклита (*букв.* что они гераклитствуют)...

Appar. uide ad → T 77

T 21

(b) *Syrian. in Arist. Metaph.* (1010^a7) p. 67,27 (Kroll) [→ T 81, *Syr.*]
εἰ δὲ ῥεῖ καὶ μεταπίπτει ἀεὶ ἕκαστον, ὥσπερ οἱ Ἡρακλεί-
ταιοι λέγουσιν...

Если всякая вещь постоянно течет и изменяется, как утверждают гераклитовцы...

[C]

Arist. *Metaph.* A 6, 987^a32 (Ross; Jaeger) [→ T 74, *Plat.* 2^a, Arist.]

...ταῖς Ἡρακλειτείσις δόξαις, ὡς ἀπάντων τῶν αἰσθητῶν

ἀεὶ ῥεόντων καὶ ἐπιστήμης περὶ αὐτῶν οὐκ οὔσης...

...Гераклитовские взгляды, согласно которым все чувственные вещи вечно текут и познание их невозможно...

Appar. uidead → Plat. 2^a

(a) Arist. *Metaph.* M 4, 1078^b13 (Ross; Jaeger) [→ *Plat.* 2^b, Arist.]

...τοῖς Ἡρακλειτείσις λόγοις ὡς πάντων τῶν αἰσθητῶν

ἀεὶ ῥεόντων...

...Гераклитовские рассуждения, согласно которым все чувственные вещи вечно текут...

Appar. uidead → Plat 2^b

(b) Alexandr. in Arist. *Metaph.* (1078^b13) p. 740,22 (Hayduck) [→ *Plat.* 2^e, Arist. , Alex.]

...τοῖς Ἡρακλειτείσις λόγοις ὡς ἀληθεῖσι τοῖς λέγουσιν

ὅτι πάντα τὰ αἰσθητὰ ἐν συνεχεῖ ῥύσει καὶ οὐδὲν οὐδέποτε

3 αὐτῶν ἐν αὐτότητί ἐστιν...

...в том, что истинны гераклитовские рассуждения, гласящие, что все чувственные вещи постоянно текут и что ни одна из них никогда не остается себе тождественной...

[ALM]

(c) Syrian. in Arist. *Metaph.* (1078^b12) p. 104,7 (Kroll) [→ *Plat.* 2^f, Arist. , Syr.]

ἐν τούτοις (sc. τοῦ Ἀριστοτέλου) τὸ μὲν ἐκ τῆς τῶν Ἡρα-

κλειτείων δόξης ἐπὶ τὴν περὶ ιδέων ὑπόληψιν ἐλθεῖν τοὺς

3 θεῖους ἄνδρας (sc. τοὺς Πλατωνικοὺς) ψευδῶς εἰρηται...

οὔτε διὰ τὸ ταῦτα ῥεῖν ἐπὶ τὰς ὁρισμένας τῶν ὄντων ἡλθον

αἰτίας (sc. οἱ ἀπὸ Σωκράτη καὶ Πλάτωνα)...

Здесь (у Аристотеля) ложно сказано, будто божественные мужи (платоники) пришли к предположению об идеях, исходя из мнения гераклитовцев... И не потому, что чувственные вещи текут, пришли они (люди из круга Сократа и Платона) к предположению о наличии определенных причин существующих вещей...

[C]

Procl. in *Plat. Cratyl.* 14 (p. 5, 12 Pasquali)

...τῶν Ἡρακλειτείων, διὰ τὸ μὴ φθάνειν ἀμειφθέντα τὰ

πράγματα τῇ ἀστάτῳ ἐαυτῶν φύσει προλαμβάνειν αὐτὰ

3 βουλομένων...

...гераклитовцы, которые, не поспевая за изменившимися из-за своей неустойчивой природы вещами, (все же) стремятся опередить их <речью (?)>...

[ABFP] 1 Ἡρακλειτείων codd. || 2 ἀν προλαμβάνειν <λόγῳ>?

De transmutationibus elementorum
О превращении элементов

[Arist.] *Probl.* KГ 30, 934^b23 (Bekker)

· διὰ τί τῆς θυχάλαν; τὰ ἄνω τῶν ἐν τῷ βᾶθει ἄλ-

μυρώτερη καὶ θερμώτερη; ὁμοίως δὲ καὶ ἐν τοῖς φρέσσι

- 25 τοῖς ποτίμοις τὸ ἐπιπολῆς ἀλμυρώτερον τοῦ εἰς βάθος· καί-
τοι ἔδει τὸ κατωτέρω· βαρύτερον γὰρ τὸ ἀλμυρόν. ἢ διότι
ὁ ἥλιος καὶ ὁ ἀήρ ἀνάγει αἰεὶ τὸ ἐλαφρότατον ἀπὸ
τῶν ὑγρῶν; τὸ δὲ ποτιμώτερον αἰεὶ κουφότερον, μᾶλλον δὲ ἀπά-
γει ἀπὸ τῶν ἐγγυτέρω τόπων. ὥστε καὶ τῆς θαλάττης
30 ἀπὸ τῶν ἐπιπολῆς καὶ τῶν ποτίμων ἀνάγκη τὸ λειπόμε-
νον ἀλμυρώτερον εἶναι, ἀφ' ὧν ἀνῆλκει, ἢ ἀφ' ὧν μῆθεν
ἢ ἔλαττον τὸ γλυκύ. διὰ τοῦτο δὲ καὶ θερμότερα τὰ ἄνω·
τὸ γὰρ ἀλμυρὸν θερμότερον τοῦ ποτίμου· διὸ καὶ φασὶν τινες
τῶν ἡρακλειטיζόντων ἐκ μὲν τοῦ ποτίμου ἔσταινονμένου
35 καὶ πηγνυμένου λίθους γίνεσθαι καὶ γῆν, ἐκ δὲ τῆς θαλάτ-
της τὸν ἥλιον ἀναθυμιᾶσθαι.

Почему верхние слои моря соленее и теплее глубинных? Подобным же образом в пресных колодцах вода на поверхности соленее глубинной, хотя таковой следовало бы быть той, что ниже, ведь соленое тяжелее. Не потому ли, что Солнце и воздух постоянно притягивают легчайшие части влаги? Причем пресная вода всегда легче, а оно скорее притягивает то, что находится к нему ближе. Так что вода, остающаяся на поверхности моря и пресных колодцев необходимо соленее, поскольку из нее изъято сладкое, чем вода, из которой оно не изъято или его изъято мало. Потому верхние слои и теплее: ведь соленое теплее пресного. Вот почему некоторые из гераклитствующих говорят, что из высыхающей и затвердевающей пресной воды образуются камни и земля, а Солнце — из морских испарений.

26 ss. ἢ διότι ὁ ἥλιος etc.] cf. Arist. *Meteor.* 356^b24 s., 360^a1; Hippocr. *De aere* 8 (II, p. 32 ss. Littré); Theophr. *fr.* 159; Vitruv. VIII, 1; Plut. *Aet. phys.* 914 BC; Plin. *Nat. hist.* II, 222 || 35 s. ἐκ δὲ τῆς θαλάττης etc.] contrapone Arist. *Meteor.* 354^b33 ss. → Arist.] (γελοῖοι), 353^b6 ss.

23-24 θερμότερα, 26 ἢ — 36 Mfo A 11 (p. 120) || 33 τὸ γὰρ — 36 Wzr ad B 31 || 33 ἐνὶ — 36 DK 66 A 2

[Y^aC^aX^a (et al).] 26 τὸ¹ : τῶι X^aY^a || βαρύτερον Bekker : βαθύτερον codd. || 32 θερ-
μότερα ἄνω X^a || 35 γενέσθαι C^aY^a

8

T 28

[Arist.] *Probl.* IF 6, 908^a28 (Bekker) [→ Ps. Arist.]

- διὰ τί, ἐάν τις σκόροδα φάγηι, τὸ οὔρον ὄζει, ἄλλων
δὲ ἐχόντων ἰσχυρὰν ὀσμὴν οὐκ ὄζει ἐδεσθέντων; πότερον,
30 ὥσπερ τινες τῶν ἡρακλειטיζόντων φασίν, ὅτι ἀναθυμιᾶται,
ὥσπερ ἐν τῷ ὅλῳ, καὶ ἐν τῷ σώματι, εἴτα πάλιν φυχ-
θὲν συνίσταται ἐκεί μὲν ὑγρόν, ἐνταῦθα δὲ οὔρον, ἢ ἐκ τῆς
τροφῆς ἀναθυμιάσεως, ἐξ οὗ ἐγένετο αὕτη συμμιγνυμένη,
ποσὶ τὴν ὀσμὴν; αὕτη γὰρ ἐστίν, ὅταν μεταβάλλει.

Почему, если съесть чеснока, моча воняет, а при съедении других продуктов, имеющих более сильный запах, не воняет? Не потому ли, как говорят некоторые из гераклитствующих, что испарение происходит как во все-ленной, так же и в теле, и что затем, при обратном охлаждении, образуются: в мире — влага, а в теле — моча, т. е. испарение из пищи производит запах того, из чего путем смешения она произошла? Ведь он возникает тогда, когда она изменяется.

28 s. cf. Hippocr. *De morb.* IV, 25 (56) (VII, p. 608 Littré = XI, p. 121, 1 Joly) καὶ ἐπὶν σκόροδα φάγωμεν ἢ τι ἄλλο ὀδυμαλέον βρώμα, διουρέμεν ὀζόμενον τοῦ βρώματος.

28—34 ὀσμὴν; DK 66 A 2a (II, p.] 421, 48) || 29 πότερον — 34 Wzr] ad B 12 || | 30 ὥσπερ — 31 σώματι Mch 66 (f³)

[Y^aC^aX^a (et al).] 28 σκόροδα : ῥόδα C^a

Testimonia — Свидетельства

(Antisth. H.) 1

T 29

Diog. Laert. VI, 19 (II, p. 256, 3 Long) [← M 43^b; → Diog. L. 7]

γερόνασι δὲ καὶ ἄλλοι Ἀντισθένεις (praeter Socraticum)

τρεῖς· Ἡρακλείτειος εἰς καὶ ἕτερος Ἐφέσιος καὶ Ῥόδιος

3 τις ἱστορικός.

Других Антисфенов (помимо сократика) было трое: один гераклитовец, другой Эфесец, а третий — какой-то родосский историк *.

DK 66 A 1, FGrH 508 T 2

[BPF] 1 ἀντισθῆναι B || 2 εἰς et ἕτερος om. F (teste Diels) || 2 s. ῥόδιος τις : an Ῥόδιος τρίτος?

* Варианты перевода: 1) «эфесский (историк)» вместо «эфесец»; 2) без слова «какой-то» (если верна конъектура τρίτος).

2

T 30

Diog. Laert. IX, 15 (II, p. 444, 1 Long) [← M 43^a; → Diog. L. 12]

πλεῖστοι τέ εἰσιν ὅσοι ἐξήγγηται αὐτοῦ (sc. Ἡρακλείτου)

τὸ σύγγραμμα· καὶ γὰρ Ἀντισθένης...

Толкованием его (Гераклита) сочинения занимались многие: и Антисфен...

DK A 1 (15)

[BPF]

Testimonium dubium — Сомнительное свидетельство

3

T 31

Euseb. Praep. evang. XV, 13, 7 (II, p. 378,5 Mras)

Σωκράτους τοίνυν ἀκουστῆς ἐγένετο Ἀντισθένης, † Ἡρακλεω-

τικός τις ἀνὴρ τὸ φρόνημα, δὲ ἔφη τοῦ ἡδέσθαι τὸ μαίνεσθαι

3 χρεῖττον εἶναι· διὸ καὶ παρήνει τοῖς γνωρίμοις μηδέποτε

χάριν ἡδονῆς δάκτυλον ἐκτείνεσιν. (8) τοῦτου δὲ ἀκουστῆς

γένετο Διογένης ὁ Κύων...

Итак, учеником Сократа был Антисфен, человек гераклейского (геракловского? гераклитовского?) образа мысли, сказавший, что лучше безумие, нежели удовольствие. Поэтому он советовал своим приближенным не ударять пальцем об палец ради удовольствия. (8) Его учеником был Диоген Собака (т. е. киник)...

Cf. Theodoret. Gr. aff. cur. XII, 47

2 s. cf Antisthenes Socraticus fr. 108 A—F (Caizzi), fr. 31 (Paquet)

[BI^bON(D)V] 1 Ἀντισθένης (η ex corr.) N : Ἀντισθένους D || Ἡρακλεωτικός Ἡρακλείτικος Lassalle II 375₂, Ἡρακλείτικος Id. I 3 || 2 ἡδέσθαι (η ex corr.) N : εἶδεσθαι O

Fragmentum? — Фрагмент?

4

T 32

Diog. Laert. IX, 6 (II, p. 439, 21 Long) [← M 6^a; → Antisth. Rh. 1, Diog. L. 12]

σημεῖον δ' αὐτοῦ (sc. Ἡρακλείτου) μεγαλοπροσύνης Ἀντι-

σθένης φησὶν ἐν Διαδοχαῖς· ἐκχωρῆσαι γὰρ τὰδ εὐφῶι τῆς

3 βασιλείας.

Признаком его (Гераклита) гордыни (или великодушия) считает в своих «Преемствах» Антисфен то, что он уступил брату царский титул.

FGrH 508 (Antisthenes Rhodius) F 10

DK A 1 (6)

[BPF] 2 διαχωρῆσαι F

7. PAVSANIAS HERACLITISTA — ПАВСАНИЙ ГЕРАКЛИТИСТ

8. NICOMEDES — НИКОМЕД

9. DIONYSIVS — ДИОНИСИЙ
(ss. V—III?)

Testimonium — Свидетельство

1

T 33—35

Diog. Laert. IX, 15 (II, p. 444, 1 Long) [← M 43^a; → *Diog. L. 12*]

πλείστοί τε εἰσιν ὅσοι ἐξήγγηται αὐτοῦ (sc. Ἡρακλείτου)

τὸ σύγγραμμα. ...πρὸς δὲ Πausανίας ὁ κληθεὶς Ἡρακλειτι-

3 στήης, Νικομήδης τε καὶ Διονύσιος.

Толкованием его (Гераклита) сочинения занимались многие: ...равно как и Павсаний, прозванный «гераклитистом», Никомед и Дионисий.

DK A 1 (15); Byw. p. 60, 1

[BPF(g)] 2 s. Ἡρακλείδης ὁ κληθεὶς ὁ νικομηδεὶς g (teste Bywater)

10. SCYTHINVS TEIVS — СКИФИН ТЕОССКИЙ
(s. V—IV?)

Testimonium — Свидетельство

(Scyth.) 1

T 36

Hieronym. Rhod. fr. 46 (Wehrli X) ap. Diog. Laert. IX, 16, (II, p. 444, 8 Long) [← M 43^a; → Hier. 1, *Diog. L. 12*]

Ἱερώνυμος δὲ φησι Σκυθῖνον τὸν ἰάμβων ποιητὴν ἐπιβαλέσθαι

τὸν ἐκείνου (sc. Ἡρακλείτου) λόγον διὰ μέτρου ἐκβάλλειν.

А Иероним сообщает, что и Скифин, ямбический поэт, взялся излагать его (Гераклита) учение в стихах.

DK A 1 (16); Byw. p. 60, 7; *PPF* 6 A 2 (Diels); *FGrH* 13 T 2, *IEG* II p. 95 (West); Hieron. fr. XXIII (Hiller)

[BPF(agh)] 1 σκυτινόν g || ἐπιβαλέσθαι F (teste Diels et Long) ag (teste Byw.) :
:-βάλλεσθαι BP (teste Diels et Long) Fh (teste Byw.) || 2 δ. μ. BP: ἐκ διαμέτρου F ||
|| ἐκβάλλειν BP¹ : ἐκβαλεῖν FP² : ἐκβάλλειν g

Vide etiam → *Traditio* (B) s. Scyth. [respectus]

(Продолжение следует)

В. В. Кучма

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ПРОБЛЕМАХ ТРАКТАТА СЕКСТА ЮЛИЯ ФРОНТИНА «СТРАТЕГЕМЫ»

Творчество Секста Юлия Фронтина, известного римского военачальника и государственного деятеля второй половины I в., оказало значительное воздействие на развитие военно-теоретической мысли античности и средневековья.

О личности и жизненном пути Фронтина нам известно больше, чем о многих его коллегах, писавших о военных сюжетах. Родился он около 35 г. Как свидетельствует Тацит¹, в 70 г. Фронтин исполнял обязанности *praetor urbanus*; после него эту должность занял Домициан, будущий император. В 73 г. Фронтин был впервые избран консулом. Вероятно, в этом же году он был назначен наместником в Британию. Хотя со времени завоевания Британии римлянами прошло уже три десятилетия, обстановка в провинции оставалась беспокойной. Фронтин руководил здесь военной кампанией против воинственного племени силуров, преодолев при этом «не только храброго врага, но и тяжелую местность»². В начале правления Домициана (около 83 г.) Фронтин сопровождал его в походе против хаттов. Около 90 г. он был наместником в провинции Азии, а затем временно отошел от государственной службы. С воцарением Нервы Фронтин занял одну из важнейших магистратур в Риме — *curator aquarum*, в ведении которой находилось водоснабжение столицы. В 98 г. он был вторично облечен достоинством консула (вместе с Траяном), а в 100 г. стал консулом в третий раз. По сообщению Плиния Младшего, с которым Фронтин состоял в дружбе, он был избран также в коллегию авгуров. Точная дата смерти Фронтина неизвестна. М. Иенс полагал, что Фронтин умер при Адриане³, Р. Ферстер считал, что после 104 г.⁴, А. Дэн — в 103 г.⁵ Это последнее мнение считается предпочтительным⁶.

Современники высоко оценивали деловые и личные качества Фронтина, отмечая благородство его характера, большие способности, разностороннюю образованность. Эти весьма лестные оценки встречаются даже у такого скупого на похвалы писателя, как Тацит. Относясь к своим госу-

¹ Тацит. История, IV, 39. — В кн.: Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 2. Л., 1969, с. 160.

² Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы, 17, 2. — Там же, т. I, с. 336.

³ Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaft. I. Abteilung. München und Leipzig, 1889, S. 86.

⁴ Förster R. Studien zu den griechischen Taktikern. — Hermes, 12, 1877, S. 447.

⁵ Dain A. Histoire du texte d'Elie le Tacticien des origines à la fin du Moyen Age. P., 1946, p. 18; *idem*. Les stratégistes byzantins. — Travaux et Mémoires. II. P., 1967, p. 334.

⁶ Frontin. Kriegslisten. Lateinisch und Deutsch von G. Bendz. B., 1963 (далее — Kriegslisten), S. 2.

дарственной службе с исключительной добросовестностью, Фронтин стремился не ограничиваться административной деятельностью, но старался лично вникать во все детали своей магистратуры не только с позиций практика, но и исследователя-теоретика.

Самым ранним сочинением Фронтина был его трактат о межевании полей — первое дошедшее до нас произведение римской литературы по данной тематике. Трактат сохранился в виде нескольких фрагментов⁷; время его создания — период царствования Домициана⁸. Заведуя водоснабжением города Рима, Фронтин написал большое сочинение о римских водопроводах⁹, в котором дано описание римских акведуков, указана мощность каждого из них, а также содержатся рекомендации по наиболее рациональному их использованию. Попутно автор отмечает и свое собственное участие в благоустройстве Рима. Обычно весьма скромный в оценке собственных заслуг, в данном случае Фронтин отступает от своих принципов. Оценивая римские акведуки с инженерно-технической и утилитарной точек зрения, Фронтин ставит их гораздо выше «бесполезных египетских пирамид и непрактичных, хотя и высоко восхваляемых построек греков»¹⁰.

Что касается военно-теоретического наследия Фронтина, то оно было, вероятно, довольно обширным. По крайней мере, из его собственных слов совершенно определенно следует, что дошедший до нас трактат Фронтина «Стратегемы» не был его единственным трудом в данной области¹¹. У Элиана (I, 2) имеется краткое упоминание о том, что Фронтин написал сочинение «о тактике по Гомеру»¹². Ничего определенного сказать об этом сочинении невозможно, поскольку, кроме Элиана, его не упоминает никто. Также очень скудны наши сведения о другом труде Фронтина — *Rei militaris scientia* (или *De scientia militari*)¹³. Предполагается, что именно это свое сочинение имеет в виду Фронтин, когда во введении к I книге «Стратегем» он говорит о своих собственных «достаточных успехах» в области военно-теоретических исследований¹⁴.

Тот факт, что Фронтин отнюдь не преувеличивал своих заслуг, подтверждается Вегецием, который подчеркивает¹⁵, что исследования Фронтина стоят в одном ряду с произведениями Катона-цензора, Корнелия Цельза, Патерна, с военно-теоретическими принципами императоров Августа, Траяна и Адриана. В другом месте трактата Вегеция¹⁶ мы читаем: «Знаменитый Катон Старший, который и как воин был непобедим в бою, и как консул часто водил в бой войска, решил, что он еще больше окажет пользу государству, если напишет книгу о военном искусстве. Ибо храбрые деяния живут в памяти в течение одного только поколения; то же, что пишется для пользы государства, вечно. То же сделали и многие другие, особенно Фронтин, заслуживший одобрение за такую деятельность у божественного Траяна». Исходя из приведенных сведений о несохранившемся исследовании Фронтина, можно предполагать, что оно было задумано как практическое наставление для военачальников и в качестве такового соединяло в себе изложение важнейших теоретических основ военной науки с обобщением современного Фронтину римского опыта.

⁷ Ibid, S. 2,

⁸ Ibid.

⁹ Новейшее издание: *Frontinus Sextus Julius. De aquaeductu urbis Romae*. Ed. G. Kunderewicz. Lpz, 1973,;

¹⁰ Ibid., cap. 16,;

¹¹ Пользуемся изданием: *Juli Frontini Strategematon libri quattuor*. Ed. G. Gundermann. Lipsiae: Teubner, 1888 (далее — Frontin.), I, praef., p. 1.

¹² См. об этом: *Förster*. Op. cit., S. 446 f.

¹³ См. о нем: *Jähns*. Op. cit., S. 86; *Dain*. Histoire du texte d'Elie, p. 18.

¹⁴ *Frontin.*, I, praef., p. 1.

¹⁵ *Флавий Вегетий Ренат*. Краткое изложение военного дела [Пер. С. П. Кондратьева] I, 8. — ВДИ, 1940, № 1 (далее — Вегетий), с. 237.

¹⁶ *Вегетий*, II, 3, с. 246.

Единственное сохранившееся сочинение Фронтин — так называемые «Стратегемы»¹⁷ — представляет собою своеобразный комментарий, собрание военно-исторических иллюстраций к предыдущему (утраченному) трактату. Время создания «Стратегем» — период царствования Домициана (81—96 гг.). В литературе высказаны мнения и о более узкой датировке трактата. Г. Бендц¹⁸ считал, что сочинение не могло быть начато ранее 84 г., так как уже в первой книге упомянут эпизод похода 83 г. под командованием Домициана против хаттов, в котором Фронтин сопровождал императора. В качестве *terminus post quem* создания трактата Г. Гундерман назвал 88 г. К его мнению присоединяется и Г. Бендц¹⁹. В эти сроки могла быть написана основная часть трактата, скорее всего первые три книги. Что касается четвертой книги, то работа над ней продолжалась и в последующие годы.

При анализе трактата Фронтин встает вопрос о его источниках. Уже упоминалось о замечании Элиана относительно занятий Фронтин греческой военной тактикой гомеровской эпохи. Из сообщения самого Фронтин следует, что при написании «Стратегем» он пользовался литературой «на обоих языках»²⁰. Он черпает материал из произведений как римских авторов (Тит Ливий²¹, Юлий Цезарь, Саллюстий, Валерий Максим), так и греческих (Плутарх, Фукидид, Ксенофонт, Геродот, Полибий), и касается сюжетов из истории не только Греции и Рима, но и Персии, Македонии, Карфагена, Скифии, Парфии, Египта, Понтийского царства, Галлии и др. Всего приведено свыше 400 примеров военной деятельности полководцев различных времен и народов в том числе и римских (Алкивиад, Мильтиад, Фемистокл, Ификрат, Эпаминонд, Клеомен, Агесилай, Перикл, Ксенофонт, Пелопид, Ксеркс, Дарий, Кир, Крез, Филипп Македонский, Александр Македонский, Лисимах, Митридат, Ганнибал, Газдрубал, Пирр, скифская царица Тамирис, Катон, Сципион, Метелл, Марий, Сулла, Цезарь, Антоний, Помпей, Красс и др.). Фронтин упоминает о трех хитростях Спартака²², называя его имя в трактате еще дважды²³. В литературе уже было обращено внимание²⁴ на сравнительно малое число примеров, приводимых Фронтином из опыта современных ему военачальников, хотя его сознательная жизнь и политическая деятельность пришлось на время царствования по крайней мере пяти императоров (Веспасиан, Тит, Домициан, Нерва, Траян). Имеются лишь две ссылки на Веспасиана²⁵ и пять — на Домициана²⁶. Очевидно, Фронтин отдал дань укоренявшейся в военной науке традиции превозносить значимость военной практики древних за счет умаления значимости современного боевого опыта — традиции, которая стала преобладающей в сочинениях позднейших писателей, особенно византийских.

Из введения к I книге «Стратегем» следует, что Фронтин не был склонен преувеличивать как оригинальность замысла, так и ценность своего труда; по его словам, он лишь один из многих, интересующихся знанием военного дела²⁷. Его цель — упорядочение и систематизация накопленного к тому времени громадного иллюстративного материала. Фронтин прекрасно сознает, что возможны пробелы и упущения, неизбежные при таком

¹⁷ Наиболее полная сводка изданий и переводов трактата, а также библиографии к нему — в новейшем издании Г. Бендца (см. прим. 6). Не учтен, однако, русский перевод: Юлий Фронтин. Стратегемы. — ВДИ, 1946, № 1.

¹⁸ Kriegsgeschichte, S. 3.

¹⁹ Ibid., S. 4.

²⁰ Frontin., I, praef., p. 2, 16.

²¹ Его имя в «Стратегемах» упомянуто дважды — Frontin., II, 5, 31, p. 68; II, 5, 34, p. 69.

²² Frontin., I, 5, 20—22, p. 21.

²³ Frontin., I, 7, 6, p. 25; II, 5, 34, p. 68.

²⁴ Jähns. Op. cit., S. 87.

²⁵ Frontin., II, 1, 17, p. 42; IV, 6, 4, p. 134.

²⁶ Frontin., I, 1, 8, p. 6; I, 3, 10, p. 11; II, 3, 23, p. 53; II, 11, 7, p. 84; IV, 3, 14, p. 127.

²⁷ Frontin., I, praef., p. 1.

обилии материала и его обработке, и потому он заранее просит снисхождения у читателя. Адресуясь непосредственно к военачальникам, прежде всего теоретикам и практикам римской армии, Фронтин призывает их к продолжению и дополнению его сочинения: он намерен рассматривать это как помощь, а не как проявление критики — общая польза для него выше личной амбиции²⁸. Читателю, не знакомому с греческим языком, Фронтин объясняет название своего произведения. Заметим, что в отличие от большинства военно-теоретических сочинений античности и средневековья, имеющих условные, неавторские наименования, данные их позднейшими интерпретаторами и исследователями, название трактата Фронтинна является скорее всего авторским. Термином «стратегемы», указывает Фронтин, обозначаются в греческом языке «искусные деяния полководцев»²⁹, которые направлены на ослабление противника и достижение превосходства над ним. В более узком смысле — это военные хитрости, полезные и при оборонительном, и при наступательном способах военных действий.

Автором обоснована и структура его трактата³⁰. Первая книга посвящена действиям полководца, которые должны быть осуществлены еще до начала военного столкновения. Во второй речь идет непосредственно о сражении и его ближайших последствиях. Третья касается осады и обороны крепостей. В главах книг сгруппированы отдельные сюжеты. Каждый параграф главы, как правило, начинается с имени полководца, осуществившего ту или иную стратегему. Содержание параграфа в большинстве случаев укладывается в одну-две фразы. Такой способ изложения материала облегчает поиск нужного места в трактате, ибо, по мысли Фронтинна, полководцы, будучи всегда занятыми, нуждаются в быстрой помощи³¹.

Как уже отмечалось выше, в авторском введении к трактату упомянуты три книги. Однако рукописная традиция определяет состав фронтиновских «Стратегем» не тремя, а четырьмя книгами³². Вопрос о принадлежности Фронтину четвертой книги «Стратегем» является дискуссионным. В 1860 г. К. Вахсмут высказал мнение о том, что эта книга является позднейшим (неавторским) добавлением к трем подлинным книгам Фронтинна. Эта точка зрения нашла поддержку Э. Вельфлина, Г. Гундермана и М. Иенса; последний определил время его написания IV или V в.³³ Существовала и противоположная точка зрения, представленная Е. Фритце, Р. Эстерно, Ф. Кортцем, Э. Коннор³⁴. Эти авторы отстаивали мнение о подлинности IV книги. Все аргументы за и против были тщательно проанализированы Г. Бендцем³⁵. К этому же вопросу он возвратился еще раз в издании 1963 г.³⁶ Г. Бендц решительно отстаивает мнение о принадлежности Фронтину всех четырех книг «Стратегем». На возможность именно такого решения вопроса указывал и А. Дэн³⁷. Автору русского перевода «Стратегем» А. Б. Рановичу больше импонировало мнение Г. Гундермана³⁸.

Мы полагаем, что вопрос о IV книге «Стратегем» может быть решен в пользу ее принадлежности Фронтину. Для этого имеются и формальные, и фактические основания. Действительно, во введении к I книге Фрон-

²⁸ *Frontin.*, I, praef., p. 1.

²⁹ *Frontin.*, I, praef., p. 2.

³⁰ *Frontin.*, I, praef., p. 2.

³¹ *Frontin.*, I, praef., p. 1.

³² Подробнее о рукописной традиции см. *Kriegslisten*, S. 11—13.

³³ *Jähns*. Op. cit., S. 88.

³⁴ См. об их работах *Kriegslisten*, S. 14.

³⁵ *Bendz G. Die Echtheitsfrage des vierten Buches der frontinschen Strategemata.* Lund, 1938.

³⁶ *Kriegslisten*, S. 4 ff.

³⁷ *Dain. Histoire du texte d'Elieen*, p. 18.

³⁸ См. ВДИ, 1946, № 1, с. 220.

тин обещает изложить систематизированный им материал in tres libros³⁹. Однако уже здесь он дает понять, что располагает и некоторым дополнительным материалом, причем последний не охватывается понятием «стратегемы», но относится скорее к той сфере полководческой деятельности, которую греки именовали «стратегией»⁴⁰. Введение к IV книге развивает эту мысль. Обращаясь к читателю (в IV книге, как и во всех трех предыдущих, это предисловие написано от первого лица), Фронтин указывает, что он выполнил свое обещание относительно трех книг военных хитростей, систематизированных в соответствии со стадиями военной кампании. В четвертую книгу он намерен включить «остатки» (residua), сведения преимущественно стратегического характера, не укладывающиеся в план трех первых книг, хотя и имеющие связь с предыдущим изложением. Тем самым Фронтин намерен избежать возможных обвинений в упущениях по забывчивости⁴¹.

Те ученые, которые объявляли IV книгу более поздней подделкой, считали, что заключительные фразы введения к I книге, где раскрывается разница между понятиями «стратегема» и «стратегия», также не принадлежат Фронтину, но являются вставкой позднейших интерполяторов. Действительно, можно согласиться с тем, что вся IV книга и отмеченный фрагмент введения к I книге написаны позднее, чем остальная, большая часть трактата. Представляется, однако, что автором этих обеих (хотя и разновременных) частей должно быть признано одно и то же лицо, именно Фронтин.

В литературе уже обращалось внимание на один пассаж IV книги⁴², где излагается эпизод похода римских войск под командованием Домициана против мятежника Юлия Цивилиса, искавшего поддержки у племени лингонов. В ходе этой кампании римляне осадили богатый город, жители которого опасались быть подвергнутыми грабежу и насилию. «Но, — говорится далее в отрывке, — когда сверх ожидания он (город) остался нетронутым и ничего не потерял из своего имущества, склонившись к послушанию, он передал мне 70 тысяч вооруженных (воинов)» (...quod contra expectationem inviolata nihil ex rebus suis amiserat, ad obsequium redacta septuaginta milia armatorum tradidit mihi). Мы оставляем сейчас в стороне рассмотрение упомянутого здесь события. Нас интересует лишь единственный штрих — упоминание в этом тексте слова «мне» (mihi), которое дает основания считать, что вооруженные воины были переданы автору данного сообщения. Мы не располагаем данными об участии Фронтина в походе Домициана в Галлию в 70 г., но у нас нет оснований и отрицать возможность такого участия. И Фронтин и Домициан сотрудничали друг с другом на поприще государственной службы задолго до воцарения Домициана. Выше уже приводилось сообщение Тацита, что именно Домициану передал Фронтин свои функции городского претора, и это произошло скорее всего как раз в 70 г., после чего Фронтин мог быть привлечен к подавлению мятежа Юлия Цивилиса.

Как уже отмечалось, имя Домициана упомянуто в трактате еще четыре раза — дважды в первой книге и дважды во второй. Все эти четыре сюжета относятся к событиям одной и той же экспедиции против хаттов и все они датируются 83 г. По своему общему звучанию, по хронологическому соотношению двух элементов (анализируемая ситуация — автор, ее современник) описание событий 83 г. не отличается от трактовки эпизода 70 г., поэтому отрывок 3, 14 в спорной IV книге никак нельзя признать позднейшей интерполяцией. Скорее всего все пять пассажей с упоминанием Домициана написаны одним и тем же лицом. И если автором четырех из них, находящихся в двух первых главах трактата, бесспорно

³⁹ *Frontin.*, I, praef., p. 2.

⁴⁰ *Frontin.*, I, praef., p. 2—3.

⁴¹ *Frontin.*, IV, praef., p. 115.

⁴² *Frontin.*, IV, 3, 14, p. 127.

признается Фронтин, то, несомненно, и пятое свидетельство принадлежит также ему.

Разумеется, от признания подлинности одного из пассажей IV книги до вывода о подлинности всей этой книги еще очень далеко. Уже отмечалось, что «Стратегемы» представляют собой, по всей видимости, сборник военно-исторических иллюстраций к более раннему, не сохранившемуся сочинению этого автора, которое в свою очередь послужило одним из источников трактата Вегеция. Вследствие этого открывается возможность установить соответствие между различными частями «Стратегем» Фронтин. Г. Бендц⁴³ обратил внимание на то, что одна из глав (III, 21) трактата Вегеция имеет такое наименование: «Следует дать неприятелям путь для отступления, чтобы легче уничтожить бегущих» (*Viam abscedendi hostibus dandam, ut deleantur facilius fugientes*), а в самом тексте данного пассажа идут слова: *clausis ex desperatione crescit audacia* («у запертого неприятеля вследствие отчаяния возрастает смелость»). Заглавие шестой главы II книги «Стратегем» звучит следующим образом: *De emittendo hoste, ne clausus proelium ex desperatione redintegret* («Как выпустить неприятеля, чтобы он, будучи запертым, вследствие отчаяния не возобновил бы борьбу»). Этот же сюжет освещен в IV книге «Стратегем», где в отрывке IV, 7, 16 читаем: *Scipio Africanus dicere solitum est hosti non solum dandam esse viam ad fugiendum, sed etiam muniendam* («Сципион Африканский имел обыкновение говорить, что неприятелю дорогу для бегства следует не только предоставить, но даже еще и укрепить»). Как видим, наименование главы III, 21 трактата Вегеция как по смысловому содержанию, так и по словесной форме созвучно названию главы II, 6 и информации отрывка IV, 7, 16 «Стратегем». Этот элемент связи между II и IV книгами «Стратегем» не может быть случайным и указывает на принадлежность Фронтину также IV книги.

Вопрос о повторениях (дублетах) в трактате Фронтин заслуживает специального рассмотрения, поскольку он является составной частью вопроса о подлинности или неподлинности IV книги. Обратим внимание на случаи текстуальных повторений; их восемь: I, 1, 11 = I, 5, 13; I, 5, 12 = IV, 5, 8; I, 5, 14 = IV, 5, 9; I, 5, 15 = IV, 5, 10; I, 10, 1 = IV, 7, 6; I, 11, 3 = IV, 5, 11; II, 4, 15 = IV, 7, 40; II, 4, 16 = IV, 7, 41. Как очевидно, большинство текстуальных дублетов содержится именно в IV книге (хотя есть и один случай дублирования в I книге). Можно было бы думать, что IV книга концентрирует в себе наибольшее количество интерполяций из предшествующих книг. Однако это не так, если посмотреть на общее число повторяющихся в трактате мест, включая дублеты не только текстового характера, но и смыслового. Исходя из перечня повторяющихся в трактате мест, приложенного к русскому переводу «Стратегем»⁴⁴, распределение дублетов по книгам выглядит следующим образом:

Повторяющиеся места из:	Встречаются в:				Всего
	I кн.	II кн.	III кн.	IV кн.	
I книги	4	4	1	5	14
II книги	4	4	1	5	14
III книги	1	1	1	1	4
IV книги	5	5	1	—	11
Всего	14	14	4	11	43

⁴³ Kriegslisten, S. 4, Anm., 1.

⁴⁴ См. ВДИ, 1946, № 1, с. 284.

Подсчет показывает, что наибольшее количество дублетов содержится в тех книгах трактата, принадлежность которых Фронтину никем не оспаривается. Г. Гундерман объяснял эти дублеты результатом позднейших интерполяций. Однако это предположение имеет совершенно умозрительный характер. Нет ни малейших оснований предполагать, что встречающиеся в трех первых книгах текстовые и смысловые дублеты не принадлежат самому Фронтину. По всей вероятности, он прибегал к ним тогда, когда ему нужно было более полно обосновать то или иное положение военной теории. Иллюстративная направленность «Стратегем» предполагала, что их автор мог прибегать к использованию того же самого примера в двух или нескольких случаях, тем более что сама военная практика знала случаи подобной повторяемости.

Обратим внимание еще на одну особенность построения трактата, свойственную IV книге в такой же степени, как и трем первым. Имеется значительное число параграфов, которые не несут самостоятельной информации, но являются лишь дополнением к предыдущим⁴⁵. Приведем наиболее типичные примеры (по одному из каждой книги).

А. I, 7,3: Когда карфагенские предводители строили флот, они, не имея материала для канатов, использовали для этого остриженные волосы женщин.

I, 7,4: Массилийцы и родосцы поступили так же.

Б. II, 8,8: Диктатор Сервилий Приск, отдав приказ напасть на врагов-фалисков, распорядился убить замешкавшегося знаменосца; остальные, уstraшенные этим примером, устремились на врага.

II, 8,9: Косс Корнелий, командуя конницей, поступил так же против фиденатов.

В. III, 15,1: Когда галлы осаждали Капитолий, римляне, уже находясь в состоянии крайнего голода, начали бросать в неприятеля хлеб, и, создав таким образом видимость, что обладают обилием съестных припасов, они выдержали осаду, пока не подошел на помощь Камилл.

III, 15,2: Афиняне против лакедемонян, говорят, сделали так же.

Г. IV, 7,10: Ганнибал посоветовал царю Антиоху бросать на неприятельские корабли сосуды, наполненные змеями, чтобы воины, уstraшенные ими, испытывали помехи в сражении и исполнении морской службы.

IV, 7,11: Прусий сделал то же самое, когда его корабли уже отступали.

В специальной литературе (Г. Гундерман вслед за К. Вахсмутом и Э. Вельфлином) все параграфы типа *idem fecit* считались позднейшими интерполяциями, не принадлежащими Фронтину. Поэтому в его издании они заключены в квадратные скобки (так же в русском переводе «Стратегем»). Между тем нет никаких доказательств принадлежности таких параграфов другим авторам. Г. Бендц отстаивал авторство Фронтина. Параграфы типа *idem fecit* можно встретить и у Полиена. Вероятно, это одна из типичных особенностей сочинений подобного жанра⁴⁶.

По-видимому, можно говорить о двух этапах работы Фронтина над своим трактатом. В период 84—85 гг. были написаны три первые книги «Стратегем». Такая структура этой части трактата объясняется скорее всего тем, что более раннее, несохранившееся сочинение Фронтина содержало в себе, очевидно, три основных комплекса военно-теоретических проблем: подготовка к войне, непосредственное ведение военной кампании, осада и оборона городов — именно такой является структура боль-

⁴⁵ См., например: *Frontin.*, I, 3, 6 и 7, p. 11; I, 7, 3 и 4, p. 24; I, 11, 14 и 15, p. 33—34; II, 3, 10 и 11, p. 48; II, 4, 13 и 14, p. 56—57; II, 4, 15 и 16, p. 57; II, 4, 18 и 19, p. 57; II, 8, 4 и 5, p. 78; II, 8, 8 и 9, p. 78; III, 4, 1 и 2, p. 94; III, 4, 3 и 4, p. 94—95; III, 7, 4 и 5, p. 98—99; III, 15, 1 и 2, p. 109; IV, 3, 9 и 10, p. 126; IV, 7, 10 и 11, p. 136.

⁴⁶ *Kriegslisten*, S. 6.

шинства античных и средневековых военно-теоретических сочинений. После завершения этой работы Фронтин мог обнаружить, что остался не использованным еще значительный материал, который он и сконцентрировал в IV книге. Присоединив ее к трем созданным ранее, Фронтин вынужден был сделать добавление к введению I книги (абзац о различии терминов «стратегия» и «стратегемы»), продолжив эту мысль во введении к IV книге. Параграфы типа *idem fecit* могли появиться в «Стратегемах» не обязательно на втором этапе работы Фронтина; в тексте трех первых книг они могли существовать изначально. Что же касается текстовых и смысловых дублетов, то все они, несомненно, являются авторскими. В трех первых книгах они появились уже на первом этапе работы Фронтина. На втором этапе часть материала ранних книг была повторена в IV книге (характерно, что в самой IV книге материал не дублируется ни разу).

Промежуток времени между первым и вторым этапами работы не мог быть очень продолжительным. Как можно судить по отрывку IV, 3, 14, четвертая книга создавалась еще при жизни Домициана. Следовательно, дата гибели этого императора (96 г.) может играть роль *terminus ante quem*, времени, ранее которого могла быть написана эта книга.

Стиль сочинения Фронтина также связан со структурой его сочинения. «Трезвая вещественность, которую Фронтин положил в основу своей профессиональной деятельности, определила и его литературный стиль», — справедливо заметил Г. Бендц⁴⁷. Фронтин не имел пристрастия к длинным периодам, а риторические стиливые средства не употреблял вовсе. Его язык близок к разговорному. Он стремится выразить свою мысль максимально кратко и ясно, чтобы передаваемая им информация могла быть усвоена. Как писал Г. Бендц⁴⁸: «К Фронтину можно в полной мере приложить слова Квинтилиана, сказанные им о Юлии Цезаре: „он говорил так же, как воевал“ (*eodem animo dixisse, quo bellavit*)».

В литературе уже давно было обращено внимание на разницу в стиле первых трех книг «Стратегем» по сравнению с четвертой. А. Б. Ранович находил стиль IV книги «более тяжеловесным», тогда как для первых трех характерна «напряженность и стремительность» изложения⁴⁹. На наш взгляд, такая оценка не бесспорна. IV книга отнюдь не перенасыщена длительными периодами и пространными стилистическими оборотами, — напротив, в ней мы встречаем наибольшее количество стратегем, сформулированных одной-двумя фразами. Самые пространные описания содержатся не в IV, а во II книге, несомненно принадлежащей Фронтину⁵⁰. По нашим подсчетам, в издании Г. Гундермана каждая стратегема I книги занимает в среднем 26% объема издательской страницы, II книги — 26, III книги — 25, IV книги — 20. Исходя из этих данных⁵¹, вряд ли можно признать стиль IV книги более громоздким, чем первых трех. Другое дело, что IV книга несет на себе следы поспешной, не всегда тщательной обработки, как стилистической, так и композиционной. Но это в полной мере объясняется тем, что она скомпонована из «остатков» (по выражению самого Фронтина). Тем не менее стилистическое единство всего произведения отчетливо проявляется в том, что информативность содержания всех книг преобладает над их стилистической выразительностью. Закljučая анализ IV книги, еще раз подчеркнем, что она является органической частью трактата как с точки зрения содержания, так и

⁴⁷ Kriegslisten, S. 3.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ См. ВДИ, 1946, № 1, с. 220.

⁵⁰ См., например, *Frontin.*, II, 3, 16, p. 49—50; II, 3, 17, p. 50—51; II, 5, 31, p. 66—68.

⁵¹ Подсчеты произведены на основании следующих данных: I книга, занимающая 37 страниц издания, содержит 12 глав и 140 параграфов; II книга — 50 страниц, 13 глав, 195 параграфов; III книга — 27 страниц, 18 глав, 107 параграфов; IV книга — 29 страниц, 7 глав, 141 параграф.

по формальным характеристикам — это предполагает ее несомненную принадлежность Фронтину.

Близость многих положений IV книги к остальному материалу трактата признается всеми исследователями. Как ни парадоксально, вопрос о непринадлежности IV книги Фронтину возник именно потому, что в IV книге были обнаружены элементы сходства ее материала с содержанием трех первых книг.

Единственный реальный аргумент сторонников «неподлинности IV книги» — это упоминание самого Фронтина о трех книгах своего трактата при фактическом наличии четырех. А. Б. Ранович писал об этом следующее: «...Ничем нельзя объяснить, что, решив присоединить к своему произведению еще одну книгу, Фронтин не изменил собственного предисловия. Это не могло быть забывчивостью, так как одновременно с IV книгой сделано добавление и к предисловию, и трудно допустить, чтобы Фронтин оставил при этом без изменений свое заявление о разделении всего труда на три книги»⁵². Нам представляется, что, упоминая в начале своего трактата о намерении написать его в трех книгах, Фронтин обращался к читателю, уже знакомому с его предыдущим произведением, которое имело, по всей вероятности, трехчленную структуру. Выполнив свое обещание о написании трех книг, Фронтин несколько лет спустя вернулся к работе над своим трактатом и его предисловие к IV книге обосновывает необходимость продолжения работы. Создается впечатление, что Фронтина ничуть не смущало то обстоятельство, что вместо обещанных вначале трех книг их будет четыре: сюжеты, рассмотренные в IV книге, фактически стратегемами не являются — это сфера чистой стратегии. Очевидно поэтому в предисловие к I книге Фронтин вставил абзац о различии этих двух терминов. Фронтин не нарушил своего обещания читателю: собственно стратегемы занимают три книги, как это и было сказано во введении.

Возможно, что Фронтина смущало другое обстоятельство: после доработки наименование трактата — «Стратегемы» — уже не вполне соответствовало его содержанию. Об этом некоторым образом свидетельствуют имеющиеся разночтения в наименовании трактата в различных рукописях, на что уже обратил внимание Г. Гундерман⁵³.

Определяя место «Стратегем» в античной литературе, следует отметить, что воинские хитрости в качестве литературного сюжета издавна присутствовали в исторических и специальных военно-теоретических сочинениях как греческих, так и римских авторов, правда, здесь они выступали в качестве не самостоятельного, а подчиненного, второстепенного сюжета. Из этих собственно исторических источников Фронтин мог черпать свой материал. И самих авторов этой группы я уже называл. Не исключено, что еще до Фронтина существовали специальные сборники, в которых стратегемы были уже самостоятельным материалом. Такие сборники до нас не дошли, а потому сочинение Фронтина остается первым известным нам произведением подобного жанра. Сравнительный анализ «Стратегем» и однотипного трактата Полиена, писавшего по-гречески во времена Марка Аврелия⁵⁴, заставляет, однако, предполагать существование общего для них более раннего источника, оформленного по персоналиям и написанного, скорее всего, на греческом языке⁵⁵. Фронтин мог использовать и такую группу источников, которые охватывались термином *exempla* и представляли собою сборники поучительных исторических примеров, анекдотов, высказываний, составленных для риторических целей. Собственно стратегемы входили в эти комплексы в качестве специальных глав и разделов. Основоположителем *exempla* считается Кор-

⁵² См. ВДИ, 1946, № 1, с. 220.

⁵³ *Frontin.*, praef., p. XIII.

⁵⁴ Polyaei Strategematon libri octo. Ed. E. Wolfflin — J. Melber. Lipsiae, 1887.

⁵⁵ Kriegslisten, S. 7.

нелий Непот; его позднейшим adeptом был Валерий Максим, старший современник Фронтин. Как полагал Г. Бенди, они оба пользовались каким-то общим источником: одна из глав (VII, 4) сборника Валерия Максима *Factorum ac dictorum memorabilium libri IX* носит наименование «Стратегемы»⁵⁶. Широкое распространение *exempla* в римской литературе отмечено самим Фронтином, когда в предисловии к I книге он писал, что «все, хоть в какой-то мере являющееся примечательным, уже передано авторами (поучительных) примеров» (*ab auctoribus exemplorum, quidquid insigne aliquo modo fuit, traditum*)⁵⁷ и что «те, которые занимались извлечением достопримечательностей, вводили в смущение читателя нагромождением фактов» (*et hi, qui notabilia excerpserunt, ipso velut aservo rerum confuderunt legentem*)⁵⁸.

Поскольку источники Фронтин. относились к самым различным жанрам, различались по времени своего возникновения, содержали информацию далеко не однозначную по своей исторической ценности, перед автором стояла задача их серьезной обработки. Однако его трактат оказался несвободным от некоторых явных ошибок⁵⁹. Хрестоматийным в этом плане является пример, когда ветер Волтурн⁶⁰, дувший в битве при Каннах, переделывается в реку того же названия; характерно, что это случается дважды, в двух различных книгах трактата⁶¹ (в действительности река, протекающая вблизи Канн, называется Ауфид). Имеются отдельные фактические неточности, ошибки в транскрипции имен собственных, погрешности в титулах и званиях военачальников и т. д.⁶² Одна из возможных причин этих ошибок — не всегда критическое восприятие Фронтином информации своих источников; другие искажения могли произойти по вине позднейших переписчиков. Достоинства трактата, однако, явно перевешивают его недостатки.

Оценка труда Фронтин. с военной и исторической точек зрения в ученой литературе была далеко не однозначной. Сторонники «теории неподлинности IV книги» акцентировали внимание на ошибках сочинения, видя в этом подтверждение своего мнения⁶³. Впрочем, они были вынуждены признать, что недостатки свойственны IV книге не в большей степени, чем первым трем. Было обращено внимание на наивность некоторых рекомендаций Фронтин., неправдоподобность отдельных ситуаций, анекдотичность некоторых сентенций. Наиболее негативная оценка трактата была дана И. Кромайером и Г. Файтом, отказавшим рекомендациям Фронтин. в какой-либо ценности с исторической и военной точек зрения⁶⁴. Подобная оценка вызвала справедливые возражения Ф. Ламмерта. Произведение Фронтин., указал он, действительно не свободно от ошибок. Тем не менее оно представляет интерес для исследователей истории военного искусства, так как содержит ряд сообщений, неизвестных нам по другим источникам (эпизоды походов Суллы, Лукулла, Вентидия и др.). Ф. Ламмерт полагал, что информация Фронтин. достаточно адекватно отражает существо римской тактики на протяжении двух веков (I в. до н. э. — I в. н. э.)⁶⁵.

Имеются основания говорить о высоком авторитете Фронтин. как в глазах его современников, так и потомков. Упомянутый выше Элиан

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ *Frontin.*, I, praef., p. 1.

⁵⁸ *Frontin.*, I, praef., p. 2.

⁵⁹ См. *Jähns*. *Op. cit.*, S. 87.

⁶⁰ Об этом ветре см. *Вегей*, IV, 38, с. 290.

⁶¹ *Frontin.*, II, 2, 7, p. 44; III, 14, 2, p. 109.

⁶² Отмечены в приложении к русскому изданию «Стратегем» — ВДИ, 1946, № 1, с. 284.

⁶³ См., например, *Wölfflin E.* *Frontins Kriegslisten.* — *Hermes*, t. 9, 1875.

⁶⁴ *Kromayer J.*, *Veith G.* *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer.* München, 1928, S. 15.

⁶⁵ *Lammert F.* *Strategemata.* — *RE*, 4A, I, 1931.

указывал в своей «Теории тактики», что он начал свой трактат по совету Фронтин⁶⁶, причем возможность встретиться с ним и провести несколько дней в беседах составляла предмет гордости Элиана на протяжении всей его жизни⁶⁷. Фронтин не только сам был автором популярного военно-исторического сочинения, но и побудил к творчеству другого писателя, чья «Теория тактики» составила целую эпоху в военной науке, читалась и изучалась на протяжении тринадцати столетий и пережила свое второе рождение в период позднего средневековья (начиная с XV в.).

Произведение Фронтин⁶⁸ дошло до нас в нескольких рукописях. Оно пережило свое время и породило многочисленные заимствования у средневековых авторов. Так, отдельные стратегемы Фронтин⁶⁹ находятся среди дополнений Павла Диакона к *Breviarium ab Urbe condita* Евтропия, а также в большом количестве (и преимущественно из IV книги) в главном этическом сочинении (*Policraticus*) английского богослова XII в. Иоанна Солсберийского⁶⁸. Новая жизнь трактата началась с конца XV в., когда в Европе стали появляться его издания в переводах на современные языки. Зарождение и совершенствование нового для Западной Европы рода войск — пехоты, постепенно утверждавшей свое преимущество перед рыцарской конницей⁶⁹, обусловило возрождение интереса военных специалистов к тактическим сочинениям античности. Наряду с сочинениями Онасандра, Элиана и Вегетия рекомендации Фронтин⁶⁹ легли в основу тактики западноевропейской пехоты позднего средневековья.

⁶⁶ Aelianus, prooimion, 3 — in: *Dain. Histoire du texte d'Elie*, p. 16.

⁶⁷ Несмотря на попытки отдельных исследователей увидеть в элиановском Фронтине других лиц с этим именем, Р. Ферстером обосновано положение об идентичности этого персонажа именно с «нашим» Фронтин⁶⁸ — *Förster. Op. cit.*, S. 447 f.

⁶⁸ Подробнее см. об этом во введении Г. Гундермана и его изданию трактата Фронтин⁶⁹ (см. прим. 11), р. X—XII.

⁶⁹ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 14, с. 363 слл.

[SOME DISPUTED QUESTIONS CONCERNING THE *STRATEGEMATA* OF FRONTINUS]

V. V. Kuchma

The writings of Sextus Julius Frontinus, Roman military leader and public figure of the 1st century A. D., had considerable influence on the development of military theory in antiquity and the Middle Ages. Only one of his treatises in this field has survived, the *Stratagems*, a collection of historical examples (400 in all) of the stratagems used in the field by the great military leaders of Greek and Roman antiquity. The main problems concern the structure and date of the treatise. In his preface Frontinus says that his work will consist of three books, whereas the manuscript tradition gives it four. For more than a century scholars have disputed the authenticity of the fourth book. Internal criticism (from the standpoint of form as well as content) and study of the work's influence on later military literature (e. g., the treatises of Polyaeus and Vegetius) has convinced the author that Frontinus wrote all four books of the *Stratagems*. The first three books were written in the years 84—88, the fourth was added before 96, while the emperor Domitian was still alive.

Frontinus's work long outlived his own time. Along with the basic rules laid down by Onasander, Aelian and Vegetius, the precepts of Frontinus underlay the tactical principles used by the West European heavy infantry in the late Middle Ages.

Г. М. Бонгард-Левин, М. И. Воробьева-Десятоевская

НОВЫЕ САНСКРИТСКИЕ ТЕКСТЫ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

(Фрагменты «Пратимокша-сутры» сарвастивадинов)

Исследование рукописных материалов, хранящихся в Центрально-азиатском фонде Института востоковедения АН СССР¹, начатое еще в конце XIX в. академиком С. Ф. Ольденбургом, в последние годы привело к открытию ряда уникальных санскритских текстов, многие из которых ранее были известны лишь в переводах на китайский и тибетский языки². Публикация некоторых идентифицированных сочинений и фрагментов («Дхармашарира-сутры», махаянской «Махапаринирвана-сутры», «Саддхармапундарика-сутры»)³ привлекла внимание как советских, так и зарубежных ориенталистов. Среди санскритских текстов Центральноазиатского фонда большой интерес представляют фрагменты «Пратимокша-сутры» — одного из самых популярных буддийских памятников⁴. В обширнейшей буддийской литературе он занимает особое место. Текст «Пратимокша-сутры» со временем претерпел значительные изменения (расширились и конкретизировались правила поведения, предписанные буддийским монахам и монахиням; имеются «Пратимокша» для монахов — *Bhikṣuprātimokṣa-sūtra* и «Пратимокша» для монахинь — *Bhikṣunīprātimokṣa-sūtra*); в него включались специальные формулы, которые фактически превратили сутру в своего рода буддийский служебник, используемый почти исключительно в литургических целях. В палийский канон «Пратимокша» («Патимокха») не была включена, правила для монахов и монахинь вошли в «Суттавибхангу». Тексты «Винаи» палийского канона сложились как пояснения и комментарии к «Патимокхасутте», которая считается особо почитаемым памятником, ибо по буддийской традиции он был вложен в уста самого Будды Шакьямуни⁵.

¹ Описание Центральноазиатского фонда и список опубликованных текстов см. *Bongard-Levin G. M., Vorobyeva-Desyatovskaya M. I. Indian Texts from Central Asia. M., 1983.*

² Подробную библиографию см. *Бонгард-Левин Г. М. К исследованию санскритских текстов из Центральной Азии.* — В кн.: История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 12—14.

³ См. *Yuyama Akira. Sanskrit Fragments of the Mahāyāna Mahāparinirvāṇa-sūtra. I. Koyasan Manuscript.* — *Studia Philologica Buddhica. IV. Tokyo, 1981; idem. A Bibliography of the Sanskrit Texts of the Saddharmapundarikasūtra. Canberra, 1970; Emerick R. E. A Guide to the Literature of Khotan. Tokyo, 1979.*

⁴ Впервые на наличие в фонде фрагментов указал С. Ф. Ольденбург: *Ольденбург С. Ф. Индийское собрание.* — В кн.: Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Пг., 1920, с. 89.

⁵ См., например, *Malalasekera G. P. Dictionary of Pāli Proper Names. V. II. London, 1960, p. 181 f.*

В настоящее время ученые полагают, что ядро «Пратимокша-сутры», ее самая древняя часть, была кодифицирована в период около 500—450 гг. до н. э.⁶ Сохранились «Пратимокша-сутры» нескольких буддийских школ: на пали — тхеравадинов⁷, на санскрите — махасангхиков (в рукописях XI в., открытых в Тибете Рахулой Санкритьяной в 30-х гг. XX в.)⁸, муласарвастивадинов (в рукописях V в. из Гильгита)⁹, сарвастивадинов (в рукописях V—VII вв. из Кучи и Турфана)¹⁰, дхармагуптаков¹¹. Санскритские оригиналы ряда других буддийских школ пока не обнаружены и сохранились только в китайских переводах. Тибетский канон сохранил перевод на тибетский язык «Пратимокша-сутры» муласарвастивадинов¹². Палийский и санскритский тексты, а также их соотношение с переводами сутры на тибетский и китайский языки в настоящее время подробно исследованы учеными, уточнена хронологическая последовательность сложения текстов, этапы включения правил, расположения их по разделам, изучен материал, свидетельствующий об особенностях жизни различных монашеских общин — сангх¹³.

Неисследованной остается другая сторона «Пратимокша-сутры», которая представляет особый интерес для специалистов по древнеиндийской культуре. Правила поведения для монахов не были введены буддистами, большинство их составлено в Индии в добуддийский период. Многие из них использовались еще ведийскими риши и отшельниками-саньяси и были связаны с древнеиндийскими календарными праздниками (согласно ранней буддийской традиции текст «Пратимокша-сутры» троекратно зачитывался на сходках на 8-й, 14-й и 15-й день каждой половины месяца). Они могут быть адекватно объяснены только при учете норм и обычаев, восходящих к самым древним периодам индийской истории. В этом отношении текст «Пратимокша-сутры» представляет исключительную ценность по сравнению с другими буддийскими текстами.

Настоящая статья вводит в научный оборот новые тексты «Пратимокша-сутры», обнаруженные в Куче в 1905—1907 гг., экспедицией Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии под руководством М. М. Березовского, а также одного листа из коллекции Н. Н. Кроткова, который, судя по палеографическим данным, тоже происходит из

⁶ См. *Prebish Ch. S. Buddhist Monastic Discipline. The Sanskrit Prātimokṣa Sūtras of the Mahāsāṃghikas and Mūlasarvāstivādins* (далее — *Buddhist Monastic Discipline*). The Pennsylvania State University Press. University Park and London, 1975, p. 23.

⁷ Палийский текст впервые был введен в научный оборот И. П. Минаевым: *Пратимокша-сутра, буддийский служебник*. СПб., 1869. Существует также его перевод на английский язык, выполненный Т. Рис-Дэвидсом и Г. Ольденбергом: *Vinaya Texts. P. I. The Pātimokkha. The Mahāvagga, I—IV. — The Sacred Books of the East. V. XIII. Oxf., 1881*; см. также *Vinaya-piṭaka. The Book of the Discipline. Transl. by I. B. Horner. V. I—III. L., 1969—1970* (*Sacred Books of the Buddhists*, v. 10, 11, 13).

⁸ Санскритский текст «Пратимокша-сутры» махасангхиков издан В. Паховым и Р. Мишрой: *Pachow W., Mishra R. The Prātimokṣa-sūtra of the Mahāsāṃghikas. Allahabad, 1956*. Повторное, исправленное издание того же текста (в графике деванагари) см. *Prātimokṣasūtram. Ed. by Anantalal Thakur. Tibetan Sanskrit Works Series. № 16. Patna, 1975*. Перевод см. *Prebish Ch. S. Buddhist Monastic Discipline*.

⁹ Санскритский текст «Пратимокша-сутры» муласарвастивадинов, происходящий из Гильгита, в виде факсимиле издан Локешом Чандрой (*Lokesh Chandra*) в серии «Шатапитака»: *Śatapitaka*, v. 10(1), Delhi, 1959; v. 10(2), Delhi, 1960. Транслитерацию и перевод см. *Bannerji A. Ch. Prātimokṣasūtram (Mūlasarvāstivāda). Calcutta, 1954*; *idem. Two Buddhist Vinaya Texts in Sanskrit. Prātimokṣa-sūtra and Bhikṣukarmavākya. Calcutta, 1977*.

¹⁰ Санскритский текст из Кучи издан (вместе с выполненным Э. Хубером переводом на французский язык китайского текста Кумарадживы) Л. Финно: *Finot L. Le Prātimokṣasūtra des Sarvāstivādins. — JA, 11 Sér., t. II, p. 465—557*.

¹¹ О «Пратимокша-сутре» дхармагуптаков см. *Waldschmidt E., Clawiter W., Holzmann L. Sanskrithandschriften aus den Turfanfunden. Bd. I. Wiesbaden, 1965, S. 297 f.*

¹² Полная библиография всех публикаций текстов и исследований «Пратимокша-сутры» издана Акирой Юямой: *Systematische Übersicht über die Buddhistische Sanskrit-Literature. Bd. I. Vinayatexte von Akira Yuyama. Wiesbaden, 1979, S. 1—24*.

¹³ См. *Buddhist Monastic Discipline; Misra G. S. P. The Age of Vinaya. A Historical and Cultural Study. New Delhi, 1972*.

Кучи¹⁴. До находок в Центральной Азии в конце XIX — начале XX в. ученые не имели в своем распоряжении санскритского оригинала «Пратимокша-сутры» школы сарвастивадинов, ибо он в самой Индии не сохранился и был известен только по переводу V в. н. э. на китайский язык, выполненному Кумарадживой. Открытые в Восточном Туркестане (в Куче и Турфане) рукописи «Пратимокша-сутры» хранятся в СССР (ИВ АН СССР), Франции (Париж, Национальная библиотека, коллекция П. Пелльо), Англии (коллекции А. Стейна и А. Ф. Р. Хёрнле) и ГДР (Берлин, Турфанская коллекция Академии наук). Санскритский текст «Пратимокша-сутры» из коллекции П. Пелльо был опубликован Л. Фино в 1913 г. Фрагменты «Пратимокша-сутры» для монахинь (Bhikṣuṇī-prātimokṣa) из Турфанской коллекции были изданы Э. Вальдшмидтом в 1926 г.¹⁵, большая же часть текстов «Пратимокша-сутры» сарвастивадинов из этой коллекции остается до сих пор неизданной¹⁶. В 1959 г. В. Розен опубликовала фрагменты «Винайавибханги» — комментаторского текста к «Пратимокша-сутре» сарвастивадинов (в своей книге она привела также и тексты некоторых фрагментов «Пратимокша-сутры» из коллекции Г. Людερса)¹⁷. Не были введены в научный оборот и фрагменты, хранящиеся в ИВ АН СССР. Публикуемые нами тексты невелики по размеру, но они очень важны для изучения «Пратимокша-сутры». Текст трех листов (из двух рукописей) восполняет лакуны в рукописи из Парижской Национальной библиотеки, изданной Л. Фино; кроме того, во всех списках, происходящих из Кучи, много разночтений с этим текстом. Публикуемые фрагменты должны быть учтены при подготовке критического текста «Пратимокша-сутры». Это издание давно уже планировалось в ГДР¹⁸, а сейчас предпринимается Г. Симсоном (Норвегия)¹⁹.

1. ФРАГМЕНТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ М. М. БЕРЕЗОВСКОГО

В коллекции М. М. Березовского в рукописном собрании ИВ АН СССР под шифром SJ $\frac{B}{12}$ хранятся 20 фрагментов «Пратимокша-сутры» для монахов из Кучи, относящиеся по крайней мере к шести различным рукописям. Среди этих фрагментов — два целых листа, на которых имеется пагинация: л. № 8 и л. № 9. К этому же списку, по всей вероятности, относятся еще несколько фрагментов, без пагинации. Некоторые фрагменты оборваны со всех сторон. В данное издание мы сочли целесообразным включить 10 фрагментов лучшей сохранности.

Текст на публикуемых листах и фрагментах относится к трем разделам «Пратимокша-сутры»: 1) ко II разделу — Samghāvaśeṣa Dharmas, касающемуся 13 правил поведения монахов, за нарушение которых они подвергались наказанию и временному отлучению от общины; 2) к IV разделу — Nihsargika-Pāṭayantika Dharmas, касающемуся 30 правил, регламентирующих пользование монахами одеждой, ковриком для сидения, деньгами, посудой и лекарствами; нарушение этих правил ведет к

¹⁴ Краткая информация об отдельных фрагментах ранее уже была дана; были опубликованы две фотографии (фрагмент из коллекции Н. Н. Кроткова), см. *Bongard-Levin G. M., Tyomkin E. N. New Buddhist Texts from Central Asia*. М., 1967; они же. Работы В. С. Воробьева-Десyatovского и исследование буддийских текстов из коллекции Н. Ф. Петровского. — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974; *Bongard-Levin G. M. Studies in Ancient India and Central Asia*. Calcutta, 1971; *Bongard-Levin, Vorobyova-Desyatovskaya. Indian Texts from Central Asia*.

¹⁵ *Waldschmidt E. Bruchstücke des Bhikṣuṇī-Prātimokṣa der Sarvāstivādins*, 1 Lief. — Lpz., 1926; 2 Lief. — Wiesbaden, 1979, (Kleine Sanskrit-Texte, Hf. III).

¹⁶ См. *Waldschmidt, Clauiter, Holzmann*. Op. cit., S. 348 (указаны все хранящиеся в фонде фрагменты сутры).

¹⁷ *Rosen V. Der Vinayavibhaṅga zum Bhikṣuṇī-prātimokṣa der Sarvāstivādins* (Sanskrittexte aus den Turfanfunden. Bd. 2). В., 1959.

¹⁸ *Rosen*. Op. cit., S. 13.

¹⁹ Сообщение Г. Симсона в письме от 12.XII.1983 г.

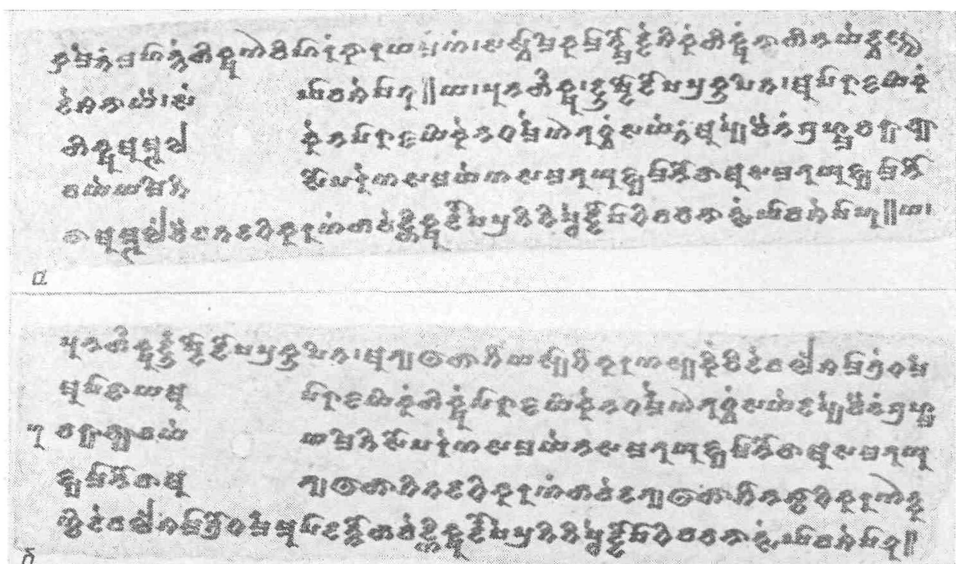

Рис. 1

конфискации лишних вещей и к наказанию по усмотрению общины; 3) к разделу V — *Pātayantika Dharmas*, касающемуся 90 правил поведения монахов относительно общения с женщинами, еды и питья, вина изучения сутр, поведения в общине и во время путешествий и т. д. За нарушение этих правил положено наказание по усмотрению общины.

Раскаяние в совершении поступков, нарушающих предписанные выше правила, во время торжественного чтения «Пратимокша-сутры» по 14-м и 15-м числам каждой половины месяца (так называемая церемония упосатха или упавасатха) искупает вину бхикшу.

Ниже приводится описание каждого фрагмента, транслитерация текста, разночтения с текстом, опубликованным Л. Фино, и сопоставление с текстом турфанских фрагментов Г. Людерса по публикации В. Розен. Первые 2 листа, сохранившиеся целиком, публикуются с переводом на русский язык и с примечаниями. Текст остальных фрагментов не переводится.

Фр. 1 *Лист № 8*. Размер: 20 × 5 см. Бумага светло-коричневая, текст написан на двух сторонах черной тушью, по 5 строк на каждой. Почерк — наклонный центральноазиатский брахми. Текст относится к разделу II, — *Samghāvaśeṣa Dharmas*; ср. Finot, p. 481, стк. 4 — p. 482, стк. 9, правила № 7—9. В рукописи Л. Фино в тексте всех трех правил — лакуны, особенно в правиле № 7. Наша рукопись позволяет восстановить текст этих правил целиком (рис. 1а, б).

Транслитерация *

a

1. *kramet. mahāntaṃ bhikṣuṇā vihāraṃ kārayamāṇaṃ | sasvāmikam-ātmoddeśikaṃ bhikṣuṃ nābhinayed-vastu*^{a-}
2. *deśanāyai | samghāvaśeṣa*⁶ 7 || *yaḥ punar-bhikṣuḥ duṣṭo doṣaprapakupitaḥ apārājayikaṃ*¹

* Слова, отмеченные в транслитерации буквами русского алфавита над строкой, поясняются в примечаниях к тексту; арабскими цифрами отмечены разночтения с рукописью Л. Фино; см. после транслитерации.

3. bhikṣu[m] amūlakena pārājayikena ² dharmenānudhvamsayet apyevai-
naṃ brahmacaryā ³-cya-
4. vayeayamiti so pareṇa samayeṇa ² samanuyujyamāno vā ⁴ asamanuyujy-
amāno
5. vā amūlaṃ caiva tad-adhikaraṇaṃ bhaved-bhikṣur-doṣe pratitiṣṭhed-
doṣādhivacanāt ³-saṃghāvaśeṣā 8 || yaḥ

b

1. punar-bhikṣur-duṣṭo doṣa-prakupitaḥ anyathā bhāgiṇasyādhikaraṇasya
kiṃcid-eva ⁴ leśamātraṃ dharma-
2. m-upādāya apārājayikaṃ ⁵ bhikṣuṃ pārājayikena ⁶ dharmenānudhvam-
sayed-apyevainaṃ brahma-
3. caryā ³ cyāvayeyamiti so pareṇa ⁷ samayeṇa samanuyujyamāno va
asamanuyu-
4. jyamāno vā anyathā bhāgi ^c tad adhikaraṇaṃ ⁸ bhaved-anyathā bha-
giṇaścādhikaraṇāt ⁹-ka-
5. ṇcid-eva leśamātro ^ж dharmam-upādatto bhaved-bhikṣur-doṣe pratitiṣṭ-
hed-doṣādhivacanāt-saṃghāvaśeṣā 9 ||

Примечания к тексту

^a Может быть и vāstu, ср. Rosen, S. 64.

^b Должно быть, очевидно, saṃghāvaśeṣa(h), ед. ч., муж. р. (согласуется с dhar-
ma), так как идет перечисление конкретных нарушений. То же повторяется и в дру-
гих случаях. В рукописи Л. Фино и в турфанских фрагментах (у В. Розен) обычно
saṃghāvaśeṣaḥ, но встречается и saṃghāvaśeṣā (см. Rosen, S. 66). Возможно, что здесь,
как и в нашем фрагменте, — особенность буддийского санскрита. Об окончании
ā в Nom.sg.m. см. Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar. New Haven, 1953
(далее — Edg. I), p. 50; 8.24; об отсутствии висарги в Nom.sg.m. в буддийском сан-
скрите см. Edg. I. 8.22. В тексте в сткк. 1 и 2 после kārayamānaṃ и deśanāyauḥ стоят
разделительные знаки типа висарги, которые в других случаях явно передают ḥ.

^v Должно быть brahmacaryād, но перед следующим с — brahmacaryās (см. Fi-
not, p. 491, стк. 7).

^г Должно быть samayeṇa (то же — сторона б, стк. 3).

^д По правилам сандхи должно быть слияние — vāsamanuyujyamāno, но, види-
мо, для необходимости четкого различения смысла это правило игнорируется. То же —
и дальше, например, vā amūlaṃ, стк. 5; сторона б, стк. 3.

^e Должно быть bhāgi (в турфанском фрагменте — bhāgi, см. Rosen, S. 66).

^ж Должно быть leśamātraṃ, но в буддийском санскрите в Acc. sg. m. возможно так-
же и o; см. Edg. I. 8.36.

Разночтения с текстом Л. Фино

- ¹ 481(6): apārājikīyaṃ.
- ² 481(6—7): amūlakena отсутствует; pārājikena.
- ³ 481(9): bhikṣu(c cānudhvam) sayitā doṣe pratiṣṭhed doṣenāvocaṃ.
- ⁴ 482(2): kacid eva.
- ⁵ 482(2): apārājikīyaṃ.
- ⁶ 482(3): pārājikena.
- ⁷ 482(4): [tatoparena].
- ⁸ 482(5): [vānya]bhāgi(naś cā)dhikaraṇāt.
- ⁹ 482(5): bhaved-anyathā bhāgiṇaścādhikaraṇāt отсутствует, затем — зна-
чительные разночтения до конца листа.

Перевод

a

1. [если] он превышает ¹. Если монах строит ² большую вихару ³
на [месте], имеющем владельца, и предназначенную для себя
приглашает монаха ⁵

2. для инструкции о [выборе] места — [это проступок] сангхавашеша. 7. И еще. Если какой-либо злобный монах, движимый [чувством] враждебности, не совершившего проступка из [разряда] параджика [дхармы]
3. монаха без оснований обвинит ⁶ в совершении проступка [из разряда] параджика [дхармы], думая: «Вот так я его благое поведение ⁷
4. испорчу». И если позднее, будут ли взяты объяснения или не будут взяты объяснения ⁸ [у осужденного монаха],
5. выяснится, что это обвинение ⁹ безосновательно, а монах, [выступающий с обвинением], будет упорствовать в своем злобном обвинении, — [этот проступок] сангхавашеша, так как это утверждение [исходит] из злобного [обвинения] ¹⁰. 8.

б

- 2. И вот еще. Если какой-либо злобный монах, движимый [чувством] враждебности, монаха, который не совершил проступка [из разряда] параджика дхармы, обвинит в совершении проступка [из разряда] параджика [дхармы], ссылаясь на какую-либо даже незначительную часть правила о нарушениях ¹¹, связанную с обвинением [совершенно] иного рода ¹², ч [думая]:
3. «Вот так я его благое поведение испорчу». И если позднее, будут ли взяты объяснения или не будут взяты объяснения [у обвиненного монаха],
 - 4—5. будет [выяснено], что это обвинение связано [совершенно] другим и что [для осуждения] он ссылается на какую-либо даже самую незначительную часть правила [о нарушениях], связанную с обвинением [совершенно] иного рода ³, и если [высказывающий обвинение] монах будет упорствовать в своем злобном [обвинении], — [этот проступок] сангхавашеша, так как это утверждение [исходит] из злобного [обвинения].

Комментарии к переводу

¹ В санскритском тексте, опубликованном Л. Фино (с. 481, стк. 3), — *vātikramet* (et s'il dépasse les dimensions). Проступок состоит в том, что монах, построивший на деньги донатора или из материала, который ему пожертвован в виде милостыни, себе скит (скр. *kuṭi*), превысил при этом установленные размеры жилища. То же — в палийском тексте. Далее в тексте Л. Фино следует слово *saṃghāvaśeṣaḥ*. В турфанском фрагменте — *araṅkākramet* (Rosen, S. 64). Далее приводится перевод с принятиями исправлениями (см. прим. 4 и 5). Авторы пользуются возможностью выразить признательность за ценные консультации проф. В. С. Патхаку (Индия).

² Скр. *kārayamāṇam* — прич. наст. вр. страдат. залога от каузативной основы глагола *kr*.

³ В ранний период под вихарой понимали место для жилья монаха и в текстах очень часто *vihāra* и *kuṭi* (скит, жилище) являются синонимами (см. *Buddhist Monastic Discipline*, p. 116). В турфанском фрагменте вместо *mahāntam* — *mahallakam* (Rosen, S. 64).

⁴ *ātmoddeśikam*. Пребиш переводит — «intended for himself» (*Buddhist Monastic Discipline*, p. 54—55, 116). Так же понимал текст, судя по переводу Э. Хубера, автор перевода на китайский язык Кумараджива (см. *Finot*, p. 481: «pour son usage»), а затем и другие современные исследователи (Rosen, S. 64 — «für sich selbst»; Рис-Дэвидс и Ольденберг — «for his own use» (*Vinaya Texts*, p. 9). Такой смысл, очевидно, наиболее точен, но конструкция текста в нашем фрагменте — *saśvāmikam ātmoddeśikam bhikṣum* — определяет иной перевод: «монаха, который является владельцем [места] и по просьбе [или намерению. — *Авт.*] которого строится вихара» (см. прим. 5.) Интересно, что в тексте муласарвастива-

динов вместо ātmoddeśikam стоит samghaddeśakam — «для сангхи». Подробнее см. Buddhist Monastic Discipline, p. 116.

⁵ В нашем тексте — bhikṣum, Acc. sg., в то время как у Фино, в турфанском фрагменте у Розен и в палийском тексте — bhikṣūn (пали bhikkhūn) — Acc. pl. Следует, очевидно, принять этот вариант, иначе меняется смысл правила. Тогда svāmikam, очевидно, согласуется с vihāram, как это имеет место в палийском тексте: «and to belong also to others» (Vinaya Texts, p. 9). Пребш тоже в своем переводе исходит из такого согласования: «which has a donour» (Buddhist Monastic Discipline, p. 55). У Розен — «wenn ein Mönch, der einen Gabenherren hat» (S. 64). Очевидно, под svāmika имеется в виду даритель места для строительства вихары. Тексты рукописи Фино и турфанского фрагмента, как представляется, позволяют внести поправку в наш текст: вм. bhikṣum следует читать bhikṣūn (Acc. pl.). Тогда ātmoddeśikam и svāmikam выступают как определения к vihāram и перевод всего отрывка должен быть следующим: «Если монах строит большую вихару [на месте], имеющем владельца, и предназначенную для себя, и не приглашает [других] монахов...».

⁶ Скр. anudhvamsayet — Opt. 3 sg., букв. «если накапает». Проступок из разряда параджика-дхарма — буд.-скр. pārajika из *pārāsika — букв. «серьезный проступок, ведущий к исключению из общины» (см. Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit Dictionary. New Haven, 1953 (далее — Edg. II), p. 342). Исследователи по-разному переводили и трактовали слово pārajika: см. Roth. G. Terminologisches aus dem Vinaya der Mahāsāṃghika-Lokottaravādin. — ZDMG, 1968, Bd. 118, S. 341—343; Buddhist Monastic Discipline, p. 11.

⁷ Очевидно, имеется в виду лишение монашеского одеяния и тем самым изгнание из общины. См. Vinaya Texts, p. 9.

⁸ Причастие наст. вр. страдат. залога, Nom. sg., букв. «спрашиваемый и неспрашиваемый».

⁹ adhikaraṇa — «matter of contention or dispute», «ground of dispute» (см. Edg. II, p. 12). Но также может значить «раздел, часть параграфа» и т. д. См. Monier-Williams. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1956, p. 20. В данном случае речь, очевидно, идет о каком-либо разделе (части) свода «монашеских» правил (dharma), нарушение которого ведет к серьезным проступкам и требует наказаний.

¹⁰ В турфанском фрагменте (Розен, с. 65) — по-другому: doṣenāvocaṃ «я говорил в злобе» (ср. Buddhist Monastic Discipline, p. 57). Эти тексты ближе к пали, чем текст нашего фрагмента (ср. перевод Рис-Дэвидса и Ольденберга: «the Bhikkhu confesses his malice» — Vinaya Texts, p. 10).

¹¹ leśamātram — adv. — букв. «очень немножко, самую малость».

¹² Слово дхарма здесь — часть термина pārajika dharmas — «[Свод нарушений из разряда параджика]».

¹³ При сохранении общего смысла переводчики дают различные варианты: у Э. Хубера (в переводе текста Кумарадживы) — «Si an bhikṣu... prend, dans une affaire ne s'y rapportant pas, un détail ou s'appuie sur un détail pour accuser un bhikṣu...» (Finot, p. 482); у Розен — «Wenn ein Mönch... einen geringfügigen Punkt aus einem schwerwiegenden Vergehensfall nimmt und sich auf diesen Punkt stützt...» (S. 66); при переводе anyathābhāgiṇa она следует комментарию (ср. Vinaya—Pitaka, III, 168 — aññabhāgiyassa adhikaraṇassā ti, āpattaññabhāgiyaṃ vā hoti adhikaraṇaññabhāgiyaṃ vā); у Рис-Дэвидса и Ольденберга (палийский текст) — «supporting himself by some point or other of no importance in a case that really rests on something of a different kind» (Vinaya Texts, p. 10); у Пребша (версия муласарвастивадинов) — «taking up something merely as a pretext for a legal question connected with something contrary or other» (Buddhist Monastic Discipline, p. 57).

Фр. 2. Лист № 9. Из той же рукописи, что и л. № 8, продолжение раздела Saṃghāvaśeṣa Dharmas, правило № 10 и начало правила № 11

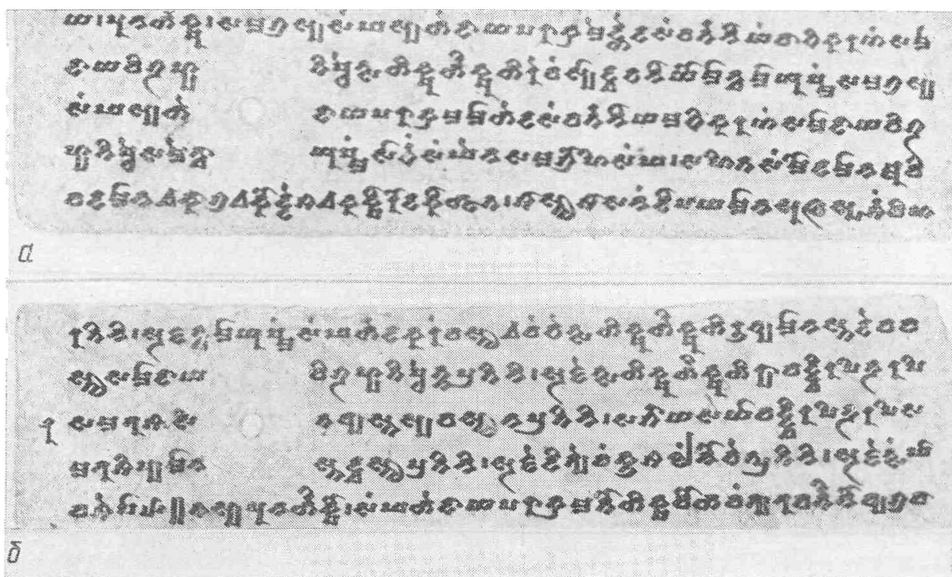

Рис. 2

Ср. Finot, p. 482, стк. 10 — p. 483; стк. 10. В рукописи Фино — значительные лакуны, которые восстанавливаются с помощью текста нашей рукописи (рис. 2 а, б).

Транслитерация

a

1. yah' punar-bhikṣuḥ saṃagrasya saṃghasya bhedāya parākramed-bheda¹ saṃvartaniyaṃ vādhikaraṇaṃ samā-
2. dāya vighṛhya tiṣṭhet-sa bhikṣur-bhikṣubhir-evam syād-vacanīyo mā tvam²-āyuṣmaṃ samagrasya
3. saṃghasya bhedāya parākrama³ mā bhedasaṃvartaniyam-adhikaraṇaṃ samādāya vighr-
4. hya tiṣṭhe^a sametvāyuṣmaṃ sārghaṃ saṃghena samagro hi saṃghaḥ sa-hita-saṃmodamāna-avi-
5. vadamāna-ekāgra-ekoddeśa ekakṣīrodakībhūtaḥ śāstu⁶ śāsanaṃ dīpayamāna⁷ sukhasparśaṃ⁴ viha-

b

1. rati niḥsrjatvāyuṣmaṃ saṃghabhedakaraṃ vastu evaṃ cet-sa bhikṣur-bhikṣubhirucyamānas-tadeva⁵ va-
2. stu samādāya vighṛhya tiṣṭhen⁶ na pratiniḥsrjet-sa bhikṣur-bhikṣubhiryāvaddvirapitr⁷-api-
3. samanūśāsitaavyas-tasya vastu na pratiniḥsargāya sa yāvad-dvir-api trir⁷ api sa-
4. manuśīyamānas-tad-vastu pratiniḥsrjed-ityevaṃ kuśalaṃ no cet pratiniḥsrjet-saṃghā-
5. vaśeṣā 10 || tasya punar-bhikṣoḥ saṃgha-bhedāya parākramato bhikṣavo bhavaṃtyanuvartino vyagrā vā

Примечания к тексту

^a Ср. Finot., p. 483.

^б Скр. śāstar «Учитель», эпитет Будды. О форме см. Edg. I, p. 91; 13.21.

^в В окончании нет висарги, ср. Edg. I.34 и I.8.22.

^г Должно быть trir, см. Finot, p. 483.

- ¹ 482(11): bhedana.
- ² 482(13): нет tvam.
- ³ 482(13): parākramet.
- ⁴ 483(2): phāsaṃ.
- ⁵ 483(4): tathaiva.
- ⁶ 483(5—6): значительные разночтения до конца листа.

Перевод

а

1. И вот еще: Если какой-либо монах стремится ¹ к расколу общины, которая единая, или прибегает к [ссылке] на такой раздел [свода правил], который может вызвать раскол [общины],
2. и настаивает на этом ². Этому монаху монахи должны сказать следующее: «Ты, почтенный,
3. обращаешься к тому разделу [свода правил], который может привести к расколу. Ты не должен настаивать на этом.
4. Ты, почтенный, иди вместе с общиной, потому что община единая, основана на дружелюбии,
5. без споров, с единой целью ³; [она соблюдает] единоначалие ⁴, единая, как смесь молока и воды, доктрину Учителя освещает, живет в довольстве [и] благополучии.

б

1. Оставь ты, о почтенный, [это] дело, ведущее к расколу общины». — Если даже после того как того монаха монахи так увещевали,
2. он все же настаивает на том самом деле [и] не отказывается [от него], того монаха монахи и дважды, и трижды
3. [снова] должны увещевать. Если же он не отказывается от того дела, [но если] после двух и трех раз
4. увещевания, он откажется — это хорошо. Если же не откажется, — [проступок] сангха-
5. вашеша. 10. И вот еще: если у того монаха, который стремится к расколу общины, среди монахов появляются последователи или [те, кто] подпадает [под его] влияние ⁵.

Комментарии к переводу

¹ Скр. parākramed — 3 Opt. sg., букв. «если движется вперед, продвигается к».

² Скр. vighra tiṣṭhet, букв. «упершись, стоит», — очевидно, сложнointенсивный глагол, где глагол sthā «стоять» (основа наст. вр. — tiṣṭha) выступает в качестве вспомогательного.

³ Ср. Розен (S. 69) — «sie hat ein Ziel»; Э. Хубер переводит китайский текст Кумарадживы: «d'un seul coeur» (Finot, p. 483); Пребиш — «one pointed Dharma exposition» (Buddhist Monastic Discipline, p. 57 — версия муласарвастивадинов).

⁴ Скр. ekoddeśa мы следуем за переводом Рис-Дэвидса и Ольденберга: «under one authority» (Vinaya Texts, p. 11) и Пребиша — «under one rule» (Buddhist Monastic Discipline, p. 56 — версия махасангхиков, см. также p. 124, not. 36 *). У Розен (S. 69) — «eine Lehre».

⁵ У Рис-Дэвидса и Ольденберга — «and raise their voices on his side» (Vinaya Texts, p. 11).

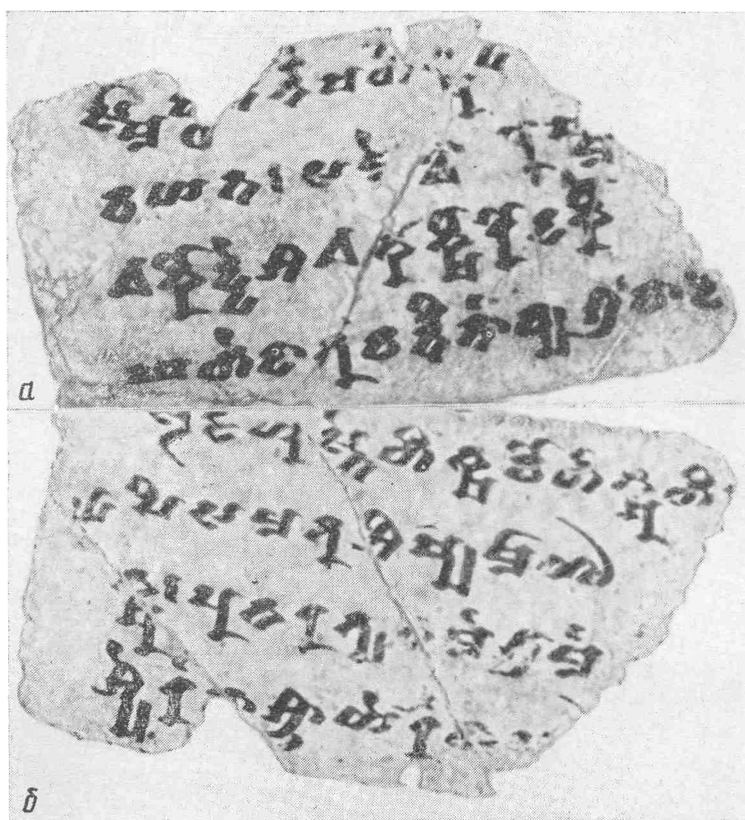

Рис. 3

Фр. 3. Фрагмент другой рукописи, 7 × 4 см, текст на двух сторонах, по 4 строки на каждой. Левая половина листа (правая оборвана), имеется пагинация: л. № 10. Раздел Saṃghāvaśeṣa Dharmas. правила № 10—12. Ср. Finot, p. 482—485, стк. 2. Имеются значительные разночтения (рис. 3 а, б).

Транслитерация

а

1. smād-dh[e]lt[o]r-n[ai]ṣa^a bhikṣu...
2. cayataḥ sametvāyauśm¹...
3. ekoddeśa ekokṣīrodakī...
4. gha-bhedānuvartinām vyagravād^б...

б

1. sṛjaṇust^в bhikṣavo bhikṣubhi..
2. ...api samanusiṣyamānā^г...
3. kṣuḥ punar-anyatamaṃ grāmaṃ...
4. śyeraṇ [v]ā śrūyeraṃ vā pr[a]...

Примечания к тексту

^а Ср. Rosen, S. 73 (турфанский фрагмент).

^б Ср. ibid.: saṃghabhedānuvarttikāṃ vyagravādinām.

^в Ср. ibid.: pratiniḥsṛjeyuḥ, далее по Фино: te bhikṣavo..., p. 484 (8).

^г Точно соответствует турфанскому фрагменту (Rosen, S. 73: api samanusiṣya-māṇas).

Рис. 4

Разночтения с рукописью Л. Фино

¹ 483(1): tiṣṭhet sametvāyusmaṃ.

Фр. 4. Фрагмент первой рукописи, 8 × 5 см, сохранилась только левая половина листа, верхний край оборван. На каждой стороне осталось по 4 строки. Раздел Saṃghāvaśeṣa Dharmas, правило № 13 и заключение к разделу. Ср. Finot, p. 486, стк. 11—p. 487, стк. 11. Имеются разночтения (рис. 4 а, б).

Транслитерация

а

- 1 ... (оборвана)
2. yena āyusmān-apī...
3. gavata pariṣad-yadutā...
4. niḥsrjatvam^a-āyusmann-ā...
5. samādāya vighṛhya tiṣṭhen-na pra...

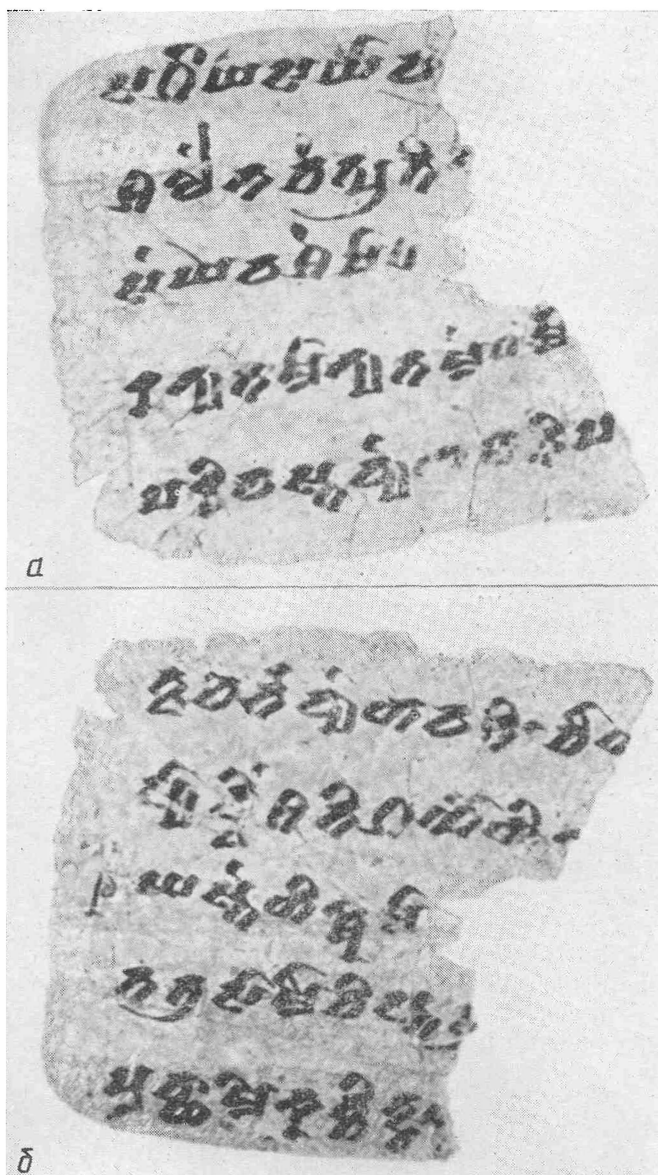

Рис. 5

b

1. tinihsargāya⁶ sa yāva dvir-api tri ...
2. šešā 13 || uddištā ma...
3. yesām bhiksur-anyatamānya...
4. ...ipary[ul]sitaparivāsi^в ...
5. ... (оборвана)

Примечания к тексту

^а В турфанском фрагменте — nihsrje tvam (Rosen, S. 76).

^б В турфанском фрагменте — pratinhsrjet (ibid.)

^в По аналогии с текстом Л. Фино, с. 487, сткк. 10—11; в рукописи сохранилась часть акшары — гу, подписной знак для и, очевидно, стерт.

Фр. 5. *Фрагмент третьей рукописи*, 6 × 5,5 см. Сохранилась только левая половина листа, имеется пагинация: л. № 15. По 5 строк на каждой стороне. Раздел Saṃghāvaśeṣa Dharmas, правило № 13 и заключение к разделу. Ср. Finot, p. 487, стк. 4 — p. 488, стк. 5 (конец раздела). Имеются разночтения (рис. 5а, б),

Транслитерация

а

1. sargāya sa yāva...
2. śalaṃ na cet prati[ni]^a...
3. saṃghāvaśeṣā...
4. r-anyatamānyatamaṃ dharm[aṃ]^б...
5. parivastavyaṃ... (текст не ясен) ...pa...

б

1. tvaṃ cartavyaṃ bhavati. cī[r]pa...
2. syād-viṃśatigaṇo bhi...
3. ghas-taṃ bhikṣum-ā ...
4. tatra sāmīcis-ta[tra]¹...
5. pṛcchāmi kaccit-sth[ā]^в ...

Примечания к тексту

^a Ср. Finot, p. 487, стк. 5 — pratiniḥsṛjet.

^б Ср. ibid., стк. 10.

^в Ср. ibid., p. 488, стк. 5: kaccit sthātra.

Разночтение с рукописью Л. Фино

¹ 488(4): sāmīcī tatrāyusmataḥ.

Фр. 6. *Фрагмент четвертой рукописи*, 8,5 × 4,5 см, соединяется из двух обрывков, недостает правой части. Пагинации нет. По 4 строки на каждой стороне. Раздел Naiḥsargika-Pātayantika Dharmas, правила № 10—15. Ср. Finot, p. 496, стк. 2 — p. 497, стк. 5. Имеются разночтения. Цифры 2 и 3 в тексте обозначают правила № 12 и 13 (рис. 6 а, б).

Транслитерация

а

1. ...[cīvarace]^atanikāni preṣitāni[na]^б...
2. 10 || yaḥ punar-bhikṣur-avaṃ kauśe ...
3. yen naiḥ^в 2 navaṃ | punar-bhikṣuṇā ...
4. turtho¹ gocarikā(nām)-anādāya ced-bhikṣu ...

б

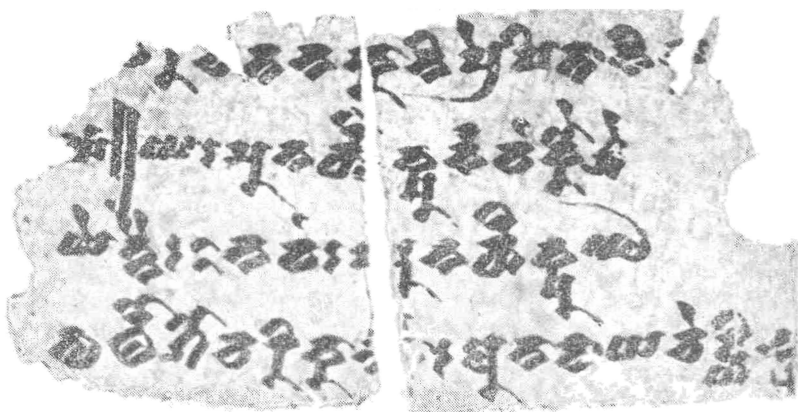
1. vaṃ samstaraṃ kārayen naiḥ 3 navaṃ pu[nar]...
2. rṣāṇāṃ purāṇā[m] samstaraṃ niḥ ...
3. vaṃ punar-bhikṣuṇā² niṣīda ...
4. dātavyo³ navasya durvarṇik ...

Примечания к тексту

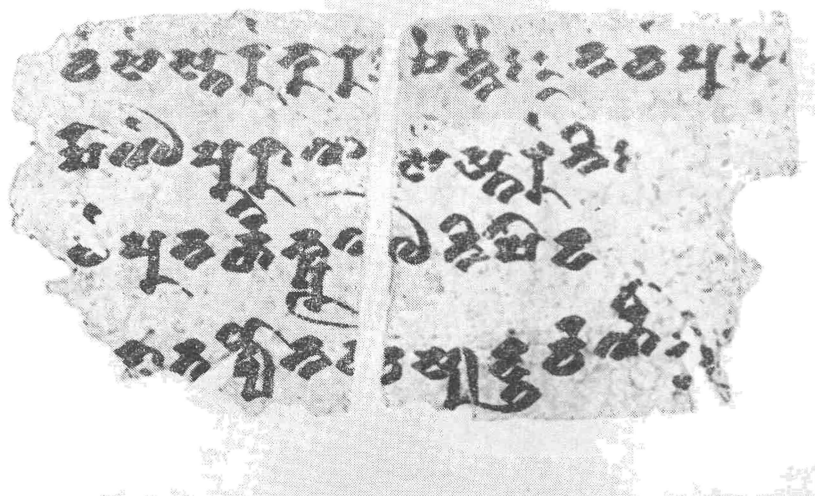
^a Обрыв, восстанавливается по аналогии с текстом Фино.

^б См. Rosen, S. 90.

^в Здесь и далее naiḥ — сокращение от Naiḥsargika-Pātayantika Dharmas.

д

д

Рис. 6

Разночтения с рукописью Л. Фино

¹ 496(5): caturtham.

² 497(4): punar- отсутствует.

³ 497(5): ādātavyā.

Фр. 7. Фрагмент пятой рукописи, 9 × 6 см, правый и левый края оборваны. По 6 строк на каждой стороне. Раздел Pātayantika Dharmas, правила № 5—10. Ср. Finot, p. 503, стк. 7 — p. 504, стк. 7. Имеются разночтения. Вместо Pātayantika Dharmas по всему тексту сокращение — rā (рис. 7 а, б).

Транслитерация

а

1...4 [yaḥ] punar-bhikṣu [r]m[ā]...

2...maṃ-deśayed-anyatra vijñupuruṣā ...

3...r-anupasaṃpanna pudgalena sārđham ...

4...6 yaḥ punar-bhikṣur-anupasaṃpanna ...

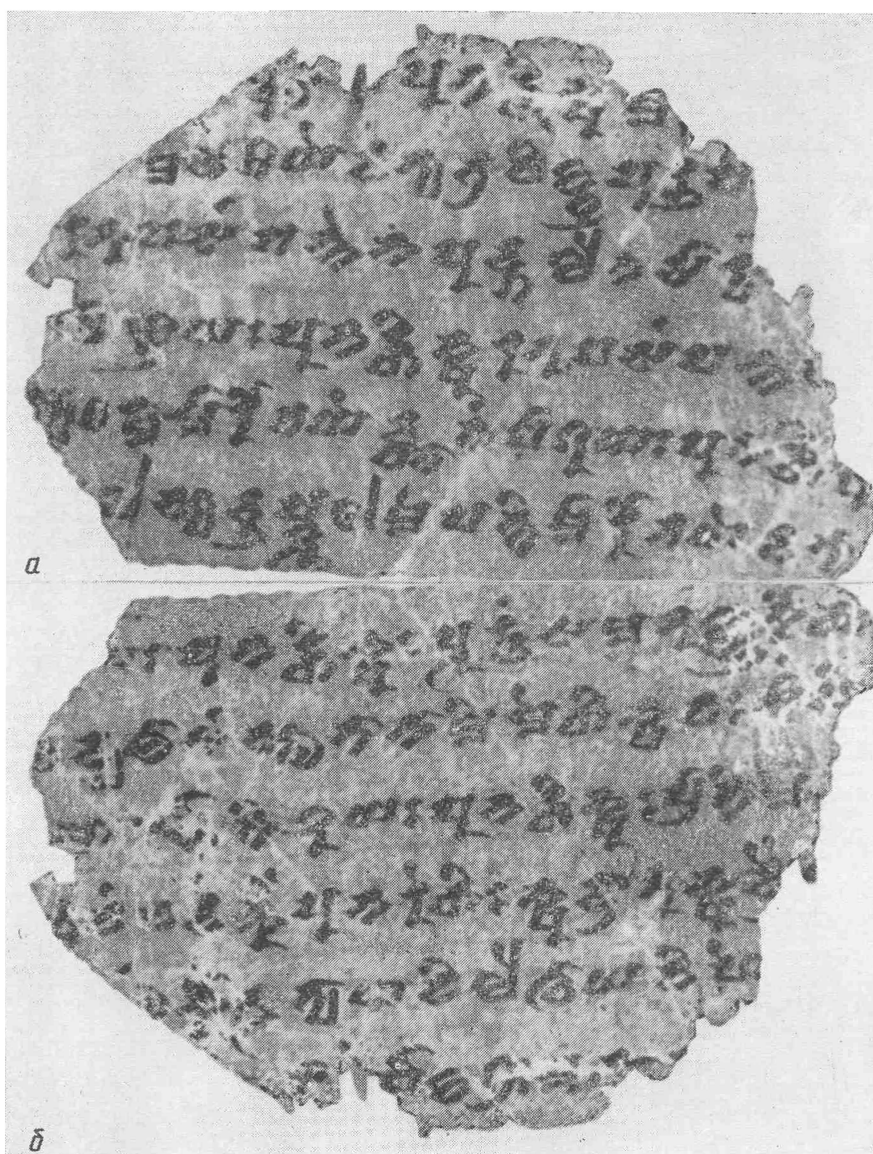

Рис. 7

5...śyadharmam^a ārocayed-bhūtaṃ pā 7 yaḥ punar-bhi[kṣur]...
6...lasya duṣṭhulām-āpattim-ārocayed-anya¹...

b

1....yaḥ punar-bhikṣuḥ pūrvam samanujñako bh²...
2 ...d-yathā samstutānām³-ime bhikṣavaḥ sāmghi...
3...[yantīl]ti⁶ 9 yaḥ punar-bhikṣuḥ prātimo...
4...evaṃ vadet-kiṃ punar ebhiḥ kṣudrānukṣudrai...
5...ām kaukṛtyāya vilekhāya vihe³...
6...10 bījagrāma[bhūta]^r ...

Примечания к тексту

^a То же в турфанском фрагменте, см. Rosen, S. 134.

⁶ Восстановлено по аналогии с текстом Фино.

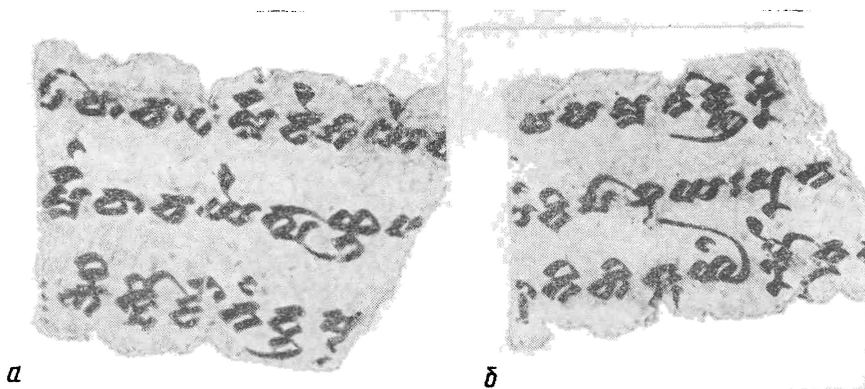

Рис. 8

^В В турфанском фрагменте (Rosen, S. 136) — bhikṣūṇāṃ kaukṛtyāya vilekhāya vihetthāya.

^Г Восстановлено по аналогии с текстом Фино.

Разночтения с рукописью Л. Фино

¹ 504(2): pudgalasyāntike ārocayed anyatra.

² У Фино, 504(4): yaḥ punar bhikṣuḥ pūrvasamanujñako bhūtvā, в турфанском фрагменте (Rosen, S. 135) — yo bhikṣuḥ pūrvam samanujñako bhūtvā.

³ 504(5) — здесь лакуна; ср. Rosen, S. 135 — vaded yathā samstṛtānām ime bhikṣavaḥ sāṃghikāṃ.

Фр. 8. Фрагмент шестой рукописи, 5 × 3,5 см, края оборваны. По 3 строки на каждой стороне. Раздел Pāṭayantika Dharmas, правила № 5—10. Ср. Finot, р. 503, стк. 7 — р. 504, стк. 9. Есть разночтение. Как и в предыдущем фрагменте вм. Pāṭayantika Dharmas — pā (рис. 8 а, б).

Транслитерация

а

1...yā vācā dharma[m] deśayed...

2...rmaṃ vācayet-pā 6 ya...

3...r-bhikṣor-jānaṃ duṣ[th]...

б

1....[]vasaman[ol]jñako ¹...

2...[ya]ṃti pā 9 yaḥ puna...

3...[y]āni bhikṣ[ū]ṇāṃ kaukṛt...

Разночтение с рукописью Л. Фино

¹ 504(5): pūrvasamanujñako.

Фр. 9. Фрагмент, возможно, из четвертой рукописи, 10,5 × 5. Сохранилась только левая половина листа. По 4 строки на каждой стороне. Сохранилась пагинация — л. № 38(?). Раздел Pāṭayantika Dharmas, правила № 14—18. Ср. Finot, р. 505, стк. 2 — р. 506, стк. 6. Имеются разночтения. Цифра 6 на стороне б, стк. 1, обозначает правило № 16 (рис. 9 а, б).

Рис. 9

Транслитерация

a

1. jñāpya tataḥ prakram ^a...
2. yyāṃ samstīrya vā samstārayed-vā ta ...
3. kṣur-abhiṣaktaḥ kupitaś-çaṇḍīkṛt[o]¹...
4. r[ṣa]lyed-vā cara pareṇa-mohapurūṣ[a]...

b

1. ...nyathāt-pā 6 yaḥ punar-bhikṣuḥ s...
2. gatyānupraskandya śayyāṃ kalpay...
3. dam-eva pratyayaṃ kṛtvānānyath ²...
4. [vi]hāyasi kuṭikāyām-ā...

Примечание к тексту

^a См. Rosen, S. 139.

Разночтения с рукописью Л. Фино

- ¹ 505(7): çaṇḍīkṛtonāptamāṇā
- ² 506(4): kṛtvānanyathāt

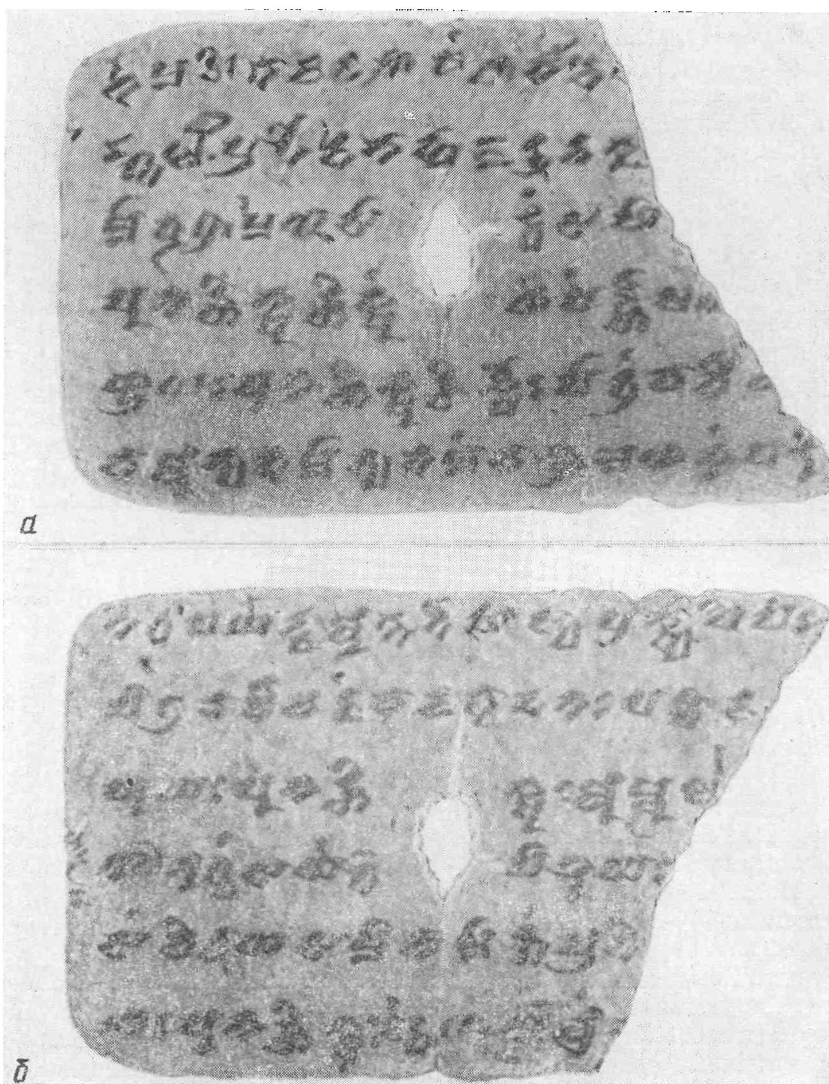

Рис. 10

Фр. 10. Фрагмент, возможно, из пятой рукописи, $9,5 \times 6$ см, сохранилась только левая половина листа, имеется пагинация: л. № 62 (?). По 6 строк на каждой стороне. Раздел Pātayantika Dharmas, правила № 62—70. Ср. Finot, p. 518, стк. 3 — p. 519, стк. 11. Имеются разночтения. Сокращение pā вм. Pātayantika Dharmas (ср. выше, фрагменты № 7 и 8) (рис. 10 а, б).

Транслитерация

а

1. rtaṃ-api tāvad-aphāsaṃ ¹ bhaved...
2. ŋgulipratodañat-pā 3ª udak...
3. mātrgrāmeṇa sārđhaṃ sahā...
4. punar-bhikṣur-bhikṣuṃ bhīṣed²-bhīṣā...
5. 6⁶ yaḥ punar-bhikṣur-bhikṣoḥ pātraṃ vā cīv[a] ³...
6. vā anyatamānyatamaṃ vā śrāmaṇakaṃ ⁴ pari...

1. nidhāpayed-vā antato hāsyaprekṣyāpi⁵ pā...
2. pātraṃ vā cīvaraṃ vā datvā tataḥ paścāt⁶...
3. 8 yaḥ punar-bhikṣuḥ amūla...
4. pānudhvamsayet pā⁹ yaḥ...
5. saṃvidhāya samānamārgaṃ prati...
6. yaḥ punar-bhikṣuḥ steyasārthe...

Примечания к тексту

- ^a Цифра 3 в тексте обозначает правило № 63.
^b Цифра 6 в тексте обозначает правило № 66.
^v Цифра 9 в тексте обозначает правило № 69.

Разночтения с рукописью Л. Фино

- ¹ 518(3): aphāṣaṃ.
² 518(10): bhīṣayed.
³ 518(11): лакуна в тексте.
⁴ 518(13): jīvitapariṣkāraṃ.
⁵ 519(1): prekṣyam api.
⁶ 519(4—5): śrāmaṇerikāyā vā cīvaraṃ uddiśya tataḥ paścāt.

II. ФРАГМЕНТ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н. Н. КРОТКОВА

шифр хранения SI $\frac{2Kr}{82(2)}$

Фрагмент, 14,5 × 7 см, правый край оборван, сохранилась пагинация: л. № 4. Бумага светло-коричневая, грунтованная. Сохранилось графление более жидкой тушью. На каждой стороне по 5 строк. Почерк — наклонный центральноазиатский брахми, сходен с почерком фрагментов из коллекции М. М. Березовского, описанных выше. Так же как на целых листах из этой коллекции, вокруг отверстия для скрепляющего рукопись шнура оставлено четырехугольное пространство, которое в рукописи Н. Н. Кроткова отчерчено тушью. По всей вероятности, лист происходит из рукописи, переписанной в Куче. Примерная датировка по данным палеографии — V в. н. э.

Содержит текст из раздела Pārājika Dharmas. В разделе всего четыре правила, нарушение которых считается самым серьезным проступком и наказывается изгнанием из общины. Это следующие проступки: 1) вступление в интимные отношения; 2) воровство; 3) умерщвление живого существа; 4) похвальба своими сверхъестественными способностями. В данном фрагменте описываются нарушения правил 2 и 3. Ср. Finot, p. 477, стк. 2 — p. 477, стк. 9. Имеются разночтения (рис. 11 а, б).

Транслитерация

a

1. tayāpi sārddham-ayaṃ bhikṣuḥ pārājayiko bhavatyasaṃvā [syah]^a
2. [pu]nar-bhikṣur-adattaṃ steyasaṃkhyātam-ādadyād-yathā rū(p)^b e[ṇā-dattā]¹
3. dānena rājā hy-etaṃ grhītvā hanyād-vā badhni-
4. yād-vā² evaṃ vainaṃ vaded-dham³-bho puruṣa^r coro si bā(lo)
5. si steyosīty-evaṃ rūpaṃ bhikṣur-adattam-ādadānaḥ aya...

b

1. [pā]rājayiko bhavatyasaṃvāsa[ḥ] yaḥ punar-bhikṣur manu[ṣyaṃ]...
2. saṃcintya jivitād vyaparo^a payecchastraṃ³ vainam-ādā(rayec)^e
3. kaṃ vāsyā paryeṣayetaṃ evaṃ vainaṃ⁴ vaded-dham-bhoḥ pu[r]u[ṣa]...
4. [a]nena pāpakena durjivitena^{* mṛtan-te} jivitād³-varam-i[ti]...
5. mataṃ cittasaṃkalpānam^u-anekapāryāyeṇa⁵ maraṇāya samā-

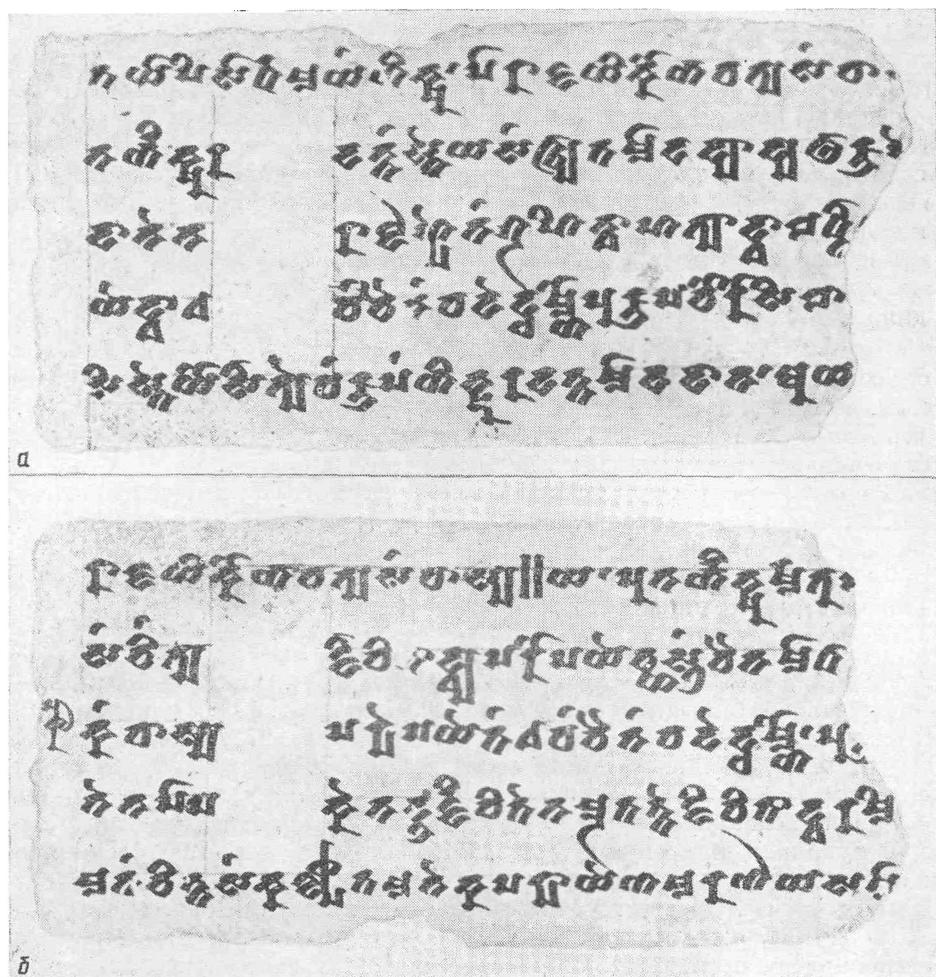

Рис. 11

Примечания к тексту

- ^а Здесь и далее в квадратных скобках дано восстановление по тексту Л. Фино.
^б В круглых скобках — восстановление по турфанскому фрагменту (см. Rosen, S. 53).
^в Должно быть *ham* (*hambho*), см. Rosen, S. 54; см. также Edg. II, p. 617.
^г Должно быть *pūṣa*.
^д Должно быть *vyārāga*, но в рукописи Фино и в турфанском фрагменте — без долгот.
^е См. Rosen, S. 54 — *ādharayec chastra*.
^ж Должно быть *jīvitena*, но в турфанском фрагменте, так же как и в нашем, — краткое *i* (Rosen, S. 55).
^з Должно быть *jīvitād*.
^и В турфанском фрагменте — *cittasamkalpitam* (Rosen, S. 55).

Разночтения с рукописью Л. Фино

- ¹ 477(3) — между *bhikṣu* и ... *pādattādānena* — лакуна.
² 477(4) — после *badhniyād vā* лакуна, весь текст в рукописи Фино до конца стороны *a* нашего фрагмента отсутствует.
³ 477(7): *chastravi*, далее в тексте Фино лакуна.
⁴ 477(7): *paryeṣayed evaṃ*.
⁵ 477(9) — между *itī* и *maṅgaṇāya* — лакуна.

1. [с животным] ¹ — этот бхикшу совершил проступок [из разряда] параджика [дхарма] и должен быть изгнан [из общины].
2. И вот еще. Если какой-либо монах неданное [ему] возьмет таким способом, который следует считать кражей, и в такой форме возьмет
3. неданное [ему] ², что царь, схватив его, может его убить или посадить в тюрьму
4. и так сказать: «Эх ты, человек, вор ты, глупец
5. ты, грабитель ты!»; если монах таким образом возьмет то, что ему не дано...

1. он совершил проступок [из разряда] параджика [дхарма] и должен быть изгнан [из общины]. И вот еще. Если монах [какого-нибудь] человека ³...
2. сознательно ⁴ лишит жизни или нож ⁵ [ему] вручит...
3. или разыщет для него ⁶..., или ему так скажет: «Эх ты, человек...
4. чем пользоваться этой греховной, дурной жизнью ⁷, смерть для тебя лучше, чем жизнь...»,
5. [и сознательно] продуманным мнением склоняет многими способами [того человека] к смерти...

Комментарии к переводу

¹ В тексте Л. Фино *tiryagyonigatayāpi*; Кумараджива понимал — «*thème avec un animal*» (перевод Хубера). См. Фино, с. 477. То же и в других текстах «Пратимокша-сутры» (см. *Buddhist Monastic Discipline*, р. 50—51 — «*even so much as with an animal*»). У Розен (S. 51), приводящей текст турфанского фрагмента, — *tīryagyonigatayām*.

² Скр. *adattādānena* — букв. «с неданным ему даром», *Instr. sg.*

³ В рукописи Фино и в турфанском фрагменте — *manuṣya*. Начиная уже с Кумарадживы переводчики понимали это место в широком смысле: у Кумарадживы (перевод Хубера) — «*un être humain ou pareil à un être humain*» (Finot, р. 477); у Розен (S. 54) — «*einem Menschen oder einem menschenähnlichen Wesen*»; у Пребиша (версия муласарвастивадинов) — «*a human or one that has human form*» (*Buddhist Monastic Discipline*, р. 51). В версии махасангхиков этого различия нет (*munuṣyavigrahaṃ* — *ibid.*, р. 50, 122).

⁴ В версии махасангхиков этого нет.

⁵ Или какое-нибудь оружие.

⁶ В турфанском фрагменте — *śāstra dhārakaṃ vāsyā paryeṣayed* (с. 54); Рис-Дэвидс и Ольденберг — «*Shall seek out an assassin against a human being*» (*Vinaya Texts*, р. 4).

⁷ Скр. *anena pāpakena durjīvitena* — *Instr. absolut.*, букв. «тем, что [ты] живешь этой греховной дурной жизнью».

SANSKRIT TEXTS FROM EASTERN TURKESTAN

G. M. Bongard-Levin, M. I. Vorobyeva-Desyatovskaya

The authors publish for the first time new fragments from one of the most interesting of the Buddhist texts, the *Prātimokṣa-sūtra* of the Sarvāstivāda school. The fragments were brought to St. Petersburg in the early years of the 20th century from Russian expeditions working in Eastern Turkestan and are now kept in the Manuscript Fund, Central Asiatic collection, of the Oriental Institute (Leningrad Branch), USSR Academy of Sciences. The authors present a transliteration, translation and analysis of the texts, citing variant readings in previously known texts from manuscript collections in Paris and Berlin. The fragments published here fill lacunae in other texts of the *Prātimokṣa-sūtra* from Eastern Turkestan and are of great value to scholars working on various aspects of the history and culture of Buddhism in both Central Asia and India. Appended to the article are photographs (in facsimile) of all 11 fragments.

В. Г. Пуцко

СЕРЕБРЯНЫЕ КУВШИНЫ ИЗ ЖИГАЙЛОВКИ

Произведения торевтики, о которых пойдет речь в статье, являются исключительно важными памятниками истории и культуры. Они относятся к наиболее значительным находкам последних десятилетий. Летом 1964 г. во время работ на берегу р. Боромли, в полутора километрах от с. Жигайловки Тростянецкого р-на Сумской обл. ковш бульдозера зацепил один за другим два кувшина, покрытые грязью. К сожалению, работы не были остановлены и место находки не было осмотрено археологами, поэтому изделия известны вне связи с археологическим комплексом погребения, в состав которого они должны были входить. На одном кувшине представлены чеканные сцены, второй — с инкрустацией. Местными жителями с целью выяснения ценности металла кувшина с чеканными сценами было отпилено массивное днище, и вследствие этого явно находившиеся там клейма остались неизвестными. В начале 1966 г. житель с. Жигайловки В. С. Клец привез изделия в г. Сумы и передал в областной краеведческий музей, где они хранятся и теперь ¹.

Вскоре в печати появились первые информационные сообщения ², однако они не привлекли внимания специалистов. Сумские краеведы изготовили фотоснимки деталей кувшина с чеканными сценами и послали в Гос. Эрмитаж. Благодаря этому находка сделалась известной К. М. Скалон, упомянувшей о ней в статье о фрагменте ранневизантийского серебряного кувшина из Молдавии ³. Широкий фриз жигайловского кувшина с чеканными сценами был определен как военный, нижний — как охота на различных животных, а верхний трактован как изображение пастухов среди своих стад. По стилю кувшин был справедливо сближен К. М. Скалон с амфорой из с. Концешты, а также с сосудом из с. Борочицы. Второй кувшин совершенно ускользнул от внимания исследователей. В книге В. В. Кропоткина о римских импортных изделиях в Восточной Европе содержатся дважды повторенные сведения о кувшине, упомянутом в статье К. М. Скалон ⁴. Расшифровке сюжетов чеканных сцен, украшающих это произведение, посвящена первая часть нашей статьи ⁵.

¹ Приношу благодарность ст. научному сотруднику Сумского областного краеведческого музея Л. П. Сапухиной за помощь в работе.

² Сапухина Л. Знахідка в Жигайлівці. — Газ. «Ленінська правда» от 6 марта 1966 г.; она же. Візантійські вази на Сумщині. — Україна, 1966, № 19, с. 24.

³ Скалон К. М. Об одном ранневизантийском серебряном кувшине из Молдавии. — В сб.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 261.

⁴ Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). — САИ, ДІ—27. М., 1970, с. 22, № 744, 1333.

⁵ Пуцко В. Г. Ранневизантийский серебряный кувшин со сценами из Илиады. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1984.

1. СЕРЕБРЯНЫЙ КУВШИН С ЧЕКАННЫМИ СЦЕНАМИ

Высокий круглый серебряный кувшин грушевидной формы имеет на узком горле широкий выпуклый валик ⁶ (рис. 1, 2). Кувшин найден в виде двух сильно деформированных частей; при составлении из них изделия выяснилось отсутствие большей половины широкого фриза, оставшейся неразысканной, и горизонтального венчика горла. Поверхность стенок кувшина по вертикали разделена на три горизонтальных сюжетных фриза с чеканными сценами, частично позолоченными. На плечиках чеканены две широких орнаментальных полосы. Полукруглый валик украшен рельефными завитками виноградной лозы с гроздьями. В трех фризах представлены охотничьи, военные и пасторальные сцены. Широкий фриз явно мыслился как основной, дополняемый двумя другими.

Композиция среднего фриза, как было сказано, сохранилась частично. Однако ее общая схема может быть отчасти восстановлена на основании аналогий в произведениях позднеантичного искусства. Сцена отличается общим драматизмом и сильным движением фигур, что можно заметить даже по одному положению ног воинов и по брошенным на землю щитам и копьям в наиболее фрагментированной части фриза (рис. 3—7). Слева изображена городская стена, сложенная из крупных, плотно пригнанных друг к другу квадров камня, с находящимися на ней людьми. Перед стеной несколько молодых воинов, один из которых удерживает длиннородого старца, который в отчаянии устремился к телу мертвого сына, привязанному к колеснице, управляемой воином. Несущаяся вскачь лошадь, порывистое движение и развевающийся плащ воина, вооруженного щитом и копьем, — все это создает контраст по отношению к фигуре старца и скорбным позам окружающих его юношей. Отмеченные детали указывают на то, что эта часть фриза несомненно иллюстрирует поэму Гомера «Илиада» (рис. 3, 4). В данном случае это изображение мести Ахилла за смерть его друга Патрокла, выразившейся в надругательстве над трупом Гектора (песнь XXII, 395—401):

Молвив, на Гектора он недостойное дело замыслил,
Мышцы ступни позади на обеих ногах проколол он
Между пятою и костью, ремни прикрепил к ним бычачьи
И с колесницей связал, голова ж по земле волочилась.
После он стал в колесницу, подняв дорогие доспехи,
Тронул бичом лошадей, и они полетели охотно ⁷.

Текстом гомеровской поэмы может быть с чрезвычайной подробностью объяснено содержание чеканенной на кувшине композиции, включая обе группы: с матерью Гектора Гекубой (на городской стене) и с отцом его Приамом (на первом плане). О том, что это иллюстрация именно к XXII песне, говорят не только уже указанные сюжетные подробности, но и сопоставление с аналогичным эпизодом надругательства, описанным в XXIV песне:

Быстро тогда в колесницу он впряг лошадей быстрогох.
Сзади ремнем привязал бездыханное Гектора тело,
Трижды его поволок вокруг насыпи мертвого друга.

Не исключено, что ноги движущихся навстречу друг другу воинов в наименее сохранившейся части фриза принадлежат изображению умерщвления Ахиллом Гектора, описанному в XXII песне.

⁶ Инв. № 11069. Серебро, чеканка, позолота. Высота 38,1 см, диаметр широкой части 17,5 см, диаметр горла 4,5 см.

⁷ Текст цит. по изд.: Гомер. Илиада. Пер. Н. М. Минского. М., 1935.

Рис. 5. Серебряный кувшин с чеканными сценами, фрагмент

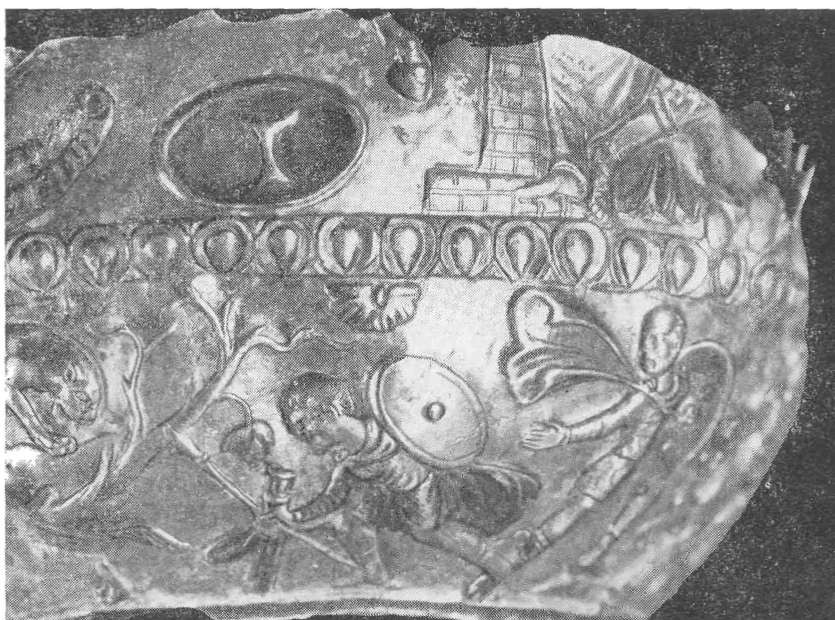

Рис. 6. Серебряный кувшин с чеканными сценами, фрагмент

Текст XXII песни «Илиады» античные художники иллюстрировали уже в VI в. до н. э., о чем свидетельствует аттическая чернофигурная гидрия в Гос. Эрмитаже с изображенным на ней Ахиллом, привязывающим труп Гектора к колеснице⁸. Вообще же изображения Ахилла

⁸ Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961, с. 25, рис. 9.

Рис. 7. Серебряный кувшин с чеканными сценами, фрагмент

представляли довольно распространенный сюжет древнегреческого искусства, засвидетельствованный, в частности, росписями и других аттических ваз, хотя и вне сюжетной связи с «Илиадой»⁹. Общая композиционная схема серебряного кувшина из Жигайловки, по-видимому, окончательно оформилась и получила популярность лишь в позднеантичный период. К такому выводу располагает состав памятников с весьма сходной трактовкой группы Ахилла в колеснице с привязанным к ней телом Гектора. Это прежде всего рельеф в Капитолийском музее в Риме с сопроводительными греческими надписями¹⁰. Колонны обрамления сцен из жизни Ахилла на так называемой *Tensa Capitolina* в Риме¹¹ позволяют объяснить на первый взгляд непонятные основания колонн в двух местах фриза на поверхности кувшина. Весьма вероятно, что фриз также был заполнен тремя композициями, возможно того же состава. В том же самом римском Palazzo dei Conservatori хранится еще одна, бронзовая *Tensa Capitolina*, но с иным циклом сцен из жизни Ахилла¹². Изображение Ахилла в колеснице украшает лампу в Британском музее¹³. Оно отличается упрощенностью и отсутствием экспрессии. Приведенные аналогии (не исключая и ручную лампу в Лондоне) позволяют утверждать, что чеканенная на кувшине колесница Ахилла запряжена не одной, а двумя лошадьми, что стабильно для данной композиционной схемы, как и количество эпизодов из жизни Ахилла, объединенных в один фриз.

Сцены из истории Ахилла позднеантичные мастера иногда воспроизводили в виде довольно обширных циклов¹⁴, иногда же — как иллюст-

⁹ О сюжетах см. в кн.: Фармаковский Б. В. Аттическая вазовая живопись. СПб., 1904.

¹⁰ Mancuso U. La «Tabula Iliaca» del Museo Capitolino. — Atti della R. Accademia dei Lincei, Mem. clas. scienze morali, ser. V, t. XIV. Roma, 1909, p. 662—685; Weitzmann K. Ancient Book Illumination. Cambr., 1959, p. 34, fig. 40 a — b; *idem*. Illustrations in Roll and Codex. Princeton, 1970, p. 31, fig. 25.

¹¹ Weitzmann. Illustrations..., p. 31, fig. 26.

¹² *Ibid.*, p. 29, fig. 22.

¹³ Walters H. B. Catalogue of the Greek and Roman Lamps in the British Museum. L., 1914, p. 133, № 876, fig. 171.

¹⁴ Strong D. E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. L., 1966, p. 197, pl. 59.

Рис. 1. Серебряный кувшин с чеканными сценами. Около 400 г. Обливай вод
Вестник древней истории, № 4, ст. Пучко В. Г.

Рис. 2. Серебряный кувшин с чеканными сценами, фрагмент

Рис. 3. Серебряный кувшин с чеканными сценами, фрагмент

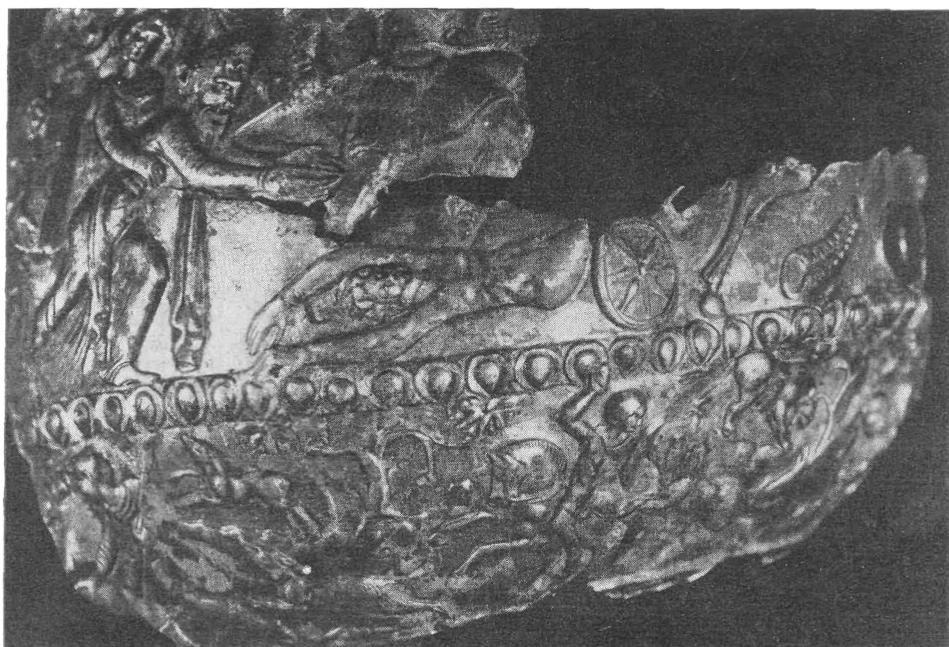

Рис. 4. Серебряный кувшин с чеканными сценами, фрагмент

Рис. 8. Серебряный кувшин с изображением муз. Около 400 г.

рации к «Илиаде»¹⁵. В Амброзианской библиотеке в Милане хранится выполненная в V в. иллюстрированная рукопись «Илиады»¹⁶. Изображения отдельных эпизодов Троянской войны есть в миниатюрах относящейся к началу V в. рукописи «Энеиды» Вергилия в Ватиканской библиотеке в Риме¹⁷. Византийские мастера еще в X в. продолжали воспроизводить в резьбе по слоновой кости сцены из «Илиады»¹⁸.

Таким образом, выбор сюжета для основного фриза серебряного кувшина из Жигайловки не был случайным. Победа Ахилла над троянским героем Гектором осмыслена как идеал военной доблести, а сам Ахилл служит воплощением совершенного воина. Рассказы о его подвигах вдохновляли многих античных мастеров. Чеканщик серебряного кувшина в основном следовал иконографической схеме, которая утвердилась в позднеантичном искусстве и которая нам известна преимущественно по упомянутым римским рельефам. Единственное ее усложнение — это введение группы оплакивающего тело Гектора старца Приама, обычно отсутствующей в сценах триумфа Ахилла.

Боевое снаряжение Ахилла чрезвычайно подробно, с изумительной обстоятельностью описано в «Илиаде»¹⁹. Чеканщик серебряного кувшина изображает щиты как обычно, с ремнями с внутренней стороны, так же как и щит Ахилла. Ахилл и другие воины представлены в доспехах, вооруженными щитами и копьями. Их воинская одежда состоит из беотийского шлема, кирасы-торакса с зомой (кожаной юбкой), на ногах кнemiды. Характерно, что щиты овальной формы в отличие от щита-скутума, представленного в памятниках римской пластики, не исключая рельефов колонны императора Траяна (около 113 г.) и сцен на тарели второй половины II в. н. э. из Страже²⁰. Приам изображен в длинном хитоне, и подобно окружающим его трем троянцам, с фригийским колпаком на голове. Фриз с обоих краев ограничен полоской чеканного каннелированного орнамента типа «язык и яйцо», имевшего широкое распространение в искусстве древней Греции.

По отношению к широкому фризу (высота 9,9 см) нижний, занимающий плавно изогнутую поверхность, более узкий (высота 5,8 см). Он заполнен охотничьими сценами с довольно драматическими эпизодами (рис. 4—7). Выломанная часть стенки кувшина образовала некоторую прерывистость в повествовании и лишила его цельности, затруднив понимание сюжетов. Говорить о литературной основе этого цикла приходится с большей осторожностью. Его можно трактовать как чисто декоративный, подобный антиохийским мозаичным полам IV—V вв.²¹ Но в то же время невозможно и совершенно отвергать вероятность отражения в нем рассказа о подвигах малолетнего Ахилла, воспитывавшегося вместе с Патроклом и уже в шестилетнем возрасте убивавшего вепрей и львов. В таком случае надо признать, что история Ахилла служит тематической основой для всех сцен, чеканенных на серебряном кувшине из Жигайловки. При широкой разработанности иконографии Ахилла в античном

¹⁵ *Sadurska A.* Les Tables Iliques, Warsaw, 1964; *eadem.* La vingtième table Ilique.— In: *Mélanges offerts à Kazimierz Michalowski*. Warszawa, 1966, p. 653—657.

¹⁶ *Bianchi-Bandinelli R.* Hellenistic-Byzantine Miniature of the Iliad (Iliad Ambrosiana). Olten, 1955.

¹⁷ *Publius Vergilius Maro.* Fragmenta et picturae Vergiliani codicis Vaticani latini 3225 phototypice expressa. Città del Vaticano, 1945.

¹⁸ *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.—XIII. Jahrhunderts. Bd. I. B., 1930, S. 39, Taf. XXIII, Abb. 41 a.

¹⁹ См. *Линдеман И. К.* Щит Ахиллеса.— В кн.: Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916, с. 339—356, табл. XVI—XVII.

²⁰ *Lehmann-Hartleben K.* Die Trajanssäule: ein römisches Kunstwerk zu Beginn der Spätantike. B.—L., 1926; *Svoboda B.* Neuerworbene römische Metallgefäße aus Stráze bei Piešťany. Bratislava, 1972, S. 55—102, Abb. 44, 53—56.

²¹ *Levi D.* Antioch Mosaic Pavements. Princeton — London — Hague, 1947, p. 170 ff., 226 ff., pl. 52, 86 b.

искусстве²² это не представляется ни неожиданным, ни, тем более, удивительным.

В левой части нижнего фризa, под изображением Приама, оплакивающего сына, можно видеть юношу с копьем в руке, преследуемого двумя дикими собаками. Судя по дереву с раскидистыми ветвями, действие происходит в лесу. Справа юный всадник с овальным щитом защищается от напавшего на него разъяренного льва, которого готов поразить круглым бичом. К этой же сцене надо отнести изображение идущей вверху львицы, приближающейся к юноше, вооруженному кинжалом и щитом и поднимающему копье (рис. 4—6). За ним фигура старика со щитом в левой руке, жестом правой руки он предупреждает юношу об опасности. Рядом представлена сцена охоты юного всадника, вооруженного копьем, уронившего на землю овальный щит, на медведя, преследуемого собакой; вверху изображены сидящая медведица и пасущаяся дикая лошадь (рис. 6, 7). Оба юноши и пожилой воин в коротких туниках и плащах, скрепленных на правом плече круглой фибулой, на ногах у них котурны; волосы причесаны «шапкой», по римскому обычаю. Движения юношей, развевающиеся плащи, вздыбленные лошади и разъяренные звери — все это свидетельствует о напряженной борьбе. Сцены по своей экспрессии весьма напоминают резьбу IV—V вв. диптихов из слоновой кости²³. Если описанные охотничьи сцены возможно признать в качестве иллюстраций истории Ахилла, то им является всадник, а сопутствующий ему юноша — Патрокл. Тема охоты и борьбы с дикими зверями со временем становится в Византии одним из любимых сюжетов дворцового искусства²⁴.

Верхний фриз кувшина самый узкий (высота 4,9 см). Украшающие его буколические или пасторальные сцены не отличаются той сложностью сюжета, какая свойственна композициям среднего и нижнего фризa. Здесь представлены пасущий коз и овец юноша, наказывающий пастушьим посохом с изогнутым концом непослушного козла, и сидящий на пне пожилой пастух с пасущимся перед ним стадом коров; на ветке сидит птица необычайно крупных размеров (рис. 1, 2). Композиционная схема обеих сцен одинакова: в левой части одетый в короткую тунику сидящий пастух, справа — стадо; остальное пространство фризa заполнено высокой травой и тонкими деревцами с причудливо изогнутыми ветками. Полные покоя и умиротворенности (даже несмотря на усталую позу пожилого пастуха), эти сцены по своему эмоциональному настрою противостоят всем остальным. Они напоминают одну из многочисленных сцен на щите Ахилла, с удивительной поэтической подробностью описанную в «Илиаде» (XVIII, 473—608), а именно ту, где изображены воловье и овечье стадо на пастбище (XVIII, 575—589)²⁵. Буколические сцены и особенно изображения пастуха со стадом были широко распространены в римском искусстве IV в.²⁶, а впоследствии оказались переосмысленными в христианский образ Доброго пастыря²⁷.

²² Ср. Фармаковский Б. В. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. — В кн.: Сборник археологических статей, посвященный гр. А. А. Бобринскому. СПб., 1911, с. 45—118; Robert C. Die antiken Sarkophag-Reliefs im Auftrage des Kaiserlich-Deutschen Archaeologischen Instituts mit Benutzung der Vorarbeiten von Fr. Matz. Bd. II. B., 1919, S. 39, 42 ff. Abb. 25 c, 26 c; Саверкина И. И. К характеристике стиля аттических саркофагов римского времени. — Труды Гос. Эрмитажа, XIII, 1972, с. 136—138, рис. 1.

²³ Volbach W. F. Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des Frühen Mittelalters. Mainz, 1952, № 58, 60, S. 40—41, Taf. 16, 17.

²⁴ Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin. P., 1936, p. 62—74.

²⁵ См. Лосев А. Ф. История античной эстетики (Ранняя классика). М., 1963, с. 193—195.

²⁶ Wealth of Roman World. Gold and Silver AD 300 to 700. L., Trustees of the British Museum, 1977, p. 51.

²⁷ Grabar A. Christian Iconography. A Study of Its Origins. Princeton, 1968, p. 10, 35—36.

Плечики кувшина опоясаны двумя почти одинаковыми по ширине (3,0 и 3,1 см) лентами растительного орнамента (рис. 2). Нижняя с обеих сторон ограничена узким выпуклым валиком, покрытым имитирующими жгут параллельными косыми насечками. Орнаментальный мотив образован завитым в спирали гибким стеблем с тонкими побегами и бутонами. Верхняя лента орнамента состоит из аккуратно уложенных в ряд широко распластанных листьев аканта. Сильно профилированный валик украшен акантовыми листьями и гроздьями винограда, соединенными плавным изогнутым стеблем. Мягкая пластика рельефа в данном случае, как и на нижней орнаментальной полосе, способствует тому, что орнамент воспринимается как прозрачное кружево, лежащее на гладкой металлической поверхности.

Несмотря на то что серебряный кувшин из ЖигаЙловки дошел во фрагментированном виде, без дна и завершения горлышка, все же возможно представить его первоначальную форму, воссоздав утраченные детали. По свидетельству очевидцев находки, днище было низким и массивным. Следовательно, оно относилось к тому же типу, о котором могут дать представление серебряные кувшины из Судженского клада 1918 г.²⁸ (рис. 8) и из находок на холме Трайпрайн в окрестностях Единбурга (Шотландия)²⁹. Однако в отличие от последнего изделия с шаровидными выступами на днище кувшин из ЖигаЙловки имел гладкую поверхность днища, как кувшин с изображением муз из Судженского клада. Верхняя часть горлышка, несомненно, имела форму раструба с опущенной книзу закраиной, как у кувшина с Трайпрайна. Это обычная форма византийских сосудов рубежа IV—V вв.³⁰ Следов крепления ручки на описанном кувшине нет.

Украшение серебряного кувшина из с. ЖигаЙловки тремя сюжетными чеканными фризами принципиально соответствует ряду других произведений торевтики, хотя количество фриз и их тематика, как правило, отличаются большим разнообразием. Число фриз колеблется от одного до трех, а в тематике встречаются мифологические, пасторальные, охотничьи либо ветхозаветные и евангельские сюжеты или персонажи. В частности, серебряная амфора из с. Концешты (Молдавия) украшена чеканными рельефами со сценами битвы греческих воинов с амазонками; на плечиках помещены эпизоды охоты на оленей и вепря, а на нижнем фризе — три nereиды, сидящие на гиппокампе, морском козле и морском тигре³¹. Кувшин из Судженского клада украшен чеканными фигурами девяти муз (рис. 8). Мифологические сюжеты также использованы в чеканке двух серебряных кувшинов, найденных в 1970 г. в Теутени-Бихор (Трансильвания)³². Все эти памятники датируются рубежом IV—V вв. Известно на основании пробирных клейм, что кувшин с девятью музами изготовлен в Константинополе около 400 г. Серебряная ваза из Сирии, хранящаяся в Кливлендском музее, имеет (как и кувшин из ЖигаЙловки) три фриза: широкий средний заполнен фигурами мифологических персонажей, нижний — рыбами, верхний — звериным гоном³³. Один из трайпрайских сосудов тоже с мифологическими сюжетами (Пан, узнавание

²⁸ Мацулевич Л. А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М.—Л., 1934, с. 15—38, табл. I—VI; Cruikshank Dodd E. Byzantine Silver Stamps. Washington, 1961, № 85.

²⁹ Curle A. O. The Treasure of Traprain. A Scottish Hoard of Roman Silver Plate. Glasgow, 1923, p. 13—19, pl. V.

³⁰ Cp. Odobesco A. Le trésor de Pétrossa. T. I. P., 1889, p. 15 ff.; T. II. P., 1896, p. 5 ff., fig. 1—4; Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, с. 28—30, табл. III.

³¹ Matzulewitsch L. Byzantinische Antike. Studien auf Grund der Silbergefäße der Ermitage. B — L., 1929, S. 131—134, Taf. 36—43, Abb. 41—45.

³² Dumitrescu S. Tezaurul de la Tăuteni-Bihor. Oradea, 1973, p. 29—65, pl. XXXIV—LXVI, fig. 1—6, 9—13.

³³ Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art. Third to Seventh Century. N. Y., 1979, № 131, p. 153 f.

Одиссея)³⁴, другой — с евангельскими³⁵. Новозаветные композиции украшают небольшой серебряный сосуд начала V в. в Британском музее в Лондоне³⁶. Высокий узкий кувшин на ножке того же времени из Христианского музея Ватикана имеет лишь медальоны с бюстами юного Христа и четырех апостолов, а верхний фриз — с изображением креста и четырьмя птицами³⁷. В этой на первый взгляд разнохарактерной группе произведений торевтики, выполненных в традициях позднеантичного времени, преобладает светская тематика, которую начинают постепенно вытеснять христианские сюжеты³⁸. Аналогичный процесс можно проследить и при сопоставлении позднеантичных металлических ларцов с раннехристианскими реликвариями³⁹. Путем сопоставления серебряного кувшина из с. Жигайловки с каждым из упомянутых памятников торевтики можно убедиться в том, что он, вероятнее всего, как и кувшин с музами, изготовлен около 400 г.

По своей форме кувшин из с. Жигайловки наиболее близок именно кувшину из Судженского клада, связанного (что тоже существенно) с тем же самым географическим районом. Но все же, несмотря на совпадение отдельных деталей, форма его не идентична: тулово кувшина с изображением муз не грушевидной, а скорее бочкообразной формы. В этом отношении жигайловская находка ближе к сосуду Британского музея, отличающемуся от нее, однако, размерами, системой декора и трактовкой деталей. Кроме жигайловского кувшина со сценами из «Илиады», тремя фризами сюжетных композиций, как было сказано, украшены амфора из Концешт и кувшины из Сирии (Кливленд) и Теутени-Бихора (Арадя). Все они относятся к группе изделий с чеканными мифологическими сюжетами, обычно заполняющими широкий основной фриз.

Сцены, покрывающие плоскость серебряного кувшина из с. Жигайловки, отличаются плотной компановкой фигур, оставляющей мало свободного пространства. В то же время нельзя сказать, что персонажи стеснены в движениях, разве в пасторальных сценах с явно несоразмерными изображениями пастухов и волов. В сценах охоты тоже не везде последовательно передано реальное соотношение масштаба. Но к этому мастер явно и не стремился, хотя фигуры охотящихся детей все-таки соотнос с изображением их взрослого наставника. Действие, сдерживаемое различными препятствиями, развивается слева направо. В сценах охоты эти препятствия создают разъяренные звери, с которыми борется юный всадник. В изображении триумфа Ахилла — Приама удерживают троянцы. Судя по положению ног, это же явление характеризовало утраченные композиции главного фриза. Аналогичные приемы можно проследить, в частности, в сценах битвы греческих воинов с амазонками, чеканенных на стенках серебряной амфоры из с. Концешты. В чеканных изображениях других известных нам изделий этой же группы нет столь ярко акцентированного движения, поскольку тематика украшающих их сцен исключает подобную динамику.

При описании серебряного кувшина из с. Жигайловки нами было отмечено использование античной композиционной схемы. Ее воздействие прослеживается и во всех других памятниках торевтики, с которыми мы сопоставляем жигайловскую находку. В частности, фигуры воинов центрального фриза (в том числе и Ахилла) не только типологически, но и в передаче различных деталей подобны украшающим основной фриз

³⁴ Curle. Op. cit., pl. XI—XII.

³⁵ Ibid., pl. V.

³⁶ Volbach W. F. Frühchristliche Kunst. München, 1958, S. 67, Taf. 121.

³⁷ Arnason H. H. Early Christian Silver of North Italy and Gaul.— The Art Bulletin, XX, 1938, p. 193—226, fig. 1.

³⁸ Cp. Strong. Cp. cit., p. 182—186.

³⁹ Подробнее см. Buschhausen H. Die spätrömischen Metallschreine und frühchristlichen Reliquiare. I. Teil: Katalog. Wien, 1971.

амфоры из с. Концешты. Сцена охоты на льва весьма близка рельефу римского саркофага в ватиканском Museo Gregoriano Profano ⁴⁰. Однако пластические качества чеканки существенно отличаются от таких образцовых позднеримских изделий, как тарель из Страже, и более соответствуют стилистическим особенностям произведений типа саркофагов Елены и Константины, хранящихся в ватиканском Museo Pio-Clementino ⁴¹. Это искусство времени императора Феодосия I (379—395 гг.) или его ближайших преемников. Сравнивая серебряный кувшин из с. Жигайловки с известным серебряным блюдом в Мадриде, украшенным изображением Феодосия I, датированным 388 г. ⁴², нельзя не отметить схематизацию в трактовке фигур на последнем, свойственную работам мастеров раннего средневековья. В тех случаях, когда ювелиры конца IV в. копируют античные модели, они невольно сохраняют и стилистическую характеристику оригиналов ⁴³. В этом плане жигайловская находка также не представляет исключения.

В чеканке рассматриваемого серебряного кувшина существенно отметить некоторые особенности трактовки фигур, такие, как непринужденный изгиб корпуса и легкий поворот головы, иногда с наклоном к плечу, ракурс которого обычно не обозначен. Характерным примером этого явления, отмеченного Л. А. Мацулевым в отношении кувшина с изображением муз ⁴⁴, могут служить фигуры троянцев группы Приама. Изображения чеканены в довольно высоком рельефе, с явно выраженными тенденциями к обобщенности форм, и в этом плане они сопоставимы с фризами, украшающими амфору из с. Концешты, с кувшином из Судженского кладя и с серебряным реликварием конца IV в. в San Nazaro Maggiore в Милане ⁴⁵. Лица моделированы без мелочной детализации. Кисти рук в большинстве случаев несоразмерно велики, пальцы едва намечены резцом, который чеканщик широко применяет в доработке рельефных фигур. Скуластые лица с большими навыкате глазами, применение пунктира для выделения деталей, равно как и одутловатость щек, общая припухлость лица, тяжелые подбородки, не служат признаками индивидуальной манеры мастера, но относятся к стилю эпохи. Это убедительно показал Л. А. Мацулевич в анализе серебряного кувшина с изображением муз ⁴⁶. Последовательно проведенное сопоставление жигайловской находки с указанным произведением говорит о том, что в этих памятниках получили отражение общие закономерности, характеризующие торевтику Константинополя рубежа IV—V вв.

Факт изготовления кувшина с изображением муз в мастерских византийской столицы установлен благодаря нахождению на дне изделия клейма с фигурой сидящей Тихэ ⁴⁷. Серебряный кувшин со сценами из «Илиады» в теперешнем его состоянии не имеет столь же неопровержимых данных своего происхождения, которое становится известным в результате анализа его формы, тематики и пластических свойств, украшающих поверхность сосуда рельефов. Кувшин выкован из довольно толстых листов серебра, с весьма тщательно пригнанными местами фуги отдельных частей, остающимися вследствие этого незаметными. На внутренних сторонах стенок имеется глубокий негативный рисунок, отвечающий рельефно выделяющимся на его фоне изображениям и орнаментам, дополнительно проработанным резцом. Все эти особенности формально-технического по-

⁴⁰ *Himmelmann N.* Typologische Untersuchungen an römischen Sarkophagreliefs des 3. und 4. Jahrhunderts n. Chr. Mainz am Rhein, 1973, Taf. 26, 27.

⁴¹ *Volbach.* Frühchristliche Kunst, S. 50 f, Taf. 22—24.

⁴² *Kitzinger E.* Byzantine Art in the Making. Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art 3rd — 7th Century. Cambr. Mass., 1977, p. 30 f., fig. 57—59.

⁴³ Ср. *Volbach.* Frühchristliche Kunst, Taf. 107, 118.

⁴⁴ *Мацулевич.* Погребение варварского князя..., с. 25.

⁴⁵ *Buschhausen.* Op. cit., S. 223 f., Taf. 38—42 (№ В 11).

⁴⁶ *Мацулевич.* Погребение варварского князя..., с. 25—28.

⁴⁷ *Cruikshank Dodd.* Op. cit., p. 237 (fig. c).

рядка всецело свойственны и кувшину из Судженского клада с фигурами муз⁴⁸. Они не только дают один из весомых аргументов в пользу высказанных доводов, но и позволяют предполагать изготовление обоих серебряных кувшинов в одной и той же мастерской, примерно в те же годы. Это служит основой для определения серебряного кувшина из с. Жигайловки как продукции константинопольских мастерских около 400 г.

Как античная тематика, так и античный язык художественных форм, отчасти подвергнутых радикальной переработке, были в совершенстве усвоены ранневизантийскими мастерами. Это уже прекрасно показал в своих работах Д. В. Айналов⁴. Серебряный кувшин со сценами из «Илиады» вполне подтверждает это положение.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ КУВШИН С ИНКРУСТАЦИЕЙ⁵⁰

Второй сосуд значительно скромнее и заметно отличается по форме, имеет гладкую поверхность и инкрустированные плечики (рис. 9, 10). Этот серебряный кувшин относится к наиболее распространенному типу: с яйцевидным туловом, высоким узким горлом с характерным валикообразным утолщением на шейке, на высокой ножке и с высокой, изогнутой под углом ручкой. Кувшин из с. Жигайловки найден в деформированном виде, и поэтому пока, до реставрации изделия, не все его детали могут быть воссозданы с полной определенностью. Так, тулово, которое определяем как яйцевидное, вследствие частичной деформации отчасти приобретает бочонкообразный вид. Однако нет никаких оснований ставить жигайловскую находку в один ряд с серебряным кувшином с трехстрочной латинской надписью V в. из Ватикана⁵¹. К аналогичным по форме изделиям скорее следует отнести серебряные кувшины IV в. из Берлинского Антиквариума⁵² и Парижской Национальной библиотеки⁵³. Но особенно близок ему не только по форме, но и по характеру декора серебряный кувшин конца IV — начала V в., обнаруженный в комплексе предметов из двух склепов под Госпитальной улицей в Керчи⁵⁴. Указанные произведения торевтики типологически заметно отличаются от найденных в составе эскипинского и петросского кладов, а также от хранящегося в Лувре⁵⁵. Но и от керченского кувшина происходящий из с. Жигайловки отличается в деталях, как, впрочем, различаются и все другие изделия между собою.

Рассматриваемый кувшин имеет более суживающееся книзу тулово, чем керченский. Судя по фрагменту в верхней части находки, в основании шейки надо предполагать обычное валикообразное утолщение; металл

⁴⁸ Мацулевич. Погребение варварского князя..., с. 17.

⁴⁹ Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900; он же. Пользование античными композициями и фигурами на памятниках христианского искусства. — В кн.: Сб. статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926, с. 107—117; ср. Demus O. Graphische Elemente in der spätantiken Plastik. — In: Tortulae. Studien zu altchristlichen und byzantinischen Monumenten. Rom — Freiburg — Wien, 1966, S. 77—81.

⁵⁰ Инв. № 10955. Серебро, гравировка, позолота, чернь. Высота 37,1 см, диаметр широкой части тулова 14 см, диаметр основания 10,1 см.

⁵¹ Arnason. Op. cit., p. 225, fig. 2.

⁵² Zahn R. Spätantike Silbergefäße. — Amtliche Berichte aus den Königl. Kunstsammlungen. Beiblatt zum Jahrbuch der Königl. Preussischen Kunstsammlungen, XXXVIII. B., 1917, Abb. 92—93.

⁵³ Garucci R. Storia dell'arte christiana. V. VI. Prato, 1880, tav. 460.

⁵⁴ Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, с. 28—34, табл. III, рис. 6—7; Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Вып. 1. М., 1977, № 44; Spätantike und frühbyzantinische Silbergefäße aus der Staatlichen Ermitage. Leningrad. Berlin, 1978, S. 85 f. (№ 4), Abb. 5.

⁵⁵ Cp. Strong. Op. cit., p. 191, pl. 55 B; Odobesco. Op. cit., t. II, pl. IV—V; Duval N., Baratte F., Will E. Un ensemble d'argenterie du IVe siècle récemment entré au Musée du Louvre. — Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France, 1971, p. 318—321, pl. XXIX.

в этом месте, а также в украшенных гравировкой и чернью плечиках по толщине значительно превосходит тонкие стенки сосуда. Это утолщение создавало переход от плечиков к шейке. Невысокая коническая ножка соединена с туловом посредством короткой, узкой (4,1 см) шейки, а не яблока, как это обычно для большинства кувшинов отмеченной группы. Конический подъем ножки опирается на невысокий цоколь с вогнутой поверхностью. Шейка диаметром 3,8 см. О форме устья нельзя сказать определенно, поскольку даже однотипные кувшины рубежа IV—V вв. обнаруживают различные варианты. Цилиндрическая часть горла явно завершалась широким воронкообразным венчиком, который в данном случае был гладким, в соответствии с характером ножки кувшина⁵⁶.

Орнаментика этого жигайловского серебряного кувшина сосредоточена в его верхней части — на плечиках (рис. 10). Здесь использованы три орнаментальных мотива, из которых один, с опущенными вниз листьями, занимает самый широкий, но более короткий пояс; другой, с волутами растительного стебля, — нижнюю полосу; и, наконец, третий (с равномерным изгибом волнообразного стебля) заполняет две узких ленты, дополняющие эту полосу. Мастер великолепно учел характер конической поверхности верхней части сосуда и расположил рисунок таким образом, что широкая горизонтальная полоса с узкими лентами как бы сдерживает движение расходящихся от основания шейки зубчатых листьев, до некоторой степени подобных помещенным на керченском кувшине. Рисунок и пропорции листьев на обоих сосудах неодинаковые, хотя структура их не обнаруживает весьма существенных различий. По замечанию Л. А. Мациулевича, листок на керченском сосуде «не суживается, не заостряется к концу, а, напротив, расширяется и заканчивается тупо, и его вершина не выдвигается вперед, а как бы вдвинута или втянута во внутрь листка и зажата между двумя его боковыми зубьями»⁵⁷. Это наблюдение приложимо и к характеру листка на кувшине из с. Жигайловки, с той лишь обязательной поправкой, что здесь листок более узкий и сочный и с семью зубчатыми выступами; между двумя соседними листьями в заливах чернью не кружочки, а миндалевидные «семена». Внутренняя плоскость листа точно так же расчленена двойными линиями, передающими его строение, и так же частично покрыта рядами густых насечек. Нижняя часть орнаментики жигайловского кувшина совершенно иного типа, чем это имеет место в керченском, где узкая каемка отделяет от листков неширокий пояс, заполненный светлыми чередующимися четырехлистниками и вертикально поставленными узкими листками на черном фоне, и далее, внизу, узкая лента с цепью ромбов и треугольников. Здесь же находим, напротив, относительно широкий пояс, который вместе с двумя ограничивающими его с верхней и нижней сторон узкими лентами по ширине лишь немного меньше верхнего ряда листьев. Мотив орнаментики этого пояса достаточно близок мотиву, украшающему ведро-ситулу из погребения в с. Концешты⁵⁸. Только здесь изогнутая ветка аканта образует правильный круг с обращенными во внутрь его листьями, и внутри колец стебля не цветочные розетты, а бутоны круглой либо овальной формы со вписанными в их контуры крестоцветами. Орнамент узких лент, заключенный между тонкими параллельными полосками, наиболее простой: непрерывная волнистая линия, плавно изгибаясь, разделяет верхний и нижний ряды светлых крупных кружочков с двумя мелкими возле каждого из них. Рисунок, проработанный густыми насечками либо пунктиром, везде четко выделяется на заполненном чернью фоне. Вся орнаментиро-

⁵⁶ Это соответствие в пластическом оформлении ножки и венчика горла можно последовательно проследить на примерах керченского, петросского и луврского серебряных кувшинов.

⁵⁷ Мациулевич. Серебряная чаша из Керчи, с. 33.

⁵⁸ Matzulewitsch. Byzantinische Antike, S. 134 f., Taf. 44—46.

ванная часть кувшина отделена от его тулова широкой позолоченной бороздкой.

При всех индивидуальных особенностях орнаментального декора инкрустированных чернью плечиков серебряного кувшина из с. Жигайловки нельзя не признать близость орнаментики к украшающей кувшин из Керчи и ведро-ситулу из Концешт. Более далекие аналогии, но никак не выходящие за пределы стилистического единства, можно указать и на других вещах, таких, как плоское серебряное блюдо из погребения в с. Концешты⁵⁹. Таким образом, декор плечиков жигайловского кувшина на высокой ножке, равно как техника его выполнения, а также форма изделия не оставляют ни малейших сомнений в том, что это константинопольская работа рубежа IV—V вв. При этом особая близость к серебряному кувшину из Керчи, полагаем, не исключает вероятности или по крайней мере возможности изготовления обоих сосудов в одно и то же время в той же самой мастерской византийской столицы.

* * *

Поскольку кроме двух публикуемых серебряных кувшинов в с. Жигайловке не были найдены другие вещи (а вернее, думается, на них не было обращено внимание при находке кувшинов), возможности определения комплекса погребения сведены к минимуму. Однако сомневаться в том, что это богатое кочевническое погребение вождя, явно не приходится⁶⁰. В этом смысле жигайловская находка принципиально ничем не отличается от условий, в которых оказались произведения торевтики в других известных нам случаях. Мы имеем в виду сохранившийся инвентарь погребений в с. Большой Камень в верховье р. Суджи⁶¹, в с. Концешты на правом берегу р. Прут в Молдавии⁶², в с. Малая Перещепина на Полтавщине⁶³, в с. Глодосы на правом берегу р. Сухой Ташлык⁶⁴. Нет сомнений и в том, что погребение, из которого происходят оба серебряных кувшина, изготовленные в Константинополе на рубеже IV—V вв., относится к эпохе Великого переселения народов⁶⁵. Не лишне попутно заметить, что судженский, перещепинский, а также фативижский «клад»⁶⁶ территориально не слишком удалены от с. Жигайловки.

По словам автора историко-статистического описания Харьковской епархии, «Жигайловка — одна из древних слобод, была некогда сотенным местечком»⁶⁷. Окрестности с. Жигайловки издавна известны благодаря находкам древних вещей. Во время пахоты в 1804 г. были обнаружены бронзовый сосуд «в виде сулей самой старинной формы» с римскими монетами I—II вв. н. э.⁶⁸ В свое время Н. Ф. Сумцов обратил внимание на коль-

⁵⁹ Ibid., S. 135 f., Taf. 48—49. Прорись орнаментов см. *Theodorescu R.* Un mileniu de arta la Dunărea de jos (400—1400). București, 1976, fig. 69—70.

⁶⁰ См. *Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Приднепровья в середине I тысячелетия н. э. — СА, 1955, XXII, с. 68—81.

⁶¹ *Мацулевич.* Погребение варварского князя..., с. 92.

⁶² *Скалон К. М.* Погребение в с. Концешты в Молдавии (Византия и варварский мир). — В кн.: Краткие тезисы докладов научной конференции «Культура и искусство Византии». Л., 1975, с. 41—43.

⁶³ *Маршак Б. И., Скалон К. М.* Перещепинский клад. Л., 1972.

⁶⁴ *Сміленко А. Т.* Глодоські скарби. Київ, 1965.

⁶⁵ См. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 40—68.

⁶⁶ О последнем см. *Козловська В.* Срібний скарб часів Великого переселення народів з с. Фатівиж на Чернігівщині. — В кн.: Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. Т. I. Київ, 1928, с. 44—52; *Fettich N.* A fativizsi lelet. — *Nyelvtudományi Közlemények*, 1936, s. 79—87.

⁶⁷ *Филарет (Гумилевский)*, архиеп. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. III. М., 1858, стб. 133 сл.

⁶⁸ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР САИ, Д4—4. М., 1961, с. 78, № 952; он же. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 38.

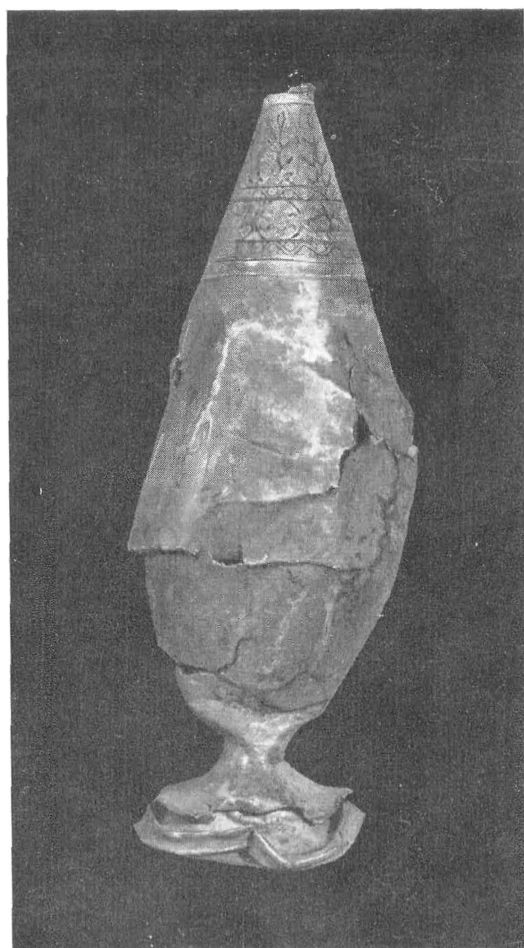

Рис. 9. Серебряный кувшин с инкрустацией. Конец IV — начало V вв.

Рис. 10. Серебряный кувшин с инкрустацией, фрагмент →

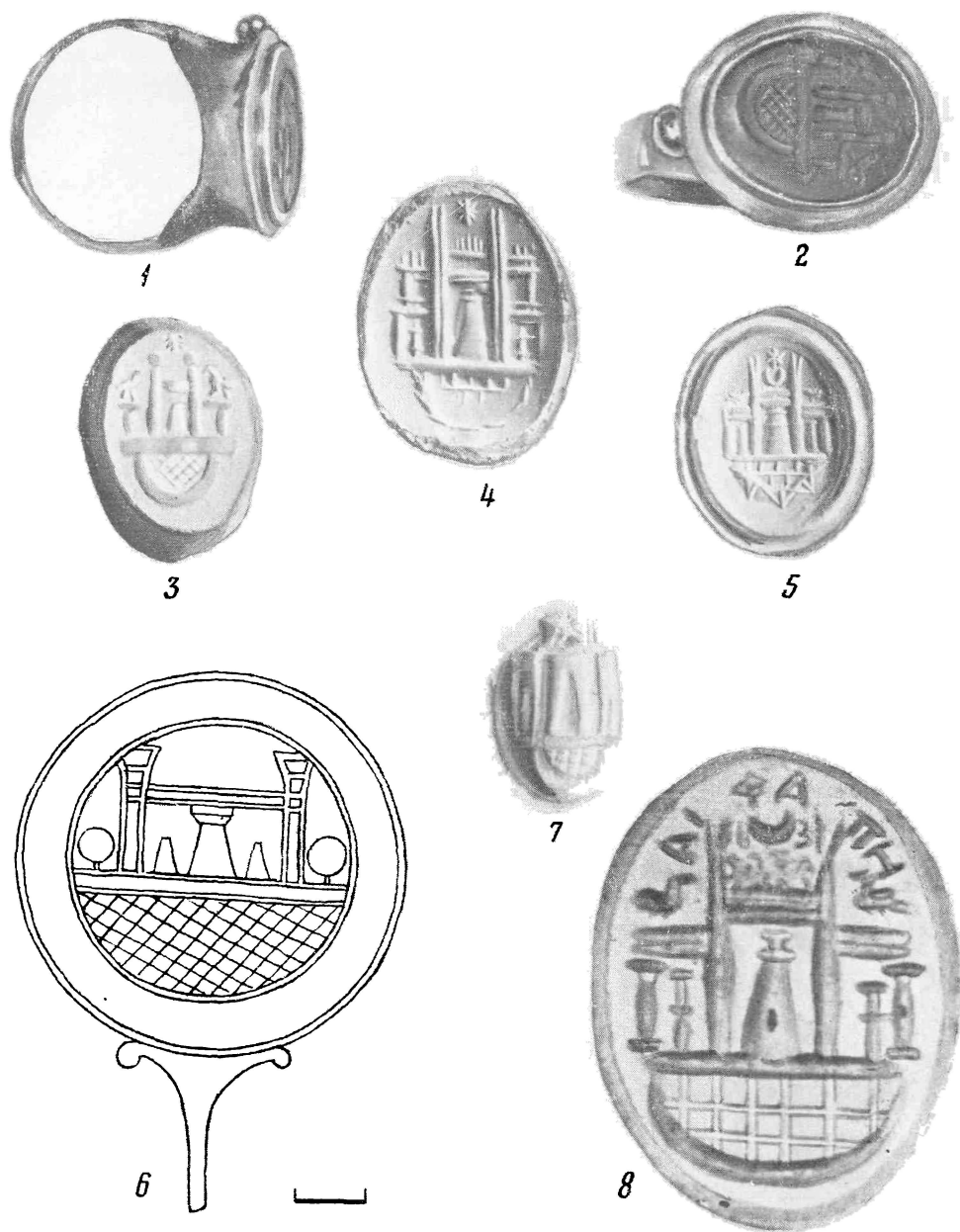

Рис. 1 (1—8)

пеобразные курганы возле слободы Жигайловки и по дороге из Краснополя в Рясное, подобные находившемуся к северо-западу от Боромли ⁶⁹. Таким образом, жигайловская находка двух серебряных кувшинов рубежа IV—V вв. отнюдь не представляется одиночной, но стоит в ряду подобных, связанных с тем же регионом.

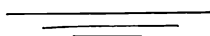
Серебряные кувшины, обнаруженные при разрушении археологического комплекса кочевнического погребения в окрестностях с. Жигайловки, представляют собой подлинные шедевры торевтики, связанной с традициями позднеантичного искусства. Это относится в равной степени к кувшину с чеканными сценами, иллюстрирующими историю Ахилла, и к кувшину с инкрустацией чернью. Эти памятники существенно обогащают фонд художественных сокровищ наших музеев.

⁶⁹ *Сумцов П. Ф.* Очерки народного быта (Из этнографической экскурсии 1901 г. по Ахтырскому уезду Харьковской губернии). Харьков, 1902, с. 5 сл. (отт. из «Сборника Историко-филологического общества», т. 13, 1902).

SILVER JUGS FROM ZHIGAILOVKA

V. G. Putsko

The two silver jugs the author describes and discusses were found at an excavation site near the village of Zhigailovka (Trostyanets district, Sumy oblast, Ukraine) in the summer of 1965. Since 1966 they have been kept in the Sumy Oblast Regional Museum. One jug is decorated with engraved scenes occupying three friezes. In the author's opinion the middle band contains an illustration of Homer's Iliad (Book XXII), while the other two bands represent events in the life of Achilles. Judging by analogy with a vessel from the Sudzha Hoard, this jug is dated ca. A. D. 400 and came from Constantinople. The other jug has a high foot and a smooth surface, only its upper part being decorated with niello engraving. This fine example of toreutic art closely resembles a silver jug from Kerch and is accordingly classed as a product of Constantinople and dated at the turn of the 4th and 5th centuries. The burial context in which our silver jugs were found belongs to the epoch of the Great Migrations.'

А. Б. Манукян

ГЕММА ИЗ АРМЕНИИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ХРАМА АФРОДИТЫ ПАФОССКОЙ

В 1957 г. у селения Верин Геташен, расположенного на склоне горы юго-западного побережья озера Севан, во время земляных работ было случайно вскрыто древнее погребение. Село весьма богато археологическими памятниками. Здесь выявляется материал, начиная с эпохи бронзы (II тыс. до н. э.) и до позднего средневековья. Античный некрополь расположен на всей территории селения и при проведении земляных работ на юго-западном побережье озера попадаются античные захоронения, датируемые I—IV вв. н. э.

Захоронение, вскрытое в 1957 г., представляло собой каменный ящик, в котором было обнаружено два мужских скелета плохой сохранности, два керамических сосуда, а также два золотых перстня с резными вставками из сердолика¹. Один из кувшинов имеет круглое тулово, длинную вытянутую шейку и слегка расширенный венчик. Ручка и часть венчика отбиты. Кувшин изготовлен на гончарном круге, покрыт красным ангобом, поверхность лощеная. Второй сосуд имеет грушевидную форму. Его тулово книзу расширяется. Одноручный, краснолощенный кувшин изготовлен также на гончарном круге, со следами огня в нижней части тулова и на дне. Распространенный в кувшинных и катакомбных захоронениях Армении² и всего Закавказья³ тип вышеописанных сосудов позволяет датировать погребение эпохой поздней античности — концом III — началом IV в. н. э.

Весьма интересны и редки два резных камня в массивных золотых перстневых оправках, сильно отличающиеся друг от друга. Золотой массивный перстень весом 5,3 г (инв. № 2000/3) имеет плоскую дужку с подчеркнутыми выступающими плечиками, на которые опирается высокий постамент овального щитка со сглаженным широким краем и с глубоко сидящей в ней сердоликовой инталией. К щитку с одной стороны припаян золотой шарик. Жуковина у перстня овальная, с внешней стороны плоская. Вставка темно-красная, прозрачная, с внешней стороны плоская, с внутренней — слегка выпуклая. Резьба по камню глубокая, она занимает всю поверхность геммы. (Рис. 1—8 см. вкл. стр. 89).

Изображение широкой горизонтальной прямой линией делится на две половины. В верхней части поля в центре между двумя колоннами с полусферическими навершиями виден конический бетил. Две центральные колонны соединены между собой поперечной линией, над которой изображена звезда. По обе стороны от колонн отходят два боковых крыла (горизонтальная линия, опирающаяся на вертикальную) в виде поста-

¹ Материалы хранятся в Гос. музее Армении.

² Хачатрян Ж. Д. Гарни V (Античный некрополь). Ереван, 1976, с. 47, табл. V.

³ Ваидов Р. В. Мингечаур в III—VIII вв. Баку, 1961, табл. VI.

ментов, на которых помещены схематичные изображения птиц. Нижняя часть поля занята полукругом, обозначенным широкой гладкой линией, который заполнен пересекающимися прямыми (рис. 1, 1—3).

Второй перстень весом 3,3 г (инв. № 2000/4) имеет плоскую дужку со слегка выступающими плечиками. Щиток восьмигранный с нечетко выраженными углами. В него вставлен охристо-оранжевый резной сердолик. В отличие от первого перстня здесь по обе стороны от центрального щитка припаяны дополнительно две миниатюрные миндалевидные жуковины с глубоко сидящими в них гранатами, острые концы которых упираются в центральный щиток и имеют по обеим сторонам по два спаянных некрупных зернышка. По всей плоской поверхности центрального камня-сердолика вырезано грубое изображение петуха в боевой позе. Птица изображена на схематично обозначенной линии почвы, многие детали опущены, резьба линейная.

Форма перстня с одним золотым шариком, припаянным у жуковины, известна по археологическому материалу из античных погребений Грузии. В частности, схожая форма встречается в числе погребального инвентаря Самтаврского могильника, датируемого IV—VI вв. н. э.⁴ Подобные перстни известны также из Армазис-Хеви⁵, Агаяни⁶ и из могильника у селения Уреки (Западная Грузия)⁷. При раскопках на Дигомской равнине в погребении знатного воина, датируемом второй половиной III в. н. э.⁸, обнаружен железный перстень аналогичной формы с сердоликовой инталией. Вышеуказанные параллели датируются в основном концом III — началом IV в. н. э.

Для нас особый интерес представляет резной камень первого перстня. Судя по деталям и характеру композиции, изображение имеет культовый характер. Подобные геммы-инталии со схожей композицией представлены в коллекциях многих музеев мира, а также в частных собраниях. На сердоликовой гемме из одного частного собрания⁹, помимо известного нам изображения, имеется греческая надпись Н ПАΦΙΑ, рассчитанная на чтение слева-направо в отписке (ἡ καφία). В отличие от нашего изображения здесь по обе стороны от центральных колонн отходят по две параллельные горизонтальные прямые, под которыми вырезаны фаллообразные стелы, а изображение звезды заменено полумесяцем. Надпись размещена в верхней части поля и следует овалу геммы (рис. 1, 8).

Весьма сходна композиция на инталии, представленной в другой частной коллекции, за исключением надписи, которая в этом случае отсутствует, а звезда соединена с полумесяцем¹⁰. (рис. 1, 2).

Резьба на берлинской сердоликовой гемме имеет более сложную композицию¹¹. От центральных колонн отходят вертикальные прямые, образующие двухъярусные боковые прямоугольные поля, в нижнюю половину которых вписаны фаллообразные колонны. В Национальном музее

⁴ Иващенко М. И. Грузинские аналогии Перещепинского клада.— КСИИМК, XVIII, 1947, с. 58, рис. 21.

⁵ Мцхета I. Армазис-Хеви. Тбилиси, 1958, табл. XCVI (66), XCVII (5а, 4а).

⁶ Марианашвили Н. Глиняные саркофаги из с. Агаяни.— Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, № 2. Тбилиси, 1980 (на груз. яз., резюме на русск. яз.), с. 75, 78, 81, 86, табл. I₂₋₄.

⁷ Левинадзе В. А. Богатое погребение конца IV в. из Уреки.— СА, 1975, № 4, с. 201.

⁸ Абрамишвили Р. М. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси.— В кн.: Археологические исследования на новостройках ГрузССР. Тбилиси, 1976, с. 28, табл. XII.

⁹ Cades, impronte gemmariae, 46, № 88 (1,9 × 1,1 см); Hertz B. Catalogue of the Collection of Assyrian, Babylonian, Egyptian, Greek, Etruscan, Roman, Indian, Peruvian and Mexican Antiquities. L., 1851, p. 14, № 249.

¹⁰ Raspe R. E. Catalogue raisonné d'une collection générale de pierres gravées antiques et modernes tirées des cabinets les plus célèbres de l'Europe. L., 1791, № 6431 (1,9 × 1,1 см).

¹¹ Furtwängler Ad. Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium. B., 1896, № 2977 (1,2 × 0,9 см).

в Неаполе хранится гемма с идентичным изображением, со звездой над центральной башней¹² (рис. 1, 4). Коллекция гемм Британского музея имеет два резных камня со схожей композицией. На одном из них имеется надпись АПОС. Другой камень вставлен в перстень греко-римского времени¹³. На выпуклом с обеих сторон резном сердолике из музея в Касселе так называемой линейной резьбой выгравирована подобная же композиция с конусообразным символом в центре. Гемма датируется I в. н. э.¹⁴ Схематичностью и простотой изображения отличается от вышеописанных экземпляров резной сердолик, вставленный в золотой перстень, обнаруженный во время раскопок в Саламине на Кипре¹⁵. Здесь отсутствуют изображения небесных светил и птиц, однако явно сходство композиции в целом.

Помимо гемм подобное изображение довольно часто встречается также на других памятниках. Так, например, многочисленные золотые перстни, найденные на Кипре, имеют сходные с представленными геммами изображения¹⁶. Оригинальным нам представляется изображение на щитке золотого перстня, где вырезано несколько вертикально перекрещивающихся линий и колонн, причем одна из них в таком положении, будто она падает¹⁷, и перстень, где в центральной части не помещено, как обычно, изображение конуса — бетила, а птицы схематично переданы в нижнем полукруге. Последний перстень датируется II—III вв. н. э.¹⁸

Верхняя часть композиции на резном бронзовом зеркале, найденном также при раскопках на Кипре, представляет собой иную схему. На более расширенном центральном участке верхнего поля изображены три конусовидные стелы, центральная из которых имеет навершие в виде капители. По бокам от колонн помещены изображения шаров на узких прямоугольных ножках. Нижняя половина с полукругом заполнена диагонально пересекающимися линиями¹⁹ (рис. 1, 6). Подобное изображение мы видим на реверсе монет Веспасиана²⁰. Исследователи этих памятников трактуют данный сюжет как архитектурный ансамбль храма Афродиты Пафосской на о-ве Кипр. Вышеприведенная гемма с надписью «Пафия» подтверждает толкование сюжета на всей этой серии резных камней. Сопоставление изображений рассматриваемых памятников показывает, что мы имеем стилизованное и схематично переданное изображение данного храма. По всей вероятности, мастера-резчики, выделяя некоторые, главные, по их мнению, архитектурные детали сооружения, произвольно подходили ко всей композиционной его структуре, что порождает определенные трудности в более или менее точном реконструировании внешнего облика храма, однако при этом сохраняли точность в воспроизведении главного идола, помещенного в центральной части сооружения, а также в большинстве случаев изображали атрибуты богини любви (небесные светила, звезда и полумесяц, голуби) как абстрактные символы богини.

Раскопки, проведенные в Пафосе в XIX в. американским консулом

¹² Documenti inediti per servire la storia dei Musei d'Italia. Firenze, 1880, p. 111, № 1045.

¹³ Walters H. B. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. L., 1926, № 1461.

¹⁴ Zazoff P. Gemmensammlung der Staatlichen Kunstsammlungen Kassel.— AgDS. Bd. IV. Wiesbaden, 1975, № 193 (1,4 × 1,02 × 0,47 cm).

¹⁵ Cesnola L. P. Salaminia (Cyprus). The history. Treasures and Antiquities. L., 1882, p. 41, fig. 39.

¹⁶ Myres J. L. Handbook of the Cesnola Collection of Antiquities from Cyprus. N. Y., 1914, 4087, 951; Richter G. M. A. Catalogue of the Engraved Gems of the Classical Style. N. Y., 1920, № 79, 280; eadem. Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman. Roma, 1956; Marshall F. H. Catalogue of the Finger Rings in the British Museum. L., 1907, № 134—136.

¹⁷ Richter. Catalogue of Engraved Gems..., № 577.

¹⁸ Marshall. Op. cit., № 253.

¹⁹ Cesnola. Op. cit., p. 59, fig. 66.

²⁰ Ward G. Greek Coins and their Parent Cities. L., 1902, (762 A).

Чеснолой, в результате которых были расчищены фундамент и остатки стен храма, относящиеся к I в. н. э., к сожалению, не дают определенных данных для восстановления его первоначального архитектурного вида. Делались попытки восстановить его изначальный облик по фрескам минойского периода, найденным на о-ве Крит, а также по изображениям на эстампированных золотых пластинках из шахтового некрополя Микен²¹. Несмотря на то, что они дают нам изображение храма с высокой центральной башней, нельзя с определенностью сказать, что перед нами древний храм Афродиты. А что касается реконструкции, проведенной на основании фресковых изображений, она, по всей видимости, представляет собой один из вариантов известного нам по вышеупомянутым памятникам изображения, весьма мало отличающегося от них²².

На всех этих изображениях полукруг, заполненный пересекающимися линиями, считается передним двором храма, выложенным плитами. По всей вероятности, это условное изображение должно было представлять крепостную стену или ограждение всей территории храма, включая и его двор, где, видимо, и совершалось богослужение. На геммах и монетах иногда видно и изображение двухстворчатых ворот этой стены. Верхняя часть рисунка передает высокую центральную башню храма с конусовидным идиолом — бетилом в центре, форма и величина которого подчеркивают его главенствующую роль.

Римский историк Тацит, упоминая о храме Венеры Пафосской на Кипре, отмечает своеобразность изображения богини, «...нигде не имеющего себе подобных». Он подчеркивает, что «Идол богини не имеет человеческого облика, а напоминает мету на ристалищах — круглую внизу и постепенно сужающуюся кверху»²³. Павсаний, говоря о статуе Афродиты в местечке, которое называют Садами, отмечает, что «...ее внешний вид — четырехугольный, такой же, как у герм. Надпись объясняет, что это — «Небесная Афродита», старшая из так называемых Мойр (богинь судьбы)»²⁴. Таким образом, сведения античных историков подтверждают, что почитаемый в Пафосском храме идол богини имел именно изображенный на памятниках вид.

Мы располагаем свидетельствами античных авторов, согласно которым остров Кипр предстает как главный центр почитания Афродиты, а Пафосский храм как один из самых древних и без сомнения наиболее известных святилищ богини любви. Еще в 8-й песне «Одиссеи», в эпизоде, повествующем об освобождении Гефестом прикованных к ложу им же самим Афродиты и Ареса, поэт пишет:

«Скрылася в Кипр золотая с улыбкой приветной Киприда;
Был там алтарь ей в Пафосском лесу благовонном воздвигнут»²⁵

В трагедии Еврипида «Вакханки» Кипр предстает как царство Афродиты:

«Зовет
Сердце Киприйский брег,
Там царит Афродита...»²⁶

Афродита была одной из самых популярных богинь древнего мира. Многочисленные храмы, посвященные ей, имелись во многих областях Греции (Коринф, Беотия, Мессения, Ахайя, Спарта и др.). Особенно по-

²¹ *Blinkenberg Chr.* Le temple de Paphos. Historisk-filologiske Meddelelser udgivne af Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab 9. Bd. 2. København, 1924—25, fig. 4.

²² *Ibid.*, fig. 3.

²³ *Tac.*, *Hist.* II, 3 (пер. Кнабе Г. С., Грабарь-Пассек М. Е. и др., Л., 1969).

²⁴ *Paus.*, I, XIX, 2 (пер. С. П. Кондратьева. М., 1938).

²⁵ *Od.* VIII, 360 (пер. В. А. Жуковского).

²⁶ *Eur.*, *Bacch.* II, 400 (пер. П. А. Анненского).

читалась Афродита в Малой Азии (Эфес), в Египте (Абидос), в Сирии (Библ), Риме и других местах.

Существуют различные, а порой и противоречивые мнения о возникновении культа Афродиты. Она близка и даже отождествляется с финикийской Астартой, вавилонской и ассирийской Иштар, египетской Исидой. Подобно им она считалась богиней плодородия, любви, плодovitости, богиней—матерью, покровительницей гетер.

По мнению А. Энманна, культ Афродиты в Пафосе был, очевидно, не чем иным, как одним из многочисленных местных или городских культов, которые отправлялись в честь богини на острове. Постепенно он, «освященный, может быть... особым уважением и авторитетом», был перенят соседними городами, где существовали и собственные священнодействия в честь Афродиты²⁷. Однако уже в эллинистическо-римское время Пафос и его святыня пользовались мировой славой.

Памятники глиптики изображают также помимо центрального конического идола боковые фаллообразные колонны, а иногда даже нечто вроде алтарей с языками пламени. Описывая жертвенники храма Венеры Пафосской, Тацит пишет: «Обливать жертвенники кровью запрещается, лишь молитвы и чистое пламя возносятся с алтарей, и хотя они находятся под открытым небом, не было еще случая, чтобы дождь залил огонь»²⁸, а фаллы еще в древности почитались как символы плодородия, продолжения жизни. Надо полагать, что конусообразный идол Афродиты также мог быть либо стилизованным воспроизведением фалла, либо элементарной попыткой изобразить человеческую фигуру. На пафосских монетах изображали этот конус внутри здания храма.

Культ Афродиты-Астарты из Сирии был привнесен также в Армению. Это имело место еще на ранней стадии ее почитания, когда она считалась Великой матерью-прародительницей. Она представлена в армянском языческом пантеоне как Астхик-Афродита-Астарта, которая в начальном периоде имела те же функции, что и богиня Нане. Однако и Афродита и Нане были отождествлены также с Анаит армянского пантеона, которая выполняла функции местной Великой матери. Анаит, как и Афродита и все Великие богини—матери, выступала в качестве божества любви и плодородия, была связана с водой, ее культу был свойствен религиозный гетеризм, который в Армении нашел место в посвященных ей храмах²⁹. Известно, что храм Афродиты в Коринфе имел свыше тысячи гиеродул.

В эллинистический период, когда происходило бурное смешение восточных и западных пантеонов и божеств и некоторые из них претендовали на всеобщее почитание, в Армении Анаит приобрела множество новых функций, а Астхик по примеру греческой Афродиты сохранила лишь черты богини любви и красоты. Божества армянского пантеона также были отождествлены с греческими. Они приобрели даже греческие имена: Зевс — Арамазд, Артемида — Анаит, Геракл — Ваагн, Аполлон — Гелиос-Митра и другие. Из Малой Азии и даже из Греции было завезено множество статуй и поставлено в армянских храмах³⁰. Мовсес Хоренаци говорит о том, что статуи Афродиты были установлены в храмах, посвященных Астхик: «Тигран ставит изображение Зевса Олимпийского в крепости Ани, Афину в Тиле, другое изображение Артемиды в Еризе и Гефеста в Багаариче. Но изображение Афродиты, как возлюбленной Геракла, приказал поставить в Аштишате»³¹.

Афродита-Астхик была одной из любимых богинь армян. Ее храмы и

²⁷ Enmann A. Kypros und der Ursprung des Aphroditenkultus.— Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg, VII, t. XXXIV, № 13, St.-Petersbourg, 1886, p. 44.

²⁸ Tac., Hist. II, 3.

²⁹ Strabo, XI, 14, 16.

³⁰ История Армении Моисея Хоренского. М., 1983, кн. II, 12 (пер. Н. О. Эмина).

³¹ Там же, кн. II, 14, с. 67.

места почитания находились в Тароне, Аштишате и в Арташате, на берегу озера Ван и в других центрах страны³². Она почиталась в божественной паре с Ваагном, как Афродита почиталась с Гераклом. Ее главный храм, находившийся в городе Аштишате, был назван «домом Ваагна», и, по словам армянского историка IV в. Агафангела, «она (богиня) являлась самой Афродитой»³³. По армянскому календарю в середине лета устраивался праздник вардавар, посвященный богине плодородия, во время которого выпускали голубей, а участники обрызгивали друг друга водой³⁴.

Нам не известны местные изображения Астхик, однако в Армении найдено большое количество памятников, изображающих Афродиту. В Британском музее хранится голова бронзовой статуи из Саталы, недалеко от которой находился храм богини Анаит. Ряд исследователей считают статую изображением Афродиты, созданной Праксителем или скульптором его школы³⁵. Мраморная статуя Афродиты найдена также при раскопках древней столицы Армении — Арташата. Прозрачный хитон, опоясанный под грудью, подчеркивает красоту и изящество форм. Голова у статуи отбита, однако постановка шеи, судя по которой голова была чуть приподнята вверх, придает статуе пластичность и грацию, что позволяет считать ее одним из лучших образцов многочисленных пластических изваяний богини³⁶.

В Арташате обнаружен также целый ряд терракотовых статуэток, изображающих богиню снимающей сандалию перед купанием, вероятно, созданных под влиянием монументальной скульптуры³⁷. В районе бассейна оз. Севан (г. Камо) найден золотой медальон, где Анаит — Великая мать — изображена с ребенком³⁸. Он изготовлен по образцу композиций весьма распространенных в античную эпоху медальонов³⁹, представляющих Афродиту с Эротом, датируемых эллинистическим временем и эпохой империи. Все вышеуказанные находки свидетельствуют о том, что в Армении хорошо были знакомы с культом Афродиты и ее изображениями в искусстве, и, вероятно, также с самыми известными ее святилищами, находящимися за пределами страны.

По всей вероятности, инталия с изображением храма Афродиты Пафосской на Кипре была завезена в Армению в качестве предмета торговли. Армения была связана торговыми путями со многими странами античного мира, выступая активным участником в этой торговле. Столица Армении Арташат, находясь на перекрестке торговых путей, выступает как один из крупнейших торговых центров античного времени. Армения еще с древнейших времен имела тесные культурно-экономические и торговые контакты с Междуречьем, с восточным побережьем Средиземного моря и Малой Азией⁴⁰. Связи с Кипром отмечены еще со II тыс. до н. э. Кипрская

³² Мелик-Пашаян К. В. Культ богини Анаит. Ереван, 1963 (на арм. яз.), с. 33—35.

³³ Агафангел. История Армении. Тифлис, 1909 (на арм. яз.), с. 603.

³⁴ Мелик-Пашаян. Ук. соч., с. 129.

³⁵ Walters H. B. Select Bronzes, Greek, Roman und Etruscan in the Departments of Antiquities. L., 1915, p. 274, pl. 241; Adriani A. Documenti e ricerche d'arte alessandrina, II. Testimonianze e momenti di sculpture Alessandrina, 1958, p. 12, tab. IV, 4.

³⁶ Аракелян Б. Н. Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н. э. — III в. н. э.). Ереван, 1976, с. 22 сл., табл. XXII.

³⁷ Хачатрян Ж. Д. О коропластике древней Армении. — ВДИ, 1979, № 3, с. 92 сл.; он же. Античная коропластика Армении. — Вестник АН АрмССР, 1977, № 5, с. 43—46, табл. II, 4, 6.

³⁸ Он же. Медальоны Армении античного периода (II в. до н. э. — I в. н. э.). — Вестник АН АрмССР, 1978, № 5, с. 53 сл., табл. II, 1.

³⁹ Книпович Т. Н. Таваис. М. — Л., 1949, с. 62, рис. 20; Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. М., 1957, с. 38; Галанина Л. К. Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана. — СА, 1973, № 2, с. 32.

⁴⁰ Кушнарева К. Х. Обмен и торговля Закавказья в древности. — В кн.: Обмен и торговля древних обществ. Л., 1972, с. 12 сл.; Зардарян М. О. Амфоры из раскопок Арташата. — ИФЖ, Ереван, 1977, № 1, с. 266—272; Жанполадян Р. М. О трех образцах стекла из Кармирблур. — СА, 1964, № 1, с. 307—312; Мушегян Х. А. Денежное обращение в античной и средневековой Армении по нумизматическим данным

цилиндрическая печать, датируемая первыми столетиями II тыс. до н. э., найдена в Арктиском некрополе⁴¹. В эпоху Урарту торговые связи с западным миром становятся достаточно интенсивными. Урартские изделия из металла и другие материалы найдены на Кипре, Крите, Родосе, в Аргосе, Афинах, Дельфах, Олимпии⁴². Более интенсивные торговые отношения продолжаются в античное время, когда при посредничестве Антиохии-на-Оронте в Армению ввозится с Кипра большое количество стеклянных изделий⁴³. По всей вероятности, в ту же эпоху вместе с ними и была привезена инталия.

Верин Геташен, где обнаружен резной камень, расположен на древнем торговом пути, ведущем из Арташата и из Нахиджевана по юго-восточному побережью оз. Севан в Содк (Зод), в Албанию. В античных погребениях Верин Геташена не раз были обнаружены миниатюрные стеклянные сосуды из Сирии⁴⁴, предметы украшений, фрагменты керамики различных центров античного мира. Следует отметить также тот факт, что и в других античных поселениях и некрополях бассейна оз. Севан обнаружены импортная керамика, стеклянные изделия, терракота, многогранные печати из синего стекла, монеты, украшения и другие изделия⁴⁵. Следовательно, находку геммы в данном регионе не следует считать случайной.

Надо полагать, что инталия первоначально использовалась как печать, аналогии этому известны из раскопок на о-ве Кипр. В 1970 г. во время раскопок в Пафосе было найдено большое количество булл, среди которых в числе оттисков других изображений имеется также и воспроизведение Пафосского храма Афродиты⁴⁶. Гемма из Верин Геташена дошла до нас во вторичном использовании, по всей вероятности, перестав носить функцию печати, а получив назначение украшения или талисмана. Судя по форме перстня, который по имеющимся аналогиям датируется концом III — началом IV в. н. э., именно в это время она попала в Верин Геташен и была погребена с владельцем.

Таким образом, инталия из Верин Геташена и приведенные аналогичные произведения с изображением храма Афродиты Пафосской на Кипре подтверждают не только древность культа, своеобразие почитаемого идола, но и его распространенность, а также свидетельствуют о торговых и культурных связях Армении и Кипра в первые века нашей эры, обогащая наши знания о глиптическом материале античной Армении и дополняя его еще одним уникальным образцом.

(V в. до н. э. — XIV в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. Ереван, 1975, с. 5, 11.

⁴¹ Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака (III тыс. до н. э.). Ереван, 1975, с. 158, рис. 77, 5, 6.

⁴² Yamauchi E. M. Greece and Babylon Early Contacts between the Aegean and Near East. Michigan, 1967, p. 56.

⁴³ Аракелян Б. Н., Тиранян Г. А., Хачатрян Ж. Д. Стекло древней Армении. (I—IV вв. н. э.). — Археологические памятники Армении. Ереван, 1969, № 3, № 38—42, 57—59.

⁴⁴ Там же, № 115.

⁴⁵ Там же, № 54, 59, 72, 109, 122, 123; Хачатрян Ж. Д. Античное погребение в Личке. — ИФЖ, Ереван, 19, с. 29; он же. О стекле древней Армении. — Вестник общ. наук АН АрмССР, 1967, № 1, с. 87 сл., 94 сл.; рис. 6, 11.

⁴⁶ Nikolau K. Archaeological News from Cyprus, 1970. — AJA, 76, 3, 1972, p. 315, pl. 66, fig. 35.

ЭНГАРЫ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

В III тыс. до н. э. основной отраслью хозяйства древнего Шумера было земледелие. Поэтому понятно, что при анализе социально-экономической стороны жизни шумерского общества именно ему уделяется пристальное внимание. Изучение форм организации и эксплуатации труда в государственном и храмовом хозяйствах, особенностей занятости рабочей силы, существующей системы оплаты труда во многом помогает восстановить картину развития шумерского общества и подойти к решению вопроса о его формационной принадлежности.

Цель предлагаемой статьи составляет показ особенностей занятости основной рабочей силы — энгаров, т. е. пахарей государственных (resp. храмовых) хозяйств на основе данных хозяйственных и юридических документов эпохи III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.).

Вначале несколько слов к историографии вопроса. В. В. Струве первым из советских историков в своих трудах 30-х годов поставил вопрос о формах эксплуатации труда в Шумере и вообще в странах древнего Востока. Известно, что при определении социально-экономического статуса массы производителей основное значение он отводил продолжительности ее занятости в государственном хозяйстве. Рассматривая под этим углом зрения положение пахарей (энгаров), он указывал, что, поскольку те работали в хозяйстве в течение всего года, то должны были быть оторваны от собственных средств производства и, следовательно, причислены к рабам¹. Против подобного утверждения В. В. Струве тогда выступил Н. М. Никольский, который полагал, что продолжительность занятости не может выступать основным фактором при определении статуса работника².

Косвенно этого вопроса коснулся в своей монографии и А. И. Тюменев³, который, как и В. В. Струве, считал, что продолжительность занятости рабочих являлась главным при установлении их экономического статуса. Известно, что энгары иногда упоминались под общим названием *гуруши* («рабочие мужчины»). Подобно В. В. Струве, А. И. Тюменев в работниках, подразумеваемых под гурушами, видел рабов. Это определение он, видимо, распространял и на энгаров, хотя нигде не сформулировал этого прямо. Следует отметить, что монография А. И. Тюменева была первым крупным трудом в отечественной науке, в котором наиболее полно рассмотрены формы организации труда энгаров эпохи III династии Ура, система оплаты их труда и т. д.

Вплоть до настоящего времени отсутствуют какие-либо специальные работы зарубежных исследователей относительно пахарей шумерской эпохи; вместе с тем сам перевод термина «энгар», который предлагается

¹ Струве В. В. Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура. — ПИДО, 1934, № 7—8, с. 221.

² Никольский Н. М. К вопросу о рабстве на древнем Востоке. — Там же, с. 210.

³ Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, с. 253, 260 сл.

ими в монографиях общего характера, содержит ряд интересных соображений. Большинство исследователей, опираясь на контексты документов, переводят термин «энгар» как «крестьянин, земледелец» (Baue; paysan; peasant)⁴; ряд авторов считают его соответствием понятия «пахарь» (Pflug; plowmen)⁵. Ниже мы попытаемся показать, что подобный двойственный подход к переводу данного термина, учитывающий его узкое и расширительное значения, полностью оправдывается данными документов⁶.

Относительно терминов engar, engar-giš-ì, guruš-engar

Уже в древнейших шумерских письменных памятниках (конец IV тыс. до н. э.) встречается графический знак, который употреблялся для обозначения «плуга», а также «прикрепленного к плугу» мужчины — «пахаря»⁷. В составленных позднее шумеро-аккадских силлабриях этому знаку соответствуют также два слова — arin (a-pi-in), erinni — «соха, плуг»⁸ и engar (en-gar), ikkaru — «пахарь»⁹.

Термин «энгар» относится к протошумерской культурной среде¹⁰. Он представляет собой один из элементов сохранившегося в шумерском субстрата из языка народа этой культуры (протоевфратцы, они же убаидийцы)¹¹. Это означает, что подразумевающееся под термином понятие

⁴ Sauren H. Wirtschaftsurkunden aus der Zeit der III. Dynastie von Ur im Besitz des Musée d'art et d'histoire in Genf. I. Napoli, 1969 (далее — WMAH I), p. 346; Grégoire J.-P. Archives administratives sumériennes. P., 1970 (далее — AAS), p. 273; Falkenstein A. Die neusumerischen Gerichtsurkunden (далее — NG). III. München, 1957, S. 107; Oberhuber K. Sumerische und akkadische Keilschriftdenkmäler des archäologischen Museums zu Florenz. — Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. VIII. Innsbruck, 1960 (далее — IBK VIII), S. 136; Edzard D. O. Sumerische Rechtsurkunden des III. Jahrtausend aus der Zeit vor der III Dynastie von Ur. München, 1968, S. 215; Salonen A. Agricultura Mesopotamica. Helsinki, 1968 (далее — AM), p. 110; Gig M., Kizilyay H., Salonen A. Die Puzriš-Dagan-Texte der Istanbul archäologischen Museen. I. Helsinki, 1954 (далее — PDT I), S. 290; Gelb I. J. The Ancient Mesopotamian Ration System. — JNES, 24, 1965, p. 242; Pettinato G. Aggiunte al corpus delle lettere amministrative della terza dinastia di Ur. — Oriens Antiquus, 7, 1968, (далее — ACL), p. 175, 12 : 1. Такое же общее значение подразумевается и под предлагаемым некоторыми англоязычными исследователями переводом «фермер, арендатор» (farmer, см. Keiser C. E. Neo-Sumerian Account Texts from Drehem. — Babylonian Inscriptions in the Collection of James B. Nies. III. New Haven, 1971 (далее — BIN III), p. 82; Hackman G. G. Sumerian and Akkadian Administrative Texts. — Babylonian Inscriptions in the Collection of James B. Nies. VIII. New Haven, 1958 (далее — BIN VIII), p. 57; Kang S. T. Sumerian Economic Texts from the Drehem Archive. Sumerian and Akkadian Cuneiform Texts in the Collection of the World Heritage Museum of the University of Illinois. I. Urbana—Chicago, 1972 (далее — SACT I), p. 274.

⁵ Landsberger B. Jahreszeiten im Sumerisch-Akkadischen. — JNES, 8, 1949, S. 278; Oppenheim A. L. Catalogue of the Cuneiform Tablets of the Wilberforce Eames Babylonian Collection in the New York Public Library. Tablets of the Time of the Third Dynasty of Ur. — American Oriental Series. XXXII. New Haven, 1948 (далее — AOS XXXII), p. 234; BIN III, p. 82; Gelb I. J. The Arua Institution. — RA, 66, 1972 (далее — AI), p. 19; Materialien zum sumerischen Lexikon (далее — MSL), IV, 14 : 15; MSL V, 76 : 322. В последнее время И. Гельб предлагал следующий перевод данного термина: «руководитель плужной упряжки» (chief of plow teams; см. Gelb I. J. Household and Family in Early Mesopotamia. — In: State and Temple Economy in the Ancient Near East. I. Leuven, 1979, p. 14).

⁶ Так, например, В. В. Струве переводит термин энгар как «пахарь» (ук. соч., с. 212 сл.). Н. М. Никольский указывал: «термин... должен обозначать... земледельцев вообще, крестьян» (ук. соч., с. 210). А. И. Тюменев этот термин переводил как «пахарь, пахарь-земледелец, земледелец» (ук. соч., с. 39, 98, 270; подробнее см. с. 304—303). И. М. Дьяконов расширяет содержание термина и подразумевает под ним «производителя, заведующего сельскохозяйственными работами» (см. Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, с. 75; ср. с. 56).

⁷ Falkenstein A. Archaische Keilschrifttexte aus Uruk. Berlin — Leipzig, 1936, № 214; Langdon S. Pictographic Inscriptions from Jemdet Nasr. Oxf., 1928, № 125; Deimel A. Liste der archaischen Keilschriftzeichen, Lpz, 1922, № 128.

⁸ MSL V, 76; cp. AM, p. 41.

⁹ MSL IV, 14 : 15, cp. MSL XII, 129 : 368.

¹⁰ AM, p. 28.

¹¹ Salonen A. Zum Aufbau der Substrate im Sumerischen. — StOr, 37, 1968, № 3, S. 4.

и связанная с ним деятельность ко времени появления шумеров в Двуречье (середина IV тыс. до н. э.) были довольно распространенными.

Начиная с XXV в. до н. э. этот термин довольно часто встречается в документах хозяйственного характера. В документах же эпохи III династии Ура его основное значение — «пахарь». Встречается он и на уровне общего термина в значении «земледелец». В таком смысле употреблен он, например, в известном «Календаре земледельца»¹².

Термин этот мы часто находим в титулатуре божеств и царей, где он употребляется также в общем значении¹³. Большой интерес представляют данные некоторых хозяйственных текстов. Так, в документах несколько раз засвидетельствован термин *engar-giš-i-me* — «работники (плантации) сезама»¹⁴. Известно, что плантация сезама не требует в большом масштабе пахотных работ. Работникам этих плантаций в основном поручался уход за растениями, их окопка, подрезка и т. п.¹⁵ Исходя из этого, мы имеем право считать, что в подобных контекстах под термином «энгар» подразумевается работник вообще, земледелец, а не собственно пахарь. В одном из хозяйственных документов сказано: *12360 gemé-u₄1-sè₁₃ engar-giš-i-ka-šè*¹⁴ *Ur-dBa-ba₆-i-dab₅* «12360 женщин на 1 день 13 работницами плантации сезама 14 Урбаба взял»¹⁶. По-видимому, это следует понимать следующим образом: надсмотрщик Урбаба от администрации хозяйства получил для работы на плантации сезама группу женщин, которые обозначены как «энгары». Это свидетельствует о том, что и в некоторых случаях для термина «энгар» перевод «пахарь» исключается совершенно.

Употребление же этого термина в расширительном значении, несомненно, вызвано следующим обстоятельством: во всем комплексе земледельческих работ, как это мы укажем и ниже, центральной фигурой являлся пахарь. С течением времени он приобрел и широкое значение земледельца вообще. Исходя из этого, становится понятным, почему иногда в хозяйственных документах при обозначении работников, связанных с земельными работами, употребляется термин «энгар».

Энгары часто упоминаются под другим общим термином, обозначающим работников, — «гуруш» (*guruš-engar*)¹⁷, но это не меняет нашего

¹² *Kramer S. N. The Sumerians. Chicago, 1963, p. 340—342; он же. История начинается в Шумере. М., 1965, с. 78 сл. Полный шумерский текст с английским переводом см. AM, p. 202—212.*

¹³ *Seux M.-J. Epithètes royales akkadiennes et sumériennes. P., 1967, p. 397—398; AM, p. 347 f.; Legrain L. Le temps des rois d'Ur. P., 1912 (далее — TRU), 324 : 8; Genouillac H., de. Tablettes de Drehem.— Textes Cunéiformes. Musée du Louvre. II. P., 1911 (далее — TCL II), 8556 : 5.*

¹⁴ См., например, *Legrain L. Business Documents of the Third Dynasty of Ur. I—II.— Ur Excavations Texts. III. L., 1937—1947 — UET III, 1129 : 19, где речь идет о сдаче энгарами сезама на государственные склады; 1443 : 17; ср. Szlechter E. Tablettes juridiques et administratives de la IIIe dynastie d'Ur et de la Ire dynastie de Babylonie. II. P., 1963 (далее — TJAUB), IOS 29 : 3; 48 : 7; Genouillac H., de. Textes économiques d'Oumma de l'époque d'Our.— Textes Cunéiformes. Musée du Louvre. VI. P., 1922 (далее — TCL V), 6038 VIII 16.*

¹⁵ Энгарам отмерялись для ухода достаточно отличные друг от друга по величине плантации сезама — от 1/2 ику до 12 ику (1 ику = 3528,36 кв. м): 1/2 ику — *Inventaire des tablettes de Tello conservées au musée Impérial Ottoman (далее — ITT), V, 6863 VII 2; 3 ику — Pettinato G. Texte zur Verwaltung der Landwirtschaft in der Ur—III Zeit. «Die Runden Tafeln».— Analecta Orientalia, XLV, Roma, 1969 (далее — AnOr XLV), 62 III 10—11; 4 ику — Barton G. A. Haverford Library Collection of Cuneiform Tablets (далее — HLC), II. New Haven, 1918, 77—78, 67 I 9, II 3; 6 ику — AnOr XLV, 62 III 5—6; Pohl A. Rechts- und Verwaltungsurkunden der III. Dynastie von Ur, Lpz, 1937 (далее — RVU), 298: 1—6; 9 1/2 ику — ITT V, 6863 VII 12; 12 1/4 ику — RVU, 299: 1—6.*

¹⁶ AAS, 135 VII 12—14.

¹⁷ WMAH I, 39 : 1; AAS, 197 : 1; IBK VIII, 25 : 1, PDT I, 179 : 1; *Owen D. I. Neo-Sumerian Texts from American Collections, I.— JCS, 24, 1971, p. 137—173 (далее — NST I), 21 : 1; Schneider N. Die Drehem- und Djoha-Texte im Kloster Montserrat.— Analecta Orientalia, VII, Roma, 1932 (далее — AnOr VII), 276 : 1,3; Fish T. Catalogue of Sumerian Tablets in the John Rylands Library. Manchester, 1932 (далее — CST), 594.*

о них представления. Упоминание энгаров в качестве гурушей указывает лишь на то, что они могли включаться в число работников-мужчин. Этот термин ничего не говорит о социально-экономическом положении энгаров. Известен и другой общий термин подобного содержания: *erén-engar* «пашущие (и) сеющие люди»¹⁸, «люди-пахари». Под этим термином должны подразумеваться не только пахари, но и их помощники¹⁹, речь о которых пойдет ниже.

Место занятости энгаров

Основными местами занятости энгаров являются храмовые и государственные хозяйства²⁰. В документах часто встречается указание на то, что энгары работают на землях храмов того или иного божества²¹. В подобных случаях они упоминаются как энгары соответствующих божеств.

Бесспорно, что работающие на землях государственного хозяйства энгары подразумеваются под «дворцовыми энгарами» (*engar-é-gal*)²². К их числу следует причислить и «энгаров суккалмаха» (*engar-sukkal-mah*)²³. Известно, что суккалмах был одним из высоких должностных лиц аппарата государственного управления: он руководил внешними делами государства²⁴. Документы свидетельствуют о том, что суккалмаху, как и другим должностным лицам, государство выделяло особый земельный участок²⁵ для удовлетворения нужд его семьи. Подобные участки обрабатывались работниками государственного хозяйства — энгарами суккалмаха, в которых следует видеть закрепленных за выделенными участками пахарей.

¹⁸ HLC II, 52,2 I 2,10,13 f.; *Pinches T. G.* The Babylonian Tablets of the Berens Collection.— Asiatic Society Monographs, XVI. L., 1915 (далее — ASM XVI), 51 : 2; ср. термин *gurus-engar-erén-na* (см. UET III, 1455 : 2). О группе рабочих, подразумеваемой под термином «эрен», см. *Maekawa K.* The eren-People in Lagash of Ur III Times.— RA, 70, 1976, p. 9—44.

¹⁹ Например: 60 *gurus-engar-dumu-ni* «60 гурушей — пахари (и) их помощники» (см. AnOr VII, 276 : 4; ср. IBK VIII, 25 : 1, 56 *gurus-engar-dumu-ni* или так: 7 *gurus-dumu-engar* «7 гурушей — помощники пахаря» (см. *Fish T.* Kl. SU₇ on Umma Texts.— MCS, 2, 1952, p. 54—68, № 111764).

²⁰ Деление хозяйств на храмовые и государственные в эпоху III династии Ура условное. Фактически в это время существовало единое государственное хозяйство, с которым было слито храмовое. Это наглядно видно и по данным документов: отчеты храмовых хозяйств всегда утверждаются представителем государства, в частности начальником (*энси*) той области, на подведомственной территории которого расположено соответствующее храмовое хозяйство (см. WMAH I, 284, об. III 6; HLC I, 34—35, 80 XII 5—6; *Lambert M.* Textes et documents.— RA, 67, 1973 (далее — LTD), p. 186—190, 1 X 28—29; *Chiera E.* Selected Temple Accounts from Telloh, Jokha, and Drehem. L., 1922 (далее — STA), 28 : 13—15; *Limet H.* Textes sumériens de la IIIe dynastie d'Ur.— Documents du Proche Orient ancien, Epigraphie. I. Liège, 1976 (далее — DPOA-E I), 86 VIII 5—6 и др.).

²¹ Из-за обилия соответствующих документов укажем лишь на некоторые: *Nies J. B.* Ur Dynasty Tablets from Telloh and Drehem.— Assyriologische Bibliothek. XXV. Lpz, 1919 (далее — AB XXV), 59 : 96; *Sollberger E.* The Cuneiform Tablets in the Chester Beatty Library, Dublin.— RA, 74, 1980 (далее — CTCh), p. 43—59, 114 : 4; *Figula H. H.* Catalogue of the Babylonian Tablets in the British Museum. I. L., 1961 (далее — CBT I), № 13037; *Virolleaud C.* Tablettes économiques de Lagash. P., 1968 (далее — TEL), 92 : 2; 135 : 4 и др.

²² *Pinches T. G.* The Amherst Tablets. L., 1908 (далее — AT), 55 : 17.

²³ AI, B IV 31.

²⁴ *Scharaschenidze Dsch. M.* Die Sukkal-mah des alten Zweistromlandes in der Zeit der III. Dynastie von Ur.— In: Wirtschaft und Gesellschaft im alten Vorderasien. Budapest, 1976, S. 103—112.

²⁵ *Pettinato G.* Untersuchungen zur neusumerischen Landwirtschaft. I. Die Felder. I. Napoli, 1967, № 180, 195.

Обязанностью энгаров в хозяйстве было проведение пахоты, сева и работ по уходу за участком до уборки урожая²⁶.

Известно, что в Двуречье получали два урожая. Первая пахота происходила в феврале-марте, вторая — в сентябре-октябре²⁷. По данным упоминавшегося выше «Календаря земледельца» выясняется, что для получения желаемого урожая поле должно было быть вспахано дважды, а в третий раз — непосредственно во время сева. Бороновать посев следовало четыре раза, мотыженые производилось четыре раза, полив — пять раз. Как видим, пахарь должен был проходить с упряжкой по одному и тому же полю по меньшей мере семь раз. К этому добавлялась еще одна операция: перед первой пахотой поле предварительно заливалось водой. После спуска воды пахарь должен был провести по полю волов с обвязанными копытами для вытаптывания сорняков и выравнивания земли²⁸. Таким образом, пахарям приходилось почти постоянно быть на поле весной и осенью — в общем в течение четырех месяцев — и в конечном итоге отвечать за урожай.

Шумерские источники довольно полно освещают формы и интенсивность труда пахарей. Текст одного из шумерских литературных источников с условным наименованием «Спор между Мотыгой и Плугом» содержит одно интересное сведение. Мотыга говорит плугу: «Ты, у кого шесть быков, у кого четверо работников... мое рабочее (?) время двенадцать месяцев, а ты работаешь (только) четыре месяца и исчезаешь на восемь месяцев»²⁹. Таким образом выясняется, что плужная упряжка включала три пары быков и обслуживалась четырьмя работниками.

На оттисках с дошедших до нас из различных шумерских эпох печатей мы видим и изображение пахотной упряжки³⁰. Персонал, обслуживающий плуг, изображен на них следующим образом: главная, центральная фигура — пахарь в точном смысле слова — держится за две ручки плуга. Один из его помощников следует за ним и подсыпает в посевную воронку плуга семена. Плуг обслуживают также погонщики. Их количество непостоянно и изменяется в зависимости от количества быков в упряжке. На изображениях печатей видим, что плуг с парой быков обслуживает один погонщик³¹. На одном изображении эпохи династии Аккада (XXIV—XXIII вв. до н. э.) видно, что к упряжке с двумя парами быков приставлены два погонщика³². К сожалению, пока не обнаружено изображение плужной упряжки с тремя парами быков, однако следует предположить, что в этом случае погонщиков будет двое (ср. текст упоминаемого выше шумерского литературного памятника, где говорится, что плужную упряжку с тремя парами быков обслуживают четверо: один пахарь, один сеятель и два, видимо, погонщика).

Литературные и изобразительные материалы подтверждаются и данными хозяйственных документов. В них вместе с энгарами часто упоминаются и их помощники: *engar-dumu-ni*³³ — «энгары (и) их помощники»³⁴.

²⁶ Contenau G. Umma sous la dynastie d'Ur. P., 1916 (далее — Umma), 41 : 4 (*še-še-kin-a*).

²⁷ Landsberger. Op. cit., S. 284 f.

²⁸ Подробнее см. *Шарашенидзе Дж. М.* Наемная рабочая сила в государственном хозяйстве эпохи III династии Ура. — Кавказско-ближневосточный сборник, IV, Тбилиси, 1980, с. 34 сл.

²⁹ Крамер. История начинается..., с. 98.

³⁰ AM, tabl. II, IV, VI.

³¹ Ibid., tabl. VI 1.

³² Christian V. *Alttertumskunde des Zweistromlandes*. I. Lpz, 1940, Taf. 360, 1; ср. Delaporte L. *Catalogue des cylindres orientaux et des cachets assyro-babyloniens, perses et assyro-cappadociens de la bibliothèque nationale*. P., 1910, tabl. 1 7.

³³ WMAH I, 62 : 3, Umma, 41 : 1; IBK VIII, 25 : 1; AOS XXXII, 0 35; Contenau G. *Contribution à l'histoire économique d'Umma*. P., 1915 (далее — HEU), 29 : 1, 4, 7 suiv.; ср. *engar-dumu* «энгары (и их) помощники» (см. AnOr, VII, 18 : 33) или *dumu-engar* «помощники энгара» (см. UET III. 1455 : 7).

Иногда этот термин заменяется другим, имеющим более конкретное содержание: *engar-dumu-da-ba-ù-dumu-gu₄-gur* — «энгары, (их стоящие) рядом помощники и помощники, возвращавшие быков (с пастбища)»³⁵. Видимо, помощники энгаров делятся на две группы — «стоящие рядом» (сеятели, погонщики) и погонщики быков на пастбище³⁶.

Закономерно предполагать, что пахарь был начальником закрепленных за упряжкой подсобных работников³⁷. В известном смысле подтверждением этого являлась практика распределения *še-ku₆-ga*, т. е. зерна («зерна для пищи») для выдачи членам плужной упряжки; таковое выписывалось из государственного склада на имя энгара-пахаря³⁸, который, видимо, распределял его среди помощников, хотя вместе с тем известны и другие формы распределения рациона.

Среди энгаров имело место ранговое деление; существовала должность главного энгара (*sag-engar*)³⁹. Из-за недостаточности сведений нам не совсем ясно содержание этой должности. Известно лишь, что в одном случае сагэнгары возглавляли группу работников, нанятых администрацией филиала государственного хозяйства города Уммы⁴⁰. В другом случае человеку, занимавшему эту же должность, выделяется довольно большое количество посевного зерна — 60 гуров (прибл. 15 120 л, или 15,12 т)⁴¹. Возможно предположение, что сагэнгар руководил группой энгаров, которых снабжал посевным зерном (возможно, и инвентарем), и осуществлял надзор за ними.

С целью лучшей организации труда энгаров их делили на мелкие группы, во главе которых ставили *ugu₄* — «руководителя группы». Обязанности *угу₄* энгаров часто исполнял *nu-bànda-gu₄* — «надсмотрщик за быками»⁴². В целом ряде случаев не указывается звание главы группы

³⁴ О переводе термина *dumu* в подобных контекстах как «подсобный рабочий, помощник» см. Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. — ИГАИМК, вып. 77, 1934, с. 100, прим. 130; ср. AOS XXXII, G 19; Тюменев, Ук. соч., с. 301; AM, p. 322 f.

³⁵ CT VII, 17757 IV 3—5. Подобные контексты см. CBT I, 13073; AT, 47 : 2, CT VII, 12940, об. 21; HLC III, 138, 365, II, 1; UET III, 1377 : 10—12; *Reisner G. Tempelurkunden aus Telloh*. — *Materialien aus den orientalischen Sammlungen*. XVI. B., 1901 (далее — MOS XVI), 1 I 25—27 f.; 8 V 5; 94 VII 37; 166: 1; *Pettinato G. Testi economici di Lagas del Museo di Istanbul*. I. — *Materiali per il vocabulario neosumerico*. VI. Roma, 1977 (далее — MVN VI), 334, об. 10; *Gomi T. 120 Unpublished Administrative Texts from the Ur—III Period in the British Museum*. — *Bulletin of the Ancient Orient Museum*, 2, 1980, p. 13—43 (далее — UAT), 19 : 2—3 и др.

³⁶ Перевод термина *dumu-gu₄-gur* см. AM, p. 323 f.

³⁷ Ср. прим. 5.

³⁸ MOS XVI, 1 I 8, 19 f.

³⁹ AOS XXXII, G 19; 035; AnOr VII, 276 : 3; ITT II 1, 4514; Ник. II, 290, печать; *Keiser C. E. Selected Temple Documents of the Ur Dynasty*. — *Yale Oriental Series*. IV. New Haven, 1919 (далее — YOS IV), 202, печать; 210, печать; *Pettinato G., Picchi oni S. A. Testi economici di Lagas del Museo di Istanbul*. II. — *Materiali per il vocabulario neosumerico*. VII. Roma, 1978 (далее — MVN VII), 226: 4; *Hussey M. J. Sumerian Tablets in the Harvard Semitic Museum*. II. From the Time of the Third Dynasty of Ur. — *Harvard Semitic Series*. IV. Cambr., 1915 (далее — HSS IV), 16: 23; *Fish T. More ga-dubba Texts*. — MCS, 1, 1951, p. 20—26 (далее — MGT), 6246 : 3, 6248 : 3.

⁴⁰ AnOr VII, 276 : 3—4. Возможно, эту же должность исполняет один из сагэнгаров, упоминающийся вместе с группой в 15 человек — рабочих храма божества Ниндары (см. HSS IV, 16: 1—22; ср. термин *erén-sag-engar* (см. MGT, 6248 : 3)).

⁴¹ *Owen D. I. The John Frederick Lewis Collection*. — *Materiali per il vocabulario neosumerico*. III. Roma, 1975 (далее — MVN III), 226 : 1—4.

⁴² CT VII, 18383, об. 13; AB XXV, 69 : 35; AT, 38 I 15, II 13, III 8; MOS XVI, 26 IV 21, V 3, XI 12; 33, об. 22; WMAH I, 27 : 7, 13; 84 : 42; DPOA-E I, 86 II 9, III 5, IV 10; AT, 38 I 15, II 13, III 8; HLC I, 34—35, 80 II 3, IV 29; HLC III, 111, 243 II 16; MOS XVI, 26 IV 20—21, V 4—5, VI 30—31, XI 12—13; CT V, 12913 I 24, II 7, 32, III 15, IV 9, 16, VI 35, VII 31, VIII 11, 40, IX 11; 19024 II 2, III 5, IV 19, VI 22, VII 28, VIII 24; *Thureau-Dangin F. La comptabilité agricole en Chaldée*. — RA, 3, 1895, p. 118—146 (далее — CAC), 5 : 20; 6 : 15; LTD, 1 II 28, IV 19, VII 13, VIII 26; *Sollberger E. The Pinches Manuscript*. — *Materiali per il vocabulario neosumerico*. V. Roma, 1978 (далее — MVN V), 272 : 22.

энгаров⁴³, но следует предположить, что в основном мы имеем дело с «нубандагу».

Пока что в нашем распоряжении имеется лишь один документ, который дает более или менее точные сведения о количественном составе отдельных групп энгаров. Этот документ происходит из Лагаша⁴⁴. В нем представлен обобщенный список обслуживающего персонала 10 храмов, расположенных на территории Лагаша. Должности членов храмового персонала перечислены в следующем порядке: šabra — «заведующий хозяйственными делами храма»; šax-dub-ba — «архивариус, заведующий канцелярией храма»; sa₁₁-su₅ — «землеустроитель»; ka-gur₇ — «заведующий складом»; dub-sar-gu₄ — «учетчик-контролер тягловой силы»; nu-bànda-eṛēn-na — «надсмотрщик за рабочими» и т. д. В их числе упоминаются nu-bànda-gu₄ — «надсмотрщик за (храмовым) скотом (букв. „быками“)» и энгары. Всем выдается разное количество зернового довольствия.

Каждая из перечисленных должностей в храмах представлена в единственном числе, за исключением надсмотрщиков за быками и энгаров. Количественное соотношение их таково:

Документ — HSS IV, 4	Храмы	nu-bànda-gu ₄ (количество)	engar (количество)	соотно- шение
I 3, 13	é ^d Nin-gír-su	20	98	1:4,9
I 17, II 3	é- [.....]	14 ⁴⁵	70	1:
II 7, 17	é ^d Nin-mar ^{ki}	19	95	1:5
II 21, III 2	é ^d Nin-giz-zi-da	8	42	1:5,2
	ù é ^d Ig-alima			
III 7, 17	Lugal-sig-sir (é ^d Sul-gi)	6	30	1:5
III 21, IV 7	Ur-šu-ga-lam-ma é ^d Sul-gi	6	30	1:5
IV 12, [...]	é- [.....]	4	20 ⁴⁵	1:5
[...], V 7	é ^d Dumu-zi	7 ⁴⁵	35	1:5
V 11, 21	é-Nam-ha-ni	8	40	1:5
V 25, VI 7	é-URU. GANA-t ^{nu} ^{ki}	4	20	1:5

Как видим, в отдельных храмах соотношение энгаров и надсмотрщиков за быками в основном составляет 1 : 5. Группы энгаров по пять человек засвидетельствованы и в других документах⁴⁶.

⁴³ WMAN I, 27 : 22; 66 : 4; DPOA-E I, 86, II 22; AT, 27 : 5 сл.; 47 : 5; UET III, 1324 : 2; LTD, I V 22; AnOr VII, 227 : 3; NST I, 21 : 8; HEU, 29 : 3, 6, 8 сл.; STA, 33 : 9, 16; Umma, 41 : 6 (руководителем группы энгаров является заведующий хозяйственными делами храма — šabra); MOS XVI, 26 IX 11, X 10; 62, об. 3; HLC I, 34—35, 80; XII, 4 (в данном последнем случае надсмотрщиком энгаров храма божества Нингирсу является старший жрец этого же храма); *Limet H. Documents économiques de la IIIe dinastie d'Ug.* — RA, 49, 1955 (далее — DEU), p. 66—93, 21 : 8, 12.

⁴⁴ HSS IV. 4. Анализ данного документа см. AAS, p. 130 (см. там же литературу); *Gelb. Household...*, p. 12 f.

⁴⁵ Восстановление И. Гельба (op. cit., tabl. I).

⁴⁶ WMAN I, 84: 1—42; CT V: 12913 I 37—II 31; MVN V, 272 : 1—22; UET III, 1324; MOS XVI, 33 I 1—11 22; HLC III, 111, 243 I 1—II 16; AB XXV, 69 : 1—33; DEU, 21: 3—8; DPOA-E I 86, лиц. I 1 — об. II 35; CT VII, 12944, лиц. 1—об. 14; 17766, лиц. 1—об. 9; 18387, лиц. 1 — об. 6; CT IX, 19054, лиц. 1 — об. 29; 19769, лиц. 1—об. 40; LTD, I 1 — II 28. Встречаются также группы из семи человек (CT VII, 18394, лиц. 1—об. 9); из шести человек (HLC III, 126, 251 I 1—III 16; STA, 35: 25, 26; *Fish T. Umma Tablets Concerning KUŠ.* — MCS, 6, 1956 (далее — UTK),

По данным документов выясняется, что администрация хозяйства поручала энгарам уход за крупным рогатым скотом — коровами и быками ⁴⁷, а также ослиами и ослицами ⁴⁸. Им поручалось выращивание этих животных, в основном для того, чтобы иметь в хозяйстве тяговую силу.

До нас дошло несколько актов ревизионной описи закрепленного за энгарами скота ⁴⁹. Документально засвидетельствовано существование в постоянном штате административного персонала особого писца, учетчика скота (досл. «быков», *dub-sar-gu₄*, *dub-sar-gu₄-ar_{in}/g_{is} ar_{in}*, *dub-sar-gu₄-u*), который, как представляется, и мог производить подобную опись, хотя источники прямо об этом не сообщают ⁵⁰.

Датирована лишь часть подобных актов ревизий; по этой причине нет возможности точно установить их регулярность. По данным некоторых датированных документов допускаются колебания в пределах 2—5 лет. Так, например, соответствующие ревизии осуществлялись в 39-й год царствования Шульги (2073 г. до н. э.) в храмовом хозяйстве божества Нингирсу в Лагаше ⁵¹. Скот этого же храма в следующий раз учитывался в 44-м году его же царствования ⁵², а в 46-м производилась опись скота храма божества Нанше ⁵³. Повторная опись скота этого же божества — во 2-й год царствования Амарсуэны (2062 г. до н. э.) ⁵⁴. В 5-й год царствования Шусуэны (2050 г. до н. э.) вновь описали скот храма Нингирсу ⁵⁵ и т. д. Во время описи писец-ревизор учитывал вид скота (быки, коровы или ослы), его возраст и численность (*gub-ba-am* — «существующее положение»), в случае необходимости — наличие каких-либо изменений по сравнению с предыдущей описью и характер этих изменений ⁵⁶.

р. 1—54, 10645 II 24—III 14); из четырех человек (AAS, 63: 1—15; UTK, 106045 III 16—24; STA, 35: 16—17; 18—19; CT VII, 18383, лиц. 1—об. 11; 19775, лиц. 1—об. 12; AB XXV, 71: 1—28; NST I, 21: 1—8); из трех человек (WMAH I, 27: 1—7, 14—22; CAC, 6: 1—15; CT V, 19024 II 10—III 4, 17—IV 18; VI 9—17, 29—VII 27, VIII 4—23; AT, 38 II 14—III 8; LTD, 1 IV 20—VII 13; STA, 33: 2—9; 35: 11—14; UTK 106041 VI 8—11); а иногда из двух человек (UET III, 1256: 1—6; MVN V, 66: 1—7; STA, 35: 8—9, 12—13, 14—15, 21—22; WMAH I, 27: 8—13; DPOA-E I, 86 1—II 9; AT, 38 I 1—5, 16—II 13; LTD, 1 VII 14—VIII 27; STA, 33: 12—16; DEU, 21: 9—12; CAC, 5: 1—16; CT V, 12913 I 1—24, III 1—14, 23—32, 40—IV 8, VI 3—19, 27—34, VII 6—15, 23—30, 39—VIII 10, 22—38, IX 3—10. В основном все же чаще засвидетельствована группа из пяти человек.

⁴⁷ UET III, 1243 (администрация филиала государственного хозяйства города Ура распределяет между энгарами по одной корове и одному рабочему быку (*gu₄-gis*) из числа трофейного скота (*nam-ta-as-ba-ag*). Ср. также BIN III, 317: 1—4; TEL, 90: 1—2; 92: 1—2 (в последнем случае речь идет о сдаче энгарам животных вообще, ср. MVN V, 180: 5).

⁴⁸ CST, 794. Известно, что шумеры широко использовали ослов в качестве тяговой силы при пахоте и перевозке грузов.

⁴⁹ HLC I, 20, 70; 34—35, 80; HLC III, 111, 243; DPOA-E I, 86; WMAH I, 84; CBV I, 13647; CAC, 5; 6; LTD, 1; AT, 38; AB XXV, 69; MOS XVI, 26; CT VII, 12944; 18383; 18387; 19775; CT IX, 19054; 19769 и др.

⁵⁰ См. HSS IV, 4 I 21, II 25, III 11 сл.; ITT II 1, 3536: 9; 4192: 5. «Учетчик скота» (*dub-sar-gu₄*) чаще всего встречается именно в актах переписи скота, по иногда эта должность упоминается и в документах иного характера (см. DPOA-E I, 66, лиц. VII 1; ITT III 2, 5270: 6, 5559: 5; ITT II 1, 907: 6; ASM XVI, 68: 3; CAC, 6: 4; TEL, 86: 12; 89: 5; CT V, 12913 VI 16; 19024 I 14; WMAH I, 283 II 3; YOS IV, 211: 27; 252, печать и др.).

⁵¹ MOS XVI, 26 XIV 23—25.

⁵² HLC I, 34—35, 80 XII 7—14. В тот же год осуществляли и перепись скота расположенной в Лагаше же молельни царя Шульги (*é^dSul-gi-ra*, см. DPOA-E I, 86, об. VIII 6—15).

⁵³ HLC I, 20, 370: 28.

⁵⁴ CT VII, 18387, об. 18; CT IX, 19769: 45. В тот же год переписали скот храмов божеств Думузи, Уругататену, Ниндары, Нинмарки, Нимхана и вновь молельни царя Шульги (см. WMAH I, 84: 45; LTD, 1 X 30; CT VII, 18394, об. 13; 19775, об. 17; CT IX, 19054: 34—35; AB XXV, 69: 38; 71: 36).

⁵⁵ HLC III, 126, 251 IV 6.

⁵⁶ Неизменность положения также фиксировалась: в таком случае писец-ревизор отмечал, что «положение прежнее» (*gub-ba-àm libir-àm*), см. HLC III, 126, 251 III 14;

За каждым энгаром в основном закреплялся один вид скота — либо быки и коровы (gu_4 , $\acute{a}b$), либо ослы ($an\acute{s}e$). Случаев смешения не зафиксировано. У одного энгара могло быть одна, две, три или шесть коров⁵⁷, от двух до пяти упряжных быков⁵⁸, иногда шесть или семь, — но таких примеров мало⁵⁹; кроме того, энгары держали приплод — телят разного возраста (gu_4 - ga , gu_4 - $amar$ - ga - $\acute{a}b$ - ga , $\acute{a}b$ - $amar$ - ga). Ослы за каждым энгаром закреплялись больше: от трех до семи самцов ($d\acute{u}r$ - $AN\acute{S}E$. $NITA$)⁶⁰, а также ослицы ($em\acute{e}$ - $AN\acute{S}E$. SAL) и разновозрастные ослы ($d\acute{u}r$ - ga , $g\acute{u}r$ - $amar$ - ga .) Общее количество животных доходит до 10—15, а иногда до 24⁶¹.

Администрация хозяйства иногда, разумеется в свою пользу, списывала часть закрепленного за энгарами скота⁶². Чаще списывался старый скот — будь то коровы ($\acute{a}b$ - $\acute{s}u$ - gi_4), быки (gu_4 - $\acute{s}u$ - gi_4) или ослы ($d\acute{u}r$ - $\acute{s}u$ - gi_4 , $em\acute{e}$ - $\acute{s}u$ - gi_4)⁶³. В актах описи списанный скот обычно заносился в расход (zi - ga)⁶⁴, и там же четко указывалось, у какого энгара какой скот списан⁶⁵.

Как видим, нет сомнений в том, что числившийся за энгарами скот принадлежал тем хозяйствам, где они работали. И именно поэтому администрация иногда выдавала энгарам определенное количество зерна на корм скоту ($\acute{s}a$ - gal - $amar$ - $engar$ — «корм телят энгаров») ⁶⁶.

До нас не дошли или, быть может, пока не обнаружены документы, которые бы полностью осветили организацию труда энгаров по уходу за скотом и контроль со стороны администрации. Можно предполагать, что администрация оказывала помощь энгарам, выдавая корм для скота. Возможно, в годовую оплату труда энгаров входила и плата за уход за скотом. Кроме того, возможно, что в семье энгара оставались продукты

MOS XVI, 33, об. 11; DPOA-E I, 86 I 7—8, V 1—2; AT, 38 I 10, 24 f.; CT VII, 18387, об. 9; CT IX, 19769: 37; CAC, 5: 15, 6: 9. Разницу отмечали термином la - ni — «разница, остаток» (см. LTD, II 8, 23 f.; WMAH I, 286: 4; CT IX, 19769: 37; MOS XVI, 33, об. 11; *Raschid F. Administrative Texts from the Ur III Dynasty*.— Texts in the Iraq Museum. VI. Baghdad, 1971 (далее — TIM VI), 55 I 9, II 14, 28 f.; 56 V 3.

⁵⁷ DPOA-E I, 86, лиц. III 6, 14; IV 23; RVU, 273: 14; 280: 2—6; CT V, 18933 III 18, IV 10; 19024 II 27, VI 11; CT VII, 18394, лиц. 1; 19774: 1—4; CT IX, 19054, лиц. 9; 19769, лиц. 1; AB XXV, 69: 1; 71: 1; MOS XVI, 33, лиц. 1; CAC, 5: 1; MVN VI, 325: 1—2; *Radau H. The E. A. Hoffman Collection of Babylonian Tablets*.— In: *Radau H. Early Babylonian History*. N. Y., 1900, p. 321—434 (далее — HCBT), 121: 12.

⁵⁸ MVN VI, 325: 3; RVU, 273: 9; CT V, 12913 II 16, IV 12, V 35; 19024 II 28, VI 23, VII 21, VIII 20; CT VII, 12938, об. 3—5; 19774: 1; MVN V, 272—2, 10, 14.

⁵⁹ CT VII, 17766, об. 8; CT IX, 19054: 22; 19769: 38; AB XXV, 71: 2, 19; CAC, 5: 2; 6: 9; MVN V, 272: 6.

⁶⁰ MVN VI, 325: 7—8; HCBT, 121: 2, 8 f., CT VII, 19774, 1—4; MVN V, 272: 17—19.

⁶¹ AB XXV, 71: 12—15; CT VII, 18383: 1—5; CT IX, 19054: 25—28; HLC III, 126, 251: 8—15; RVU, 273: 6—13; CT V, 12913 II 8—12, III 2—11, VIII 12—20, 23—35; 18933 I 20—26; 19024 II 3—9, VII 29—VIII 2 f.

⁶² HLC I, 34—35; 80 XI 24; TIM VI, 55 VII 27, VIII 7.

⁶³ LTD, I III 21, V 6, VII 1, X 18, XI 18; CT VII, 18387: 15; CT IX, 19054: 12, 19769: 28; AT, 38 I 19, III 3; HLC III, 124, 251 II 7; CAC, 6: 14; MOS XVI, 26 I 6, III 15, IV 3, 12, VI 5, VIII 12, IX 16, XI 30, XI 5, 18; HLC I, 34—35, 80 III 23; WMAH I, 84: 14; MVN V, 272: 20.

⁶⁴ LTD, I III 22, V 7, YIII 2, X 19, MOS XVI, 26 I 8, III 17, IV 14, XI 20; HLC III, 141, 243 I 7; CT VII, 12944; об. 8, 16; 18387: 16; CT IX, 19054: 13; AB XXV, 71: 28; CAC 6: 15; AT 38 I 9, 23.

⁶⁵ Иногда отмечали, сколько животных пало (ba - ug_5 , см. LTD, I I 7, II 20, IV 5; CAC, 5: 14; 6: 13; CT VII, 18383, об. 2, 9, 10) или сколько зарезано ($\acute{s}u$ - gid , см. *Jones T. B., Snyder J. W. Sumerian Economic Texts from the Third Ur Dynasty*. Minneapolis, 1961 (далее — SET), 114: 23). Хозяйство иногда и продавало животных ($k\acute{u}$ - $t\acute{a}$ - $\acute{s}\acute{a}m$, см. DPOA-E I, 86, лиц. I 9, V 7 f.; WMAH I, 27: 1, 3 f.; CAC, 6: 7).

⁶⁶ AOS XXXII, G 19; MVN V, 25: 1—4; *Pinches T. An Early Mention of the Nahr Makka*.— JRAS, 1917, p. 735—740 (далее — MNM), 1: 1—4. Согласно одному из текстов из Уммы, семи энгарам для быков (досл. «для яслей быков»), $pisan$ - gu_4 , $pisan$, $pisan$ ни — «посуда, корзина», см. *Deimel A. Sumerisches Lexikon*. II. Vollständige Ideogramm-Sammlung. I—IV. Roma, 1928—1933, далее — SL II, 233: 13; *von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden, 1959 ff., S. 867) было выдано 408 гуров и 240 сила зерна ячменем и 19 гуров зерна эммером (см. *Никольский*. Ук. соч., 266: 1—21).

животноводства — молоко, сыр⁶⁷. Во всяком случае нет сведений о том, что энгары должны были сдавать молочные продукты. Их обязывали сдавать лишь шкуры быков и ослов (kuš-gu₄, kuš-anše)⁶⁸, хвосты (kun-gu₄)⁶⁹ и сухожилия быков (sa-gu₄)⁷⁰.

Видимо, силой именно этого скота производилась вспашка выделенных энгарам участков. Возможно, на тех же условиях администрация выдавала им плуги и другой мелкий инвентарь. Косвенные указания на это засвидетельствованы документами⁷¹.

Организация обработки энгарами участков

Администрация государственного хозяйства закрепляла за энгарами для обработки участки определенной величины, следует думать, с учетом имеющейся у них тягловой силы. Энгар был обязан вспахать, засеять этот участок, снять урожай с него, обмолотить урожай и сдать на государственный склад зерно. Весь этот процесс с достаточной полнотой отражен в соответствующих документах, опираясь на данные которых можно восстановить цельную картину процесса труда энгаров на государственных землях.

В литературе отмечено, что в эпоху III династии Ура каждому энгару поручался уход за участком в 1 аша (50 га)⁷². Это утверждение, на наш взгляд, не совсем точно. Данные документов не дают возможности четко определить величину земельного участка, выделяемого для обработки одному энгару.

Нами проанализированы почти все документы, в которых приводятся сведения о величине распределенных между энгарами участков. Из 450 засвидетельствованных случаев⁷³ в 195 энгарам выделяется участок в 6,5 буров (36—39 га), в остальных случаях — в 1 или 2 бура, а иногда 8, 10 или 13 буров, но такие отклонения относительно редки⁷⁴.

⁶⁷ Вероятно, ослы могли использоваться для нужд личного хозяйства. Отметим, что уход за осликами был более легким, чем за крупным рогатым скотом. В условиях климата Двуречья ослы почти в течение всего года могли пастись без пастухов.

⁶⁸ DPOA-E 1, 20 : 2, 3, 7 f. (ku-ki-engar-e-ne-ta, там же, об. 1); SACT I, 120 : 1; Fish T. New KUS Texts.— MCS, 1, 1951, p. 50—55; № 105430; UTK, 106045 II 22—VI 4; 106041 III 1—VI 31.

⁶⁹ SACT I, 120 : 3. Случаи сдачи теми или иными лицами бычьих хвостов засвидетельствованы и в других документах (см. Pettinato G., Waetzoldt H. La collezione Schollmeyer. Testi economici della III dinastia di Ur. Roma, 1974, № 145: 1—2). Бычьи хвосты использовались, возможно, для изготовления хозяйственных или боевых хлыстов.

⁷⁰ SACT I, 120 : 2; UET III, 23 : 2—3; 1555 : 1—6. Сухожилия быков, коров и овец (sa-gu₄, sa-āb, sa-udu) широко использовались шумерами для шитья обуви (см. Salonen A. Die Fussbekleidung der alten Mesopotamier. Helsinki, 1969, S. 37—38, 86—87).

⁷¹ В одном случае, например, сказано, что за энгарами числятся принадлежащие государственному складу бронзовые мотыги или мотыги-кирки (urudu₄ ha-bu₄-da; см. Schneider N. Die Geschäftsurkunden aus Drehem- und Djoha in der Staatlichen Museen (VAT) zu Berlin.— OrSP, 47—48, 1930 (далее — GDD), 44 : 1—5), которые потом склад получает обратно.

⁷² Pettinato. Texte zur Verwaltung..., S. 36. А. И. Тюменев (ук. соч., с. 309) указывает, что каждому энгару был отмерен участок в 4—8 бур (25—50 га).

⁷³ Приводим здесь лишь номера тех документов, откуда взяты представленные сведения: CT I, 94—10—16, 2—5; 94—10—16, 9—20; 94—10—16, 25—26; 94—10—16, 42—43; 94—10—12, 8; 95—10—12, 20; 95—12—14, 1; 96—3—28, 1; 96—4—10, 3; 96—4—10, 4; CT X, 24959; 24964; AnOr XLV, 37; 45; 48; 49; 52; 58—63; 66—72; HLC I, 44, 90; HLC II, 77—78, 57; HLC III, 138, 365; IBK VIII, 95; ITT III 2, 5559; ITT IV, 7129; ITT V, 6863; MOS XVI, 1; 6—8; 18; MVN V, 271—272; MVN VI, 128; 277; STA, 34; TRU, 374, 377; Fish T. Unpublished Telloh Texts.— MCS, 8, 1958, p. 50—82 (далее — FUT), № 6374; Schneider N. Die Drehem- und Djoha-Urkunden der Strassburger Universität und Landesbibliothek.— Analecta Orientalia. I. Roma, 1931 (далее — AnOr I), 96.

⁷⁴ Обычно участки энгарам выделялись на одном и том же поле. Засвидетельствовано лишь несколько случаев, когда они располагались на разных полях (см. TRU,

Чем могло быть вызвано то обстоятельство, что энгарам выделялись участки столь различной величины? Возможно предположить, что это зависело от конкретных условий, например от того, какое количество тяглового скота находилось у энгара в держании. Выше было отмечено, что одновременно он мог иметь от 1—2 до 6—7 быков. Известно, что администрацией государственного хозяйства была установлена средняя норма дневной выработки для каждого быка ⁷⁵; поэтому вполне допустимо предположение, что величина выделенных участков ориентировалась на среднюю норму и количество тяглового скота, находившегося в хозяйстве энгара.

Администрация хозяйства выделяла энгару и необходимые семена (še-nu-mu) ⁷⁶ по следующему расчету: для участка в 1 ику 3528,35 кв.м/30 сила (прибл. 25 л) зерна ⁷⁷. Исходя из этого, на 1 бур (6,35 га) выдавалось в среднем 525—550 сила зерна ⁷⁸. На выделенных участках энгарам поручалось в соответствии с распоряжением администрации ⁷⁹ сеять в большинстве случаев ячмень (še), в относительно меньшем количестве эммер (ziz), пшеницу (gíg) и очень редко — горох (gú). Соответственно выдавали семена этих культур ⁸⁰ и требовали сдачу определенного количества урожая ⁸¹.

После проведения пахоты и сева боронование (giš-ùr-ra) также осуществлял энгар ⁸². Ему же поручалось осуществление надзора за рабочими, которые производили мотыжение (al, al-ak) ⁸³. Как известно, кроме этого

374 : 1—11; UET III, 1350: 6—10 — энгары приносят урожай с трех различных полей; 1355:6—10 — энгар сдает урожай с двух полей; такую же ситуацию мы наблюдали в AnOr VII, 313: 5—9; 313:16—20, 57—61 f.; в WMAH I, 41 I 17—18 и др.

⁷⁵ Дневной пахотной нормой для одного быка была установлена площадь в 120 сар (прибл. 4234 кв. м, см. MOS XVI, 15 (= 17) I 4—8, III 20—26).

⁷⁶ TJAUB, IOS 23 : 1; GDD, 231 : 1, 5, 10; 444 : 1—4; ср. MVN III, 226 : 1—6 (в данном случае 60 гуров — прибл. 15120 л — выписывается старшему, главе энгаров; (sag-engar), возможно, для распределения между подчиненными ему энгарами).

⁷⁷ MOS XVI, 15 (= 17) IV 24—26. Поле вспахивалось по-разному: между бороздами иногда оставляли расстояние в 0,5 м, а иногда 0,75 м. В зависимости от этого для одной и той же площади выделялось различное количество семян (подробнее см. Pettinato G., *Waetzoldt H. Saatgut und Furchenabstand beim Getreideanbau.* — StOr, 46, 1975, S. 259—290).

⁷⁸ TRU, 377 : 1—9; STA, 33 : 5—11.

⁷⁹ Бесспорно, администрация хозяйства заранее планировала, какие культуры и в каком количестве следовало посеять на выделенном энгару участке. Энгар же был обязан, видимо, сдать на государственный склад по определенному плану только обмолоченное зерно — se-giš-è-a (см. WMAH I, 41 IV 2; AAS, 83 X 8; AT, 27, об. 4; 49; об. 13; 58, об. 3; YOS IV, 305 : 33; AnOr VII, 313: 123; GDD, 287: 7; CT VII, 18419, об. 13; AB XXV, 63: 19; 66: 101; MVN VI, 228, об. III 5; 324, об. 10; MVN VII, 557, об. 4; Arnold W. R. *Ancient Babylonian Temple Records.* N. Y., 1896 (далее — ABTR), 6: 9; Gomi T. *Neo-Sumerian Administrative Texts in the British Museum, I—II.* — Acta Sumerologica, 2, 1980, p. 1—35 (далее — NAT), 13: 6, 14; 17: 4; 24: 7).

⁸⁰ TRU, 377: 2—3.

⁸¹ Как было отмечено, ячменем засевалось почти 95% площадей. Сведения о сдаче энгарами на государственные склады эммера, пшеницы и гороха встречаются значительно реже (см. ziz — AT, 49: 2, 5 f., 58: 2, 5 f.; IBK VIII, 95, IV 10; AAS, 83 II 26, IV 12 f., SET, 242: 1, 7 f., AnOr VII, 313: 49; AB XXV, 63: 5, 6; MOS XVI, 1 I 11; AnOr XLV, 51: 5; 59 III 13 f.; 61 IV 7; 71 II 7; STA, 34 II 10; AnOr I, 96 I 5, 19; 142 I 4, 8 f.; CT X, 24959 IV 12 f.; 24964 V 9; ITT IV, 7129: 2 f., Loding D. M. *Economic Texts from the Third Dynasty.* — Ur Excavation Texts. IX. Philadelphia, 1976 (далее — UET IX), 939 I 7 f.; 942 I 2 f.; gíg — IBK VIII, 95 IV 11; SET, 242: 8, 12; AnOr VII, 313: 50; CBT I, 14961; AAS, 83 VI 14, 31 f.; MOS XVI, 8 = AnOr XLV, 42 I 10 f.; AnOr I, 96 I 5, 18; 142 I 7, 11 f., gú — CT X, 24964 I 12).

⁸² MVN V, 66: 1—6; STA, 33: 1, 3, 13; Hackman G. G. *Temple Documents of the Third Dynasty of Ur from Umma.* — Babylonian Inscriptions in the Collection of James B. Nies. V. New Haven, 1937 (далее — BIN V), 270: 1, 46, 10, 13; Jean Ch.-F. *Sumer et Akkad.* P., 1923 (далее — SA), 81: 1, 4, 7.

⁸³ AnOr I, 77: 1—5, 6—11; TRU, 378: 1—12; BIN V, 211: 7; 270: 1—3 f.; Fish T. *Miscellaneous Texts.* — MCS, 4, 1954, p. 12—21, № 11—1—5.

поле надо было поливать. Документально пока не установлено, но не исключено, что и поливные работы на своих участках проводили энгары с помощью выделенных для этого администрацией хозяйства рабочих ⁸⁴. И, наконец, под присмотром энгара проводились жатва (*še-kin-a*) и обмолот ⁸⁵. Таким образом, все работы на отведенных участках производили либо сами энгары, либо — под их присмотром — группы подсобных работников. В конечном итоге энгары сами отвечали за сдачу на склад зерна — урожая определенного количества, вида и качества (см. прим. 79).

Несколько слов о количестве подлежащего сдаче энгарами на государственные склады зерна.

Из документов не видно, был ли у энгаров заранее определенный план по сдаче зерна ⁸⁶. По тем из них, в которых указаны величина закрепленных за энгарами участков и размер полученного с них урожая, выясняется, что с каждого засеянного бура ⁸⁷ энгар в среднем получал 40—45 гур (1 гур = 300 сила, прибл. 250 л) зерна (иногда $\pm 10-15$ гур) ⁸⁸. Но, повторяем, не видно, был ли этот план определен заранее; в целом не исключено, что какие-то соотношения между величиной засеянных участков и полученных с них урожаев могли быть приблизительно установлены еще до сева.

Формы оплаты труда энгаров

Оплата труда энгаров была натуральной ⁸⁹. Им выдавались ячмень зерном ⁹⁰, иногда — жир ⁹¹, растительное масло ⁹², шерсть ⁹³ или одежда (ткань) ⁹⁴ (последнее — очень редко ⁹⁵).

Зерно, выданное энгарам в качестве вознаграждения за труд, упоминается в документах под разными терминами: *še-ba* — «зерно в доволь-

⁸⁴ На поле энгара работает группа рабочих (*erén*, см. BIN V, 272: 47—48), возможно, под присмотром самого энгара.

⁸⁵ Umma, 41: 1—4 сл.

⁸⁶ О сдаче энгарами на государственные склады различного зерна без указания размеров площадей говорится во многих документах, при этом разница в количестве зерна — от 2 до 450 гуров, бесспорно, была обусловлена тем, что им были выделены участки различной величины (см. выше). Укажем лишь на некоторые из соответствующих документов: AT, 45; 49; 50; 118; TRU, 374; SET, 242; UET III, 1350; 1354; 1355; YOS IV, 297; 305; AnOr VII, 313; GDD, 287; HLC III, 133, 343; CT VII, 18419; AB XXV, 63; 66; CBT I, 14491; 15129; WMAN I, 41; 66; UET IX, 131; 939; 942; AAS, 83; MVN VI, 288; 324; ABTR, 6; ITT IV, 7039; SA, 52; AnOr I, 142; RVU, 87; NST I, 75; NAT, 6; 19; 22; 51; 184; MVN VII, 253; *Thureau-Dangin F. Recueil de tablettes Chaldéennes*. P., 1903, № 405; UET III, 1343; IX, 939; 942.

⁸⁷ Определенная часть участков всегда оставалась необработанной. Подобная земля называлась *su* — «участок» (см. CT I, 94—10—16, 2 I 17, II 10 f.; 94—10—16, 3 I 8 f. и др.). Чем это было вызвано, пока что неясно (ср. AnOr XLV, p. 11).

⁸⁸ IBK VIII, 95 I 10—II 7, IV 2—12; ITT III 2, 6863 II 1—3, 5—7, 10—12, III 6—8, 11—13, 15—17, IV 2—4, 7—9, 11—13, 15—17, VI 4—6, 9—11, 12, 15—17, 19—20, VII 9—11, 14—16; MOS XVI, 1 I 4—11, 15—21, 24—33, II 1—8, 9—15, 16—22, 23—III 1, 4—10, 13—26, 27—IV 3, 16—23, V 3—8, 9 f.; MVN VI, 128: 1—2, 6—7 f.; AnOr I, 49 I 18—19; AnOr XLV, 59 III 8—9 f.

⁸⁹ Засвидетельствовано лишь несколько случаев выдачи энгарам платы серебром (см. TJAUB, IOS 29: 1—3; ср. AOS XXXII, UU16).

⁹⁰ Подробнее см. выше, прим. 105; дополнительно: CBT I, 13320; BIN VIII, 224: 1—3 f.

⁹¹ BIN VIII, 276 I 9—11; MVN III, 210: 2.

⁹² UET III, 1377: 17—24.

⁹³ WMAN I, 284 II 12, III 5; HLC III, 114, 238 XI 6; *Fish T. A copy of the Umma Tablets Relating of the Subject-Matter.*— MCS, 8, 1958, p. 84—98, № 105584: 1—2.

⁹⁴ UET III, 1732: 1—4 f.; MVN VII, 433, об. 2—3; Ник. II, 393: 5—6; AnOr I, 284: 1.

⁹⁵ В одном из документов из Ура (см. UET III, 1128 — «отчет (об) энгарах» — *nī-kas_x-ak-engar*, стк. 20) речь идет о выдаче сезама (*še-gis-i*) различным лицам, среди которых, судя по названию, были и энгары.

ствии»⁹⁶, à — «плата»⁹⁷, še-kur₆-ga — «зерно для пищи»⁹⁸ или še-kù-a — «зерно для еды»⁹⁹. По содержанию все эти термины однозначны.

В источниках указано, что, подобно другим представителям административного персонала хозяйства, энгарам тоже выделялись kur₆ участки¹⁰⁰, урожай с которых употреблялся на нужды того должностного лица и его семьи, кому он был выделен¹⁰¹. К числу подобных должностных лиц относились и энгары.

Плату за труд энгары редко получали помесечно. Большей частью зерно им выдавалось одновременно — за несколько месяцев или за год¹⁰². Иногда зерно выписывалось индивидуально, но чаще сразу группами — главе группы (nu-bànda-gu₄) вместе с помощниками энгаров¹⁰³.

По данным документов очевидно, что нормы оплаты труда энгаров были очень высоки. Минимальная единовременная месячная оплата была равна 120 сила, т. е. вдвое выше, чем у рядового рабочего¹⁰⁴.

Примечательно следующее обстоятельство: одним и тем же документом разным энгарам могла предписываться весьма различная по размерам оплата. Так, например, рядом с выплатой в 300 сила зерна мы можем найти таковую в 5—6 или даже в 10—15 раз больше¹⁰⁵. Возможно, что объяснять это нужно следующим образом: поскольку ежемесячно и регулярно оплата труда не производилась, в тот или иной срок энгарам единовременно выдавалась только часть годового вознаграждения¹⁰⁶, вели-

⁹⁶ WMAH I, 54 : 6; MVN III, 127 : 2; MVN VI, 281 II 16; FUT, 7876 : 2; *Sollberger E. Business and Administrative Correspondence under the Kings of Ur.— Texts from Cuneiform Sources. I. N.Y., 1966 (далее — TCS I), 16 : 7.*

⁹⁷ TRU, 380 : 1; CT VII, 12940 : 7; NST I, 21 : 6.

⁹⁸ WMAH I, 191 : 2, 11, 17 f.; UAT, 19 : 2; CTCh, 114 : 6; NAT, 18 : 3; 119 : 6; 135 : 3; TCS I, 315 : 4; MVN V, 231 : 4; MVN VI, 24 : 2; 73, об. 2; UET III, 945 : 2, 9; YOS IV, 294 : 1; HLC II, 96, 121 : 2; 98, 133 : 2; HLC III, 102, 154 : 4; HSS IV, 29 II 6, IV 4, 14; AB XXV, 62 : 13; AT, 47 : 6; MVN III, 203 III 15; CT VII, 17757 IV 3; 18430 : 7; FUT, 6298 : 4—6; 6338 : 4; 6344 : 6—7; *Lutz H. F. Sumerian Temple Records of the Late Ur Dynasty. I—II.— University of California Publications, IX/2. Berkeley, 1928 (далее — UCP IX/2), 93 : 1; Bedale C. L. Sumerian Tablets from Umma in the John Rylands Library, Manchester. Manchester, 1915, 33 : 1.* Иногда выданное энгарам зерно записывается так: še-àr-ra — «смолоное зерно» (см. ASM XVI, 51 : 2; 62 : 3; MOS XVI, 101 V 2; HLC III, 131, 320 : 5; CT III, 18343 IV 46, V 8; CT VII, 7781 : 3; CT IX, 21245, об. 11; FUT, 6746 : 2; 8044 : 2; NAT, 123 : 3; 186 : 2).

⁹⁹ FUT, 6199 : 4.

¹⁰⁰ Ник. II, 237 : 8; 239 : 7; 243 : 11; AT, 55 : 7; YOS IV, 210 : 19; 50, 69; AnOr VII, 239 : 12; TCL V, 5675 IV 26, V 16; 6043 I 12, II 13; FUT, 51.63.167 : 1—6.

¹⁰¹ Тюменев. Ук. соч., с. 315.

¹⁰² WMAH I, 272 : 1—5; MVN III, 127 : 3; 210 : 3; CBT I, 13073; MOS XVI, 136 III 6—7.

¹⁰³ WMAH I, 62 : 1—4; TCS I, 315 : 4; TRU, 16—4; HLC III, 117, 247 III 9; 131, 320 : 1—5; ASM XVI, 51 : 1—2; MOS XVI, 111 I 3; 255 : 1—3; CST, 689.

¹⁰⁴ UET III, 1320 : 1—3; 1324 : 1—3; MOS XVI, 17 I 15, 41, II 21, III 3.29, 32, 44, VIII 9, 27, 35; RVU, 82 : 3; UCP IX/2 II, 93 : 1—5; ACL, 12 : 2; ср. AnOr VII, 18 : 1, 13, 25, 71, 81; CST, 125 I 1, 7, 24, 30, II 22, 30, III 5, 18, 28, XII 11. Засвидетельствованы случаи, когда энгарам выдается 60 сила зерна (см. UET III 1377 : 1—6; MVN VII, 488 : 1—3). Возможно, в подобных случаях мы имеем дело с фактом выдачи им остатка годовой платы.

¹⁰⁵ AB XXV, 50 : 1; AT, 47 : 1; CBT I, 12777; CT VII, 17767, passim; 18422 : 1; 18430 : 6; CT IX, 21245, passim; DEU, 21 : 8—11; HCL II, 87, 89 I 6—7; HSS IV, 4, passim; MOS XVI, 136, passim; MVN III, 203 I 9; NAT, 123 : 1; 134, passim; RVU, 118 : 1—8; 129 : 2—7; 120 : 1—4; STA, 35 : 8—27; TEL, 262 : 4; TJAUB, IOS 34 : 11; UET III, 1326 : 1—6; WMAH I, 73 : 1; *Myhrman D. W. Sumerian Administrative Documents.— The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. III 1. Philadelphia, 1910, № 109 II 6; 110 IX 5; CTCh. 114 : 1; Jacobsen Th. Cuneiform Texts in the National Museum Copenhagen, Chiefly of Economic Contents. Leiden, 1939, № 125, passim; Sauren H. Keilschrifturkunden in der Sammlungen zweier Deutscher Museen.— OLP, 8, 1977, S. 5—31, № 18 : 1; Deimel A. Miscellen.— OrSP, 5, 1922, S. 42—55, № 8; Genouillac H., de. La trouvaille de Dreheim. P., 1911, № 59 : 8—13.*

¹⁰⁶ Годовая плата, вероятно, должна была быть вычислена из полученного и сданного энгаром на государственный склад урожая. А. И. Тюменев, опираясь на данные пока что единственного документа (см. CT X, 12922), предположил, что в качестве платы энгарам выдавалось 5% от сданного ими на государственные склады урожая (см. Тюменев. Ук. соч., с. 301, прим. 2).

чина которого, видимо, определялась желанием самого энгара, так что энгар мог получить причитающуюся ему годовую плату в два или три приема.

В документах встречается термин *engar-sag-dub*, дословный перевод которого «энгар начала таблички»¹⁰⁷. К сожалению, ни в одном случае не указывается, какая плата выдается этой группе¹⁰⁸. Нам остается лишь предполагать, что под этим термином подразумеваются энгары, которые получают большее по сравнению с другими, упоминаемыми в этом же документе энгарами вознаграждение.

К вопросу о социально-экономическом положении энгаров

В хозяйственных и юридических документах содержится ряд прямых или косвенных сведений о социально-экономическом положении энгаров.

1. В первую очередь отметим, что энгары — выходцы из семей, основанных на законном браке. Подтверждением этого является тот факт, что там, где это необходимо составителю документа, имя энгара всегда сопровождается именем его отца, например, «Шешкала, энгар, сын Лунизу»¹⁰⁹; «Шаракам, энгар, сын Дада»¹¹⁰; «Шешкала, энгар, сын Урли»¹¹¹; «Урламе, энгар, сын Паку»¹¹² и др.¹¹³ Сыновья энгаров также упоминаются с указанием имени отца, т. е. сами энгары тоже создают законные семьи, наследники которых имеют статус свободных граждан. В документах не раз встречаются имена сыновей энгаров, например, «Гириам, сын Урламы, энгар»¹¹⁴, «Лукуенка, писец, сын Лушары, старшего энгара»¹¹⁵ и т. д.¹¹⁶ Вместе с тем засвидетельствован случай, правда, лишь единственный, когда сын энгара упомянут как «раб, слуга» (*ir*). В соответствующем документе сказано: «Сбежал Лудингира, раб, сын Луналду, энгара»¹¹⁷. Он сбежал вместе с другими, видимо, из места своего прикрепления. Среди сбежавших названы также сыновья старшего жреца (*sanga*, стк. 7), главного жреца (*ep*, стк. 10), сыновья пастуха и рыбака, парикмахера и др. Случаи побегов работников в эпоху III династии Ура засвидетельствованы и по другим документам¹¹⁸. Это было довольно частое явление и само по себе оно ни в коей мере не может определять юридический статус совершившего побег лица. Напомним, что среди сбежавших упомянуты также сыновья старшего и главного жрецов, которых считать рабами никоим образом невозможно. И тем не менее факт остается фактом: сын энгара один раз назван рабом.

¹⁰⁷ Подробнее об этом см. *Шарашенидзе Дж. М.* Особенности оплаты труда рабочего персонала государственного хозяйства Шумера эпохи III династии Ура. — *Мад.-не. Серия история...*, 1980, № 4, с. 76 сл.

¹⁰⁸ WMAN I, 39 : 1; AAS, 197 : 1.

¹⁰⁹ TIM VI, 55 II 31.

¹¹⁰ Ibid., 55 II 20.

¹¹¹ Ibid., 56 II 1.

¹¹² HLC I, 34—35, 80 II 20.

¹¹³ HLC II, 52, 2 I 19, 21; TRU, 374 : 5—6; TIM VI, 55 I 18, IV 17; 56 III 1; AnOr VII, 18 : 13—14; HLC III, 114, 238 XI 3—7. В одном случае энгар Уршеила упоминается по имени матери: он является сыном Гемеламы (см. WMAN I, 284 III 5—6). Принято считать, что так упоминались сыновья рабынь.

¹¹⁴ STA, 10 IX 18.

¹¹⁵ Ник. II, 280, печать; ср. YOS IV, 202, надпись на печати: *Id-pa-è dub-sar dumu Lú-š[ara] sag-engar* — «Идпаэ, писец, сын Лушары, старшего энгара». Как видим, два сына старшего энгара Лушары стали писцами, что говорит об исключительно высоком экономическом положении его семьи (ср. RVU, 57, печать).

¹¹⁶ WMAN I, 176 VI 8; 284 II 12—15; ср. AnOr VII, 18 : 2—3, 33—35, 71—72; STA, 10 VIII 14; MOS XVI, 160 VIII 28; HLC II, 87, 89 I 6, II 9—10; 88, 92 III 9—10.

¹¹⁷ Ник. II, 436 : 6.

¹¹⁸ WMAN I, 175 I 6, 19f.; 178 : 1, 2; NAT, 166, *passim*; AAS, 176 : 10; UET III, 179 : 3; 935 : 9; 11, 12; 936, *passim*; TJAUB, IOS 40 : 1, 2; PDT I, 525 II 1; NG III, p. 174 (там же указание на соответствующие документы); *Waetzoldt H.* Untersuchungen zur neusumerischen Textilindustrie. Roma, 1972, № 88 II 16; см. также UET III, 1018 : 2 f.; 1127 : 2; 1315 : 2.

Можно ли найти этому какое-либо объяснение? Вообще известно, что сыну сразу же после рождения присваивался статус отца ¹¹⁹. Если это так, то получается, что отец Лудингиры, энгар Лугалзу был рабом. Можно допустить две возможности. Первая: в момент рождения сына энгар Лугалзу был рабом, скажем, хотя бы временным, как не выплативший долг. Вторая: отец никогда не был рабом, но сын, Лудингира, стал таковым по той же причине. Во всяком случае трудно на основании лишь одного этого сведения решительно говорить о юридическом статусе отца и тем более опасно распространять сделанный на этой основе вывод на энгаров вообще. В ту же группу сведений следует отнести и два известных нам случая продажи энгаров: в одном случае за 5 сиклей серебра, в другом — за 50 ¹²⁰.

2. О юридическом статусе энгаров как свободных может свидетельствовать и то, что они часто выступают как лица юридически правоспособные ¹²¹, например в качестве свидетелей на судебных процессах, где разбираются дела о долгах ¹²² или купле-продаже ¹²³. Вообще энгары являются субъектами права ¹²⁴ и почти никогда (за исключением нескольких случаев) не выступают объектами закона ¹²⁵.

Энгар мог быть кредитором — давать займы под проценты ¹²⁶, брать в долг под проценты ¹²⁷ и т. д. Более того, энгары могли быть даже рабовладельцами ¹²⁸. В одном случае энгар Лугалезен за 7 сиклей покупает раба ¹²⁹. Энгар мог владеть рабом и временно. В этом отношении заслуживает внимания один юридический документ ¹³⁰, содержащий следующие сведения: некий энгар Урбаба дал займы 4 сикля серебра некому Урбадзире, который за эту сумму купил раба. Как видно, Урбадзира в дальнейшем не смог выплатить долг, и из-за этого суд передал упомянутого раба энгару Урбабе. Часть документа повреждена, и не все ясно, но следует думать, что в данном случае энгар берет раба в долговую кабалу временно. Как видим, энгар проявляет заинтересованность в рабе. Разумеется, он использует его труд в собственном хозяйстве. Но эксплуатацию рабского труда энгар мог осуществлять и путем его отдачи внаем. Подобные случаи достаточно часто встречаются в практике древнего Двуречья. Этот факт подтверждается и в отношении рабов энгаров.

В одном из юридических документов ¹³¹ находим описание другого случая: энси (правитель) области Лагаша и известный суккалмах Ирнана незаконно взял к себе (нанял?) раба лагашского энгара Шагу. Через шесть лет по требованию хозяина суд вернул ему раба, обязав суккалмаха Ирнана выплатить Шагу в качестве платы за эксплуатацию его раба 24 сикля серебра, т. е. по 4 сикля в год. По другим источникам известно, что наниматель платил за раба от 1,5 до 3 ше серебра в день (1 ше = 1/180 сик-

¹¹⁹ По этому вопросу см. *Шарашенидзе Дж. М.* Юридический статус *gémé* и детей рабов в эпоху III династии Ура. — ВДИ, 1975, № 3, с. 96—101.

¹²⁰ См. Ник. II, 406 : 1—2; OrSP № 45—46 (1930), с. 92 : 5с. Однако, как справедливо замечает А. И. Тюменев, обобщение этих единичных случаев было бы неверным (ук. соч., с. 282 сл.).

¹²¹ Энгары часто выступают как лица, подтверждающие документы о выдаче из государственных складов продуктов: они ставят на документы собственные печати (см. WMAH I, 270 : 4; SET, 68 : 62—64).

¹²² NG II, 20 : 12.

¹²³ Ibid, 43 : 8; YOS IV, 2 : 9; Cig M., Kizilyay H., Falkenstein A. Neue Rechts- und Gerichtsurkunden der Ur III Zeit aus Lagaš aus den Sammlungen der Istanbuler Archäologischen Museen. — ZA, 19, 1959, S. 51—92 (далее — RGU), № 20 : 9—10.

¹²⁴ Cp. ITT III 2, 6585 : 2—3; NG II, 213 : 2 f.; WMAH I, 189 : 4—5 и др.

¹²⁵ См. прим. 120.

¹²⁶ NG II, 119 : 2—3.

¹²⁷ RGU, 24 : 1—12.

¹²⁸ SET, 144 : 13; YOS IV, 183 : 2.

¹²⁹ ASM XVI, 53 : 1—5.

¹³⁰ NG II, 119 = ITT III 2, 6585.

¹³¹ NG II, 67.

ля = 46,75 мг) ¹³². В пересчете на среднюю стоимость — 2 ше, в год получается 4 сикля. Выходит, что Ирнана выплатил энгару Шагу среднюю наемную плату за раба.

Засвидетельствованы также случаи передачи энгарами своих рабов наем государственным хозяйствам ¹³³.

Все сказанное выше, думается, дает нам возможность заключить: энгары в основном ¹³⁴ представляли юридически свободный слой общества ¹³⁵.

3. Документально можно подтвердить, что энгары имели собственное хозяйство. В одном документе из Ура несколько раз упоминаются «дома» (é), т. е. хозяйства, различных энгаров и к этим хозяйствам прикреплено по одному рабочему, которому выписывается по одному гуру зерна ¹³⁶. Эти рабочие называются «членами общины» (eḡen-dumu-uru-me, досл. «люди, работники, (которые являются) сыновьями общины») ¹³⁷. К сожалению, документ поврежден и мы лишены возможности прояснить некоторые интересующие нас моменты, в частности, кто и зачем закреплял за этими хозяйствами работников, на чьих землях были расположены эти хозяйства — на общинных или государственных и т. д. Но главное, думается, ясно: у энгаров имелись собственные хозяйства.

В этом убеждают и некоторые косвенные данные. Известно, что энгары часто сдавали государству домашних животных — ягнят ¹³⁸ и коз ¹³⁹. Бесспорно, этих животных энгары разводили в собственных хозяйствах. Часть своего скота энгары как рядовые члены общины выделяли для удовлетворения культовых потребностей ¹⁴⁰ или покрытия государственных платежей ¹⁴¹. Из своих же хозяйств они выделяли часть скота, которую жертвовали («дарят» — a-gu-a) храмам. В одном случае работающий в хозяйстве божества Шешки энгар Кули жертвует храму божества Нанше одного бычка (gu₄-amar) ¹⁴². В другом же случае энгар, прикрепленный к хозяйству суккалмаха (engar-sukkal-mah), дает одну телку (áb-amar-ga) какому-то храму ¹⁴³. Документально подтверждается, что энгары имели даже отары овец ¹⁴⁴, собственных ослов ¹⁴⁵ и т. д.

¹³² Подробнее см. *Шарашенидзе*. Наемная рабочая сила..., с. 44—45.

¹³³ YOS IV, 183 : 1—2.

¹³⁴ Разумеется, нельзя категорически утверждать, что даже небольшая часть энгаров не могла иметь статуса рабов. Напротив, некоторые сведения (факты продажи энгаров: упоминание одного из них по имени матери; случай, когда сын энгара имеет статус раба, может быть, по статусу отца, и т. д.) убеждают нас в том, что некоторые энгары находились в рабском состоянии. Но большинство сведений документов убедительно доказывает, что основная и главная часть энгаров составляла свободный слой общества.

¹³⁵ Свободными были и работавшие в государственном хозяйстве наемные энгары (engar-hun-gá, см. MVN VII, 380 : 6; 6222 : 3—4; CT VII, 15324 II 17, IV 16; Ник. II, 143, об. 3).

¹³⁶ UET III, 1391 I 2, 9, 10, III 1, 2. Наряду с «домами» энгаров в этом же документе упоминается и хозяйство руководителя группы энгаров (é-PN-nu-bānda-gu₄ — II 11).

¹³⁷ UET III, 1891 II 5—6, eḡen-dumu-uru-me ù [.....]-me. Как видим, строка повреждена и какая-то часть фразы остается неясной, т. е. кроме «сынов общины» здесь упоминаются и люди другой категории.

¹³⁸ Ник. II, 459 : 8; ср. AnOr VII, 337 : 1—4.

¹³⁹ BIN III, 602 : 9; BIN VIII, 281 : 1—2.

¹⁴⁰ В одном из документов Лагаша представлен довольно длинный список лиц различных профессий. Каждый из них был обязан передать по одной козе тому или иному храму, молельне или учреждению. В этом списке часто упоминаются и энгары (HLC II, 52, 2 1 2f).

¹⁴¹ Возможно, с этой же целью сдавали энгары на государственные склады веревки (gu) в довольно большом количестве (UET III, 1504 IV 16—18; 1505 VI 12—14), а также свиное сало (AAS, 111 : 12).

¹⁴² AI, A II 18; ср. TEL, 93 : 1—4.

¹⁴³ AI, B IV 31.

¹⁴⁴ MVN VI, 545, об. 4—7.

¹⁴⁵ RVU, 78 : 1—4.

Выше было отмечено, что энгары два-три раза (может быть, и только один раз) в год получали со склада государственного хозяйства полагавшуюся им плату зерном. Видимо, это был дополнительный доход для их семей. Основные, повседневные продукты они получали со своих хозяйств.

Все отмеченное выше, думается, говорит в пользу вывода о том, что в основном энгары — социально свободные лица. Они представляли собой экономически независимых, полноправных граждан, имевших созданные на законном основании семьи и, видимо, собственные хозяйства.

Дж. М. Шарашенидзе

THE ENGARS OF ANCIENT MESOPOTAMIA

J. M. Sharashenidze

The author analyses economic and legal documents from the III dynasty of Ur (2132—2024 B. C.) relating to the engars («ploughmen»), their functions and position in the agricultural work process. He finds that among the personnel looking after the working cattle (4 men to a team of 3 pairs of oxen, 3 men to 2 pairs or one) the chief person was the engar, who had charge of all ploughing and sowing: provision of auxiliary workers, tool and other inventory, and seed. The most important of his duties was to see to the reproduction of draught animals. In this epoch the temple administration provided the engars with the cows, oxen and asses required for this purpose. Each engar was given 6 or 7, sometimes 10 or 12 head of large horned cattle, or 10—15 asses, and fodder for their maintenance. The engar cultivated the land allotted to him (from 2 to 6—8 *bûrs*, 1 *bûr* = 6.35 hectares) with the work animals he had himself produced. In the author's view the size of the engar's allotment must have been determined by the number of draught animals he had. The engar also had charge of the hoeing, watering, harvesting, threshing on the land assigned to him; he was ultimately responsible for the size of the harvest. A fixed part of the harvest produced by the engar and brought by him to the state for storage was given to him in payment for work. Unfortunately we have not yet been able to establish the exact ratio of this payment to the size of the harvest (A. I. Tyumenev thought the engar got 5%). The engars were divided into groups of four or five, each under an overseer (*ugula*) whose duties were in most cases performed by the *nu-bànda-gu*₄ (lit. «the chief, the one in charge of the oxen»). Regarding the social and economic condition of the engars the author concludes that the greater part of them were juridically free; engars of slave status are very seldom attested in the documents. Economically they were independent: they had families and were in possession of land, cattle and slaves. In some cases their economic capacities were rather extensive.

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ПРИЧИНАХ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В настоящей статье, не претендующей на окончательное решение сложной и многогранной проблемы начала Пелопоннесской войны, рассматриваются данные античной традиции наряду с обзором работ ряда западноевропейских исследователей, посвященных интересующей нас теме.

В античной традиции можно выделить две версии причин возникновения Пелопоннесской войны. Первая из них принадлежит Фукидиду, вто-

рая в наиболее концентрированном виде представлена у Диодора и Плутарха. Рассмотрим прежде всего более позднюю версию. Диодор, опираясь главным образом на Эфора и, возможно, Тимея, представляет Перикла как главного виновника войны. Насколько можно судить по данным Аристофана и Плутарха, эта версия в основе своей восходит к мнению представителей кругов, враждебных Периклу. Несомненно, ряд деталей этой традиции имеет анекдотический характер¹, однако, рассматривая ее в целом, следует отметить в ней и некоторый рациональный смысл. Согласно Диодору, «Перикл, зная, что в военное время народ прославляет благородных мужей в силу необходимости, а в мирное время на них клеветает вследствие зависти и праздного образа жизни, решил, что самое подходящее для него вовлечь народ в большую войну, чтобы демос, имея нужду в доблести и руководстве Перикла, не соглашался с обвинениями против него и не располагал ни досугом, ни временем требовать от него тщательного отчета». В этом замечании Диодора удачно подмечена как психология афинских граждан, так и политическая острота момента.

В 40—30-х годах до н. э. в Афинах наблюдается обострение внутриполитической борьбы. В конце 40-х годов Периклу пришлось столкнуться с оппозицией, представляющей собой организованное олигархическое движение, возглавляемое Фукидидом, сыном Мелесия, зятем Кимона, создавшим тайную политическую организацию — олигархическую гетерию (Plut., Per. 11; Arist., Ath. Pol. 28, 2; 5). Именно сторонники Фукидида требовали от Перикла тщательного отчета об истраченных средствах (Plut., Per. 14). Однако Периклу удалось выйти победителем из этой борьбы, и Фукидид, сын Мелесия, был подвергнут ostracismu и отправлен в изгнание в 443 г. до н. э. (Plut., Per. 14; ср. IG, I², 911—912 = Tod, I², 45).

Новый этап обострения внутриполитической борьбы наметился в конце 30-х годов до н. э. В это время оппозиция Периклу была более сложной по своему составу. В ней можно выделить экстремистов, представителем которых был Клеон, консерваторов, возглавляемых Никием, и олигархов, чьим вождем после 433 г. до н. э. стал вернувшийся из изгнания Фукидид. Враги Перикла были недовольны тем, что он в течение десяти лет почти единолично правил Афинами (Thuc., II, 65, 9; Plut., Per. 15). Сознывая, что авторитет Перикла очень высок в государстве, они начали травлю его ближайших друзей и сподвижников; пострадали прежде всего Аспазия, Анаксагор и Фидий. Об этом и рассказывает нам отчасти Диодор (XII, 39, 1—2) и более подробно Плутарх (Per. 31—32). Понимая всю сложность внутриполитической обстановки, Перикл надеялся внешнеполитической активностью пресечь внутренние склоки и недовольство. Поэтому он настойчиво призывал афинских граждан к войне со Спартой (Thuc., I, 140—144).

Вместе с тем Диодор, излагая причины Пелопоннесской войны, совмещает упомянутую выше традицию с тем, что сообщает Фукидид, правда, значительно сокращая его повествование. Согласно Фукидиду, истинная причина нарушения тридцатилетнего мира состояла в том, что усиление афинян стало внушать опасение лакедемонянам и вынудило их начать войну. Касаясь причин, о которых говорилось с обеих сторон открыто и которые привели к возникновению войны (Thuc., I, 23, 5; 88), Фукидид подробно излагает события, связанные с Эпидамном и Потидеей (I, 24—66). Хотя Мегарскую псефизму он прямо не называет в качестве третьего повода к войне, тем не менее подчеркивает, что лакедемоняне настойчиво требовали от афинян отмены постановления о мегарянах, заявляя, что если афиняне удовлетворят это требование, то войны не будет (I, 139, 1). Характеризуя отношение Спарты и Афин к войне, Фукидид отмечает, что

¹ См., например, знаменитый анекдот о том, как Алкивиад советовал Периклу вообще не давать отчетов народному собранию афинян (Diod., XII, 38, 3; Plut., Alcib. 7; Arophet. 186 E; Aristod., FGrH, fr. 104). У Аристофана ничего подобного нет.

спартанцы пытались урегулировать конфликт, хотя претензии к Афинам у них были, так же как и желание воспользоваться их затруднениями (Thuc., I, 40, 5—6; 41, 1—3). Однако, когда все большее число союзников стало жаловаться на афинян, они созвали народное собрание, пригласив на него представителей союзных городов, и большинством голосов приняли решение о том, что афиняне нарушили тридцатилетний мир (Thuc., I, 67—88). Что же касается афинян, то и они, хотя сначала старались соблюдать условия мира, тем не менее не хотели упускать удобного случая, когда Коркира обратилась к ним за помощью². После того как отношения афинян со Спартой особенно обострились и война уже казалась неизбежной, афиняне созвали народное собрание, где некоторые выступили за сохранение мира и отмену постановления о мегарянах, однако Перикл сумел убедить граждан не подчиняться лакедемонянам и не бояться войны (Thuc., I, 127, 3; 140—144).

Диодор, как уже отмечалось, значительно сокращает рассказ Фукидида, тем не менее основные его положения он сохранил. Относительно подробно Диодор рассказывает о коркирских событиях (XII, 30—33), о Потидее (XII, 34, 37). Так же как и Фукидид, он придает особое значение требованию лакедемонян об отмене Мегарской псефизмы (XII, 39, 4). Подобно Фукидиду, Диодор говорит о неизбежности войны между ведущими полисами (XII, 41, 1). Наконец, Диодор с некоторыми сокращениями пересказывает две речи Перикла, объединив их в одну, в которой Перикл убеждает афинян не подчиняться лакедемонянам, а также характеризует финансовые средства и военные силы Афин.

Таким образом, можно сделать вывод, что сообщения Фукидида и Диодора, равно как и сведения других источников, взаимно дополняют друг друга, дают зримую картину начала Пелопоннесской войны и вызвавших ее причин. Однако наши рассуждения на эту тему будут далеко не полными, если мы не рассмотрим отношение к этой античной традиции современной историографии.

Со времени Бузольта взгляд Фукидида на причины Пелопоннесской войны получил широкое признание³. Общепринятое мнение отразил в своем комментарии к «Истории» Фукидида Гомм, заметив, что «основная причина Пелопоннесской войны — это афинский империализм и обусловленный им страх спартанцев»⁴. Однако в последнее время некоторые исследователи пересмотрели сложившуюся точку зрения о Пелопоннесской войне. С одной стороны, это обусловлено, по-видимому, определенной тенденцией, наметившейся в литературе, к переоценке отдельных выводов древних авторов⁵. В этой связи некоторые исследователи, отвергая мнение

² В это время афиняне заключили союзные соглашения с Регием и Леонтинами (см. Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. Bd II. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. München, 1962, S. 81—84, № 162—163; см. там же указания на литературу). После основания Амфиополя в 437 г. (Thuc., IV, 102; Diod. XII, 32, 3) афиняне активизировали свои действия во Фракии и в Македонии (Thuc., I, 57, 2—5; Diod., XII, 34, 2; ср. Bengtson. Op. cit., S. 85, № 165; см. там же ссылки на литературу; Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. V. I. Oxf., 1960, p. 200 ff.).

³ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III. Gotha, 1904. Ht. 1, S. 438; Ht. 2, S. 758, 761; Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. II. Halle, 1899, S. 296—326; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. II. 1. B., 1924, S. 297; idem. Die attische Politik seit Perikles. Lpz, 1884, S. 22; Glotz G., Gohén R. Histoire grecque. T. II. P., 1929, p. 604—607; De Sanctis Gaetano. Storia dei Greci. II. Firenze, 1963, p. 257—258; Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1969, S. 217.

⁴ Gomme. Op. cit., p. 152.

⁵ В этой связи следует отметить, например, работу М. Лэнга, посвященную Ионийскому восстанию (Lang M. Herodotus and the Ionian Revolt. — Historia, 17, 1968, p. 24 ff.; наши замечания об этой работе см. Строецкий В. М. Ионийское восстание и позиция Спарты. — ВДИ, 1973, № 3, с. 134), в которой автор отвергает геродотовскую версию об этом восстании и, исходя из его же фактов, реконструирует, как ей представляется, подлинно исторические события. Авторы некоторых работ пытаются доказать, что рассказ Фукидида о Павсании и Фемистокле не заслуживает доверия

Фукидида, пытаются реконструировать подлинные, как они считают, причины войны ⁶.

С другой стороны, появление этого взгляда объясняется также и тем, что исследователи обнаружили в тексте Фукидида противоречие между анализом фактов, сообщаемых историком, и его общим выводом. Одни ученые объясняют это противоречие особенностями композиции I книги Фукидида ⁷. Они полагают, что I книга состоит из сюжетов, написанных Фукидидом в разное время, поэтому и появились у Фукидида две версии причин Пелопоннесской войны, из которых ранняя трактовала войну как следствие принятия Афинами Мегарской псефизмы и ссоры Коринфа с Афинами из-за Коркиры и Потидеи. Согласно поздней версии, Фукидид якобы стал считать истинной причиной растущее могущество Афин и вызванный этим страх Спарты.

Подобные выводы, касающиеся композиции I книги Фукидида, фактически возрождают предмет рассмотрения многочисленных немецких исследований XIX в. Другие исследователи, указывая на это противоречие, считают, что Фукидид просто оставил без объяснения то, что он имел в виду под истинной причиной войны ⁸. Однако этот вывод закрывает путь для любых дальнейших исследований в этой области и совершенно не придает значения всему содержанию I книги Фукидида, с чем невозможно согласиться.

Наиболее детальное обсуждение причин Пелопоннесской войны предложил в двух обширных главах своей монографии Кэген ⁹. Он обратил внимание на отрицательные стороны концепций своих предшественников, но признал правильным замечание об имеющемся в тексте Фукидида противоречии между анализом событий и его общим выводом. Кэген считает ошибочным заключение Фукидида о том, что подлинной причиной Пелопоннесской войны было растущее могущество Афин и вызванный этим страх лакедемонян. Эти причины, по его мнению, были присущи так называемой первой Пелопоннесской войне. Вторая же Пелопоннесская война не была ими обусловлена, поскольку между 445 и 435 гг. до н. э. не наблюдалось расширения экспансии Афинской державы, а Спарта в это время не испытывала особого страха перед Афинами (с. 346). Наконец, события в Эпидамне, Потидее и Мегарская псефизма сами по себе не создавали ситуации, при которой Пелопоннесская война становилась неизбежной (с. 347). Автор книги рассматривает эту войну как результат цепи случайных факторов. По его мнению, Коринф, стремясь сокрушить своего традиционного врага, Коркиру, надеялся на то, что Афины, соблюдая условия тридцатилетнего мира, не вмешаются в этот конфликт. Афины же боялись, что поражение Коркиры приведет к нарушению морского господства, что было основой их безопасности. Поэтому, оказывая помощь Коркире, они надеялись нейтрализовать Спарту (с. 348 сл.). Перикл своими действиями по отношению к Мегарам и Потидее, как считает автор книги, дал военной партии лакедемонян повод втянуть Спарту и ее союзников в большую войну. Никто не планировал Пелопоннесскую войну, отмечает

(Lang M. Scapegoat Pausanias.— ClJ, LXIII, 1967/68, p. 80 ff.; Meiggs R. The Athenian Empire. App. 4. Oxf., 1972, p. 465—468; Sealey R. A. A History of Greek City-States in 700—338. Berkeley—Los Angeles, 1976, p. 240 ff.; Konischi H. Method in the Episodes of Pausanias and Themistokles.— AJPh, XLI, 1, 1970, p. 52—69), и на этом основании стремятся восстановить события с наибольшей, по их мнению, степенью достоверности.

⁶ Sealey R. Thucydides, Herodotus and the Causes of War.— ClQ, VII, 1957, p. 1—11; idem. The Causes of the Peloponnesian War.— ClPh, 70, 1975, p. 89—109; idem. A History..., p. 319 ff.; Kagan D. W. The Outbreak of the Peloponnesian War. N. Y., 1969, p. 345 ff.; De Ste Croix G. E. M. The Origin of the Peloponnesian War. N. Y., 1972.

⁷ Schwartz Ed. Das Geschichtswerk des Thucydides. Heildesheim, 1960; Sealey. Thucydides..., p. 1—11.

⁸ Momigliano A. Studies in Historiography. L., 1966, p. 117—118.

⁹ Kagan D. W. The Outbreak of the Peloponnesian War. N. Y., 1969.

Кэген, но каждая из трех великих держав (Коринф, Спарта и Афины) бросила искру, и разгорелось пламя войны.

Де Сент Круа, исследуя проблему возникновения Пелопоннесской войны, выдвинул два основных положения¹⁰. Во-первых, война, по его мнению, произошла только в результате пелопоннесской агрессии; афиняне постоянно поступали очень корректно. Во-вторых, в принятии Мегарской псефизмы афиняне не руководствовались крайними мотивами, но лишь стремились вернуть священную землю Элевсина, которую захватили мегарцы. Близкую к этой концепцию выдвинул Р. Сили в двух своих последних работах¹¹. В свое время статья Сили «Фукидид и Геродот и причины войны», опубликованная в 1957 г., вызвала ряд критических замечаний¹². Теперь автор попытался рассмотреть проблему, как он замечает, под другим углом зрения. Сили отмечает, что, даже если бы Фукидид не написал свою знаменитую фразу об истинных причинах войны, можно было бы считать, что она обусловлена афинским империализмом и ответом на него Спарты. В первые две декады существования Делосской симмахии и во время первой Пелопоннесской войны можно, как отмечает автор, найти немало примеров, подтверждающих этот вывод, который, однако, вступает в противоречие с анализом событий 445—435 гг. до н. э. Для афинской внешней политики этого времени характерна скорее консолидация, чем экспансия; что же касается пелопоннессцев, то они в этот период не испытывали особого страха перед афинянами. Поэтому, характеризуя отношение Спарты и Афин к войне, Сили указывает на различие целей каждого из этих государств. Лакедемоняне, выдвигая лозунг автономии, фактически требовали, чтобы афиняне расформировали их державу и предоставили полную независимость их союзникам. Иными словами, спартанские цели были безграничны, и достижение их возможно было только с помощью тотальной войны. Что же касается Афин, то, стремясь консолидировать свою державу, но не расширять ее, и не имея намерений сокрушить пелопоннессцев, они в силу этого ставили перед собой ограниченные цели, для достижения которых не требовалось тотальной войны.

Итак, общим для всех отмеченных работ, несмотря на то, что в одних мнение Фукидида отвергается совершенно, в других исследователи стараются его дополнить и уточнить, является сомнение в правильности выводов историка. Естественно, возникает вопрос, каким образом Фукидид сумел убедить большинство своих читателей — не только древних, но и современных. Ответ на этот вопрос, как утверждает Кэген, довольно прост. Главным средством для этого были подбор одних фактов и умолчание о других, содействующая система доказательства и речи, которые свидетельствуют о том, что Фукидид приписывал людям мотивы, идеи и цели, аутентичность которых трудно доказать. Однако, приняв точку зрения Кэгена, мы должны признать, что Фукидид сознательно ставил перед собой цель ввести в заблуждение как своих современников, так и потомков. Но такой вывод едва ли можно считать конструктивным. Он всего лишь рецидив гиперкритицизма. Кэген фактически повторяет давно отвергнутые обвинения, выдвинутые против Фукидида Х. Мюллером-Штрюбингом и Ю. Шварцем, в субъективизме и ограниченности, в сокрытии истины и умышленной неясности изложения с целью сбить читателей с толку, в педантизме и доктринерстве¹³. Однако в отношении древних авторов, будь то Фукидид или Диодор, историк должен считать своей первейшей обязанностью не отвергать известий, но объяснять и истолковывать их, прибегать же к предположениям можно только при совершен-

¹⁰ *De Ste Croix. The Origins...*

¹¹ См. прим. 6.

¹² *Andrewes A. Thucydides on the Causes of War.*— *ClQ*, IX, 1959, p. 223—239; *Kagan. Op. cit.*, p. 364 ff.

¹³ *Müller-Strübing H. Thucydidische Forschungen.* Wien, 1881; *Schwartz J. Die Demokratie.* Lpz, 1884.

ном отсутствии прямых указаний¹⁴. Внимательное рассмотрение той части Введения, в которой Фукидид характеризует метод своей работы (I, 20—23), убеждает нас в том, что Фукидид ставил перед собой более серьезные цели, нежели приписываемые ему Кэгеном.

Не лучше обстоит дело с ответом и на другой важный для решения нашей проблемы вопрос. Каким образом и почему Фукидид пришел к соответствующим выводам? Объяснения, которые приводит Кэген, нельзя признать удовлетворительными. Так, например, исследователь утверждает, что упомянутый выше вывод Фукидида о причинах Пелопоннесской войны (I, 23) был обусловлен его полемикой с популярным представлением о том, что причинами войны были действия Перикла и Мегарская псефизма (с. 372 сл.). О том, что такой взгляд действительно был распространен в Афинах, уже говорилось, однако отношение к нему Фукидида не было таким, как его представляет Кэген. Анализ суждений Фукидида позволяет признать, что хотя он и называл Мегарскую псефизму среди причин Пелопоннесской войны, но не считал ее важной. По его мнению, то, что война вспыхнула в данный момент, было обусловлено прежде всего событиями вокруг Коркиры и Потидеи (Thuc., I, 67, 4; 139; 140, 3; 144, 2)¹⁵. Другую причину, побудившую Фукидида высказать соответствующее мнение, автор видит в том, что он, будучи якобы ревностным почитателем Перикла, стремился представить его как проникательного государственного деятеля, способного предвидеть неизбежность войны. Здесь, как говорится, комментарии излишни. Оценка Фукидидом Перикла как выдающегося государственного деятеля общеизвестна, однако она не дает основания говорить о преклонении перед ним историка, тем более что отношение Фукидида к политической форме правления в Афинах во время Перикла решается в литературе далеко не однозначно¹⁶.

Только в одном случае Кэген близко подошел к серьезному решению вопроса, но сказал об этом мимоходом и с большой долей скептицизма по отношению к Фукидиду. Кэген пишет, что Фукидид, веря в свойство человеческой природы повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде, стремился показать действие наиболее общих законов, определявших поведение людей. Однако тут же замечает, что, хотя в силу этих причин многие ученые сравнивали Фукидида с современными историками, однако он гораздо менее современен, чем Геродот (с. 373). Это замечание Кэгена находится в тесной связи с популярной сейчас в западной историографии античности историко-философской теорией Колингвуда, согласно которой «Фукидид не был последователем Геродота в развитии исторической мысли. Он был человеком, у которого историческая мысль Геродота оказалась задавленной антиисторическими мотивами»¹⁷. Главное доказательство антиисторизма Фукидида Колингвуд, а вслед за ним и Кэген видят в речах историка, в которых, как они считают, больше выдумки, чем истории¹⁸. Здесь не место рассматривать сложную историографическую проблему об особенностях речей Фукидида, хотя мы должны отметить, что есть немало серьезных работ, в которых проблема речей Фукидида решается совершенно иначе¹⁹.

¹⁴ Это важное замечание М. С. Куторги (Греко-персидские войны. М., 1858, с. 17) не утратило своей ценности и сегодня.

¹⁵ См. об этом более подробно: Доватур А. И. Фукидид и Мегарская псефизма Перикла. — ВДИ, 1982, № 1, с. 129—134.

¹⁶ Обзор различных мнений об отношении Фукидида к Периклу см. Stahl H. P. Thucydides. Die Stellung des Menschen im geschichtlichen Prozess. München, 1966, S. 24 ff.; 57 ff.; 76 ff.; Westlake H. D. Individuals in Thucydides. Cambr., 1968, p. 23 ff.

¹⁷ Колингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980, с. 31.

¹⁸ Там же, с. 31—32.

¹⁹ О речах Фукидида см. следующие специальные работы: Regenbogen O. Thucydides. Politische Reden. Lpz, 1949; Eggerman F. Thucydides über die Art seiner Reden und über seine Darstellung der Kriegsgeschichte. — Historia, 21, 1969, S. 575—602; The Speeches in Thucydides. A collection of Original Studies with Bibliography. Ed. by

Но даже если мы согласимся с тем, что риторика в значительной степени снижала достоинства греческой историографии (правда, ее всевластие над ней окончательно определилось только в IV в. до н. э.), тем не менее нельзя не признать, что историческая концепция Фукидида характеризовалась рядом важных теоретических положений, которых не могло быть в геродотовской концепции и без которых было бы немислимо возникновение современной европейской историографии. Если Геродот интересовал прежде всего сами события и он обращался к чувствам людей, то Фукидид воздействовал на их разум и интересовался закономерностями событий²⁰. Развиваемые Фукидидом идеи причинности и законосообразности, согласующиеся с его рационалистическим в своей основе мировоззрением, — это, пожалуй, и есть самое важное, без чего суждение Фукидида о причинах Пелопоннесской войны невозможно понять. Если мы признаем Пелопоннесскую войну как результат закономерного процесса развития отношений между полисами, то тогда не обнаружим никакого противоречия между общим выводом Фукидида и его анализом конкретных исторических фактов.

Проводя различие между истинной причиной войны и теми причинами, о которых с обеих сторон говорилось открыто, Фукидид тем самым утверждает, что Пелопоннесская война явилась результатом взаимодействия главной внутренней и второстепенных внешних причин. Под главной, или внутренней, причиной Фукидид понимал укрепление могущества Афинской державы. Эту проблему Фукидид решает, исследуя в своей I книге целый ряд факторов, способствовавших усилению Афин. Саму идею возникновения Афинской морской державы Фукидид превращает в один из узловых вопросов греческой истории²¹. В этой связи мы считаем неправильным противопоставлять период 445—435 гг. до н. э. предшествующему времени 478—446 гг. до н. э. Во-первых, сам Фукидид считал тридцатилетний мир не более чем передышкой (I, 66) и события последнего предвоенного десятилетия отделил от всего предшествующего периода, в рамках которого рассматривал рост афинского могущества. Во-вторых, примеры экспансии Афин во время этого десятилетия тоже имели место²², так что и после заключения тридцатилетнего мира Афины не прекратили расширять могущество своей державы. В-третьих, консолидация Афинской державы если не предусматривала широкомасштабной экспансии, тем не менее была направлена на усиление Афинской архэ, что в любом случае не могло на вызывать опасения у Спарты и ее союзников. При этом важно отметить, что Фукидид, определяя истинную причину войны, делает акцент не на экспансию, а на усиливающееся господство афинян.

К числу внешних, второстепенных причин Фукидид прежде всего относит события в Эпидамне и Потидее, которые привели к конфликту между Коринфом и Афинами и сделали войну неизбежной. Кэген и другие исследователи, отрицая закономерность Пелопоннесской войны и считая ее, как мы уже отметили, результатом совокупности случайных факторов, отвергают также тезис Фукидида о неизбежности войны. Кэген полагает, что события в Эпидамне и Потидее имели совершенно локальный характер и не могли оказать влияние на международные события в Греции (с. 351).

P. A. Stadter. Chapell Hill Univ. of North Carol., 1973; *Wimmer H.* Die Thukydideischen Reden in der Beleuchtung durch den (logos) Satz. Inaug. Diss. Regensburg, 1973.

²⁰ Критические замечания по поводу рассуждений Колингууда об антиисторизме Фукидида см. также: *Фролов Э. Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981, с. 136.

²¹ *Beyer R.* Das Proömium des Thucydides. Marburg, 1971, S. 47; *Немировский А. И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979, с. 58 сл.

²² В 437 г. до н. э. Перикл совершил морскую экспедицию в Черное море (*Plut.*, Рег. 20). В это же время афиняне вывели своих колонистов в Синопу и, возможно, в Амис (*Plut.*, Рег. 20). Затем, как уже говорилось, афиняне заключили союзные соглашения с Регием и Леонтинами и начали расширять свое влияние во Фракии и Македонии.

По его мнению, можно было бы избежать конфликта между Коринфом и Афинами, во-первых, если бы коринфяне поступали благоразумно и не руководствовались в своих действиях иррационалистическими мотивами; во-вторых, если бы Перикл не проявлял к потидеянам неумеренную жесткость, предъявив им ультиматум (с. 353).

В данном случае автор подменяет объективный анализ событий субъективистским рассуждением типа «что было бы, если бы». В действиях Коринфа Кэген не видит никаких других мотивов, кроме мести традиционному противнику и имперского высокомерия по отношению к зарвавшейся в амбициях колонии. Что же касается Афин, то они, как отмечает автор, не желали подчинения Коринфом Коркиры, так как это привело бы к нарушению равновесия сил между Пелопоннесским и Афинским союзами. Поэтому, поддержав Коркиру, афиняне делали все, чтобы не повредить условиям тридцатилетнего мира и не вовлечь Спарту в этот конфликт.

Действительно, насколько можно судить на основании сообщения Фукидида, Афины отказались принять Коркиру в союз, заключили с ней лишь эпимахию и всячески старались локализовать этот конфликт. Спарта же вообще добивалась разрешения возникших противоречий мирным способом, с помощью третейского суда. Между тем объективные условия показывали, что конфликт этот неизбежно должен был перерасти в большую войну. Факт укрепления афинского могущества был налицо. Поэтому Коркира с ее стратегически важным географическим положением и огромным флотом становилась предметом неразрешимых мирным путем или даже с помощью ограниченного конфликта споров между Коринфом и Афинами, которые неминуемо вели к войне.

Кэген неправ, когда утверждает, что Коринф в своих отношениях с Коркирой руководствовался только иррационалистическими мотивами. Коринф, для которого путь в Южную Италию и Сицилию был жизненно важным, не мог допустить утверждения в Адриатике господствующего положения Коркиры и Афин. Афиняне не хотели упустить из рук Коркиру, имевшую большой флот и удобно расположенную на пути в Западное Средиземноморье. Попытки укрепить свое влияние на этом пути Афины предпринимали еще в начале V в. до н. э. В 70-е годы до н. э. Фемистокл, выполняя роль третейского судьи в споре между Коринфом и Коркирой из-за Девкады, принял решение, более благоприятное для коркирян (Thuc., I, 136, 1; Plut., Per. 24). В 40-е годы афиняне, участвуя в основании Фурий (Diod., XII, 9—11; Strabo, VI, 1, 13; Plut., Per. 11), надеялись, что эта колония будет центром распространения их влияния в Западном Средиземноморье, но эти надежды не оправдались. Однако афиняне в течение 50—30-х годов V в. до н. э. заключили три важных для них союзных соглашения с Эгестой, Регием и Леонтинами²³. Поэтому заключение оборонительного союза с Коркирой было вполне закономерным актом внешней политики Афин, направленной на укрепление их могущества в этом регионе.

События в Потидее еще более приблизили развязку. Как уже отмечалось, Кэген считает, что конфликт между Коринфом и Афинами мог быть исклечен, если бы Перикл действовал более умеренно и не предъявлял ультимативных требований Потидее. Однако для историка гораздо важнее выяснить не то, что было бы, если бы Перикл поступил иначе, а почему он действовал именно таким образом. И в этом случае, как следует из источников, действия афинян, и, в частности, Перикла были обусловлены их стремлением утвердить свое влияние на фракийском побережье и в Македонии. Это подтверждается целым рядом фактов, среди которых можно отметить увеличение флота, вносимого городами Халкидики в об-

²³ О союзе Афин с Эгестой см. Bengtson. Die Staatsverträge..., S. 41, № 139; см. также указания на литературу. О заключении союза с Регием и Леонтинами см. прим. 2.

песоюзную казну²⁴, основание Амфиполя (Thuc., IV, 102, 2—3; Diod., XII, 32, 3), разрыв отношений с Пердиккой и заключение союза с его братом Филиппом и Дердою, сообща враждовавшими с македонским царем (Thuc., I, 57, 1—3), и, наконец, ультиматум Потидеи, которая, оставаясь коринфской колонией, входила в состав Афинского морского союза (Thuc., I, 56, 2; Diod., XII, 34). Дело усугублялось тем, что Коринф и македонский царь Пердикка стали подстрекать Потидею, халкидян и ботиэев к восстанию, а это могло повлечь за собой восстание и других союзников, тяготившихся афинским господством.

Таким образом, события в Эпидамне и Потидее, которые Фукидид называет поводами к войне, как мы пытались показать, действительно сделали ее неизбежной. Вместе с тем Фукидид отмечает (I, 66), что война еще не вспыхнула, так как коринфяне действовали на свой страх и риск, и формально еще продолжало сохраняться перемирие. Среди тех факторов, которые непосредственно способствовали тому, что лакедемоняне и пелопоннесцы официально признали расторжение тридцатилетнего мира, Фукидид (I, 67—71) называет жалобы эгинян членам Пелопоннесского союза на то, что афиняне вопреки условиям тридцатилетнего мира не предоставили им автономии, и мегарян, обвинявших афинян в том, что они вопреки договору приняли постановление о недопущении их в гавани Афин и афинских союзников²⁵, а также подстрекательские действия и речи коринфян.

После того как пелопоннесские союзники приняли решение начать войну (Thuc., I, 125), предлогом к ней послужило требование лакедемонян распустить Афинский морской союз и предоставить эллинам автономию, а также последовавший затем категорический отказ афинян.

Итак, как мы пытались показать, между изложением Фукидидом последовательно совершавшихся событий и его интерпретацией их нет противоречий, если мы вслед за историком признаем, что Пелопоннесская война явилась закономерным результатом развития межполисных отношений в Греции со времени возникновения Афинского морского союза и была вызвана рядом внутренних и внешних причин.

В заключение необходимо сказать несколько слов о тенденции, наметившейся в современной литературе, видеть в Спарте главного виновника войны и уменьшить или даже совсем снять ответственность за ее развязывание с Афин. Прежде всего обратим внимание на интерпретацию суждения Фукидида об истинной причине войны.

Сопоставив английский перевод этого места (Смита, Кроли, Сили) с оригиналом, мы считаем, что перевод Сили и русский перевод Мищенко более всего соответствуют тексту Фукидида²⁶. Между тем такая интерпретация этого текста не подтверждает известного вывода Сили о тотальной войне, к которой якобы стремились лакедемоняне, и ограниченной, планы которой вынашивали афиняне. Такое толкование этого пассажа заставляет также отвергнуть и попытку де Сент Круа оправдать Афины, полностью сняв с них всякую ответственность за развязывание войны. Материал источников показывает, что и Спарта и Афины в равной степени проводили захватническую политику. Это подтверждается также анализом часто употребляемого Фукидидом термина *ἀσφάλεια*, с помощью которого он характеризует политику Спарты и Афин. С точки зрения Фукидида политика Афин определялась страхом перед возможностью потери своего господства и стремлением обезопасить его путем расширения и укрепления афинского могущества. Эту мысль мы встречаем в речи афинских по-

²⁴ *Gomme*. Op. cit., p. 211.

²⁵ См. прим. 15.

²⁶ Accus. cum infin. ... τοὺς Ἀθηναίους ... ἀναγκάζει, зависящий от глагола ἡγοῦμαι, требует перевода, предложенного Мищенко и Сили.

слов в Спарте в 432 г. до н. э. (I, 75, 3—4), но особенно ярко она отразилась в знаменитом диалоге афинян и мелосцев (V, 85—113) ²⁷.

Что же касается лакедемонян, то принцип безопасности в политике Спарты предусматривал необходимость для нее бороться за сохранение и укрепление своей гегемонии, ибо только таким образом она могла обеспечить жизнеспособность своего внутреннего порядка, так как поражение привело бы к потере ею союзников и открыло бы дорогу для проникновения в Спарту демократических порядков. Поэтому Фукидид неоднократно замечает, что ради своей безопасности лакедемоняне установили олигархические режимы в городах Пелопоннеса (I, 19; 76,1; 77,6). Эту же мысль Фукидид проводит и в речах Брасида (IV, 87,3; 114,3). Исходя из принципа ἀσφάλεια, лакедемоняне подобно афинянам стремились укрепить свое господство, действуя по отношению к союзникам с позиции силы (Thuc., I, 77,6).

Вместе с тем следует отметить, что политика Спарты и политика Афин были различны — каждая скорее отличалась внутривидовым характером и была обусловлена особенностями социально-экономической и политической структуры государств и своеобразием черт, характеризующих их внешнюю политику. На это и указывает Фукидид, говоря, что афинская внешняя политика характеризуется решительностью, энергичностью, динамизмом, стремлением к новшествам (I, 70). Не в последнюю очередь, как мы уже отметили, это связано с особенностями внутривидовой жизни Афин, насыщенной острыми конфликтами, борьбой политических группировок.

Для спартанской внешней политики были характерны нерешительность, медлительность, недоверие, консерватизм. Эти качества были обусловлены особенностями социально-экономической и политической организации спартанского общества. В силу этих причин, а также потому, что спартиаты в большинстве своем добровольно принимали такую систему жизни, в Спарте не возникло группировок типа Афинской демократии, аристократии и олигархии. Внутривидовая жизнь спартанского общества характеризовалась относительной стабильностью и спокойствием. После расправы над Павсанием в 70-е годы V в. до н. э. вплоть до времени Лисандра мы практически не знаем о каких-либо политических волнениях в Спарте. Однако по мере расширения и укрепления Афинской архэ лакедемоняне все более начинают осознавать, что власть не статична и если она не расширяется, то способна сокращаться ²⁸. Поэтому, когда для обеих сторон стало ясно, что война неизбежна, они решили ее вести всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

В. М. Строгоцкий

²⁷ Употребление термина ἀσφάλεια в таком же контексте (см. Thuc., I, 75,5; VI, 18, 2—7; 83, 2—3, VII, 1—3).

²⁸ Woodhead A. G. Thucydides on the Nature of Power. Cambr., 1970, p. 114 ff.

THE ANCIENT TRADITION ON THE CAUSES OF THE PELOPONNESIAN WAR AND SOME MODERN VIEWS ON THE SUBJECT IN WEST EUROPEAN HISTORIOGRAPHY

V. M. Strogetsky

In the author's view the accounts given by Thucydides, Diodorus and other ancient sources complement one another. The author finds that attempts made by some modern historians to question Thucydides's judgment as to the causes of the war come to nothing. The war did not result from a chain of accidental circumstances, as certain modern West European historians suppose, but from the consistently evolving series of interpolis relations which Thucydides so ably demonstrates. The author also objects to the efforts made to lay the blame for the outbreak of war chiefly on Sparta, leaving Athens free of all responsibility for this. The sources show that the policies conducted by both Athens and Sparta had imperial aims, which inevitably led to war between them.

МАТЕРИАЛЫ ПО АНТИЧНОЙ ГЕОГРАФИИ ПРИ ЧЕРНОМОРЬЯ*

7. О нимфейской гавани

Страбон (VII, 4,4) при описании Боспора Киммерийского отмечает «город с хорошей гаванью, называемый Нимфей». Этот город находился, как известно, у с. Героевское, на мысу, образованном Керченским проливом и юго-восточной оконечностью котловины Чурубашского озера. В настоящее время это озеро отделено от пролива мощной пересыпью и представляет собой большей частью заболоченные плавни, но, по единодушному мнению исследователей, в античное время оно было открытым морским заливом. Близость к Нимфею двух водных бассейнов — пролива и озера — стала причиной продолжительных споров о том, где именно находилась упоминаемая Страбоном гавань.

Еще в XIX в. утвердилось мнение о том, что нимфейская гавань была расположена в Чурубашском озере¹. Так же полагал и В. Ф. Гайдукевич². Эта точка зрения была подвергнута критике со стороны М. М. Худяка. По его мнению, крутой северный склон мыса, на котором располагался город, был неудобен для причала судов: под сильным ветром они могли попадать на скалистый берег, поэтому «маловероятно, чтобы огромный открытый залив мог служить гаванью Нимфея»³. Исследователь пришел к выводу, что гавань находилась в южной части городища, где «низина, покрытая слоем морского песка, является следом древней бухты»⁴.

Довольно подробно этот вопрос рассмотрел Д. Я. Беренбейм. По его мнению, гавань могла находиться как в Чурубашском озере, так и в проливе, у южной части городища: «Возможно, что стоянка судов у Нимфея располагалась и в Чурубашском заливе, и у мыса Кара-Бурун, причем в зависимости от ветра суда могли стоять на одном или другом рейде»⁵.

Как мы видим, по вопросу о местоположении гавани Нимфея ученые высказали три точки зрения: 1) гавань находилась в Чурубашском озере, 2) гаванью служил низменный берег Керченского пролива, 3) город имел две гавани: одну в озере, другую в проливе. Последняя точка зрения примиряет две первые, исключаящие друг друга. Однако ни один из исследователей не привел должной аргументации, поэтому рассматриваемый вопрос так и остался спорным.

Для его решения представляется необходимым привлечь данные палеогеографии, так как исследования последних лет показывают, что в античное время уровень Черного моря был ниже современного и береговая линия в деталях выглядела иначе. Например, остров Березань был полуостровом⁶. Не существовали многие мелководные лагуны, такие, к при-

* Начало см. ВДИ, 1981, № 1; 1983, № 4.

¹ Шкорпил В. В. Нимфея и первый список нимфейских граждан.— ЗООИД, т. XX, 1897, с. 17.

² Гайдукевич В. Ф. О местоположении древней Тиритак.— МИА, № 4, 1941, с. 85.

³ Худяк М. М. Работы Нимфейской экспедиции 1939 года.— Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира Государственного Эрмитажа, т. I, 1945, с. 150.

⁴ Там же, с. 150. Этот вывод был повторен в ряде последующих публикаций исследователя, а также в его обобщающей работе: Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962, с. 11.

⁵ Беренбейм Д. Я. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря.— СА, 1959, № 4, с. 49.

⁶ Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 137; Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. I. Остров Березань.— ВДИ, 1965, № 2, с. 107—110; Шилик К. К. Эволюция топографии Березанского побережья в голоцене.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород, 1978, с. 77 сл.

меру, как оз. Панское⁷, Днестровский, Будацкий, Бурнасский лиманы, Ягорлыцкий залив⁸. Эти примеры наталкивают на мысль о том, что определенные изменения береговой линии могли произойти и в районе Нимфея.

В настоящее время пока нет единого мнения об абсолютной отметке уровня Черного моря в древнегреческий период. Исследователи называют различные цифры, в основном от 4—5 до 10 м ниже современного⁹, в отношении последней цифры пока нет убедительных данных. В последней обобщающей работе П. В. Федоров, инициатор изучения этого вопроса, останавливается на отметке минус 5—7 м¹⁰. Поэтому для полной убедительности конечных выводов при построении палеогеографической реконструкции мы будем основываться на 5-метровой изобате. Вполне понятно, что даже при минимальной величине контуры нимфейских берегов были несколько иными. Попытаемся выявить происшедшие здесь изменения. Для этого познакомимся ближе с районом Чурубашского озера.

Эта лагуна, как и соседние озера, представляет собой котлован тектонического происхождения¹¹. В результате трансгрессии море вторглось в это углубление и образовало залив, который со временем отгородился пересыпью. В настоящее время длина озера равна 3,5 км, ширина 1,5 км, глубина до 1 м. Донные осадки имеют следующую стратиграфию¹²:

рапа	0,76 м
ил серый с ракушкой	0,02
ил темно-серый	0,15
ил серый, вязкий с ракушкой	0,48
ил серовато-голубой с песком	4,14
песок темно-серый с ракушкой	1,66
глина серо-бурая	

Коренная порода здесь представлена серо-булой глиной, схожей с суглинками северного берега озера. Темно-серый песок представляет собой, надо полагать, новочерноморские отложения. Перекрывающие его илы — это лиманно-морские осадки, накопившиеся за время существования этой лагуны. Следовательно, непосредственное дно залива к моменту его образования было на 5,55 м ниже современного уровня моря. А в древнегреческий период уровень моря находился примерно на этой отметке или еще ниже. Отсюда следует, что Чурубашский залив в то время либо не существовал вообще, либо был таким мелководным, что о существовании здесь гавани не могло быть и речи.

Обратимся теперь к южной части городища, омываемой Керченским проливом. Берег здесь представляет собой плавную, слегка волнистую линию. Прибрежная часть суши — довольно низменная терраса, к которой примыкает пологий склон мыса. На этой террасе и в прибрежной полосе пролива выявлен довольно мощный культурный слой эллинистического времени¹³. Это позволило Н. Л. Грач высказать предположение о том,

⁷ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 22.

⁸ Азбунов М. В. К вопросу о локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни. — ВДИ, 1978, № 1, с. 116—121; он же. Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья. — ВДИ, 1981, № 1 (далее — Материалы...), с. 127—129, 142 сл.

⁹ Сводку основных точек зрения см. Щеглов. Северо-Западный Крым..., с. 15—17.

¹⁰ Федоров П. В. Последлениковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15 тыс. лет. — В кн.: Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. М., 1982, с. 154.

¹¹ Рудский М. П. Предварительный отчет о поездке в Крым летом 1894 г. — Записки Новороссийского Общества естествоиспытателей, т. XX, вып. 1. Одесса, 1895, с. 46; Курнаков Н. С., Кузнецов В. Г., Дзюс-Литовский А. И. Геологические условия и физико-химическая характеристика соляных озер Крыма. — В кн.: Соляные озера Крыма. М. — Л., 1936, с. 159.

¹² Курнаков, Кузнецов, Дзюс-Литовский. Ук. соч., с. 159—161.

¹³ Грач Н. Л. Нимфейская экспедиция. — АО — 1972 г. М., 1973, с. 272; она же. Нимфейская экспедиция Государственного Эрмитажа. — АО — 1973 г. М., 1974, с. 263. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Н. Л. Грач за любезные консультации и информацию по этому вопросу.

что «нимфейская гавань, городской порт и какая-то часть сельской хоры в настоящее время находится под водой»¹⁴, однако вопрос о точном местоположении гавани «остаётся открытым»¹⁵. Все это подчеркивает настоятельную необходимость палеогеографической реконструкции района. Детальное изучение береговой линии, материалов геологических исследований нимфейской террасы, проработка крупномасштабных батиметрических карт по 5-метровой изобате¹⁶ позволили получить схематическую реконструкцию береговой линии для древнегреческого периода. Согласно полученной реконструкции, береговая линия эллинистического времени проходила не менее чем в 200—250 м восточнее. Здесь находилась вдававшаяся в сушу, очень удобная для захода и стоянки судов бухта, которая выклинивалась именно к южному склону городища. Надо полагать, что в этой бухте и находилась нимфейская гавань. Другого более или менее подходящего места в этом районе не было. С развитием трансгрессии берег здесь был постепенно затоплен. Хотя удобная бухта исчезла и терраса стала намного уже, это место все же оставалось удобным для подхода судов. Здесь еще недавно существовала пристань, а местные рыбаки используют это место для причала и поныне.

Таким образом, имеющиеся данные показывают, что в древнегреческий период Чурубашский залив либо не существовал, либо был совсем мелководным. Поэтому вопрос о локализации там гавани Нимфея снимается. Палеогеографическая реконструкция свидетельствует о том, что в Керченском проливе у юго-западной части нижнего города существовала удобная бухта. Именно здесь, вероятнее всего, находилась нимфейская гавань. В настоящее время море затопило этот район, и для его изучения необходимы подводные археологические исследования.

8. Бараний лоб

Большинство древних авторов при описании крымского побережья указывают мыс Крюб μέσων, т. е. Бараний лоб. Среди исследователей нет единого мнения о том, где находился этот мыс. Одни ученые считают, что это совр. мыс. Сарыч¹⁷, другие — мыс Ай-Тодор¹⁸, третьи — мыс Аю-Даг¹⁹. Этот вопрос важен как с точки зрения античной географии, так и в историческом плане. Называя Бараний лоб, античные писатели приводят расстояния до близлежащих населенных пунктов; иными словами, мыс служил точкой отсчета. А отождествляемые с ним объекты находятся на значительном расстоянии друг от друга: от Сарыча до Ай-Тодора 33 км, а от последнего до Аю-Дага — еще 22 км. Это существенно затрудняет локализацию соседних с Бараньим лбом пунктов, влечет расхождения в расстояниях, противоречия источников, порождает недоверие к ним. Сложившаяся ситуация подчеркивает настоятельную необходимость точного отождествления мыса Крюб μέσων.

¹⁴ Грач. Нимфейская экспедиция, с. 272.

¹⁵ Грач Н. Л. Работы Нимфейской экспедиции в 1978—1979 гг. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980, с. 116.

¹⁶ Считаю приятным долгом выразить искреннюю признательность ст. научн. сотр. Проблемной лаборатории инженерной геологии Одесского гос. ун-та Г. И. Иванову за предоставленные материалы и всестороннюю помощь в их изучении.

¹⁷ Беренбейм Д. Я. О пути греков через Черное море. — СА, 1958, № 3, с. 201; Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском. — КСИА, вып. 116, 1969, с. 11.

¹⁸ Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913, p. 19; ВДИ, 1947, № 3, с. 241, прим. 2; с. 313, прим. 6 (комментарий Л. А. Ельницкого); Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. Аю-Даг — «Святая гора». Симферополь, 1975, с. 33.

¹⁹ Аркас З. Сравнительная таблица эллинских поселений по Эвксинскому Понту Безымянного автора... — ЗООИД, т. III, 1853, с. 144 сл.; Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации. — УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, т. 38, вып. 1, 1942, с. 63; Скржинская М. Ф. «Перипл Понта Эвксинского» Анонимного автора. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 119.

Обратимся к письменным источникам. В перипле Анонимного автора после Феодосии, в 200 стадиях к западу указана пустынная гавань Афинейон, а в 600 стадиях от нее — Лампада. Далее говорится: «От Лампады до высокой горы Бараньего лба, мыса Таврической земли, 220 стадий, 29 $\frac{1}{3}$ мили (§ 78)... От Бараньего лба до таврической же гавани Символа, называемой также гаванью Символов, — 300 стадий, 40 миль» (§ 81) ²⁰. Итак, согласно периплу, мыс *Κριοῦ μέτωπον* расположен в 1020 стадиях (160 км) ²¹ от Феодосии и в 300 стадиях (47 км) от гавани Символов (Балаклава). Оба расстояния приводят к мысу Ай-Тодор.

У Клавдия Птолемея сведения об этом районе переданы с определенными искажениями (III, 6,2), вполне объяснимыми особенностью этого сложного произведения. Но и при этих трудностях ясно, что под координатами Бараньего лба указан мыс Ай-Тодор. Об этом свидетельствует в первую очередь тот факт, что *Κριοῦ μέτωπον* расположен у Птолемея в непосредственной близости от Харакса, который находится именно на склоне Ай-Тодора.

Плиний после упоминания Херсонеса сообщает: «Далее — мыс Партий, город тавров Плакия, Порт Символум, мыс Крию метопон, находящийся против мыса Карамбий на азиатском берегу и выдвигающийся в середину Эвксинского Понта (расстояние между мысами 170 миль), что главным образом и придает морю форму скифского лука. За этим мысом лежат многие гавани тавров и озера, город Феодосия в 125 милях от Бараньего лба, а от Херсонеса в 165 милях» (NH, IV, 86) ²². Как мы видим, Плиний располагал мыс Бараний лоб в 125 милях (185 км) от Феодосии и в 40 милях (59 км) от Херсонеса. Соответствующие измерения приводят нас к мысу Сарыч.

Итак, совершенно неожиданно выясняется, что Анонимный автор и Птолемей называют Бараньим лбом мыс Ай-Тодор, а Плиний — мыс Сарыч; об этом свидетельствуют приводимые в источниках расстояния. Это обстоятельство нисколько не бросает тень на авторитет древних авторов и имеет убедительное объяснение. Дело в том, что южная часть Крымского полуострова не выклинивается в море каким-то одним, открывающимся со всех сторон мысом, а выдается в целом довольно плавной линией. Для плывущего из Херсонеса в Феодосию наиболее приметным является мыс Сарыч, самая южная точка Крыма. А при плавании из Феодосии таким заметным ориентиром становится мыс Ай-Тодор, внимание к которому усиливает и возвышающаяся рядом гора Ай-Петри. Поэтому вполне понятно, что Анонимный автор, описывающий это побережье с востока на запад, отмечает мыс Ай-Тодор, а Плиний, дающий описание в обратном направлении, — мыс Сарыч.

Попытаемся теперь выяснить, какой же из этих мысов имеется в виду у других авторов, которые не указывают точного местоположения Бараньего лба. В перипле Пс.-Скилака сообщается: «От Истра до Бараньего лба три дня и три ночи прямого пути... От Бараньего лба до Пантикапея день и ночь пути» (§ 68). Здесь трудно дать категоричный ответ, но, учитывая направление плавания, более вероятно, что автор имеет в виду Сарыч.

Пс.-Ским приводит следующие сведения: «Прямо напротив Карамбиса на противоположном берегу лежит огромная, круто обрывающаяся к морю и высокая гора, называемая Бараньим лбом; она отстоит от Карамбиса на сутки пути» (§ 953—957). Здесь бесспорно имеется в виду мыс Ай-Тодор, на что указывал еще Л. А. Ельницкий (ВДИ, 1947, № 3, с. 313, прим. 6).

²⁰ Перевод Э. Н. Штерна с дополнениями В. В. Латышева. — ВДИ, 1948, № 4, с. 235.

²¹ Стадия Анонимного автора равна, как показывают расчеты, примерно 157 м. См. следующую заметку.

²² Перевод М. В. Скржинской (Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977, с. 97).

В «Географии» Страбона (VII, 4, 3) отмечено: «Начиная от бухты Сим-волов до города Феодосии тянется Таврическое побережье длиной около тысячи стадий, неровное, гористое и открытое для северных ветров. Из него далеко выдается в море к югу, напротив Пафлагонии и города Ама-стрии, мыс, носящий название „Бараньего лба“. Против него лежит пафлагонский мыс Карамбис, разделяющий Понт Эвксинский на два моря суженным с обеих сторон проливом. Карамбис от города Херсонеса от-стоит на 2500 стадий, а от Бараньего лба на гораздо меньшее число их. По крайней мере, многие из тех, которые проплывали этот пролив, гово-рят, что они одновременно видели оба мыса по обоим сторонам моря». Из приведенного описания ясно видно, что географ имеет в виду мыс Са-рыч. Об этом свидетельствует как направление описания от Херсонеса к Феодосии, так и слова о том, что Бараний лоб «далеко выдается в море к югу». Именно Сарыч величественно открывается плывущему из Херсо-неса, именно он является самой южной точкой Крыма и выдается в море намного дальше, чем Ай-Тодор.

Таким образом, изучение сведений древних авторов о Бараньем лбе показывает, что источники указывают под этим названием два мыса: Пс.-Скилак, Страбон, Плиний — мыс Сарыч, а Анонимный автор, Пс.-Скимн, Птолемей — мыс Ай-Тодор. Надо полагать, что первоначально Кριόδ μέσσιον был назван Сарыч. Затем, следуя со стороны Феодосии, некоторые мореплаватели принимали за Бараний лоб мыс Ай-Тодор. Так со временем в разных источниках под одним названием стали фигурировать два различных мыса.

9. Стадия Арриана и Анонимного автора

Величину стадии Арриана и Анонимного автора определяют по-раз-ному: 157,7 м²³, 178 м²⁴, 185 м²⁵, 200 м²⁶. В последнее время многие исследо-ватели склоняются к цифре 197 м, которая получается из указанного в пе-рипле Анонимного автора соотношения стадии и мили. Согласно источ-нику, 7,5 стадий составляют римскую милю, т. е. 1481 м. Отсюда следует, что стадия равна 197 м. А поскольку в перипле Арриана даны те же рас-стояния, то полученная величина переносится и на его стадию. Однако единого мнения по этому вопросу в настоящее время нет. А при таких су-щественных расхождениях работать с периплами чрезвычайно трудно. Поэтому представляется необходимым попытаться определить, чему все-таки равна эта стадия. Для этого проведены расчеты расстояний между точно локализованными пунктами. Для достижения большей точности использованы сравнительно небольшие отрезки пути. Малые расстояния или, наоборот, слишком большие, не состоящие из нескольких слагаемых, для таких расчетов непригодны, так как мы не всегда знаем точное место-положение гавани и конкретный маршрут судна. Измерения проведены по крупномасштабным картам и сверены с данными лоции. При этом полу-чены следующие результаты (табл. см. стр. 129).

Итак, приведенные расчеты охватывают практически все черноморское побережье. Число примеров легко можно увеличить, но общая картина практически не изменится, так как дополнительные примеры в большин-стве своем представляют собой слагаемые уже указанных здесь больших величин. Таким образом, средняя величина стадии Арриана и Анонимного автора, согласно расчетам, равна 155 м. Следует отметить, что из-за не-

²³ Фирсов Л. В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине элли-птической стадии.— ВДИ, 1972, № 3, с. 168.

²⁴ Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды.— ВДИ, 1957, № 4, с. 97.

²⁵ Брун Ф. К. Черноморье. Ч. 2. Одесса, 1880, с. 251.

²⁶ Ельницкий Л. А. Из исторической географии древней Колхиды.— ВДИ, 1938, № 2, с. 308, прим. 1.

Маршрут	Расстояние по периплам	Современные измерения	Величина стадии
1. Трапезунт — Диоскурия	2260 ст.	352 км	156 м
2. Диоскурия — Питиунт	350	56	160
3. Пантикапей — Феодосия	700	120	171
4. Феодосия — Херсонес	1500	230	153
5. Херсонес — Керкинитида	600	88	147
6. Керкинитида — Калос—Лимен	700	110	157
7. р. Борисфен — гавань исиаков	480	74	154
8. гавань исиаков — Никоний	300	50	167
9. р. Тира — Неоптолемовы	120	18	150
10. Неоптолемовы — Кремниск	120	20	167
11. Истрия — Томы	300	47	157
12. Томы — Каллатия	300	43	143
13. Каллатия — Одесс	640	104	163
14. Аполлония — св. Зевса Урия	1300	194	149
15. св. Зевса Урия — Гераклея	1550	230	148
16. Гераклея — Карамбис	1170	167	143
17. Синоп — Амис	1020	148	145
18. Амис — Фарнакия	1580	245	155
19. Фарнакия — Трапезунт	745	118	158
			Средняя 155

избежных расхождений в принципе древних и современных измерений и ряда других объективных причин полученная цифра не может быть абсолютно точной. Она нуждается в корректировке в пределах плюс-минус несколько метров. Важно отметить, что полученная здесь средняя величина практически совпадает со средним значением стадии Эратосфена, которая по расчетам Л. В. Фирсова равна 157,7 м²⁷. Это полностью подтверждает мысль ученого о том, что в эллинистическое время использовалась стадия, «величину которой можно вычислить, исходя прежде всего изданных Эратосфена»²⁸. Как мы видим, имеющиеся данные наглядно показывают, что стадия Арриана и Анонимного автора равна примерно 157 м. В основе этих периплов лежат, как известно, материалы эллинистического времени. А византийский писатель просто перевел имеющиеся стадии в мили по принятому в тот период стандарту 7,5 : 1 и этим вводит нас в заблуждение.

16. Стадия Страбона

Страбон (VII, 7,4) при описании района Аполлонии Иллирийской сообщает: «Из Аполлонии в Македонию на восток идет Игнатиева дорога, измеренная милями и установленная столбами вплоть до Кипсел и реки Гебра. Длина ее 535 миль. Если считать милю в 8 стадий (как это и делает большинство), то получится 4280 стадий. Если же следовать Полибию, который прибавляет к 8 стадиям еще 2 плефры (что составляет $\frac{1}{3}$ стадии), то приходится добавить еще 178 стадий, т. е. $\frac{1}{3}$ всего числа миль»²⁹. Римская миля равна, как известно, 1481 м. Отсюда следует, что стадия Страбона равна 185 м, а Полибия — 178 м.

Но Л. В. Фирсов нашел у Страбона два других примера и получил иное соотношение мили и стадии — 9—9,5, откуда вычислил, что стадия географа составляет 156—165 м³⁰. Из этих выводов следует, что Страбон приводит противоречивые сведения о длине своей стадии. Л. В. Фирсов называет это «одной из странностей „Географии“ Страбона». Путем многочисленных сравнений указываемых в источнике расстояний с действительными он приходит к выводу, что его стадия равна примерно 157,9 м, и полагает, что «древнегреческие авторы от Геродота до Арриана имели в виду одну и ту же меру длины»³¹.

²⁷ Фирсов. Об эратосфеновом исчислении..., с. 164.

²⁸ Там же, с. 168.

²⁹ Страбон. География. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964, с. 294.

³⁰ Фирсов. Об эратосфеновом исчислении..., с. 165.

³¹ Там же, с. 166, 168.

Выводы Л. В. Фирсова подрывают доверие к сведениям Страбона. Поэтому вопрос о наличии у географа указания на разные соотношения стадий и мили привлекает к себе особое внимание. В первую очередь обратимся к указанным Л. В. Фирсовым примерам. Исследователь обратил внимание на описание местности от святилища Афродиты Пиренейской до реки Вара: «...так что в общей сложности длина береговой линии равняется 277 милям. Некоторые, однако, записывали расстояние от святилища Афродиты до реки Вара в 2600 стадий, а другие прибавляют еще 200 стадий, ибо существует расхождение в отношении расстояний» (Страбо, IV, 1, 3). По его мнению, 2600 стадий равны 277 милям, откуда следует, что миля содержит 9,38 стадий. Однако из текста видно, что Страбон не приравнивает, а противопоставляет эти цифры: «Некоторые, однако...». Следовательно, из этого указания никак нельзя определить точное соотношение мили и стадий. Бесспорно, соотношение должно быть меньшим, чем полученное Л. В. Фирсовым 9,38.

Второй пример относится к описанию Сицилии: «Морской путь вокруг острова Посидоний определяет в 4400 стадий. Однако в хорографии расстояния считаются больше, разделенные по частям и выраженные в милях. А именно от Пелориады до Мил 25 миль; столько же от Мил до Тиндариды; затем до Агафирна — 30, столько же до Алесы и опять столько же до Кефаледия (это все маленькие городки); до реки Гимеры, протекающей через центр Сицилии, — 18; далее до Панорма — 35 и 23 — до Эмпория эгестейцев; и, наконец, остальное расстояние до Лилибея — 38. Отсюда, если обогнуть Лилибей по направлению к прилегающей стороне, до Гераклея будет 75 миль, до Эмпория акрагантцев — 20 и других 20 — до Камарины; затем до Пахина — 50. Отсюда вдоль третьей стороны до Сиракуз — 36, до Катаны же — 60; далее, до Тавромения — 33, затем до Мессены — 30» (VI, 2, 1). В этом отрывке Страбон ясно указывает, что «в хорографии расстояния считаются больше». Следовательно, и здесь мы никак не получим точного соотношения стадии и мили. Л. В. Фирсов не обратил внимание на это обстоятельство и все же сопоставил эти цифры. Вдобавок ко всему в его расчеты, к сожалению, вкралась арифметическая ошибка: вместо указанных Страбоном 578 миль исследователь получил «около 480 миль» и отсюда вычислил тем более недействительное соотношение — 9,16, тогда как должен был получить результат в 7,6. Эта цифра, естественно, не может быть верной, поскольку расстояния в милях больше, чем в стадиях. Будь эти величины тождественны, мы, бесспорно, получили бы результат, равный 8. Как мы видим, рассмотренные примеры несколько не противоречат, а наоборот, подтверждают указание Страбона на то, что его стадия составляет восьмую часть мили. Следовательно, она равна 185 м.

Однако Л. В. Фирсов приводит многочисленные расчеты, из которых следует другое значение стадии — 157,9 м. Поэтому представляется необходимым рассмотреть расстояния Страбона и в первую очередь те маршруты, которые можно проверить данными периплов Арриана и Анонимного автора.

Маршрут	Страбон	Периплы
Священное устье — Истрия	500	500
Томы — Каллатия	280	300
Каллатия — Аполлония	1300	1340
св. Зевса Урия — Гераклея	1500	1550
Гераклея — Синопа	2000	2005
Синопа — Амис	900	1020
Амис — Трапезунт	2200	2325
Трапезунт — Фасис	1400	1457
Диоскурия — Питиунт	360	350

Как мы видим, приведенные расстояния практически совпадают. Незначительные расхождения объясняются различиями принципов измерения. Следовательно, в этих источниках использована одинаковая стадия,

равная, как показали расчеты в предыдущей заметке, примерно 157 м. Но у Страбона немало примеров, которые дают другую цифру.

1. Расстояния от устья Борисфена, т. е. Очаковского мыса, до Ольвии Страбон определяет в 200 стадий (VII, 3, 17). Современные измерения дают 37 км, откуда получаем, что стадия равна 185 м. В «Землеописании» Пс.-Скимна (§ 804—812) это расстояние составляет 240 стадий, откуда следует стадия в 154 м. Следовательно, расхождения источников в определении расстояния от устья Борисфена до Ольвии объясняются не ошибкой одного из авторов, а использованием разных стадий.

2. Страбон указывает, что расстояние от устья Тираса до устья Борисфена равно 600 стадиям (VII, 3, 17)³². Этот отрезок пути равен 110 км. Получается стадия в 183 м. Анонимный автор (§ 87) измерил это расстояние в 720 стадий³³, т. е. 113 км. Такие близкие совпадения подтверждают мысль о том, что и здесь Страбон использует стадию в 185 м.

3. По Страбону (VII, 3, 16), Никоний расположен в 140 стадиях от устья Тиры. Расстояние от городища до района с. Приморское, где в древнегреческий период Днестр впадал в море³⁴, равно 26 км. Получаем стадию, равную 186 м.

4. От Истрии до Том, по Страбону (VII, 6, 1), 250 стадий. Это расстояние равно 47 км. Следовательно, стадия составляет 188 м. В периплах Арриана и Анонимного автора указано 300 стадий. Такое соотношение подтверждает вывод об использовании разных стадий.

5. Расстояние от мыса Карамбис до Синопы Страбон (XII, 3, 11) определяет в 700 стадий. Из-за сильной изрезанности береговой линии любые современные измерения этого отрезка будут субъективными, но даже более-менее прямой путь дает около 130 км, откуда получим стадию в 186 м. Эти расчеты убедительно подтверждают данные Арриана. По периплу рассматриваемое расстояние равно 835 стадиям, т. е. 131 км.

Таким образом, приведенные данные подтверждают сообщение Страбона о том, что его стадия равна 185 м. Сомневаться в этом нет никаких оснований. Но искать у Страбона одну, универсальную стадию не следует. В его компилятивном труде собраны, как известно, разновременные сведения. В одних источниках указана стадия в 157 м, в других — в 185 м. Страбон свел воедино собранные описания без пересчета стадий. Поэтому при расчете Страбоновых расстояний необходимо помнить об измерениях разными стадиями: 157, 178 и 185 м.

Выявленное обстоятельство раскрывает новые возможности для дальнейшего источниковедческого анализа произведений древних авторов, выделения и относительной датировки разновременных сведений. Наглядно такую возможность иллюстрирует описание Страбоном Нижнего Поднестровья: «При устье Тиры находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на 140 стадий, то на обеих сторонах встретятся города: один — Никония, а другой, слева — Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что если подняться на 120 стадий, то встретится город» (VII, 3, 16). Сопоставление этого отрывка с палеогеографической реконструкцией района показало, что он состоит из двух разновременных частей³⁵. В первой части, где идет речь о башне Неоптолема, Гермонактовой деревне, Никонии и Офиуссе, использован ранний источник, относящийся ко времени не

³² О том, что эта цифра определяет расстояние от устья Тираса до Борисфена, см. *Азбунов М. В.* Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья. 6. Страбон о Борисфене. — ВДИ, 1983, № 4, с. 117 сл.

³³ По периплу от устья Борисфена до Никония 780 стадий. Отсюда необходимо вычесть расстояние от Никония до устья Тираса (совр. устье Днестровского лимана), равное примерно 10 км (60 стадий). В результате получим 720 стадий.

³⁴ *Азбунов.* К вопросу о локализации..., с. 121 сл.

³⁵ *Азбунов М. В.* Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья. 3. К вопросу о городе Офиуссе. — ВДИ, 1979, № 2, с. 134—137.

позднее IV в. до н. э., когда устье реки находилось у с. Приморское. Именно оттуда измерено расстояние до Никония. Вторая часть отрывка, указывающая безымянный город, т. е. Тиру, относится к более позднему времени, когда устье реки переместилось в район с. Затока, откуда отсчитано расстояние до Тиры. А теперь точные расчеты указанных Страбоном расстояний убедительно подтверждают этот вывод. Они позволили выяснить, что отрезки пути в 140 и 120 стадий измерены разными стадиями. Расстояние от Никония до с. Приморское, равное, как уже говорилось, 26 км, составляет 140 стадий, из чего следует, что здесь использована стадия в 185 м. А расстояние от Тиры до с. Затока, равное примерно 19 км, укладывается в 120 стадий, что указывает на стадию в 157 м. Таким образом, фигурирование двух разных стадий бесспорно свидетельствует о разновременности этих отрывков. Исследование источников в таком направлении позволит также определить хронологические рамки применения той или иной стадии. А это дает возможность не только вычленять, но и более-менее точно датировать разновременные отрывки.

11. Остров Борисфен (Борисфенида)

Говоря о находящихся в Понте островах, Плиний сообщает: «Перед Борисфеном есть указанный остров Ахилла, который называют еще Левка и Макарон. Этот остров, по современным показаниям, лежит в 140 милях от Борисфена, в 120 милях от Тиры и в 50 милях от острова Певка. Окружность его около 10 миль» (NH, IV, 93) ³⁶. Из этого сообщения следует, что остров Змеиный, называвшийся в древности, как известно, Левкой и островом Ахилла, имел еще и третье название — Макарон, т. е. остров Блаженных. Именно к такому выводу пришла недавно М. В. Скржинская ³⁷. Это заключение основано на предельно ясном, конкретном сообщении древнего автора и, казалось бы, не должно вызывать никаких возражений. Однако согласиться с ним не позволяют два обстоятельства: 1) расстояние от устья Тиры до Змеинового равно не 120 милям (178 км), а 75 км, т. е. меньше в два с лишним раза; 2) окружность острова составляет не 10 миль (15 км), а около 3 км, т. е. меньше в пять раз. Поэтому представляется необходимым рассмотреть этот вопрос детальнее.

Сразу же следует подчеркнуть, что Плиний упоминает остров Ахилла дважды. В описании Нижнего Побужья сразу же после упоминания об Ольвии читаем: «Назад по берегу — Ахейская гавань, затем Ахиллов остров, знаменитый могилой этого мужа, а на расстоянии 125 миль от острова — полуостров, протянутый в форме меча в поперечном направлении и по причине упражнений Ахилла названный Ахилловым Дромом... Затем лесная область, которая дала название „Гилейское“ примыкающему к ней морю» (NH, IV, 83). Собранные в этом отрывке сведения явно сбивчивы и противоречивы. С одной стороны, остров помещен в непосредственной близости от Ольвии, а с другой — отдален от Тендровской косы на 125 миль (185 км). Создается впечатление, что здесь смешаны указания о двух разных островах: об острове, расположенном у устья Борисфена, и о Змеином. Рассматривая эти сведения, П. О. Карышковский пришел к совершенно конкретному однозначному выводу о том, что «Плиний сливает посвященные Ахиллу острова (совр. Березань и Змеиный) и соответственно приводит несогласуемые между собой сведения о расстоянии „Ахиллова острова“ от разных пунктов побережья» ³⁸. М. В. Скржинская также высказала близкое к этому суждение о том, что Плиний соединил воедино сведения авторов, которые правильно определили местоположение острова Ахилла, т. е. Змеи-

³⁶ Скржинская. Северное Причерноморье..., с. 99.

³⁷ Там же, с. 58.

³⁸ Карышковский П. О. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища. — МАСП, вып. 5, 1966, с. 150, прим. 6.

ного, и тех, кто «ошибочно помещали остров Ахилла недалеко от Борисфена, очевидно путая его с Березанью»³⁹.

Однако М. В. Скржинская в отличие от П. О. Карышковского распространяет свой вывод только на сведения § 83. Далее исследовательница пишет: «Сначала Плиний назвал этот остров в непосредственной близости от Борисфена (IV, 83). Затем, пользуясь достаточно верными современными ему показаниями, удалил его от Борисфена на 140 миль, от Тиры — на 120 миль, а от Певки — на 50 миль (IV, 93)» — и тут же в примечании добавляет, что остров Змеиный лежит «на расстоянии 45 км к западу от Килийского устья Дуная, в 130 км от устья Днестра и в 250 км от впадения Днестра»⁴⁰. В связи с этим заключением попытаемся подробнее рассмотреть сведения Плиния в § 93. Здесь он помещает остров «перед Борисфеном... в 140 милях от Борисфена». Возникает вопрос, не слишком ли велико расстояние в 140 миль (207 км) для того, чтобы считать, что этот же остров расположен «перед Борисфеном»? Может быть, все-таки правильнее присоединиться к выводу П. О. Карышковского о том, что и в этом сообщении Плиний слил воедино сведения о двух разных островах: об острове в устье Борисфена и о Змеином? Ведь здесь противоречивость и расхождение видны намного яснее.

Если указанные в источнике 140 миль (207 км) примерно соответствуют расстоянию от устья Борисфена⁴¹ до Змеинового, то этого никак нельзя сказать о 120 милях (178 км), измеренных от устья Тираса. Сначала несколько слов о самом устье. Днестр, как известно, в своем нижнем течении в настоящее время образует обширный мелководный Днестровский лиман. Как показала палеогеографическая реконструкция, в античное время этого лимана не было⁴². На месте лимана была дельта реки из двух рукавов, между которыми был обширный остров, названный Плинием островом тирагетов. Река впадала непосредственно в море, причем в ранний период основное ее устье находилось у с. Приморское, а в III в. до н. э. оно переместилось в район с. Затока. С повышением уровня моря дельта реки и остров были затоплены образовавшимся лиманом. И в настоящее время исследователи отсчитывают указанные в источниках расстояния от устья лимана, расположенного у с. Затока, или же от с. Приморское, близ которого река выходила в море в более ранний период. М. В. Скржинская принимает изложенную реконструкцию и отождествление указанного Плинием острова тирагетов с островом в дельте реки⁴³. И поэтому тем более непонятно, почему она измеряет расстояние до Змеинового от современного устья реки, включая сюда всю длину Днестровского лимана. Ведь это противоречит в первую очередь Плинию, который сообщает о существовавшем на месте лимана острове, заселенном тирагетами⁴⁴. Одним словом, измерения следует производить от низовьев лимана. Но указанные Плинием 178 км, как уже отмечалось, в два с лишним раза превышают расстояние от устья Тиры до Змеинового. Если вести отсчет от с. Затока, то получим 75 км, а от с. Приморского — и того меньше. Попутно можно заметить, что и измерение М. В. Скржинской до современного устья реки не спасает положение. Оно дает лишь 130 км.

³⁹ Скржинская. Северное Причерноморье..., с. 28.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ По непонятным причинам М. В. Скржинская измеряет расстояние не от устья Днепро-Бугского лимана, которое все древние авторы считают устьем Борисфена, а от места впадения Днестра. В результате вместо указанных Плинием 207 км она получает 250 км. А при общепринятом измерении от устья лимана данные источника подтверждаются. Здесь, бесспорно, имеется в виду расстояние от устья Борисфена до Змеинового.

⁴² Агбунов. К вопросу о локализации..., с. 116—121; он же. Заметки по античной географии..., с. 121 сл.

⁴³ Скржинская. Северное Причерноморье..., с. 29.

⁴⁴ Здесь уместно заметить, что подводные археологические исследования позволили выявить остатки затопленных морем поселений, которые существовали на этом острове. О результатах подводных работ см. следующую заметку.

Даже при этом заведомо неверном измерении расстояние Плиния почти на 50 км больше. А сомневаться в достоверности указания источника у нас нет никаких оснований, особенно если учесть, что измерение от устья Борисфена полностью соответствует действительному. Таким образом, приходится констатировать, что указанные Плинием 178 км от устья Тираса до упоминаемого им острова неприложимы к расстоянию до Змеиного. Оставим пока этот вопрос открытым и рассмотрим остальные измерения источника.

Далее Плиний сообщает, что расстояние от упоминаемого острова Ахилла до острова Певка равно 50 милям (74 км). И тут опять непонятно, для чего М. В. Скржинская измеряет расстояние от Змеиного до Килийского устья Дуная, равное 45 км. Ведь ни район, ни измеренный путь не соответствуют сообщению источника. Остров Певка, образованный Священным и Наракийским рукавами реки, находился, как известно, в южной части дельты. И хотя мы не знаем его точного местоположения, все же нет никаких сомнений в том, что указанные 74 км определяли расстояние от этого острова до Змеиного.

По Плинию, окружность описываемого им острова равна 10 милям (15 км). Но Змеиный — крохотный островок. Его окружность не достигает даже 3 км. Здесь можно было бы предполагать, что за прошедшие две тысячи лет море уничтожило значительную часть острова. Но Павсаний в «Описании Эллады» (II, 19, 11) указывает, что окружность Ахиллова острова, называемого Белым, равна 20 стадиям, т. е. чуть более 3 км. Остается признать, что окружность Змеиного не соответствует указанной в источнике цифре.

Таким образом, выясняется, что о. Змеиный лишь частично подходит под описание Плиния. Он действительно находится в 140 милях от Борисфена и в 50 милях от Певки. Но его местоположение относительно устья Тиры и окружность не соответствуют данным историка. Кроме того, о Змеином никак нельзя сказать, что он находится «перед Борисфеном». Если древние авторы указывали общее местоположение этого острова, то ориентиром была, естественно, дельта Истра. Пс.-Скимн, например, указывает его «прямо против Певки» (§ 785—796), Арриан — «почти против Узкого устья» (§ 32), Анонимный автор — «почти напротив Голого устья» (§ 90). Следовательно, не остается ничего другого, кроме как присоединиться к выводу П. О. Карышковского о том, что и в этом отрывке слиты воедино сведения о двух разных островах: Змеином и острове в устье Борисфена. Найти иное объяснение выявленным противоречиям и расхождениям в расстояниях, на мой взгляд, невозможно.

Итак, если принять вывод о двух разных островах, следует согласиться с тем, что второй остров находился «перед Борисфеном, в 120 милях от Тиры. Окружность его около 10 миль». В этой связи нельзя не обратить внимание на сообщение Плиния (IV, 82) о том, что «в 120 милях от Тиры река Борисфен». Здесь, как мы видим, в обоих случаях фигурирует расстояние в 120 миль от Тиры. Несомненно, речь идет об одном маршруте — к устью Борисфена. Именно здесь и следует искать указанный Плинием остров. П. О. Карышковский отождествил его с Березанью. В те годы это был закономерный и единственно возможный вывод. Но позже выяснилось, что Березань в античное время была полуостровом (см. прим. 6). Встает вопрос: о каком же острове в таком случае говорит Плиний? Для ответа на этот вопрос обратимся к палеогеографической реконструкции этого района⁴⁵. Согласно полученной реконструкции, в античное время через Кинбурнскую косу протекал днепровский рукав, который отделял западную часть косы в виде обширного острова. Эта реконструкция, проведенная в связи с открытием здесь Ягорлыцкого поселения, полностью подтвердила мнение В. В. Латышева о том, что Страбон (VII, 3, 17), говоря об

⁴⁵ Агбунов. Материалы..., с. 127—129.

острове с гаванью перед устьем Борисфена, имел в виду именно Кинбурн. По всей вероятности, здесь был не один, а несколько островов. Об этом свидетельствует тот факт, что на средневековых портоланах в устье Борисфена указаны два и даже три острова ⁴⁶, а также сообщение летописца о впадении Днепра в море «тремя жерела», которое раньше представлялось неясным ⁴⁷. Следовательно, днепровский рукав, протекавший у Ягорлыцкого поселения, был не единственным. Следы аналогичной протоки прослеживаются к западу от поселения у с. Геройское. Здесь от нее сохранилась целая цепь солоноватых пересыхающих озерцов, а затопленная ее часть видна на дне Ягорлыцкого залива в виде еще не полностью заиленной долины, выходящей к морю несколько западнее совр. о-ва Долгий ⁴⁸. Сам Долгий представляет собой песчаные наносы моря на древнюю поверхность античного острова между двумя рукавами Борисфена аналогично такому же песчаному острову, образовавшемуся в устье совр. Днестровского лимана на древней поверхности дельтового острова, существовавшего между двумя рукавами Тиры ⁴⁹.

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в средневековье через Кинбурнский полуостров протекали два рукава Днепра и образовывали дельтовые острова. А в древнегреческий период увлажненность материка была большей ⁵⁰. Следовательно, все реки, в том числе Днепр и его дельтовые рукава, были полноводнее. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в том, что указанные рукава (а следовательно, и острова) существовали и в античное время. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что Клавдий Птолемей (III, 5, 2), Руфий Авijen (§ 720), составитель хрестоматии из «Географии» Страбона говорят не об устье, а об устьях Борисфена. На одном из островов, существовавших между этими устьями, было основано Ягорлыцкое поселение, на котором выявлены следы существования гавани ⁵¹. Здесь встречаются камни средиземноморских пород, которые могли попасть сюда только как балласт древнегреческих кораблей. А наличие гавани, безусловно, свидетельствует о существовании судоходного рукава. Все это в целом дает основания считать, что именно рассматриваемый остров и гавань отмечены Страбоном. Птолемей (III, 10, 8) называет описываемый остров Борисфенидой. Расстояние до реки Тиры, размеры днепровских островов позволяют отождествить один из них с упоминаемым Плинием островом, посвященным Ахиллу. Об этом свидетельствует и находка здесь в 1885 г. следов жертвенника и посвящения Ахиллу (IOSPE, I², 327).

Итак, резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что указываемый античными авторами остров Борисфенида отождествляется с дельтовым островом, существовавшим между рукавами Борисфена на месте совр. Кинбурнского полуострова. Этот остров изображен на многих средневековых картах. Например, на известной карте Понта Эвксинского из исторического атласа А. Ортелиа он так и назван: *Borysthenes insula*.

12. Подводные исследования в Северо-Западном Причерноморье

Палеогеографические исследования последних лет показывают, что в античное время при более низком уровне моря береговая линия в дельтах выглядела иначе. За последние две тысячи лет здесь произошли

⁴⁶ См. атласы А. Норденшельда, В. Кордта и другие издания.

⁴⁷ Брун. Черноморье. Ч. 1. Одесса, 1879, с. 86.

⁴⁸ Карта Днепровского лимана, Егорлыцкого и Тендровского заливов и части Черного моря от Очакова до Джарылгатского залива. Изд. Главного гидрографического управления Морского министерства в 1889 г., № 1713.

⁴⁹ Азбунов. К вопросу о локализации..., с. 116—121.

⁵⁰ Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. М., 1957 (Записки Географического общества СССР, новая серия, т. 16), с. 307.

⁵¹ Буйских С. Б., Островерхов А. С. Работы на Ягорлыцком поселении. — АО—1977 г. М., 1978, с. 305.

довольно существенные изменения. Это обстоятельство позволило выдвигать и обосновать гипотезу о том, что некоторые античные города и поселения, упоминаемые древними авторами, в настоящее время находятся на дне моря. Для проверки такой гипотезы в 1981 г. были проведены подводные археологические разведки в ряде районов, где предполагались остатки затопленных населенных пунктов ⁵².

1. *Левый берег устья оз. Бурнас*. Высказано предположение, что здесь в районе Бурнасского мыса у с. Лебедевка на дне моря находятся остатки города Кремниски ⁵³. Аквалангистами был обследован прилегающий к мысу участок морского дна площадью около 1 кв. км. Примерно в 500 м южнее мыса на площади 500 × 300 м на глубине 3—5 м собраны сильно окатанные, маловыразительные фрагменты эллинистических амфор, лепной посуды, обломок мраморной плиты. Материал находится в перемещенном виде, наличие сохранившегося культурного слоя исключается. Обнаруженное скопление керамики и небольших камней происходит, безусловно, из поселения, существовавшего на древнем мысу. В древнегреческий период берег моря проходил здесь не менее чем в 500 м южнее ⁵⁴. Современного оз. Бурнас тогда не существовало. На его месте протекала речка, впадавшая в небольшую бухту. На берегу этой бухты и находилось найденное поселение. С повышением уровня моря оно было уничтожено абразией и затоплено. Имеющиеся данные позволяют связывать находки с городом Кремниски.

2. *Днестровская пересыпь*. Согласно палеогеографической реконструкции Днестровского и Будацкого лиманов в античное время не существовало. На их месте была дельта реки из двух рукавов, промежутки между которыми представлял собой обширный остров, сложенный из иловых отложений реки. По всей вероятности, именно этот остров следует отождествлять с упомянутым Плинием на реке Тире обширным островом, населенным тирагетами ⁵⁵. Это отождествление было высказано в виде гипотезы. Для ее доказательства требовалось отыскать остатки затопленных поселений. С той целью был обследован приморский край древнего острова, находящийся на дне моря примерно в 1 км южнее современной пересыпи на глубине 3—5 м.

До проведения подводных работ была обследована сама пересыпь. Здесь в трех районах обнаружены выброшенные морем во время штормов окатанные фрагменты амфор, лепной керамики, мелкие камни ⁵⁶. Исследование аквалангистами прилегающих районов морского дна дало возможность обнаружить следы затопленных поселений.

Поселение Виктория I. Расположено в 1 км западнее моста, соединяющего курорт Сергеевку с пересыпью, в 500—600 м от берега на глубине 4—5 м. Здесь на площади 200 × 300 м встречаются обломки эллинистических амфор и лепной керамики. Материал находится в перемещенном виде.

Поселение Виктория II. Расположено в 1,5 км восточнее сергеевского моста. Большое количество керамики распространено в полукилометре от берега на площади 500 × 500 м на глубине 4—5 м. Собранный мате-

⁵² Исследования проводились подводным отрядом под руководством автора в составе Буго-Днестровской экспедиции Института археологии АН УССР, руководимой И. Т. Черняковым, и были продолжены в 1982—1983 гг. Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность И. Т. Чернякову, всем участникам подводных работ, а также Г. И. Иванову, К. К. Шилику, В. И. Шмуратко, Ю. Д. Шуйскому за ценные консультации по вопросам палеогеографии региона.

⁵³ *Агбунов*. Материалы..., с. 138—143.

⁵⁴ Там же, с. 142, рис. 12.

⁵⁵ *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья. 5. Остров тирагетов.— ВДИ, 1983, № 4, с. 110—116.

⁵⁶ Выбрасываемая морем керамика была выявлена несколько лет назад одесским краеведом А. С. Рогачевым и членом археологического кружка Л. Рогачевой. Пользуясь случаем поблагодарить их за сведения об этих находках и помощь в проведении подводных разведок.

риал датируется в основном эллинистическим временем. Важно подчеркнуть, что часть керамики окатана совсем слабо. Это позволяет предположить наличие сохранившегося культурного слоя. Такое предположение вполне вероятно, особенно если учесть, что дельтовый остров был низменным и ушел под воду довольно быстро, без интенсивного разрушения берегов. Затопленные поселения подвергаются лишь волновому размыву. При таких условиях часть культурного слоя вполне могла остаться неразмытой. Если это предположение подтвердится, то исследование указанного поселения станет крайне важным также для уточнения кривой изменения уровня Черного моря в античное время.

Поселение Виктория III. Найдено в 3 км восточнее сергеевского моста в 500 м от берега на глубине 4—5 м. Здесь на площади 200×300 м собраны сильно окатанные фрагменты эллинистических амфор и лепной посуды.

Таким образом, подводными разведками в районе днестровской пересыпи на дне моря выявлены следы трех поселений эллинистического времени. Топография местности исключает всякое предположение о том, что выявленные скопления керамики могли попасть сюда с коренного берега, а обломки лепной посуды скифского и гетского типов снимают вопрос о кораблекрушении. Здесь, без всякого сомнения, найдены затопленные морем поселения, существовавшие на острове в дельте Тиры, о чем прямо сообщает Плиний. Эти находки полностью подтверждают достоверность этого источника и доказывают правильность палеогеографической реконструкции Нижнего Поднепровья для античного времени.

3. *Левый берег устья Тилигульского лимана.* Античные авторы указывают, что в этом районе находился город Одесс. Поиски этого города на суше не увенчались успехом. Палеогеографическая реконструкция позволила предположить, что Одесс уничтожен абразией и затоплен морем⁵⁷. Для проверки этой гипотезы аквалангистами был обследован прилегающий к этому району участок морского дна, так называемая банка Трутаева. В 500 м от берега на площади 300×500 м на глубине 3—5 м обнаружено скопление фрагментов амфор эллинистического времени и лепной посуды, а также мелких камней. Имеющиеся данные позволяют отнести эти находки к остаткам города Одесса.

13. К вопросу о неизвестном перипле Понта Эвксинского

Перипл Анонимного автора составлен, как известно, из периплов Арриана, Мениппа, Пс.-Скимна, Пс.-Скилака и других не известных нам источников. При описании Северо-Западного Причерноморья Анонимный автор приводит ценные, нигде больше не встречающиеся сведения, которые вызывают большой интерес и порождают различные споры. Часть рассматриваемых сведений, как известно, перекликается с описанием Арриана. Поэтому представляется необходимым процитировать (по сборнику В. В. Латышева) оба отрывка:

Анонимный автор, § 87 (61)

От реки Борисфена до весьма маленького, пустынного и безымянного островка 60 стадий, 8 миль; от этого весьма маленького, пустынного и безымянного острова до Одесса 80 стадий, $10\frac{2}{3}$ миль; от Одесса до местечка Скопелов 160 стадий, $21\frac{1}{3}$ миль; от Скопелов до гавани истриан 90 стадий, 12 миль; от гавани истриан до гавани исиаков 90 стадий, 12 миль; от гавани исиаков до местечка Никония 300 стадий, 40 миль; от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадий, 4 миль.

Арриан, § 31

От Борисфена 60 стадий до небольшого, необитаемого и безымянного острова, а отсюда 80 до Одесса; в Одессе стоянка для кораблей. За Одессом находится гавань истриан, до нее 250 стадий; далее гавань исиаков, до которой 50 стадий. Отсюда до так называемого Узкого устья Истра 1200 стадий; местности, лежащие между ними, пустынные и безымянны.

⁵⁷ Азбунов. Материалы..., с. 134 сл.

Как мы видим, в обоих источниках указаны маленький остров близ устья Борисфена, Одесс и гавани истриан и исиаков. М. В. Скржинская относит эти сведения ко II в. н. э., т. е. ко времени жизни Арриана⁵⁸. Но имеющиеся данные не позволяют согласиться с этим выводом. Во-первых, следует отметить, что гавань истриан и гавань исиаков отождествляются, надо полагать, с поселениями IV—III вв. до н. э.⁵⁹, следовательно, этим временем датируется и упоминание о них. Это значит, что Арриан пользовался источником эллинистического времени. Но Анонимный автор взял эти сведения не у Арриана или его источника, а у какого-то третьего автора. На это указывают два обстоятельства. Во-первых, Аноним указывает между Одессом и гаванью истриан отсутствующее у Арриана местечко Скопелы. Безусловно, это указание взято из иного источника, более осведомленного, чем Аррианов. Во-вторых, периплы по-разному определяют расстояние между гаванями истриан и исиаков: у Анонима оно равно 90 стадиям, у Арриана — 50 стадиям. Это расхождение объясняется не ошибкой одного из авторов, а существованием двух разных маршрутов плавания⁶⁰. В первом случае судно шло вдоль берега, огибая совр. Одесский залив, а во втором случае — напрямик, через залив. Бесспорно, что эти сведения взяты из разных источников. Таким образом, выясняется, что при описании побережья от Борисфена до гавани исиаков Анонимный автор и Арриан пользовались двумя разными, независимыми друг от друга источниками, относящимися к IV—III вв. до н. э.

После гавани исиаков Арриан указывает в 1200 стадиях Узкое устье Истра и называет все это побережье пустынным и безымянным. Анонимный же автор перечисляет здесь целый ряд населенных пунктов. Так, в 300 стадиях от гавани он помещает местечко Никоний, от которого «до судоходной реки Тиры 30 стадий». Здесь вызывает особый интерес тот факт, что Никоний назван местечком (χωρίον), тогда как Пс.-Скилак (§ 68), Страбон (VII, 3, 16), Птолемей (III, 10, 8) именуют его городом (πόλις). Это сообщение Анонима относится, по всей вероятности, ко времени упадка и захирения Никония, т. е. к концу III в. до н. э.⁶¹

Далее в перипле Анонимного автора подытоживаются некоторые расстояния: «Всего от реки Борисфена до реки Тиры 810 стадий, 108 миль, а от Херсона до реки Тиры 4110 стадий, 548 миль; а географ Артемидор от города Херсона до реки Тиры вместе с объездом Каркинитского залива ставит 4200 стадий, или 589 $\frac{1}{3}$ мили» (§ 89/63). Эти подсчеты произвел, надо полагать, сам составитель перипла. Однако плохое знание местности привело к тому, что он не совсем понял свой источник и допустил некоторые искажения. Так, например, случилось с определением расстояния между Борисфеном и Тирой. Не зная местоположения Никония по отношению к устью Тиры, Аноним сложил все указанные в источнике расстояния и получил 810 стадий. В действительности же этот путь несколько меньше. Как уже отмечалось, Никоний был расположен на коренном берегу левого рукава Тиры⁶². И указанные в перипле 30 стадий определяли расстояние не до устья реки, как полагали одни исследователи, и не до города Тиры, как считали другие ученые, допускавшие порчу текста, а до судоходной реки Тиры, т. е. до ее правого рукава, который был основным рукавом реки. Следовательно, приплюсовывать эти 30 стадий неправомерно. Кроме того, необходимо учесть, что Никоний находился примерно в 10 км (около 60 стадий) выше устья и это расстояние входит в указанные 300 стадий от гавани исиаков до Никония, следовательно, его необходимо также вычесть. Таким образом, получим расстояние от Борисфена до Тиры: $60 + 80 + 160 + 90 + 90 + 240 = 720$ стадий.

⁵⁸ Скржинская. Перипл..., с. 123.

⁵⁹ Агбунов. Материалы..., с. 136—138.

⁶⁰ Там же, с. 138.

⁶¹ Агбунов М. В. Давньогрепський Ніконій.— Археологія, N 32, 1979, с. 18.

⁶² Он же. К вопросу о локализации..., с. 118—121.

Другое несоответствие относится к расстоянию от Херсонеса до реки Тиры. Суммируя этот путь, Анонимный автор говорит о 4110 стадиях, но приведенные им промежуточные расстояния дают лишь 3810 стадий. «Утерянные» 300 стадий приходится на участок от Херсонеса до Борисфена. По сумме промежуточных цифр здесь получается 3000 стадий: от Херсонеса до Керкинитиды — 700, от Керкинитиды до Прекрасной гавани — 600, от Прекрасной гавани до Тамираки (устье Каркинитского залива) — 300, от Тамираки до Священной рощи Гекаты (длина Ахиллова Бега) — 1200, от Священной рощи Гекаты до реки Борисфена — 200 (§§ 83/57/ — 84/58)). А в конце перипла это расстояние определено в 3300 стадий (§ 117/91). Таким образом, в описании побережья от Херсонеса до Борисфена недостает 300 стадий. Этому обстоятельству можно найти, на мой взгляд, только одно объяснение — предположить лагуну в тексте. Попытаемся найти место лагуны и по возможности заполнить ее. Для этого сравним описание рассматриваемого района у Анонимного автора и Арриана:

Анонимный автор. § 83 (57) — 84 (58)

От Херсона до так называемой Коронитиды или Керкинитиды 600 стадий, 80 миль; от Коронитиды или Керкинитиды до скифской гавани Прекрасной в Херсонской земле 700 стадий, 93¹/₃ мили. От Прекрасной гавани до реки Истра или Данубия опять обитают скифы. За Прекрасной гаванью начинается залив, называемый Каркинитским и простирающийся до Тамираки; он имеет в длину 2550 стадий, 300 миль; если же не объезжать его вдоль берегов, но прямым путем переплыть устье, то всего 300 стадий, 40 миль. Внутри Тамираки есть небольшое озеро. От мыса Тамираки тянется Ахиллов Бег... Если проплыть от Тамираки мимо вышеупомянутого Бега до другой косы Ахиллова Бега, называемой Священной рощей Гекаты, получают упомянутые 1200 стадий, или 160 миль. От Священной же рощи Гекаты до судоходной реки Борисфена, ныне называемой Данаприем, 200 стадий, 26²/₃ мили.

Арриан, § 30—31

От Херсонеса до Керкинитиды 600 стадий, а от Керкинитиды до Прекрасной гавани, также скифской, еще 700. От Прекрасной Гавани до Тамираки 300 стадий; внутри Тамираки есть небольшое озеро. Отсюда еще 300 до устья озера; от устья озера до Эйонов 380 стадий, а отсюда до реки Борисфена 150.

Как мы видим, Анонимный автор в этом отрывке соединил данные Арриана и еще какого-то источника. Именно у Арриана взяты расстояния от Херсонеса до Тамираки и сообщение о том, что «внутри Тамираки есть небольшое озеро». Но Арриан после упоминания озера продолжает: «Отсюда еще 300 до устья озера». У Анонимного автора этого указания нет. А оно как раз дает недостающие 300 стадий и устраняет расхождение между суммой расстояний от Херсонеса до реки Тиры и ее слагаемыми. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в том, что составитель перипла включил в свое описание и это сообщение Арриана, но оно не сохранилось в дошедшей до нас рукописи. И Анонимный автор включил эти 300 стадий в сумму расстояний описываемого побережья. Хотя, если быть точным, этот путь лежит в стороне от рассматриваемого маршрута — в глубь Тамираки. А следующие 380 стадий определяют обратное расстояние, но уже до Эйонов, т. е. района Ахиллова Бега. Сам Бег Арриан не описывает. Под Эйонами следует понимать районы соответственно восточной и западной оконечности косы. Расстояние в 380 стадий от устья озера приводит к Джарылгачу, а 150 стадий от Борисфена — к Тендре. Длина же Ахиллова Бега здесь не указана.

Итак, прямой путь от Херсонеса до реки Тиры по периплу Анонимного автора равен 3810 стадиям. Подытоживая это расстояние, составитель перипла приводит другую цифру — 4100 стадий, которую получил, приплюсовав 300 стадий — расстояние части побережья Каркинитского залива. Если приплюсовать сюда и расстояние обратного пути от устья озера до Ахиллова Бега, равное 380 стадиям, получим 4490 стадий. Эта цифра должна отражать расстояние от Херсонеса до Тиры с объездом

Каркинитского залива. Артемидор определяет это расстояние в 4420 стадий. Но Анонимный автор, как уже говорилось, из-за незнания местности увеличил расстояние между Борисфеном и Тирой на 90 стадий. Следовательно, по использованным в перипле данным от Херсонеса до устья Тиры 4400 стадий. Эта цифра, как мы видим, очень близка к Артемидоровой и полностью совпадает со Страбоновым сообщением о том, что от Херсонеса до Тираса вдоль берегов 4400 стадий (VII, 4, 2). Надо полагать, что все эти данные восходят к одному источнику.

После описания реки Тиры, заимствованного у Пс.-Скимна, Анонимный автор сообщает: «От реки Тиры до Неоптолемовых 120 стадий, 16 миль; от Неоптолемовых до Кремнисков 120 стадий, 16 миль; географ же Артемидор говорит, что от реки Тиры до Кремнисков 480 стадий, 64 мили. От Кремнисков до Антифиловых 330 стадий, 44 мили. От Антифиловых до так называемого Голого устья реки Истра 300 стадий, 40 миль. Здесь живут фракийцы и бастарны-пришельцы» (§ 89/63). По мнению Л. А. Ельницкого, весь этот отрывок заимствован у Артемидора⁶³. Но из текста следует, что Артемидору принадлежит лишь сообщение о том, что от реки Тиры до Кремнисков 480 стадий. Эти данные противопоставляются сведениям другого источника, который определяет указанное расстояние лишь в 240 стадий. Этой цифре составитель перипла отдает предпочтение, чем подчеркивает недостоверность указания Артемидора⁶⁴. К этому же неизвестному источнику относятся и остальные цифры — о расстоянии до Антифиловых и Голого устья. По приведенным данным Антифилово поселение расположено в верховьях оз. Сасык.

Как мы видим, источник Анонимного автора указывает между гаванью исиаков и Голым устьем Истра целый ряд населенных пунктов. А в перипле Арриана сообщается, что от гавани исиаков до Узкого устья 1200 стадий, и все эти местности названы пустынными и безымянными. Это указание, разумеется, не соответствует действительности: во времена Арриана здесь существовали Тира и Никоний, а также ряд небольших поселений. Это несоответствие можно объяснить тем, что характеристика указанного региона как пустынного добавлена в более позднее время, что предполагал еще Л. А. Ельницкий⁶⁵.

Тут выявляется одно любопытное обстоятельство. Маршрут Анонимного автора от гавани исиаков до Голого устья составляет именно 1200 стадий (300 + 30 + 120 + 120 + 330 + 300) — столько же, сколько указывает Арриан, слова которого подразумевают прямой путь от гавани исиаков до Голого устья⁶⁶ устья, без захода в Никоний, Антифиловы. А прямой путь намного короче 1200 стадий. Следовательно, Арриан позаимствовал эту цифру из того же источника, подробное изложение которого сохранилось у Анонимного автора. Далее оба перипла дают практически аналогичное описание дельты Истра:

Анонимный автор, § 93 (67), 95 (69)

От так называемого Голого устья Истра до второго его устья 60 стадий, 8 миль. От второго устья до Прекрасного устья 40 стадий, $5\frac{1}{3}$ мили. От Прекрасного устья до Нарака (так называют четвертое устье Истра) 60 стадий, 8 миль. От Нарака до пятого устья Истра, называемого Священным, 120 стадий, 16 миль... От Священного устья реки Истра до города Истра 500 стадий, $66\frac{2}{3}$ мили.

Арриан, § 35

От так называемого Узкого устья Истра 60 стадий до второго устья, а отсюда до так называемого Прекрасного устья 40 стадий; от Прекрасного до четвертого устья Истра, так называемого Нарака, 60 стадий; отсюда до пятого устья 120, а отсюда до города Истрии 500 стадий.

⁶³ ВДИ, 1948, № 4, с. 237, прим. 2.

⁶⁴ Ошибочное указание Артемидора подразумевает, по всей вероятности, не реку, а город Тиру и могло быть получено сложением расстояния от города Тиры до раннего устья реки (240 стадий) и от города Кремниски до позднего устья реки (240 стадий). Подробно об этом см. Агбунов. Материалы..., с. 139 сл.

⁶⁵ ВДИ, 1948, № 1, с. 273, прим. 10.

⁶⁶ В сборнике В. В. Латышева П. И. Прозоров почему-то перевел в этом отрывке Арриана слово «Голое» (ψάλον) как «Узкое» (ВДИ, 1948, № 1, с. 273).

Полное совпадение расстояний говорит о том, что оба источника использовали одно описание дельты, которая постоянно находится в эволюции и описывается античными авторами по-разному.

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что рассмотренные сведения Анонимного автора о побережье Северо-Западного Причерноморья однородны по характеру описания и восходят, надо полагать, к одному источнику — периплу, на что указывал еще М. И. Ростовцев⁶⁷. По его мнению, этот неизвестный перипл датируется IV — началом III в. до н. э. Теперь эта датировка подтверждается временем существования гаваней истриан и исиаков и временем захирения и упадка Никония. Данные этого перипла использованы также Аррианом. Некоторые цифровые данные позаимствовал отсюда Страбон: описание Ахиллова Бега, расстояние от Тиры до Херсонеса, от Священного устья до Истрии.

М. В. Агбунов

⁶⁷ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 72 сл.

THE ANCIENT GEOGRAPHY OF THE NORTH WEST BLACK SEA COAST

М. V. Agbunov

For observations 1—6 see *VDI* 1981, 1; 1983, 4.

7. *The harbour of Nymphaeum*. Palaeogeographical reconstruction shows that in the Kerch Straits, just south of Nymphaeum, there was a bay suitable for anchorage. This is apparently the harbour mentioned by Strabo (VIII 309, 4).

8. *Criu Metopon*. The ancient authors apply this name («Ram's Head») to two different capes: some refer to the (modern) Cape Sarych, others to Ai Todor.

9. *The stade of Arrian and the anonymous periplus*. Verification of distances cited in these sources show that their authors used a stade of 157 m.

10. *Strabo's stade*. From Strabo's text it is clear that he generally uses a stade of 185 m., and check on some of his distance figures confirms this. However, calculations indicate that in describing the Euxine he uses a stade of 157 m.

11. *Borysthenis Island*. Analysis of a passage in Pliny (*NH* IV 93) and indications resulting from palaeogeographical reconstruction suggests] that by the «Isle of the Blest» was meant, not Leucè, but the western part of the Kinburn peninsula, which in antiquity was an island.

12. *Underwater research along the N. W. coast of the Black Sea*. On the sea bed were found remains of a settlement identified as the town Cremnisci, also traces of three settlements which stood on the island of the Tyrgetae before the sea covered it: see No. 5 (*VDI* 1983, 4, p. 118; the translator takes responsibility for an error in line 3: «palaeography» should of course be «palaeogeography»).

13. *On the anonymous «Periplus Ponti Euxini»*. In describing the N. W. Black Sea coastal area the author of this *periplus* drew on a much earlier one (4th — 3rd centuries B. C.). The same early source was used by Strabo and Arrian.

ИТАЛО-ЭТРУССКИЙ МИФ О ВЕЛИКОЙ ГОРЕ ПО АНТИЧНЫМ ИСТОЧНИКАМ

В поэме Ликофрона «Александра» центральную часть (ст. 680—709) занимает рассказ о плавании Одиссея к берегам мертвых. На пути в Аид герой проплывает мимо Сицилии и Питекус, минует гробницу Байя (позднейшие Байи) и расположенный вблизи край киммерийцев¹. Да-

¹ По-видимому, Ликофрон был знаком с итальяскими поверьями (*Strabo*, V, 4, 5), помещавшими вход в подземное царство в районе Авернских болот.

лее читаем (ст. 699—703): ἐνθα δούσατος τείνει πρὸς αἶθρα κατὰ πολυδέγμων λόφος, ἔξ οὗ τὰ πάντα χυτὰ καὶ πᾶσαι μυλῶν πηγαὶ κατ' Ἀβσονίτιν ἔλκονται χυθόνα, λιπὼν δὲ ληθαίνωνος ὕψηλὸν κλέτας... «где, неприступная, возносит к небу главу многоприемлющая гора, с которой все омывающие воды и все источники глубин влекутся по Авзонской земле; а миновав высокий склон Летеона...» (далее рассказывается о пути через Авернские топи, Коцит и Стикс).

Итак, согласно Ликофрону, над италийским загробным миром возносится к небу огромная гора Летеон, словно связующая подземное царство с небесами. С этой горы стекают все воды Италии, в том числе подземные родники (чем подчеркивается связь горы с земными глубинами). Гора названа *πολυδέγμων* «многоприемлющая». Это весьма редкое слово. Оно два раза употреблено в гомеровском гимне к Деметре (ст. 17, 31; вариант *πολυδέκτης* — ст. 9), также в орфических фрагментах (49, IV, 64, 69), представляющих цитаты из гомеровского гимна, и один раз — в собственно орфическом гимне (XVIII, 11). Это слово имеет исключительно узкую коннотацию, употребляясь только как эпитет Аида². Общий смысл ликофроновского контекста заставляет думать, что автор «Александры» обыгрывает то же самое словоупотребление и что гигантская гора в каком-то смысле воплощает сам Аид.

При анализе этих строк, на наш взгляд, следует исходить из всего ряда мотивов, связанных для Ликофрона с образом Одиссея. С появлением работ С. Йозифовича³, очертивших круг историко-мифологических интересов Ликофрона и впервые давших достаточно полное представление об огромном объеме мифо-поэтической информации, содержащейся в «Александре», стало очевидным обостренное внимание александрийского поэта к легендам, проникавшим в эллинский мир из Италии. Именно Ликофрон — достаточно ранний из дошедших авторов, который сообщил о двух волнах переселенцев, пришедших в Италию с Востока, — о древнейшей балканской волне пеласгов и позднее перекрывшей ее волне малоазийских выходцев — тирренов (ст. 1344 сл.). Особенно наглядно прослеживаются тирренские мотивы в эпизодах скитаний Одиссея. Именно в Тиррении уходит ликофроновский Одиссей, потрясенный разорением своего дома на Итаке (ст. 788 сл., 805 сл.). В Тиррении он получает имя *Νάνος* (ст. 1244), оказываясь тезкой Нанаса — одного из древних пеласгских вождей эпохи переселения пеласгов в Италию (Dion. Hal., I, 26). Это имя имеет множество соответствий в анатолийской ономастике в формах *Νάνος*, *Νάνας*, *Νάνιος* и т. д.⁴ Однако у комментаторов оно, помимо пеласгских генеалогических аллюзий, вызывало собственно тирренские языковые ассоциации, на которые указывает Цец в комментарии к «Александре»: Ὀδυσσεὺς παρὰ Τυρρηνοῖς Νάνος καλεῖται δηλοῦντος τοῦ ὀνόματος τὸν πλανήτην «Одиссей у тирренов зовется Нанос — имя, означающее „странник“». Как показал В. Георгиев⁵, такое толкование данного имени представляет, по сути, анатолийскую глоссу, родственную хет. *nannaṣ* «гонимый, движущийся». Примечательно, что под этим именем Одиссей объединяется с прибывшим в Италию Энеем и вождями этрусских переселенцев — братьями Тирсеном и Тархоном — в борьбе против автохтонов древней Италии (ст. 1234 сл.). Таким образом, Одиссей у Ликофрона — герой, связанный с Тирренией (Этрурией) *par excellence*, и это надо иметь в виду при анализе его путешествия в загробный мир.

² К образу Аида-гостеприимца см. Хоммель Х. Ахилл-бог. — ВДИ, 1981, № 1, с. 68—69 (с указанием основной литературы).

³ Josifović St. Zur Quellenkunde von Lykophron's «Alexandra». Novi Sad, 1960; *idem*. Pelasger und Etrusker in Lykophrons «Alexandra». — *Ziva antika*, 1967, S. 261—276.

⁴ Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, S. 346—352.

⁵ Georgiev V. Hetthisch, Lydisch, Etruskisch. — *Linguistique balcanique*, XI, 2, 1967, p. 19—20.

Особый интерес представляет название горы Летеон. Среди топонимов Южной и Центральной Италии ономастическая основа выглядела бы совершенно изолированной. В то же время в антропонимике Этрурии она имеет явную, хотя, на первый взгляд, чисто формальную параллель. Речь идет о личном имени *Lethe* (в женском роде — *Lethia*), которое, как показал Э. Феттер⁶, функционировало в Этрурии в качестве типичного имени зависимого человека, почти рабской клички. В последнее время А. И. Немировский, сопоставив это имя (в греческой транскрипции *ληθαῖος* с гомеровским именем пеласа *Λῆθος* *Τελταμίδης* (имеющим дальнейшие параллели в древней гидронимике Балкан, Крита и Кавказа), сформулировал гипотезу, согласно которой этим именем обозначались потомки балканских пеласгов, находившиеся в зависимости у потомков завоевателей — тирренов⁷.

Неожиданный свет на возможную связь названия сказочного Летеона, как и самих ликофроновских представлений о Великой горе, с социальной семантикой этр. *Lethe* проливает глава 94 псевдо-аристотелевского трактата «Об удивительных слухах», где говорится следующее: *ἐστὶ δὲ τις ἐν τῇ Τυρρηνίᾳ πόλις Οἰναρέα καλούμενη, ἣν ὑπερβολῇ φασὶν ὄχρυσιν εἶναι. ἐν γὰρ μέσῃ αὐτῇ λόφος ἐστὶν ὑψηλὸς τριάκοντα σταδίου ἀνέχων ἄνω καὶ κάτω ὕλην παντοδαπὴν καὶ ὕδατα. φοβούμενους οὖν τοὺς ἐνοικοῦντας λέγουσι μὴ τις τύραννος γένηται προϊστάσθαι αὐτῶν τοὺς ἐκ τῶν οἰκετῶν ἱλευθερωμένους καὶ οἱτοὶ ἀρχοῦσιν αὐτῶν κατ' ἐνιαυτὸν δ' ἄλλους ἀντικαθίσταναι τοιοῦτους*

«Есть в Тиррении некий город, называемый Ойнарея, о котором говорят, что он в высшей степени неприступен: ведь посреди него — высокая гора, возносящаяся на 30 стадиев вверх, а внизу разные леса и воды (перевод условный, см. ниже. — В. Ц.). Говорят, что жители, страшась, как бы кто-нибудь не стал тираном, ставят над собой отпущенных из рабов и те ими правят, и каждый год другие становятся на их место».

Текст кажется неясным в двух отношениях. Во-первых, непонятен обычай возведения зависимых людей на царство (поскольку в их руках находилась такая власть, которая полноправному гражданину открыла бы путь к тирании). Кстати, так как в тексте слово «тиран» стоит в единственном числе, не исключено, что речь идет именно о единоличном правлении, а множественное число имеет дистрибутивный характер, подчеркивая факт ежегодной сменяемости правителей. Во-вторых, высота в 30 стадиев (приблизительно 5,5 км) совершенно немыслима для итальянских гор.

В то же время в тексте есть место, не вполне понятное грамматически, — *τριάκοντα σταδίου ἀνέχων ἄνω καὶ κάτω ὕλην παντοδαπὴν καὶ ὕδατα*. Нам известны три попытки толкования этого места. В новых изданиях после *ἄνω* часто ставится запятая; лес и воды оказываются под горой; непонятно, от чего зависит винительный падеж, в котором стоит словосочетание *ὕλην παντοδαπὴν καὶ ὕδατα*⁸. Один из списков — *Laurentianum* 60, 19 — дает чтение *ὑψος τριάκοντα σταδίων ἔχων* «имеющий высоту в 30 стадиев». В таком случае и *ὑψος* и *ὕλην* оказываются дополнениями при *ἔχων*. Хотя этот список в течение длительного времени клался в основу всех изданий (что повлекло за собой некоторое пренебрежение

⁶ Vetter E. Die etruskischen Personennamen *Lethe, Lethi, Lethia* und die Namen unfreier oder halbfreier Personen bei den Etruskern. — Jahreshfte des Österreichischen archäologischen Instituts in Wien, XXXVII, Beiblatt, S. 57 ff.

⁷ Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983, с. 27 сл. Ср. также название племени летайев на побережье Эгейской Фракии; о монетах, которые чеканило это племя, см. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, с. 179—188.

⁸ Ср. издания И. Беккера (т. II. Берлин, 1831), О. Апелъта (Лейпциг, 1888), издания парадоксографов А. Вестермана (Брауншвейг, 1839, перепечатка — Амстердам, 1963) и А. Джаннини (Милан, 1965). Еще Фр. Зюльбург в издании сочинений Аристотеля, предпринятом А. Вехелем (т. IV, Франкфурт, 1587), предложил читать *ὕλη* — едва ли не единственный выход из положения.

обширной рукописной традицией трактата ⁹), однако в данном случае он при своей «правильности» настолько расходится с остальными списками, что его вариант по справедливости попадает в число разночтений. Наконец, интересно сравнить толкование Стефана Византийского. У последнего город назван Οἶνα, однако говорить об ошибке в тексте не приходится, так как здесь же дается гипотетический произвольный этникон в форме Οἰνάτης. Во всяком случае, употребление для одного и того же легендарного города двух названий-синонимов со значением «вино, виноградная лоза» служит в поддержку гипотезы В. Али о фиксации в тексте Псевдо-Аристотеля лишь греческого перевода местного итало-этрусского топонима ¹⁰. У Стефана читаем: μέδος δὲ αὐτῆς λόφος ἐστὶν ὕψηλός τετράκοντα σταδίων ἔχων ἄνω καὶ ὕδατα καὶ ὕλην παντοδαπὴν ὥς Ἀριστοτέλης περὶ θαυμασίων ἀκουσμάτων «посреди нее (Ойны. — В. Ц.) высокий холм в 30 стадиев, имеющий наверху и воды и всякий лес, как у Аристотеля (в трактате) „Об удивительных слухах“». Эта версия кажется попыткой исправить псевдо-аристотелевский текст, столь же трудный для Стефана Византийского, как и для поздних издателей. Однако Стефан идет по другому пути, опуская κατω (как и в некоторых списках): текст приобретает смысл, противоположный тому, что он имеет в новых изданиях: лес и воды оказались локализованными вверху, на горе, а не под ней.

Между тем возможно такое толкование наиболее распространенного (при всей его неясности) варианта, которое не требовало бы ни одного вмешательства в его строение, а именно: «высокая гора, на 30 стадиев вверх и вниз (или „вверху и внизу“), несущая на себе лес и воды». Здесь может показаться не вполне понятным применительно к горе словосочетание ἀνέχων ἄνω καὶ κατω. Однако любая попытка разрушить эту антонимическую пару делает текст аграмматичным, требует новых конъектур и заводит в тупики окказиональных разночтений. Что касается более точного смысла толкования (в принципе оно могло бы значить просто то, что гора вся сверху донизу покрыта лесом и струит воды), по нашему убеждению, этот вопрос следует решать, когда будет ясно, что такое Ойнарея и что такое ойнарейская гора, т. е. когда будут разрешены те основные смысловые трудности, которые мы назвали выше.

Известна попытка ¹¹ сблизить этот рассказ со страбоновским описанием Волатерры (V, 2, 6): τῶν δὲ Οὐλατερρανῶν... λόφος ἐστὶν ὕψηλός τετράκοντα σταδίων... ἡ δ' ἐπ' αὐτὴν ἀνάβασις πέντε καὶ δέκα σταδίων ἐστὶν ἀπὸ τῆς βάσεως... «у волатерранцев... высокая обрывистая гора, а длина восхождения от основания 15 стадиев». Надо отметить, что: 1) цифра, сообщаемая Псевдо-Аристотелем, ровно вдвое превышает страбоновскую; 2) что Страбон ничего не говорит о правлении отпущенников. И. Геффкен (loc. cit.) пытался объяснить эти расхождения характером источников, использованных двумя авторами. А именно, если Страбон был знаком с традицией, идущей от Тимея в передаче Посидония, то Псевдо-Аристотель имел будто бы перед глазами сам труд Тимея; в Посидониевом же варианте часть тимеевской информации оказалась утраченной. Нетрудно заметить, что при такой трактовке именно позднейший автор Посидоний должен был придать рассказу географическое правдоподобие, заменив сказочную высоту горы над Ойнареей реальной длиной подъема на холм в Волатерре. Надлежащие выводы из этого сделал В. Али (loc. cit.), указав, что в основе псевдо-аристотелевского рассказа могла лежать некая очень древняя

⁹ Ср. примечания Г. Фласхара в издании: *Aristoteles. Werke*. В. 18, Teil II—III. В., 1972, S. 56—62; некоторые списки (Bekker, S. 837) опускают κατω, однако эти списки принадлежат к неполным (Flas har, S. 57) и ни для одной семьи списков в целом эта особенность не прослеживается.

¹⁰ *Aly W.* Strabon von Amaseia.— In: *Strabonis Geographica*, Bd. IV. Bonn, 1957, S. 245.

¹¹ *Geffcken J.* Timaios Geographie des Westens.— *Philologische Untersuchungen*, 1892, S. 96, 149 (со ссылкой на конъектуру П. Викториуса, исправлявшего Οἰναρέα на Οὐλατέρρα).

версия, возможно исправленная Страбоном. Г. Фласхар, с осторожностью относясь к этому заключению Али, также считает (*loc. cit.*), что под «высотой» следует понимать длину подъема. Реальная высота Ойнарейской горы в таком случае не должна была превышать 400 м. Но и эту достаточно ординарную цифру Фласхар, принимающий тождество Ойнареи и Волатерры, считает «парадоксографическим преувеличением».

Между тем в этрускологии сложилась и упрочилась другая гипотеза, пытающаяся интерпретировать легенду об Ойнарее в свете рассказа ряда античных авторов о событиях, происшедших в центре этруского двенадцатиградия, Вольсиниях, накануне их подчинения Риму в 264 г. до н. э. Так, Иоанн Антиохийский пишет, что изнеженные жители этого города, «пренебрегая оружием, передали его в руки рабов (τῶν ὀπλῶν καταφρονήσαντες τοῖς οἰκέταις ταῦτα χειρίζειν ἐπέτρεψαν). А те, приобретя могущество, сперва насильно обесчестили жен своих владельцев, а потом, поднявшись против хозяев, погубили их, одних убив на месте, а других подвергнув тяжелым карам» (фр. 50—FHG, IV, p. 557). О том же пишут Луций Анней Флор (I, 16, 24), Валерий Максим (IX, 1, 2), Зонара (VIII, 7), Орозий (IV, 5, 3—5). Отождествление Ойнареи с мятежными Вольсиниями было выдвинуто как гипотеза О. Мюллером и В. Дееке, оперировавшими с общей концептуальной схемой «рабы на месте господ»¹² (предложенная ими странная конъектура — Ὀλσνεα вместо Οἰνάρεια,— очевидно, неприемлема хотя бы потому, что она не считается с комментарием Стефана, как признавал и сам В. Дееке). Однако эта гипотеза в последние десятилетия упрочилась благодаря авторитету крупных этрускологов, не столько разрабатывавших ее, сколько просто принимавших ее как возможную, и даже как будто приобрела статус доказанного факта¹³.

Однако, если непосредственно сопоставить источники, прямая связь между сказанием об Ойнарее и преданием о Вольсиниях не может не показаться более чем сомнительной. Последнее, несомненно, говорит о вооруженном социальном перевороте, в котором принял участие широкий слой зависимых людей, получивших доступ к оружию. Но у Псевдо-Аристотеля невозможно уловить даже намек на какой бы то ни было переворот: ни слова не говорится ни о передаче в руки рабов оружия, ни о насилии зависимых людей над господами, ни вообще — о каких бы то ни было сдвигах в социальной структуре. Говорится о стройном социальном порядке, о годовом цикле, полностью регулируемом гражданами Ойнареи. Существовало, что зависимые люди, раз в год избираемые на царство, явно не становились полноправными гражданами, иначе они также могли бы переродиться в тиранов. Весь год они повелевали (οἱτοὶ ἄρχουσιν αὐτῶν). На исходе года они возвращались в прежнее состояние (или умерщвлялись — об этом можно лишь строить догадки), а на смену им шли новые отпущенники, чтобы воцариться в стране, окружавшей огромную гору. Это все, что, по нашему мнению, можно вычитать из текста Псевдо-Аристотеля, не искажая его смысла.

Если эта картина, нарисованная парадоксографом, действительно полностью согласуется со схемой некой социальной ситуации, то, во всяком случае, не со схемой социального переворота, но с описанной Дж. Фрэзером¹⁴ универсалией периодической (в идеальном случае — ежесезонной) смены носителя сакрализованной царской власти, универсалией, имплицитно включающей оппозицию рабского и царского состояния (при-

¹² Müller K. O., Deecke W. Die Etrusker. I. Stuttgart, 1877, S. 353 f.

¹³ См., например, Frankfort Th. Les classes serviles en Etrurie.— Latomus, 18 1960, № 1, p. 4, not. 4; Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964, с. 110, прим. 22: «Пункт, о котором идет речь, назван в тексте Οἰνάρεια (правильно — Οἰνάρεια — В. Ц.), но рассказ относится, несомненно, к Вольсиниям». См. также Heurgon J. Oinarea—Volsinii.—In: Festschrift F. Altheim, B., 1969.

¹⁴ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980, *passim*.

чем первое рассматривается как равносильное смерти)¹⁵. Жители Ойнареи оказываются в длинном открытом списке архаических коллективов, поддерживающих, в качестве неперемennого условия для своего нормального существования, непрерывное равновесие обоих состояний,— так что угасание царя и его смещение к состоянию рабства-смерти немедленно компенсировалось возвышением раба и его возведением в царское достоинство. Ближайшей италийской параллелью к ойнарейскому обычаю оказываются Сатурналии и связанный с ними ритуально-мифологический и социальный комплекс¹⁶. Однако этрусский вариант должен быть более архаичным, поскольку избрание царя Сатурналий, замкнутое в празднично-обрядовом отрезке времени, не имело отношения к будничному управлению страной. Оно маркировало точку календарного цикла, но не цикл в целом. Царь Сатурналий был лишь праздничным, сакральным царем. В отличие от правления отпущенников в Ойнарее, Сатурналии предполагают разделение сакральной сферы и сферы управления. Этим объясняется то, что правители Ойнареи устранились через год после избрания, а цари Сатурналий — в конце того же ежегодного праздника, на котором они были избраны.

Однако, если подойти к традиции об Ойнарее как к традиции мифопоэтической, немедленно бросается в глаза, что два отмеченных загадочных момента в псевдо-аристотелевском рассказе четко и последовательно соотнесены с сакральной организацией Ойнареи во временном и пространственном аспектах. Во времени доминантной характеристикой Ойнареи оказывается обновление правителей в соответствии с ежегодным обновлением времени, отвечающее универсалии «Золотой ветви». Доминантной характеристикой Ойнареи в пространстве является локализация в ее центре (ἐν μέσῳ αὐτῇ) огромной горы с лесом и водами, в точности соответствующая мифологической универсалии «мировой горы» как центра вселенной¹⁷. Наложение друг на друга этих двух принципов организации мира дает законченную картину архаического космоса.

Бросается в глаза, что черты, определяющие облик мифической тирренской Ойнареи, одновременно сближают ее с образом италийского потустороннего мира, открывающегося глазам ликофоновского Одиссея. Возносящаяся из Аида к небу гора, поящая своими водами всю Италию, очень напоминает многокилометровую гору в центре Ойнареи, «несущую на себе вверху и внизу всяческие леса и воды». Более того, представление о великой горе как о месте воцарения раба (Lethe — Ληθαῖος) лингвистически опосредовано в названии гигантского Летеона. Кстати, если речь действительно идет о «мировой горе», восходящей к небу из земных глубин (ἄνω καὶ κάτω) становится более или менее объяснимой пропорция 2 : 1 между высотой этой горы и длиной дороги в Волатерре, ведущей от поверхности земли к вершине. Волатерра, действительно, превосходно воплощает заложенный в древнем мифе образ города, прилегающего к «мировой горе». Относительно обилия вод на ойнарейской горе и на Летеоне можно отметить, что непосредственно перед описанием волатерранского холма Страбон (V, 2, 5) приводит миф об огромных тир-

¹⁵ О «мифологеме» «раба» см. Брагинская Н. В. Раб, слуга, шут. — В кн.: Мифы народов мира. II. М., 1982, с. 360—361, с указанием на основную литературу.

¹⁶ Ельницкий Л. А. О социальных идеях Сатурналий. — ВДИ, 1946, № 4, с. 54—65.

¹⁷ См. Топоров В. Н. Гора. — В кн.: Мифы народов мира. I. М., 1980, с. 311—315 с указанием на литературу, в том же издании материалы, относящиеся к почитанию гор у сино-тибетских народов, у народов Передней Азии (великая гора Меру, или Сумеру), у хурритов, ср. также шумерские представления о великом холме Куре (о космологической функции гор в семитской мифологии см. *Eliade M. Kosmos und Geschichte*. München, 1966, S. 16—20). О почитании Великой горы у индоиранских народов и его финно-угорских истоках см. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии, passim, особенно с. 46—48, 64—66, 102. Впервые о мотиве Великой горы у этрусков: Немировский. Ук. соч., с. 137 сл., 173.

ренских реках, изливающихся с гор и некогда грозивших слиться в один поток, но испугавшихся плотин и обещавших не устраивать потопа.

Рассмотренный материал позволяет предположить существование древнеэтрусского ритуала — праздника, аналогичного римским Сатурналиям. При этом место его отправления соотносилось бы с сакральным мировым центром — горой, поющей страну водами, уходящей в земные глубины и носящей имя, родственное этрусской рабской кличке *Lethe*, которая должна была выступать ключом ко всей речевой стороне ритуала. Больше сказать трудно: созвучие с ликофроновским *Ληθαιῶν* весьма вероятно, однако для этрусского с его ударением на начальном слоге и синкопой слогов неначальных форма, даваемая Ликофроном как таковая, едва ли возможна. Что касается традиционного изображения знаменитого восстания в Вольсиниях, обращает на себя внимание его странно ритуализованный характер, особенно очевидный у Иоанна Антиохийского: рабы решаются посягнуть на власть, лишь предварительно сменив владельцев в супружеских функциях. Мы не исключаем той возможности, что традиция, оправдывающая вступление римских войск в этрусский город, во многом сложилась под влиянием тенденциозно воспринятого «ойнарейского» мифо-ритуального круга представлений.

Наша гипотеза находит неожиданную поддержку в строении одного из крупнейших этрусских ритуальных текстов, записанного на Капуанской черепице. В этом не вполне сохранившемся тексте не менее шести раз встречается слово *lethamsul* в соединении со словами *vacil* «обряд» и *ilusu* (последнее слово не очень ясно — для него предполагается значение «праздник», но очевидно лишь, что оно всегда сочетается с именами и эпитетами богов¹⁸; в билинве из Пирги *ilacve* появляется в этрусских контекстах, параллельных финикийским с упоминанием богини). Лежащее в основе *lethamsul* теоформное имя *Lethams* многократно встречается в надписях на знаменитой бронзовой модели гадательной печени из Пьяченцы в вариантах *Letham*, *Lethms*, *Lethn*, *Lethns*. Внимания заслуживает композиция правой стороны печени («сторона солнца» — *usil*), над которой поднимается крупный сужающийся кверху желчный пузырь с верхней частью, помеченной словом *leta* и именем божества почвенных вод *Neth* (= *Nethuns*, лат. *Neptunus*)¹⁹. Такая структура сакрального пространства проливает свет на синтаксически обособленный оборот из Капуанской надписи (ст. 12): *nuntheri auth lethaium vacil ia lethamsul*; при том, что словоформа *lethaium*, согласно справедливому замечанию М. Паллоттино, скорее всего членится на *le-thai-um* с выделением известной энклитической частицы — *um* («вот, именно», а все сочетание должно переводиться «надо совершить» (*nunthe-*

¹⁸ *Pallottino M.* Lettura e contenuto della grande iscrizione di Capua. — In: *Pallottino M.* Saggi di antichità, v. II, Roma, 1979, p. 597, 600 sg.

¹⁹ Автор благодарен Н. К. Тимофеевой, обратившей его особое внимание на этот факт; ср. *Pfiffig A. J.* Religio etrusca. Graz., 1975, S. 121 ff. При наличии прямых, неоднократно дискутировавшихся свидетельств о пережитках этрусских мифологических представлений, в частности — этрусской теонимии в низовой традиции Тосканы вплоть до начала нынешнего столетия (*Leland Ch. G.* Etruscan-Roman remains in popular tradition. L., 1892, passim; *Idem.* Legends of Florence. L., 1910, p. 237—254; ср. *Pfiffig.* Religio etrusca, S. 383—389) интерес представляет нетривиальная близость реконструируемого фрагмента этрусской космологии к космологическим построениям Данте. Модели мира, отраженной в структуре печени из Пьяченцы, с противопоставлением округлой розетки на стороне, помеченной именами вредоносных богов («сторона луны») огромному отростку, поднимающемуся над благоприятной стороной («сторона солнца»), соответствует дантовское противопоставление воронки Ада горе Чистилища, лежащей на противоположной стороне мира. Далее, если загробные реки античной мифологии представлены поэтом в виде единого потока, последовательно пересекающего круги Ада («Ад», XIV, 112—126), для Леты сделано исключение и она перемещена на самую вершину горы Чистилища («Ад», XIV, 133—138; «Чистилище», XXVIII—XXXI), что дает прямую параллель к пометке *leta* на желчном пузыре рядом с именем божества вод и к ликофроновскому образу Летеона, струящего потоки над потусторонним миром.

ri) именно *auth lethai* обряд в честь божества *Lethams* (= *Lethn*)», кажется возможным определить пузырь *leta* на печени предположительно как отражение сакральной точки **letha* в Капуанской надписи, места почитания названного бога. Представляется, что контекст, подобный зафиксированному *auth lethaium... vacil lethamsul (lethnsul)* и имевший вид вроде **lethn(s)...* *auth lethai-um*, мог, соотносясь с определенным ритуальным действием, генерировать проникшее в греческую версию представление о сакральном орониме *Ληθαίων (Ληθαίωνος)*.

Все эти данные вызывают ряд вопросов, на которых мы не можем здесь подробно останавливаться. Заметим лишь, что этрусский храм и этрусский город изучены к настоящему времени, в основном в аспекте плоскостной планировки²⁰. Встает задача исследования этрусского урбанистического ландшафта в вертикальном разрезе с уточнением той конкретной формы, в которой этрусское градостроительство воплотило универсальные представления о сакральности наиболее возвышенных точек типа акрополя (ср. приходящееся на этрусскую эпоху сооружение храма Юпитеру на ранее пустовавшем римском Капитолии). Наконец, проблемой, первостепенной по своей важности для успешных этрускологических разработок, остается изучение античных источников, подобно «Александру» Ликофрона, отразивших сложный процесс взаимодействия итало-этрусских традиций с духовным опытом эллинистического Восточного Средиземноморья.

В. Л. Цымбурский

²⁰ *Pfiffig*. *Religio Etrusca*, S. 112—115. *Mansuelli G. A.* *Problemi e prospettivi sull' urbanistica antica. La città etrusca.*— *Studi storici*, 1967, № 1 (на материале Марцаботто). О раскопках Рузеллы и Аквароссы см. *Ильинская Л. С.* История и культура античной Италии и Рима в свете археологических открытий последнего десятилетия.— *ВДИ*, 1973, № 1, с. 185—190. Особенно интересен материал Рузеллы, раскинувшейся в трех зонах — на двух холмах и в разделяющей их долине,— материал, наименее укладывающийся в чисто плоскостные модели.

ANCIENT SOURCES ON THE ITALO-ETRUSCAN MYTH ABOUT THE GREAT MOUNTAIN

V. L. Tsymbursky

The remarkable and mysterious story told by Pseudo-Aristotle (*Mir.* 93) about the Tyrrhenian city Oinarea where every year, at the foot of a great mountain, freedmen are elevated to kingly rank, is regarded by the author as a reflection of certain ancient Etruscan social and cosmological notions, including the ritual crowning of a slave (the «golden bough» theme) and the idea of a «world mountain». The traditional name for slaves in Etruria, *Lethe*, allows us to link the story in Pseudo-Aristotle with Lycophron's mention (*Alex.* 699 sqq.) of a great mountain reaching up to the sky above the Italic world of the after-life and watering all of Italy. Fragments of a reconstructable mytho-ritual complex whole can be discerned in the Etruscan ritual described on a Capuan tile and in the shape of a bronze liver (used for augury) from Piacenza. The author allows that the ancient historical tradition about a slave revolt in Volsinii in 264 B. C. may have been affected by the myth of Oinarea as tendentially perceived by the Romans.

ПРОБЛЕМЫ СКИФОЛОГИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

(А. А. НЕЙХАРДТ. *Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии*. Л.: Наука, 1982, 232 с.)

Невозможно переоценить роль Геродотово Скифского логоса для скифологии, изучающей древнейшее прошлое Юга нашей страны. Представляется абсолютно справедливой (и по-прежнему актуальной) высокая оценка свидетельств Геродота о Скифии, принадлежащая русскому исследователю середины прошлого века Н. И. Надеждину, которая завершает книгу А. А. Нейхардт: «Нашей Скифии, предпочтительно перед прочими, несравненно более интересными странами земного шара, выпала счастливая доля найти именно в Геродоте, отце истории, и отличного наблюдателя, и отличного живописца».

Интересный и обстоятельный труд А. А. Нейхардт вырос из очерка отечественной историографии по Скифскому логосу и комментарий для выпуска «Народы нашей страны в «Истории» Геродота (Свод древнейших иноязычных источников по истории народов СССР)», подготовленного сектором древней истории Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР и недавно вышедшего в свет. Современность и актуальность обращения к отечественной историографии скифской книги Геродота определяется тем, что в науке уже сложился особый тематический комплекс с обширнейшей специальной литературой, требующий для своего дальнейшего успешного развития подведения некоторых итогов многочисленным направлениям, в нем сложившимся.

Основная цель исследования А. А. Нейхардт — «дать обзор более чем двухвековых изысканий отечественных ученых по Скифскому логосу Геродота» (с. 3). Автор отдает себе отчет в чрезвычайной сложности предпринятого исследования и четко ограничивает свою задачу показом «основных положений штудий, связанных со Скифским логосом, направлений, по которым развивается советская наука, изучающая Геродотову Скифию», выявлением характерных для ее исследователей «поисков, успехов и просчетов» (с. 5).

Задачи исследования А. А. Нейхардт обусловили композицию книги: первый ее раздел — «Скифский рассказ Геродота в русской исторической науке» — состоит из двух глав, посвященных, соответственно, историографии XVIII — начала XIX в. и XIX — начала XX в.; во втором разделе — «Скифский рассказ Геродота в исследованиях советских ученых» — в соответствии с закономерным в советское время переходом к более специализированному изучению скифской проблематики (при постоянно расширяющейся источниковедческой базе и выработке новых приемов исследования) автор выделяет три важнейшие проблемные области скифологии, каждой из которых посвящает отдельную главу — «Этническая география Скифии по Геродоту», «Общественный строй и проблема скифской государственности», «Религиозные представления скифов по Скифскому рассказу Геродота». Завершает работу исследование вопроса об аутопсии Геродота в Северном Причерноморье, вносящее в финал книги тональность полемической заостренности, исследовательской заинтересованности автора, для которого рамки чисто историографического жанра оказываются тесны.

По историографии скифов в отечественной науке существует лишь одно (если не считать обзора середины прошлого века, принадлежащего П. М. Леонтьеву¹) сочинение, предшествующее работе А. А. Нейхардт². Однако книга С. А. Семенова-Зусера, во многом уже устаревшая, неубедительная, настоятельно требовала пересмотра. Кроме того, последние три десятилетия отмечены лавинообразным увеличением литературы по скифской проблематике. По этим причинам предпринятое А. А. Нейхардт исследование приобретает чрезвычайно важное значение.

Интереснейшие сведения читатель почерпнет из первой главы книги, посвященной ученым начального периода исследований по скифскому вопросу. Большой заслугой автора является извлечение из забвения имен множества полузабытых авторов, отдельные идеи которых не устарели и до нашего времени (например, Г. З. Байера, заложившего основы изучения исторической географии Скифии по Геродоту, Э. Эйхвальда, Н. И. Надеждина, Г. Думшина, Ф. К. Бруна, К. Бэра и др.). А. А. Нейхардт взяла на себя также труд заново оценить научный уровень некоторых незаслуженно скомпрометированных и потому отброшенных за пределы научного рассмотрения работ и определить их значение для скифологии (так, восстанавливая научную справедливость, автор реабилитирует работы таких ученых прошлого, как Г. З. Байера — с. 10—14, Э. Боннеля — с. 36, П. О. Бурачкова — с. 39 и ряда других). Автор книги удачно выделяет из массы материалов концептуально важные положения, определяя степень их научной достоверности и ценности, а также их место в ряду современных скифологических концепций³.

Исследовательская позиция автора по отношению к Геродоту, выявляемая при чтении книги, ориентирована прежде всего на поиски научной истины: она справедливо не ищет противоречий и ошибок в тексте Геродота, а пытается верифицировать его данные, не занимая априорно ни гиперкритической, ни безусловно доверчивой позиции. Достаточно указать на комментарий по поводу современной полемики об исторической и этнографической достоверности Скифского логоса. Источниковедческая добросовестность и ориентация на историзм сказываются, прежде всего, в оценке А. А. Нейхардт таких работ, в которых авторам изменяет чувство меры, а научная осторожность и объективность нередко приносятся в жертву ярким идеям и оригинальным концепциям, уязвимым для строгой критики (с. 154 сл.).

А. А. Нейхардт неоднократно и вполне справедливо указывает на необходимость построения исследования в первую очередь на анализе самого текста Геродота. В частности, она замечает, что наиболее доказательные выводы делают исследователи, применяющие всесторонний анализ текста Геродота, как это делал в своих работах Ф. Г. Мищенко. Рассматривая вклад Ф. Г. Мищенко в скифологию, А. А. Нейхардт попутно говорит, что его перевод «Истории» Геродота «сохранил известную ценность до настоящего времени» (с. 45). По этому поводу хотелось бы добавить, что, несмотря на стилистическую архаику, перевод Ф. Г. Мищенко, по нашему мнению, пока остается лучшим в русской переводной традиции, несмотря на имеющиеся в нем неточности и случаи пересказа, от чего, впрочем, не свободен и новейший перевод «Истории».

Определяя общий характер Скифского логоса в составе Геродотовой «Истории», А. А. Нейхардт приводит все высказанные в отечественной науке точки зрения по этому поводу. Наиболее убедительной и принятой большинством исследователей точкой зрения на Скифский логос является понимание его как этнографической *парэнтики* (экскурса — вставки), столь типичной для стиля сочинения не только самого Геродота, но и других античных авторов-историков⁴. Зачастую эти экскурсии имеют лишь формальную связь с тематическим содержанием труда в целом; отметим, что автор книги не дает достаточно четкой оценки другим приводимым мнениям относительно мотивов, по которым Геродот дал описание Скифии в своем труде (ср., напри-

¹ Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря. — В кн.: Прописи. I. М., 1851.

² Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Опыт историографии скифов. Ч. I. Харьков, 1947.

³ Отошлем читателя к анализу труда А. С. Лаппо-Данилевского «Скифские древности» (СПб., 1887), где в полной мере проявились эти качества А. А. Нейхардт (с. 40—45).

⁴ См. Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957; Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953.

мер, изложение гипотезы, по которой замысел Геродота сводился к намерению пройти по следам Дария от Боспора Фракийского до Меотиды,— с. 63, прим. 7). На наш взгляд, традиционное объяснение, не предполагающее поисков особо продуманных мотивов для экскурсии о скифах, предпочтительнее.

Исходя из требования строгой научной аргументированности всех гипотетических построений, основывающихся на данных Геродота, А. А. Нейхардт всегда последовательно отмечает все случаи поверхностных и необоснованных лингвистических сближений или неправомерных этнографических параллелей⁵. Бережное отношение к тексту и показаниям Геродота сказывается в позиции автора в вопросе о толковании известного места в Скифском логосе о скифах-пахарях (*ἀροτῆρες*) и земледельцах (*γεωργοί*). Собрав и рассмотрев все версии объяснения, автор присоединяется к толкованию В. И. Абаева, снимающему вопрос о тавтологическом употреблении Геродотом этих терминов и делающему излишними сложные, нередко искусственные построения, призванные дать удовлетворительное объяснение; при этом удается сохранить в неприкосновенности показания Геродота как обладающие большой информативностью (с. 110 сл.).

Сильной стороной исследования А. А. Нейхардт является анализ не только особенностей того или иного рассматриваемого ею труда, но и обязательное выявление методологических основ исследования, что позволило автору книги на протяжении всей своей работы последовательно изложить свое понимание методологии исторического исследования, основанного на комплексной методике и привлечении всей совокупности доступных изучению источников. Так, касаясь вопроса об извлечении исторической информации из археологических источников, А. А. Нейхардт на примере изменения методики археологических исследований прослеживает круг проблем, связанных с интерпретацией археологических памятников, проблем, пока еще не решенных практиками и теоретиками науки⁶.

Следует отметить, что автор вообще большое внимание уделяет археологической литературе, связанной со скифской проблемой в целом; анализ и оценка археологических трудов раскрывают значение труда Геродота для развития археологических исследований на юге России (см., например, о трудах В. А. Городцова и А. А. Спицина — с. 55).

Характер работы А. А. Нейхардт неизбежно ставит перед исследовательницей множество проблем источниковедческого плана. Безусловно поддерживая мысль о необходимости комплексного рассмотрения всех видов источников и на практике последовательно и исчерпывающе полно привлекая для исследования их в равной степени, автор все же в соответствии с академической традицией исторического источниковедения, с ее ориентацией на письменные источники и тенденцией к филологическому уклону в интерпретации, с известной непоследовательностью говорит о «вспомогательном» характере всех иных типов источников, помимо письменных античных памятников. Главным способом верификации сведений того или иного античного автора предлагается их сопоставление с данными других античных сочинений (с. 225). Между тем в другом месте, говоря о работах С. М. Соловьева, писавшего только на основании письменных свидетельств, автор совершенно справедливо подчеркивает, что при использовании только письменных источников, без привлечения археологического и иного материала, реконструкция всегда будет недостаточно полной и убедительной (с. 49). Нельзя не заметить, что есть случаи, когда именно так называемые ненамеренные свидетельства невербального характера могут быть наиболее убедительным материалом для оценки достоверности данных письменного памятника. Кстати, в отношении Скифского логоса и сам автор вынужден признать справедливость именно такого подхода к источникам «вспомогательного» (по используемой в книге терминологии) характера.

⁵ В частности, разбирая устаревшую концепцию Д. И. Иловайского, воскресившего «наивные приемы „сходственного звона“», автор книги отмечает, что попытки возрождения гипотезы М. В. Ломоносова без серьезной научной аргументации имеют место и в современной скифологии.

⁶ Достаточно указать на пассажи, связанные с изложением работ А. С. Лаппо-Давилевского — с. 43 сл., М. И. Артамонова — с. 186—194 сл., Б. Н. Гракова — с. 204—208, и др.

Большое внимание в книге уделено анализу данных, полученных исследователями по такой важной и информативной группе источников, как иконография. Автор разделяет мнение об информативной ценности источников этого рода, но одновременно показывает, что их интерпретация иногда страдает известной произвольностью, выводы нередко вызывают сомнение и кажутся в значительной степени субъективными. Так, разбирая толкование Д. С. Раевским так называемой «Богини с зеркалом», изображенной на бляшке из Чертомлыцкого кургана, автор убедительно показывает сомнительность его гипотезы и присоединяется к более осторожной трактовке Ю. Г. Виноградова (с. 195 сл.). Вообще требовательное и осторожное отношение автора книги к научной достоверности исследования, ее источниковедческие принципы, использование комплексного подхода и умение не только дополнять, но и проверять их при помощи такого дополнения, служат отличительными чертами научного метода А. А. Нейхардт, позволяющего ей добиваться надежных результатов в собственных исследованиях и выработать набор убедительных критериев для оценки достижений других исследователей.

В связи с упомянутым анализом изобразительных источников для реконструкции различных аспектов скифской культуры нельзя не сказать, что книга позволяет увидеть целый ряд вопросов, пока еще недостаточно изученных или требующих дальнейшего уточнения. Например, положение о том, что иконографический канон Аргимпасы со временем осложняется атрибутикой хтонической змееподобной богини Апи, праматери скифов, как кажется, требовало бы дальнейшего разъяснения с целью показать, что и в функциональном и в семантическом планах это осложнение не инородно, поскольку и змеи, и атрибуты праматери Апи удовлетворяют семантическому полю «центральной» богини, связанной с мировым деревом (мировой осью, домашним и царским очагом) и всем комплексом «центральных» представлений, а также обладающей функциями божества плодородия, водной стихии и т. д.

Рассмотрению основных проблемных областей современной скифологии посвящен, как сказано, второй раздел, занимающий почти 4/5 объема книги. Среди важных проблем скифологии подробному рассмотрению в первой главе подвергнуты, в частности, вопросы этнической характеристики и, естественно, этногенеза скифов, не имеющие, как известно, единого решения в многочисленных скифологических исследованиях. К сожалению, здесь (в частности, на с. 79—84) безупречная академическая объективность автора являет читателю и свою уязвимую сторону, поскольку от высказывания собственной позиции по этим вопросам А. А. Нейхардт в ряде случаев воздерживается. Между тем, как кажется, современный уровень разработки и собственно скифского материала и теоретических аспектов проблем этногенеза в этнографии уже позволяет приблизиться к ответу на эти давно поставленные в науке вопросы.

Разбирая вопрос об ираноязычном происхождении скифов, после исследований В. И. Абаева уже не вызывающий более дискуссий в скифоведении, А. А. Нейхардт попутно упоминает об интереснейшей гипотезе, высказанной в свое время еще Ф. Г. Мищенко, трактовавшим этноним «скифы» как политический термин. Нам представляется, что эта гипотеза заслуживала бы особого внимания в свете появляющихся в последнее время исследований в русле этой идеи на типологически однородном или близком материале по другим регионам, в частности на африканских материалах. Эти исследования свидетельствуют о том, что нередко этноним первоначально может представлять собой именно социальный или политический термин⁷.

Вся совокупность данных о скифах восточных (кочевниках) и западных (оседлых земледельцах) с соответствующими различными чертами культуры (что подтверждается археологией) позволяет рассматривать их как вторичный гетерогенный этнос. Его становление происходило, скорее всего, по пути интеграции кочевых индоиранских племен с автохтонными оседлыми земледельческими этническими сообществами, по-видимому, протославянского происхождения, в полиэтнический союз племен. Причем

⁷ Ср. первоначально социальное содержание этнонима «амхара» (Чернецов С. Б. Такие амхара. Опыт исторического обзора термина и его содержания. — В кн.: Этническая история Африки. М., 1977, с. 18—45); о других общих принципах возникновения этнонимов в Африке см. Томаговская О. С. Этнос и этноним в предклассовом обществе: частные аспекты, их соотношения. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 180—207.

в процессе исторического развития социально-экономического симбиоза кочевников и земледельцев происходила выработка основных объединяющих характеристик вторичного этноса: общих культурных форм, политических институтов, возможно, унификация языка в результате длительных лингво-культурных процессов и т. д. Можно думать, что в начале этого процесса полиэтничность скифов, как единого социального организма, обладала тенденцией к консервации в силу выявляемой специфики социально-политической структуры этого единства, в котором господствующим социальным элементом были завоеватели — кочевники, осуществлявшие эксплуатацию иноэтничных оседлых земледельцев⁸. По-видимому, есть основания искать разрешение проблемы происхождения скифов именно с позиции определения ее этнической специфики. При таком подходе целесообразно видеть в скифах не единый этнос (речь идет, разумеется, о периоде становления этого социально-политического организма), а специфическую протогосударственную структуру, имеющую псевдоэтническую форму. Именно в пользу такой трактовки свидетельствует и интерпретация этнонима «скифы» как псевдоэтнонима, имеющего значение социально-политического термина.

С этой точки зрения становятся объяснимыми многие непонятные особенности скифской культуры, реалии которой зачастую имеют явно различное происхождение, многослойность этой культуры, сосуществование радикально отличающихся культурных комплексов (различные способы погребения, наличие выраженных отличий в типах оружия и орудий и т. п.).

Проблемы этногенеза и этногеографии скифов породили, как известно, огромную литературу. А. А. Нейхардт удалось в чрезвычайно сжатой форме дать обзор всех имеющихся гипотез, совершая при этом многочисленные экскурсы в специальные области этнографии, археологии, лингвистики и т. п. В этой связи уместно упомянуть и об анализе автором книги вопросов, связанных с исторической и теоретической географией.

Рассматривая в высшей степени подробно вопрос о размерах и форме страны скифов по Геродоту, А. А. Нейхардт убедительно показывает главные уязвимые для критики положения, используемые исследователями для верификации данных Геродота. Прежде всего автора книги интересует проблема «скифского тетрагона». Справедливо отмечая, что в решении этого вопроса необходим учет теоретических географических положений современников Геродота и его самого, автор одновременно считает неправомерным использовать для вычисления расстояний и размеров реальной географической территории такие меры протяженности, как «день пути» или «день плавания», отмечая, в частности, что Геродот часто пользуется условными числами и цифрами, а кроме того различными (в зависимости от используемых им источников) значениями стадия. В целом все эти положения не вызывают сомнения. Однако нам представляется, что здесь автор занял крайне скептическую позицию. Исчисления в днях пути или плавания (с известными допущениями и усредненностью) могут все же, на наш взгляд, служить основанием для примерных определений расстояний. Обращение к источникам подобного рода показало, что в ряде случаев, конечно с известной долей условности, установление реального расстояния все же возможно. Достаточно вспомнить удачные и вполне достоверные реконструкции расстояний по данным арабских источников⁹, примеры удачных восстановлений расстояний по дням пути в исследованиях Р. Хеннига¹⁰, поддающееся проверке восстановление маршрутов морских плаваний по Восточному Средиземноморью на основании сведений источников о днях плавания с учетом типа кораблей, течений, скорости и направления ветра и других дополнительных данных¹¹.

Автор хорошо понимает важность учета всей системы географических представлений Геродота и его современников при критическом осмыслении его данных. Тем

⁸ Это явление, кстати, весьма сходно в типологическом плане с известными аналогичными случаями отношений кочевнических племен с данниками или рабами-земледельцами иноэтничного происхождения в сахар-суданской зоне Африки.

⁹ Арабские источники. Т. I. М.—Л., 1961: VII—X вв.; т. II. М.—Л., 1965: X—XII вв. Подготовка текстов и переводы В. В. Матвеева и Л. Е. Куббея.

¹⁰ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. I—IV. М., 1961—1963.

¹¹ Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарагантская проблема. М., 1978.

самым дается верное направление для истолкования вопроса о «скифском четырехугольнике» (с. 155 сл.), трактовка которого до настоящего времени оставалась достаточно дискуссионной. Вообще эта интересная проблема разобрана в книге весьма подробно и убедительно, а критика, данная А. А. Нейхардт по имеющимся толкованиям «скифского тетрагона», и ее рассуждения по поводу границ Скифии представляются весьма продуманными, учитывают все современные научные достижения, полноценно и исчерпывающе используют текст Геродота и весь комплекс источников и, видимо, закрывают полемику по этому вопросу.

Вторая глава второго раздела посвящена труднейшему вопросу об общественном строе и государственности у скифов. Нелегкую задачу учесть все имеющиеся концепции по этой проблеме и критический анализ их автор решает единственно возможным способом, выделяя основные направления и группируя их по степени близости. Вызывает полную поддержку оценка А. А. Нейхардт взглядов М. И. Ростовцева по поводу общественных отношений скифов, рассматривавшихся им как феодальные. Характеризуя эти взгляды как методологически неправомерные, А. А. Нейхардт затрагивает здесь вопрос большой теоретической важности. И в современной исторической литературе нередки еще случаи подобного подхода к историческому исследованию, когда неправомерно сближаются разнотадимальные общества, в результате чего завышается или занижается уровень социально-экономического развития изучаемого общества, воцаряется исторический произвол и существо вопроса лишь отдалается от своего разрешения.

Автором книги выделены два основных направления в решении вопросов, связанных с формами социальной и политической организации, существовавших у скифов. Согласно первому, формулируется положение о том, что скифы достигли в своем развитии рубежа между варварством и цивилизацией, т. е. находились в переходном состоянии от доклассового к раннеклассовому обществу. Согласно второму, выражающему модернизаторскую тенденцию, существенно завышается стадийный уровень развития скифов и скифское общество определяется как военно-феодальная государственная система.

Вся совокупность представленного в книге материала по скифологии, а также теоретических положений об уровне социально-экономического развития скифского общества заставляют склоняться к признанию того, что скифы, как они зафиксированы в Геродотовой «Истории», находились на стадии перехода от первичной социально-экономической формации ко вторичной. Эту переходную эпоху мы склонны называть послепервобытной, или периодом разложения первобытного общества и формирования раннеклассового. Именно этот переходный период между первобытным и раннеклассовым обществами и обозначается по давно укоренившейся традиции моргановским термином «военная демократия». А. А. Нейхардт, как и большинство авторов, используя этот термин, отмечает его условность и неточность (см. с. 179, прим. 63). Со своей стороны отметим, что выделение военного характера обществ переходного периода указывает лишь на одну из функций, пусть важную, но не единственную. При этом не учитывается, что формирование классового общества не обязательно проходило в форме военной организации и экспансии (как, например, в полинезийских обществах). Кроме того, военные функции присущи обществам любого исторического типа. Наиболее осторожным и точным представляется обозначение этого периода в социально-экономическом и политическом развитии общества как периода классообразования. Во всяком случае, ясно, что общества «военно-демократического» типа нельзя трактовать как первую форму государства. Это были еще общества с явно до- или предгосударственными структурами, в которых если и присутствовали отдельные элементы государственности, то процесс классообразования еще отнюдь не завершился и противоречия в нем еще не приобрели антагонистического характера¹². У скифов же, как представляется из рассказа Геродота, население, пусть даже формально, еще участвовало в общественных делах, о чем свидетельствует упоминание о народном собрании.

Касаясь вопроса о военной демократии, Ф. Энгельс прежде всего отмечал, что она характеризуется складыванием и развитием класса непосредственных произво-

¹² См. сб.: Первобытное общество. М., 1975, с. 118, 128—130.

дителей и форм его эксплуатации, и подчеркивал, что в период разложения первобытнообщинного строя происходит процесс становления и формирования классов, но что процесс этот еще не завершен; он завершается лишь на последующей — государственной — стадии развития общества ¹³.

Рассматривая проблему общественного строя и государственности у скифов, автор поднимает важный вопрос о значении миграций в историческом процессе, отмечая их огромную историческую роль (с. 165), что естественным образом приводит к рассмотрению проблемы кочевнических обществ.

Привлечение кочевниковедческой проблематики стало, безусловно, назревшей необходимостью. Решение главных проблем социальной организации скифов без материалов и теоретических выводов кочевниковедов на современном этапе развития науки скифологии уже невозможно. Исходя из кочевого характера скифского общества, А. А. Нейхардт справедливо полагает, что общая тенденция кочевых обществ к сохранению родо-племенных отношений и ограничению социальной дифференциации в полной мере распространяется и на скифов, а вследствие этого рассматривать проблему образования государства у скифов следует с учетом этой тенденции. Рассмотрение главных вопросов кочевниковедения приводит автора книги к признанию принципиальной важности для скифологии этнографических исследований. Принимая в основном замечание Э. А. Грантовского о том, что историко-этнографические параллели могут лишь подтвердить, «что могло быть», но с их помощью нельзя доказать «как должно было быть», А. А. Нейхардт тем не менее убеждена в том, что без всех имеющихся материалов по кочевниковедению нельзя судить о скифском обществе и его государственном устройстве (с. 183).

Подытоживая обзор современных кочевниковедческих теорий, А. А. Нейхардт приходит к выводу о возможности развития у кочевников двух видов государственных образований. Первый — государства, возникающие в ходе «нормального» развития в условиях специфики кочевого скотоводческого хозяйства, с непременным процессом седентаризации. Причем ход развития государства отличается от процессов этого типа в оседлых обществах лишь крайней замедленностью темпов. Второй — государственные образования, возникающие в результате покорения кочевниками более развитых земледельцев, характеризующиеся автором как «искусственные», имеющие временный непрочный характер и тенденцию к распадению, если не происходил процесс седентаризации у самих кочевников.

Сразу отметим, что последний из выделенных типов вызывает серьезные сомнения в его точности. Сравнительно-типологический материал (в частности, примером может служить аналогичная ситуация взаимодействия арабов-кочевников с оседлыми земледельцами в Египте VII в.) показывает, что такой вид государственного образования нельзя назвать ни «искусственным», ни временным (арабо-египетское государственное образование показало свою жизнестойкость, при том, что процесса седентаризации арабы избегали, оставаясь на границах оседлой земледельческой зоны).

Разделяя тезис С. А. Плетневой о том, что стойкие государственные формы в кочевнических обществах возникают лишь при наличии в них определенного уровня седентаризации (с. 180), А. А. Нейхардт отмечает неясность вопроса для случаев, когда кочевники покоряют и облагают данью оседлое земледельческое население. При этом рассматриваются лишь случаи, когда покоренные земледельцы находятся на стадии завершившегося сложения государственной организации. Все последующие вопросы связаны исключительно с этим вариантом: как следует определять уровень развития данного общества — по наиболее развитому или наиболее отсталому компоненту этого единства, или рассматривать эти компоненты как отдельные общины и т. п. Между тем не вполне ясно, считает ли автор книги, что земледельческие племена, автохтоны, с которыми взаимодействовали кочевые скифы, находились на уровне государственного образования. Все нам известное говорит скорее о противном: государственности у оседлых земледельцев еще скорее всего не было. Между прочим и сделанная автором оговорка (со ссылкой на книгу Ю. В. Андреева ¹⁴), что речь идет о случаях, когда у побежденных более развитых племен завоеватели не ликвидируют

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 163 сл.

¹⁴ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976.

их государственную организацию, как это произошло при «дорийском завоевании», заставляет скорее склоняться к выводу о том, что разрушение покоренного государства — явление наиболее типичное при завоеваниях подобного рода, о чем свидетельствуют многочисленные примеры.

Кажется, что определение уровня развития обществ, возникающих в результате покорения кочевниками оседлых земледельцев (даже оставляя на время в стороне вопрос о наличии у покоренных оседлых племен государственности), вряд ли возможно без учета того обстоятельства, что образующееся единство и по линии экономической и по линии социально-политической представляет собой симбиотическое образование, в котором оба компонента образуют неразрывное целое и только оно может обеспечить как экономическое, так и политическое функционирование его. По-видимому, скифское общество (как и типологически сходные) обоснованнее всего интерпретировать как предгосударственное образование с начинающимся процессом классообразования, еще весьма далеким до завершения. В качестве аналогичного примера уместным кажется привести симбиотические предгосударственные образования Северной Африки и Сахары как в древности (гараманты¹⁵), так и в новое время, в которых отношения кочевых племен с их оседлыми данниками-земледельцами могут дать любопытный сравнительный материал для скифологических штудий. При этом выявляется важность такого показателя, как разноточность кочевников и земледельцев (в африканском варианте речь идет даже о различной расовой принадлежности). Этот фактор может в известных условиях определять также и характер социальной стратификации и социальной специфики симбиотического общества. С этой точки зрения предложение автора книги оценивать уровень развития такого типа социальных организмов по более высоко развитым оседлым земледельцам представляется не вполне точным, поскольку, в частности, здесь мало учитывается фактор адаптационно-ассимиляционных процессов, неизбежно происходящих в таких смешанных обществах, а также то обстоятельство, что, как правило, земледельцы являются социально зависимым слоем такого предгосударственного образования, что, естественно, значительно ограничивает их возможность сколько-нибудь заметно определять характер такого социального организма в целом.

С этих позиций трудно согласиться и с определением таких социальных организмов как «искусственных» (с. 182), скорее это явление следовало бы рассматривать как одну из закономерных форм государственно-политического образования (на стадии предгосударственности), сочетающей в себе разно- (или одно-)формационные общества с различными хозяйственно-культурными типами.

Представляется, что заслуживает некоторого уточнения в целом верная оценка автором книги такого варианта, когда кочевое общество не имеет оседлых данников (с. 182, прим. 76), что, по мнению А. А. Нейхардт, является причиной неблагоприятной для них экономической ситуации, поскольку оседлое земледельческое население навязывает им торговлю в своих интересах. Думается, что здесь остается недоучтенным тот факт, что кочевые общества могут осуществлять (и на деле часто осуществляют) самостоятельную посредническую межрегиональную торговую функцию (такова, например, торговая деятельность туарегов в течение многих веков в Сахаре, Судане и Северной Африке). В конце концов именно эта посредническая торговая деятельность также приводит к формированию своеобразного экономико-политического симбиотического образования (даже при отсутствии даннических отношений оседлых земледельцев с кочевниками).

Обобщая свой обзор коренных проблем современной скифологии, А. А. Нейхардт отмечает, что появление разноречивых решений по ним нередко связано с «недостаточно ответственным отношением к тем возможностям, которые могут предоставить античные источники при полном источниковедческом понимании этих возможностей» (с. 184). Это положение, как представляется, если относить его не только к письменным, но и к другим типам источников по скифам, открывает реальные перспективы для дальнейших исследований в области скифологии.

К числу вопросов, требующих изучения с новых позиций, можно отнести и такой существенный вопрос, как существование матриархата в скифском обществе, выдвин-

¹⁵ Поплинский. Из истории этнокультурных контактов...

гавшийся многими исследователями, начиная с С. А. Жебелева, М. И. Ростовцева, М. И. Артамонова, В. И. Равдоникаса, Б. Н. Гракова, и поддерживаемый и ныне такими учеными, как В. И. Абаяев и др. Фактически положение о существовании у скифов матриархата является аксиомой, по существу которой никто из скифологов не высказывает никаких сомнений. Основным подтверждением этого положения служит, как известно, выявленная уже давно ведущая роль в скифском пантеоне трех из семи главных божеств: богинь Табити, Апи и Аргимпасы. По этому поводу нельзя не сказать, что на современном этапе сложилось такое положение, что о самом понятии «матриархат» трудно говорить с полной определенностью, затруднения возникают в самой характеристике понятия. Та уверенность, с какой еще десятилетие назад говорили о матриархате, уступила место сомнениям и, во всяком случае, выявилась потребность выяснить существо явления. Это понятие вызывает определенную настороженность и у историков и у этнографов.

Вообще новые этнографические данные, появившиеся в арсенале науки, опровергают, как это и предвидел Ф. Энгельс, многие положения, выдвинутые в свое время Л. Морганом, например, его схему периодизации эпохи доклассовой истории человечества. В исследованиях советских этнографов за последние десятилетия многие из когда-то классических положений Л. Моргана пересмотрены, другие остаются остродискуссионными¹⁶.

Во всяком случае, неоспоримо марксистское положение о том, что периодизация истории первобытности должна исходить не из рассмотрения и учета замены одной формы филиации другой (тем более что, по-видимому, установить очередность стадийного характера — задача, не имеющая смысла в силу ее несоответствия имеющимся этнографическим фактам¹⁷), а на отношениях производства и различных форм собственности.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что хорошо известная по многим примерам из разных регионов ведущая роль женщины в различных сферах жизни общества, в том числе и в сфере идеологической и сакральной (что нашло отражение в выявляемой по различным источникам центральной роли женщины в наиболее архаичных по своему характеру культах), не дает достаточных оснований для утверждения о наличии в таких обществах матриархата как ранней стадийной формы организации общества.

В этой связи представляется недостаточно убедительным и неполным толкование вопроса об энареях, связанных с культом Аргимпасы-Афродиты. По-видимому, неправомерно видеть в них «пережиток матриархального периода, при котором ведущую роль в культе играла женщина» (с. 210). Наличие же «женоподобных мужей» во многих архаичных по характеру культах в разных культурах, известных этнографии, в крайнем случае, может свидетельствовать именно об архаичности этих культов и иметь в каждом конкретном случае различные объяснения, но явно недостаточно для постулирования тезиса о матриархате.

В высшей степени интересна тема третьей главы второй части книги. Посвящена она религиозным представлениям скифов, реконструируемым по Скифскому логосу. Несмотря на известную ограниченность свидетельств Геродота о скифском пантеоне и системе верований скифов, в последние годы в скифологии сделаны значительные успехи в изучении этого аспекта их культуры, основанные на использовании комплексной методики исследований и привлечении огромного пласта археологических и сравнительно-исторических материалов. Между тем сложность этого сюжета и спорность многих общетеоретических положений, а как следствие — неоднозначность интерпретаций, предлагаемых разными исследователями, объективно делают этот вопрос чрезвычайно сложным для исследования, а решения его часто оказываются дискуссионными.

Сложность создавшегося положения в известной мере сказалась и на характере этой главы книги. Часто сознательно воздерживаясь от окончательных ответов на те

¹⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 242 сл.

¹⁷ В настоящее время есть все основания считать установленным, что матри- и патрилинейные формы родства — явления однопорядковые. См. Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур. — В сб.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.

или иные вопросы, сам автор, руководствуясь соображениями наибольшей объективности изложения имеющихся концепций, подпадает под влияние сложившихся стереотипных положений относительно характера и уровня развития идеологических представлений скифов. В частности, это сказалось в том, что в главе не подвергнут специальному разбору вопрос о правомерности использования в применении к скифскому обществу самого термина «религия», что, на наш взгляд, было бы осторожнее, поскольку пока еще трудно говорить о характере этих представлений со всей определенностью.

Иногда создается впечатление, что многие авторы, оперируя данными реконструированной (или реконструируемой) мифологии, как бы постулируют одновременное существование религии. Между тем наличие мифологии еще не является доказательством функционирования в обществе развитой религиозной системы. По-видимому, термин «религия» включает в себе некоторую долю априорного ответа на вопрос об уровне развития и характере верований скифов. Термин этот обладает большой ассоциативной нагруженностью, с ним вместе сразу как бы вводится оценка уровня развития идеологических представлений во всей их совокупности — в том числе космологических, космогонических и других аспектов. Сейчас еще, однако, отсутствует достаточное количество материалов для заключения о степени их развитости и о наличии достаточно жесткой системы, обладающей известной самостоятельностью, — структурированной идеологической системы типа развитых мировых религий. В крайнем случае можно, по-видимому, говорить о создании скифами системы, приближающейся по своему характеру к идеологическим конструкциям типа ранних религий с развитым набором реалий, сформировавшимся пантеоном, системой ритуалов, наличием святилищ стабильного типа, сложившейся иерархией специализированных служителей культа и т. п.

Представляется, что и само традиционное понимание религии требует известного расширения, поскольку в религиозных представлениях, как известно, реализуется помимо всего прочего способ систематизации объективной реальности при помощи субъективных методов мышления, соответствующих определенному уровню социально-экономического развития общества.

Материалы этой главы чрезвычайно интересны и, естественно, порождают множество вопросов. Например, рассматривая имеющиеся интерпретации трех известных скифских богинь — Табити, Апи и Аргимпасы (с. 191), автор книги приводит концепцию М. И. Артамонова, который полагал, что здесь речь идет о трех ипостасях одного первичного женского божества. Это место требовало бы комментария, поскольку представляется, что у этой гипотезы имеется альтернатива: нельзя исключить и иной возможности, вытекающей из концепции, по которой первичные этапы развития идеологических представлений отмечаются тенденцией к множественности специализированных божеств с очень дробными и конкретными функциями. На последующих этапах развития этих представлений отдельные божества синкретизируются, представая в виде одного полифункционального божества. Можно предположить, что в рассматриваемом случае перед нами не результат длительного развития древнейшего полуфункционального женского божества, а ранняя в стадильном отношении картина пантеона с тремя первичными женскими божествами.

Как уже говорилось, книга А. А. Нейхардт отличается четкостью изложения и мыслей самого автора, и содержания анализируемых работ. Однако, естественно, и эта работа, столь тематически насыщенная и сжатая, как и всякая другая, требует некоторых уточнений.

Так, например, автор не всегда последователен в использовании терминов «племя», «этнос», «народ». В некоторых местах, имея в виду, что Геродотово понятие *ἔθνη* имеет значение «союзы племен» — «этноты», точнее было бы употребить именно термин «этнос» вместо термина «племя» — с. 61—63. Иногда не делается различия между терминами «этнос» и «народ» — с. 59. Терминологическая тавтология допущена в термине «общественно-социальная структура» (с. 143), а на с. 43 неудачно выражение «торгово-экономические связи».

К числу очень редких в этой работе шероховатостей, скорее стилистического порядка, относится, например, использование при характеристике Папая — верховного бога и Таргитая — первочеловека сравнения последнего с библейским Адамом

(«своего рода скифский Адам» — с. 198). Эта вольная метафора, верная по существу, влечет за собой тем не менее неправомерные ассоциации с иным, более развитым этапом развития религиозных воззрений, принадлежащих стадияльно более высоко развитой культуре.

Трудно согласиться с употреблением термина «примитивные» по отношению к характеристике племен и народов, находившихся на ранних ступенях общественно-экономического развития (с. 180). Этот термин, примыкающий к традиции различения уровня развития общества в моргановско-тейлоровской терминологии как диких, варварских и цивилизованных, в настоящее время в известной мере скомпрометирован, поскольку приобрел в контексте колониалистских теорий явно уничижительный оттенок.

Резюмируя наши впечатления о книге А. А. Нейхардт, нужно сказать, что ее исследовательскому почерку свойственны лучшие черты отечественной историографической школы: тщательность анализа, историографическая точность и обстоятельность, филологическая акрибичность, источниковедческая строгость. Собственная ее научная позиция никогда не мешает ей видеть достоинства в работах других исследователей и, отмечая уязвимые, слабые или спорные места их построений, всегда проявлять научную беспристрастность и справедливость и в оценке вклада в науку того или иного автора, и в выявлении уже явно устаревших или неприемлемых идей или гипотез. Книга написана сжато и продуманно, академично в лучшем смысле этого понятия и отличается живостью и выразительностью языка.

В течение многих лет упорного труда над подготовкой критического комментированного издания IV (Скифской) книги «Истории» Геродота А. А. Нейхардт досконально изучила этот ценнейший и сложный источник. Исчерпывающее знание всей литературы вопроса естественным образом способствовало выработке у автора собственных концепций по большинству обсуждаемых проблем, что делает ее исследование особенно привлекательным и придает ему самостоятельное научное значение, выходящее далеко за рамки собственно историографического обзора. Правда, правила жанра все же не позволили А. А. Нейхардт в полной мере выразить свои собственные воззрения по ряду затронутых в работе проблем. Иногда автор позволяет себе только намекнуть на свою точку зрения или всем ходом своих рассуждений подвести читателя вплотную к должному, по ее мнению, ответу на тот или иной вопрос. Поэтому у читателя иногда закономерно возникает сожаление, что автор слишком последовательно следует избранному ею принципу самоограничения во имя стройности изложения поистине необозримого материала в рамках избранного жанра — историографии. Остается надеяться, что в будущем читатель сможет познакомиться с ее развернуто аргументированной позицией по коренным проблемам скифологии.

Прочтя эту книгу, мы, к сожалению, вслед за автором можем сказать, что «...скифологи,— как было отмечено в заключение дискуссии по состоянию скифской проблемы,— пока что далеки от выработки общих концепций даже по коренным вопросам»¹⁸. Однако проделанная А. А. Нейхардт огромная работа по систематизации и анализу всех имеющихся скифологических гипотез и выявлению основных направлений и тенденций в решении главных проблем дают основание заключить, что многие из так называемых «тупиковых» вопросов находятся сейчас в том состоянии, когда новое обращение к ним с позиций системного подхода и междисциплинарного изучения (особенно с подключением этнографии и компаративно-типологического метода) может прояснить многие из них.

Д. А. Ольдерогге, Ю. К. Поплинский

¹⁸ НАА, 1980, № 5, 6.

ГЕРМАН БЕНГТСОН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЛИНИЗМА

Герман Бенгтсон — один из крупнейших представителей буржуазной историографии ФРГ, видный исследователь античности, доктор философии, профессор древней истории Мюнхенского университета. Свою научную деятельность Г. Бенгтсон начал еще во второй половине 30-х гг., но его наиболее зрелые работы относятся к послевоенному периоду. Научные интересы Бенгтсона довольно широки и охватывают почти все разделы истории древнего мира. Он интересовался историей древнего Востока и написал ряд статей по этой проблематике¹. В области греческой истории им созданы труды общего характера, а также книги и статьи по специальным вопросам политической жизни, функционированию греческого полиса, источниковедению и мифологии². Ряд его работ посвящен римской истории, особенно эпохи империи³. Большое место в исследованиях Г. Бенгтсона занимает история эллинизма. Изучать эту проблему в конкретно-историческом и общетеоретическом плане он начинает с первых шагов своей научной деятельности, и эллинистическая проблематика красной нитью проходит через все его научное творчество.

Не вызывает сомнения, что интерес к эллинистической тематике у Г. Бенгтсона возник под влиянием его учителя Вальтера Отто, специалиста по истории и культуре эллинистического Египта⁴. Об этом свидетельствует тот факт, что одну из первых работ, посвященную династической борьбе в птолемеевском Египте периода правления Птолемея VIII и Птолемея IX, Г. Бенгтсон опубликовал совместно с В. Отто⁵. Авторы обосновывают свой интерес к данной проблеме тем, что это — переломная эпоха в истории птолемеевского Египта и что династическая борьба явилась одной из главных причин его упадка.

Еще раньше также под воздействием В. Отто Бенгтсон начал изучение источников о стратегии в эллинистическое время с целью дать подробное исследование эллинистической системы государственного управления. Его фундаментальный трехтомный труд⁶ «Стратегия в эллинистическое время» представляется очень важным для понимания военных основ власти эллинистических правителей и их администрации.

В первом томе, увидевшем свет в 1937 г., рассматривается роль стратегов в Европе и Азии от начала восточных походов Александра до распада его империи. Речь идет о прерогативах и полномочиях наместников Антипатра, Пердикки, Антигона,

¹ Zur Geschichte des Alten Orients; Die «Ioner» in der Überlieferung des Alten Orients; Besprechung von O. Leuze «Die Satrapieneinteilung in Sirien und im Zweistromlande von 520—320»; Besprechung von A. Erzen «Kilikien bis zum Ende Perserherrschaft»; Zur Karthagischen «Strategie»; Neue Quellen zur Geschichte der neubabylonischen Zeit. — In: Kleine Schriften zur Alten Geschichte. München, 1974, S. 61—132.

² Einführung in die Alte Geschichte. München, 1949 (неоднократно переиздавалась, в 1975 г. было издание 7-е; имеется еще издание 1979 г.); Griechische Geschichte. Von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. Abt. 3. B. 4. München, 1950; The Greeks and the Persians. From the sixth to the fourth centuries. L., 1968; Die Olympischen Spiele in der Antike. Zürich — Stuttgart, 1971; Zu den strategischen Konzeption des Alkibiades. München, 1979, а также собранные в «Kleine Schriften» статьи: Skylax von Karyanda und Herakleides von Mylasa; Thasos und Themistokles; Themistokles und die delphische Amphiktyonie; Hellenen und Barbaren; Xenophon, Hellenika III, 2, 21 f; Die griechische Polis bei Aeneas Tacticus; Agonistik und Politik im alten Griechenland; Aus der Lebensgeschichte eines griechischen Distanzläufers; Zwischenstaatlichen Beziehungen der griechischen Städte im klassischen Zeitalter; Das politische Leben der Griechen in der römischen Kaiserzeit.

³ Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde. B. 1. München, 1967; Römische Geschichte. München, 1973; Marcus Antonius. Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977; Kaiser August. Sein Leben und seine Zeit. München, 1981, а также «Kleine Schriften»: Caesar. Seine Leben und seine Herrschaft; Scipio Africanus. Seine Persönlichkeit und seine weltgeschichtliche Bedeutung; Q. Caecilius Metellus Celer und die Inder; Untersuchungen zum Mutinensischen Krieg; Die letzten Monate der römischen Senats Herrschaft; Das Imperium Romanum in griechischer Sicht; Neues zur Geschichte der Naristen.

⁴ См. Bengtson H. Walter Otto. — In: Kleine Schriften..., S. 599—618.

⁵ Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäerreiches. München, 1938 (перевзд. в 1978 г.).

⁶ Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. München: Bd. 1, 1937; Bd. 2, 1944; Bd. 3, 1952 (повторное издание — München, 1964—1967).

Эвмена и др. В остальных томах разбирается институт стратегии в царстве Селевкидов и Птолемеях и в других областях, где он был создан. Стратегия, по мнению Г. Бенгтсона, представляла собой единство военной и гражданской власти и была порождением эллинизма. Она зародилась из потребностей возникающих эллинистических государств, обладавших в отличие от классических полисов обширной территорией и осуществлявших господство над многочисленным населением. Появлялась ли стратегия в Селевкидской Азии, в птолемеевском Египте, в соседних ли странах — эллинистической Македонии или в малых государствах позднеэллинистической Передней Азии, она покоилась в каждом случае на отношениях тесной зависимости от царя, который назначал стратега как своих постоянных представителей, как орган царской воли на данной территории, подчиненной царю.

Бенгтсон доказывает, что эллинистическая стратегия по своей сути в корне отличается от полисной стратегии классического времени. С его точки зрения, полисная стратегия и монархическая стратегия хотя и существуют в эллинистическую эпоху рядом друг с другом, тем не менее это два различных явления не только по внешним признакам, но также и по своей сути. Эллинистическое государство олицетворяет в себе господство пришлого меньшинства над местным большинством. Для того чтобы господствовать, нужно было этому меньшинству сосредоточить военную силу в руках македонских и греческих чиновников, чью верность и преданность эллинистические цари могли считать надежной. Из этой потребности возникла стратегия диадохов; она означала концентрацию военной и гражданской власти в руках командиров, которых Бенгтсон прежде всего рассматривает как типичных военных губернаторов, позднее как вид провинциальных наместников. В течение дальнейшего развития стратегия повсюду вытеснила местные формы управления, полной победы она достигла к началу II в. до н. э. Образование и дальнейшее развитие стратегии Г. Бенгтсон оценивает как позитивное явление.

В 1939 г. Г. Бенгтсон публикует статью «Александр и эллинизм»⁷, в которой ставится целый ряд проблем, касающихся эллинизма. Прежде всего дается высокая оценка противоречивой личности Александра, деятельность которого, как указывает автор, знаменует собой начало новой эпохи; современники Александра не могли осознать его величие, поскольку не могли осознать начало новой эпохи. Далее выясняются взаимоотношения Александра и малоазийских городов, греко-македонян и персов, греко-македонян и других народов и народностей бывшей Персидской державы. Бенгтсон выступает против идеи «всемирного братства» в планах Александра, выдвинутой впервые У. Митфордом и повторенной через полтора столетия В. Тарном, придерживаясь в этом вопросе точки зрения Вилькена и Берве. Он считает, что Александр выступил продолжателем традиций персов и его государство также носило федеративный характер. Значительное место в этой работе уделяется взаимоотношениям полиса и эллинистических царей. Автор критикует А. Хойса за преувеличение степени самостоятельности эллинистического полиса, указывая, что соотношение сил определялось конкретно-исторической обстановкой⁸. Работа завершается выяснением причин падения эллинистического государственного мира. Бенгтсон ставит вопрос: было ли это лишь следствием римской экспансии или же действовали и какие-то внутренние причины? Он отмечает, что целенаправленный характер римская восточная политика приобрела не с первого столкновения с эллинистическим миром, а со второй Македонской войны, хотя автор вынужден констатировать, что серьезной опасности для Рима эти противники не могли представлять.

Одной из причин упадка эллинистической государственности автор считает отсутствие внутренней консолидации: хотя все население выступало в отношении царя в качестве подданных, но существовали различные категории зависимости, кроме того, сохранялись противоречия между греко-македонянами и восточными народностями. Бенгтсон отмечает известную устойчивость эллинистической культуры: несмотря на упадок эллинистических государств, она продолжала существовать и широко распространялась в Азии, Рим воспринял это наследство и сберечь его.

⁷ Bengtson H. Alexander und der Hellenismus.— In: Kleine Schriften, 1939, S. 241—266.

⁸ Heus A. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen.— Klio, B. 39, Lpz, 1937.

В конце 40-х и начале 50-х гг. Г. Бенгтсон создает обобщающие труды по истории Греции⁹. В них более отчетливо проявились достоинства и недостатки его научной манеры, в частности, стремление объяснять развитие государственных форм вне связи с изменением социально-экономических условий и классовой борьбой, что придает некоторую ущербность его концепциям¹⁰.

Появившаяся в 1950 г. и неоднократно переиздававшаяся «Греческая история» содержит значительный материал по истории эллинизма: рассматривается образование державы Александра Македонского и история наиболее значительных эллинистических монархий — птолемеевского Египта, царства Селевкидов, Македонии и Греции, наряду с этим автор стремится дать общую характеристику эллинизма, т. е. выявить черты, присущие всем эллинистическим обществам, и показать специфику развития каждого. Хотя здесь еще нет ярко выраженной концепции эллинизма, но уже намечены важные ее компоненты. Сюда относятся анализ предпосылок эллинизма и характеристика абсолютной монархии Александра, которая, по его мнению, нашла свое продолжение в эллинистических монархиях и через Римскую империю оказала влияние на формирование западноевропейских абсолютных монархий и эллинистических государств как военных монархий, основой могущества которых являлась армия; рассмотрены вопросы государственного управления, взаимоотношения полиса и правителя — принципы их были заложены Александром в его политике по отношению к малоазиатским греческим городам, в создании культа правителя, в определении роли македонского военного собрания. Отрицая идею «всемирного братства», будто бы проводимую Александром, Г. Бенгтсон объясняет его политику конкретными политическими соображениями, желанием последнего смешать македонские и иранские элементы с целью создания единого господствующего класса в своей державе. Бенгтсон отмечает специфику эллинистической культуры, центры которой находились при дворах монархов, ее рационально-технический характер, философские системы и религиозные искания. Он считает, что со времени походов Пирра исчезает разделение средиземноморского мира на восточный и западный и возникает основа для единой средиземноморской культуры эллинистического характера. Ирано-эллинистическими он считает парфянское общество (до наступления кочевников) и государство Митридата VI, эллинистическим — Греко-Бактрийское царство (также до наступления кочевников).

В 1951 г. Г. Бенгтсон выступил с рефератом «Значение туземного населения в восточноэллинистических государствах» на XXI Германском Дне историка в Марбурге¹¹. Вопросы, поднимаемые в нем, представляют часть большой проблемы, касающейся взаимоотношений греков и варваров в эллинистических государствах. Г. Бенгтсон показывает, что политика Александра в отношении местного населения определялась двумя задачами: необходимостью держать в подчинении это население и поиском сотрудников для строительства нового государства. На примере Селевкидского и Птолемеевского государств он прослеживает, как эллинистические монархи продолжили эту политику Александра. Обосновывая необходимость дифференцировать положение различных слоев местного населения, автор пытается доказать, что Селевкидское государство с самого начала было «национальным народным государством», которое подобно Австро-Венгрии держалось на царском доме и армии; в Египте первое время преобладали в управлении греко-македоняне, но начиная с середины II в. до н. э. они утратили свои господствующие позиции.

В 1952 г. на VII Международном папиринологическом конгрессе Г. Бенгтсон прочел доклад, посвященный общей характеристике эллинистического государственного управления¹². Корни государственной системы эллинизма, по мнению автора, восхо-

⁹ Bengtson H. Einführung in die Alte Geschichte. München, 1949; *idem*. Griechische Geschichte. Von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. Abt. 3. B. 4. München, 1950 (5-е изд. — 1977).

¹⁰ См. Фролов Э. Д. История эллинизма в биографиях его творцов. — В кн.: Бенгтсон. Правители эпохи эллинизма, с. 20.

¹¹ Bengtson H. Die Bedeutung der Eingeborenenbevölkerung in den hellenistischen Oststaaten. — In: Kleine Schriften, 1951, S. 293—303.

¹² *Idem*. Die ptolemäische Staatsverwaltung im Rahmen der hellenistischen Administration. — *Ibid.*, 1952, S. 304—322.

дят к империи Александра, который в свою очередь перенял управление от персов. В управлении эллинистических государств он видит ряд общих черт, греко-македонских и древневосточных, которые объединяет в понятие «эллинистическая администрация». Эти общие положения историк конкретизирует, характеризуя специфику управления эллинистического Египта.

В 1955 г. Бенгтсон опубликовал статью о причинах упадка эллинистического мира¹³. В трактовке понятия «упадок» он решительно отмежевывается от концепций Шпенглера и Тойнби, критикуя их квазибиологический характер. Историк выступает против одностороннего подхода к проблеме и упадок эллинистического мира объясняет целым комплексом причин, обусловленных политическим, хозяйственным и духовным развитием того времени. Главной политической причиной упадка он считает ослабление царства Селевкидов в результате отпадения Бактрии и Парфии и как следствие этого — «балканизацию» Малой Азии. Политические изменения обусловили некоторый хозяйственный застой. К внутренним причинам он относит отсутствие государственного сознания: философия эллинизма не была пригодна для широких масс. С его точки зрения, постоянные войны привели к тому, что население эллинистических государств стало обращать свои взоры к Риму. Поэтому он полагает, что освободительные движения в период эллинизма следует рассматривать в связи с римской политикой. Наступление Рима — следствие упадка эллинистических государств.

Наряду с вопросами общего характера Бенгтсон разрабатывал и частные вопросы, которые могли пролить свет на общее понимание эллинизма. Так, анализируя коские надписи о праве убежища храмов, главным образом Асклепиона, как источник по эллинистической истории, он рассматривает этот эпиграфический материал в аспекте взаимоотношений Рима с эллинистическими государствами¹⁴. На основе клинописной надписи из Британского музея середины II в. до н. э., опубликованной А. Саксом, Бенгтсон уточняет время правления Селевка I, Антиохов I, II, III, Селевка IV и связанных с ними дат, в том числе начало третьей Сирийской войны¹⁵. Подвергая источниковедческому анализу «Христианскую топографию» Космы Индикоплова, Бенгтсон выясняет ее значение для изучения птолемеевской истории¹⁶. Отклоняясь на появление II тома папирусов «Источники птолемеевского времени», издаваемых Вилькеном (UPZ II), он отмечает, что вошедшие в этот том документы позволяют более детально исследовать значение жречества и храмов в птолемеевском Египте, роль войска, борьбу между царем и его сестрой Клеопатрой и др.¹⁷

В 1956 г. Г. Бенгтсоном был прочитан доклад в Миланском университете (затем в Пизе, Павии и Падуе) на тему «Общеисторические аспекты истории эллинизма». В этом докладе, который позднее был опубликован¹⁸, автор выдвигает мысль о необходимости всемирно-исторического подхода при анализе конкретных исторических явлений, в частности проблемы отношений Рима с эллинистическими монархиями. Из этой проблемы рассматриваются два ее аспекта — поход Пирра в Италию и освободительное движение. Экспедиция Пирра в Италию оценивается Бенгтсоном как первое вторжение эллинистического мира в мир римско-италийский. По его мнению, цель Пирра заключалась в организации подлинно эллинистической территориальной монархии на Западе, подобно той, которую Александр создал на Востоке. Освободительное движение местного населения, достигшее кульминации во II в. до н. э., Бенгтсон считает националистическим, без особых на то оснований сравнивая его с национализмом в новейшее время. Он рассматривает как явления одного порядка не только восстания в эллинистических государствах, но и антиримские выступления на западе: они принадлежат к одной исторической эпохе — эпохе эллинизма, и потому

¹³ *Idem.* Über einige Gründe des Niederganges der hellenistischen Welt.— *Ibid.*, 1955, S. 346—357.

¹⁴ *Idem.* Randbemerkungen zu den koischen Asylurkunde.— *Ibid.*, S. 358—366.

¹⁵ *Idem.* Neue Seleukidendaten.— *Ibid.*, S. 343—345.

¹⁶ *Idem.* Kosmas Indikopleustes und die Ptolemäer.— *Ibid.*, S. 327—333.

¹⁷ *Idem.* Zum Abschluß von Wilckens «Urkunden der Ptolemäerzeit» (1959 — *Bespr.: Urkunden der Ptolemäerzeit (Ältere Funde)*, hrsg. von Ulrich Wilcken. II B.: Papyri aus Oberägypten, 3 (Schluß-) Lieferung, Folio, S. I—V, 215—233. B., 1957).— *In: Kleine Schriften...*, S. 323—326.

¹⁸ *Idem.* Universalhistorische Aspekte der Geschichte des Hellenismus.— *Ibid.*, 1956, S. 115—131.

причины их не могут быть совершенно различными. В этой связи им анализируются восстание Маккавеев в Иудее и восстания испанских племен против римлян, Югуртинская война и антиримские войны Митридата.

В 1958 г. появилась статья Г. Бенгтсона, посвященная двум концепциям эллинизма, авторами которых были Ю. Керст и М. Ростовцев ¹⁹. Он называет их антиподами и считает, что в их деятельности отразилась целая эпоха исследования эллинизма в современной науке. Керст в своем труде «История эллинизма», по его мнению, смог прежде всего схватить духовные основы эллинизма, но это определило и известную его односторонность. Тем не менее Бенгтсон считает не совсем обоснованными упреки в адрес Керста за переоценку им истории идей и недооценку реальной политической жизни. С его точки зрения, Керст встречал отпор вследствие того, что он поднимал эллинизм до ранга эпохи нормативного характера. Керсту принадлежит мысль о рационально-техническом характере эллинистической цивилизации, о значении монархической идеи, о наличии многих общих черт между эллинизмом и современным ему временем (национальная идея).

Иной характер, считает Бенгтсон, носит труд Ростовцева «Социальная и экономическая история эллинизма», в котором суммированы и обработаны накопленные в мировой науке исследования по этой проблематике за четыре десятилетия, с 1900 по 1939 г. Бенгтсон указывает, что в работе Ростовцева поднимается очень важная проблема — о сущности постепенного упадка эллинистического мира: был ли этот процесс закономерным или случайным явлением? Одной из причин Ростовцев считает политический упадок автономной греческой городской республики, проводя параллель между упадком эллинизма и кризисом Римской империи в III в. Бенгтсон в общем и целом с этим соглашается, но все-таки главную причину внутренней слабости эллинизма видит в том, что «эллинистическому миру также не хватало значительной ведущей политической идеи, как не доставало тогдашнему обществу внутренней опоры» ²⁰.

Таким образом, по мнению Бенгтсона, главным различием работ Керста и Ростовцева является то, что первый рассматривал преимущественно одну сторону эллинизма — духовное развитие — и новый материал едва ли в решающей мере что-либо изменил в его синтезе, труд же Ростовцева является обобщением достигнутых исторической наукой определенных периодов, т. е. не исключает новых конкретно-исторических исследований.

В 1962—1964 гг. Г. Бенгтсон между работами общего характера продолжает писать статьи по частным вопросам эллинизма. Так, результаты раскопок фракийского царского города Севтополя и изучение надписи из Истры в честь Агафокла дали ему возможность рассмотреть черты сходства между Фракией и эллинистическими государствами в области основания городов, их управления, конкретных форм быта ²¹. Анализируя почетный декрет г. Аполлония в честь Гегесагораса из Истра, оказавшего помощь в войне с соседней Месембрией, Бенгтсон затрагивает ряд вопросов, касающихся международных отношений в античности, в частности в период эллинизма ²².

В 1964 г. на I Международном конгрессе по истории античной Сицилии в Палермо Бенгтсон выступает с докладом, основная тема которого — общее между Сицилией и эллинистическими государствами. Значительная часть этого доклада была посвящена разбору *lex Hieronica*, образцом для которого явился «Податный устав» Птолемея II ²³. Сходство прослеживается в экономической политике, прежде всего в налоговой системе, торговле, чеканке монет. Г. Бенгтсон подчеркивает также, что стратегия птолемеевского Египта оказала непосредственное влияние на

¹⁹ *Idem.* Der Hellenismus in alter und neuer Sicht: von Kaerst zu Rostovtzeff. — In: *Kleine Schriften*, 1958, S. 267—273.

²⁰ *Ibid.*, S. 272.

²¹ *Bengtson H.* Neues zur Geschichte des Hellenismus in Thrakien und in der Dobrudscha. — In: *Kleine Schriften*, 1962, S. 377—388.

²² *Idem.* Bemerkungen zu einer Ehreninschrift der Stadt Apollonia am Pontos. — *Ibid.*, 1963, S. 389—397.

²³ *Idem.* Zur Problem der Universalgeschichte des Altertums. — *Ibid.*, 1963, S. 45—60; *Idem.* Über einige Beziehungen zwischen Sizilien und der hellenistischen Welt. (1° Congresso Internazionale di studi sulla Sicilia Antica). — *Ibid.*, 1965, S. 367—376.

карфагенскую стратегию при Баркидах и даже на организацию провинциального управления римлян.

Особое значение представляет доклад Бенгтсона «Основные черты эллинистической цивилизации», прочитанный им в 1968 г. в Брюсселе²⁴. Он представляет собой обобщенную характеристику эллинизма и в известной мере является каким-то итогом его многолетних исследований по эллинизму. В начале доклада Бенгтсон указывает, что в центре его внимания — эллинистический человек, его достижения и его окружение. По его мнению, только такой подход позволит дать обобщенную характеристику эллинизма. Поэтому главное внимание автор уделяет социологическим явлениям, конкретная история эллинистических государств отодвинута на задний план.

Источниками для познания эллинистического человека Бенгтсон считает эллинистическую литературу (особенно поэзию) и эллинистические философские системы Зенона и Эпикура. По его мнению, философская система Зенона была до известной степени программной для начала эллинизма, однако он указывает, что влияние эллинистической философии на людей того времени вряд ли было значительным, поскольку она была доступна преимущественно образованным грекам. Интересы широких масс населения, хлынувших в завоеванные страны, были в основном направлены в хозяйственную сферу: в противоположность человеку политическому классической эпохи доминирует человек экономический, человек технический. По мнению Г. Бенгтсона, духовные искания широких масс населения проявились в религии, что было вызвано неустойчивостью, нестабильностью той эпохи.

Вслед за Дройзеном Бенгтсон видит один из важнейших аспектов эллинизма в смешении греческого и восточного, проявляющемся в архитектуре, религии, языке, топонимике и т. п. Однако в этом процессе смешения предпочтение отдается элементу греческому, а не восточному. Он считает необоснованным мнение о широком и глубоком влиянии древневосточных культур на греко-македонян и с уверенностью говорит о том, что особой привлекательностью все эллинское обладает прежде всего для верхушки местного населения: понятие «эллин» было синонимом принадлежности к привилегированному сословию.

Противоречия между греко-македонянами и местным населением в наибольшей степени проявились в местных восстаниях. Бенгтсон здесь снова проводит связь между восстаниями в Египте и царстве Селевкидов и антиримскими движениями в Испании и Африке. Вскользь автор включает в серию этих восстаний и рабские восстания. В местных восстаниях отразилась, по его мнению, волна «поднимающегося национализма». Автор повторяет высказывавшуюся им ранее мысль о проявлении в этом довольно широком движении связующей линии развития между Востоком и Западом. Решающим моментом в этой связи является вездесущая сила греческого языка и греческой цивилизации, греческого духа.

Бенгтсон считает слишком узким дройзеновское определение понятия «эллинизм» как смешения греческой и восточной культур. С его точки зрения, такое определение носит односторонний характер и раскрывает лишь один из многих аспектов эллинистической цивилизации. Истоки эллинистической культуры автор видит в софистике, в способности греческого духа к трансформации. Главным достижением эллинизма Бенгтсон считает достижения в управлении и решении технических проблем. В области управления эллинизм занимает промежуточное положение между греческим полисом и Римской мировой империей. Пытаясь определить место эллинизма во всемирно-историческом развитии, автор подчеркивает, что эта эпоха соединила в себе и греческие, и древневосточные элементы (монархия). Рим — наследник эллинистической культуры и эллинистических политических институтов. По поводу упадка эллинизма Бенгтсон, ссылаясь на свою прежнюю работу по этому вопросу, повторяет уже сказанное раньше о том, что здесь действовал комплекс причин внутреннего и внешнего порядка, причем проблему упадка эллинистического мира следует связать с проблемой гибели всего античного мира, но эта мысль специально не развивается.

Таким образом, к концу 60-х гг. уже сложились основные компоненты концепции эллинизма Бенгтсона. В последующие годы шел процесс ее конкретизации и детализации.

²⁴ *Idem.* Wesenszüge der hellenistischen Zivilisation. Brüssel, 1968.

На основании изложенного выше обзор работ Бенгтсона по эллинистической проблематике попытаемся охарактеризовать его концепцию эллинизма, останавливаясь на основных разрабатывавшихся им вопросах о содержании понятия «эллинизм», его хронологических рамках, об основных чертах политического, социально-экономического и духовного развития эллинистического мира, освободительных движениях, происходивших в нем, причинах упадка эллинистических государств и историческом значении самого этого феномена.

Г. Бенгтсон понимает эллинизм как дальнейшее развитие греческого духа и его распространение вширь, несмотря на то, что он трансформировался и развивался во враждебном окружении. Основной упор историк делает на культурный аспект эллинизма, и в этом отношении он приближается к Дройзену. Но сам Бенгтсон культуру понимает в широком смысле слова и особенно обращает внимание на рационально-техническую сторону эллинистической цивилизации. Это сближает его с Ю. Керстом. Наконец, в анализе различной степени эллинизации в городах и в сельской местности Бенгтсон близок к М. И. Ростовцеву. Из этого можно сделать вывод, что в трактовке понятия «эллинизм» Бенгтсоном были сближены точки зрения Дройзена, Керста и Ростовцева и в целом приняты основные посылки, выработанные и укоренившиеся в немецкой буржуазной историографии.

Хронологические рамки эллинизма Бенгтсон традиционно ограничивает временем от Александра до Августа, т. е. периодом примерно с 334 по 30 г. до н. э.²⁵ Хотя у него нельзя найти четкой периодизации этой эпохи, он, однако, выделяет два переломных момента: 280-е и 230-е гг. Период с 281 по 239 г. (от битвы при Киропедии до смерти Антигона Гоната) рассматривается им как время наивысшего расцвета эллинистического мира. После 239 г. до н. э. нарушается единство этого мира. Последний, по его мнению, «разделился на два круга, которые пересекались, пожалуй, только на периферии: западный круг образовывали Македония и Греция», которые «силою политических отношений ориентировались больше на Запад, чем на Восток»²⁶. С этого времени, считает Бенгтсон, появляются первые признаки упадка эллинистического государственного организма²⁷.

Предпосылки эллинизма Бенгтсон видит во внутреннем развитии греческого мира первой половины IV в. до н. э. Он констатирует состояние кризиса эллинского мира во всех областях государственной, хозяйственной и социальной жизни после Пелопоннесской войны²⁸. Это выразилось в упадке полиса как политического института, обострении социальных противоречий. Последствием и показателем кризиса полиса явилось развитие наемничества, которое противостояло гражданскому ополчению полиса. Кризисное состояние греческого общества породило новые идеи в развитии политической мысли. Это — идея заключения всеобщего мира между греками. Однако «идея суверенного полиса» была «...несовместима с мыслями о всеобщем мире в Элладе»²⁹. Среди греческих полисов не нашлось силы, способной играть роль гегемона, и только с возвышением Македонии такая сила появилась.

Другие новые явления, которые сказались на возникновении эллинизма, по мнению Бенгтсона, — развитие культа великой личности и появление новых центров эллинского образования на периферии — явления, которые в дальнейшем характеризуют эллинистическую эпоху³⁰. Особое внимание Бенгтсон уделяет деятельности Филиппа II и Александра Македонского. Особенно высоко он оценивал последнего, считая его деяния переломными по своему значению — прежде всего в преодолении антагонизма Европы и Азии³¹. Он приписывает ему фактически сознательное открытие новой эпохи (с чем нельзя согласиться, даже признавая всю значительность этого исторического деятеля). Итак, начиная с восточных походов Александра идет процесс складывания эллинистической системы, в основном завершившийся к концу периода диadoхов.

²⁵ Ibid., S. 3.

²⁶ Bengtson. Griechische Geschichte, S. 413.

²⁷ Idem. Über einige Gründe..., S. 352—354.

²⁸ Idem. Griechische Geschichte, S. 253—295.

²⁹ Ibid., S. 286.

³⁰ Ibid., S. 297.

³¹ Bengtson. Alexander..., S. 241—243; idem. Griechische Geschichte, S. 362.

При рассмотрении проблем эллинизма Бенгтсон уделяет особое внимание политическому строю эллинистических государств. Именно на этом материале он наиболее четко и ясно прослеживает процесс слияния греческого и восточного начал и то совершенно новое, что в результате этого слияния появилось. Наиболее разработанным в научных трудах Бенгтсона, безусловно, является вопрос о государственном управлении в странах эллинизма. При этом в понятие «эллинистическая система управления» вкладывается то общее, что для нее характерно и что как раз и представляет собой соединение восточных и греко-македонских черт. Свое начало эта система берет в государстве Александра, задачей которого была необходимость держать в узде местное население при значительном численном меньшинстве греко-македонских завоевателей³². Поскольку древневосточные монархии обладали более совершенной, уже давно устоявшейся системой управления, они, по мнению Бенгтсона, оказали значительное влияние на складывающиеся эллинистические монархии. Греки и македоняне не знали бюрократии, поэтому Александр Македонский практически без изменений перенял организацию управления персов, которая в свою очередь базировалась на опыте великих древневосточных государств. «Тем самым он пересадил кусок мира древнего Востока в эпоху эллинизма»³³.

К восточному компоненту в эллинизме Г. Бенгтсон относит, во-первых, понятие «территория»: эллинистические государства представляли собой территориальные государства, охватывавшие значительное пространство³⁴. Во-вторых, подчинение всей страны, всего населения без различий их положения нивелированному управлению³⁵. В-третьих, создание огромных областей или, по выражению Бенгтсона, вице-царств под управлением специальных наместников. Этот институт соправительства — чисто эллинистическая форма, не находящая себе аналогии в древневосточных монархиях, — был, по-видимому, призван обеспечить передачу власти наследникам. Он предполагал участие в управлении «родственников» и «друзей» царя, расположенных по определенной иерархической лестнице (особенно это характерно для Египта II в. до н. э.)³⁶. В-четвертых, централизация аппарата управления: все чиновники были подчинены царю (впрочем, это было и у македонян). Указывая на различную степень централизации в странах эллинистического мира, Бенгтсон основу зависимости видит в существовании ленной системы³⁷. Понятие о феодализме в древности для него не только терминологическое, оно имеет политическое значение, а именно существование иерархической системы на основе ленного (условного) землевладения. Элементы феодализма он находит не во всех странах. Так, с его точки зрения, македонское государство до Филиппа II было феодальным, пока последний не превратил это государство в «народное»³⁸. В-пятых, патримониальный характер эллинистических монархий. В основе этого лежит признание права силы: территория принадлежит тому, кто ее захватил силой оружия и в состоянии гарантировать ее защиту. Следовательно, государство является патримонием государя, рассматривается как его частное владение. Конечно, в решающей степени эта черта восходит к восточным державам, но в известной мере это можно наблюдать и в греческом мире (например в Сицилийской державе)³⁹.

Если говорить о греческих компонентах в системе эллинистических государств, то Бенгтсон совершенно справедливо прежде всего называет полис. Касаясь политического строя эллинистического полиса, он обращает внимание на отличие его от классического древнегреческого полиса: это полис, утративший суверенитет, зависящий от царя⁴⁰. Такой характер эллинистического полиса впервые проявился в госу-

³² *Idem.* Die Bedeutung der Eingeborenenbevölkerung in den hellenistischen Oststaaten, S. 294.

³³ *Idem.* Die ptolemäische Staatsverwaltung..., S. 306.

³⁴ *Ibid.*, S. 307; *Bengtson.* Alexander..., S. 253—254; *idem.* Griechische Geschichte, S. 432.

³⁵ *Bengtson.* Die ptolemäische Staatsverwaltung..., S. 307; *idem.* Alexander..., S. 253 f.

³⁶ *Idem.* Die ptolemäische Staatsverwaltung..., S. 308; *idem.* Griechische Geschichte, S. 434 f.

³⁷ *Idem.* Die ptolemäische Staatsverwaltung..., S. 308.

³⁸ *Idem.* Griechische Geschichte, S. 310.

³⁹ *Ibid.*, S. 384; *Bengtson.* Die ptolemäische Staatsverwaltung..., S. 308.

⁴⁰ *Ibid.*, S. 311.

дарстве Александра — в положении малоазийских греческих городов-государств. Однако в зависимости от конкретных условий места и времени степень этой зависимости была различной, полисы сохраняли самоуправление в рамках эллинистической монархии. Это было связано с тем, что цари нуждались в полисе как центре хозяйственной и политической жизни⁴¹. Особенно это касается царства Селевкидов, в котором во времена диадохов было основано большое количество городов.

Итак, в эллинистической системе государственного управления Бенгтсон видит в значительной мере смешение греческих и восточных элементов, однако считает, что эллинизм создал и качественно новое: «Представленная картина,— пишет он,— осталась бы односторонней, если умолчать об особых успехах македонян и греков в области эллинистической администрации. Они состоят прежде всего в том, что македоняне и греки наполнили административную систему персов новым духом, в важнейших пунктах передали и рационализировали ее»⁴².

В чем же проявились достижения этого «эллинского духа»? Бенгтсон полагает, что прежде всего и главным образом они проявились в эллинистической стратегии. «Только стратегия,— писал он,— сделала возможным строгое, централизованно построенное управление, она — с помощью находящихся в ее распоряжении военных сил — усилила сопротивляемость эллинистических монархий по отношению к национальным движениям местного населения в Азии и Египте и смогла сохранить государства на столетия...». По мнению историка, в стратегии «олицетворился организационный талант македонян и греков в полной мере»⁴³.

Вряд ли можно согласиться с подобным определением стратегии как совершенно нового института, созданного «гением» греко-македонян. В действительности можно обнаружить много общего в стратегии и персидских сатрапиях, чего и сам Бенгтсон фактически не отрицает. Скорее всего здесь проявляются общие черты, свойственные провинциальному управлению в государствах древнего мира, созданных силою оружия.

Создание культа царя, по мнению Г. Бенгтсона, представляет следующее проявление достижений «греческого духа». Этот культ начал складываться при Александре, но истоки его лежат в «чисто эллинских представлениях, что тот из умерших, который совершил нечто сверхчеловеческое, должен попасть в небожители»⁴⁴. Древний Восток, в том числе и Ахеменидская держава, не знал божественного почитания живущего государя (правда, в другом месте Бенгтсон оговаривается: за исключением Египта). Этот вывод кажется спорным, поскольку именно для древневосточной монархии характерна тенденция обожествления в различных формах царской власти с целью идеологического ее обоснования. Эту же функцию выполнял и эллинистический культ царя. Проявление «греческого духа» на Востоке Бенгтсон видит также во введении греческого языка (как языка управления) и греческого права, в распространении греческой науки и техники⁴⁵.

Рассматривая политическое развитие эллинистического мира, Бенгтсон отмечает, что все крупные эллинистические государства, за исключением Македонии, носят многонациональный характер⁴⁶, и ставит вопрос о взаимоотношении греко-македонян и местного населения. Создавая территориальные монархии на Востоке, греко-македоняне вынуждены были привлекать к сотрудничеству местное население. Именно из этой задачи вытекали планы смешения местного населения и завоевателей у Александра. Многие буржуазные историки считали, что эти планы были похоронены со смертью македонского царя. Бенгтсон с такой точкой зрения не соглашается, подчеркивая, что Александр осуществлял свои планы весьма настойчиво и открыто, а в эллинистических государствах этот процесс был постепенным. И кроме того, Бенгтсон совершенно обоснованно указывает, что нужно дифференцировать положение различ-

⁴¹ См. *Bengtson. Alexander...*, S. 245; *idem. Die Strategie in der hellenistischen Zeit*, B. 1, S. 34—35; *idem. Griechische Geschichte*, S. 339, 382.

⁴² *Idem. Die ptolemäische Staatsverwaltung...*, S. 313.

⁴³ *Idem. Die Strategie...*, S. 193—195.

⁴⁴ *Idem. Griechische Geschichte*, S. 358.

⁴⁵ *Idem. Die ptolemäische Staatsverwaltung...*, S. 313.

⁴⁶ *Idem. Griechische Geschichte*, S. 431.

ных социальных слоев местного населения — речь должна идти прежде всего о высших слоях — и при Александре, и позднее ⁴⁷.

Вопросами хозяйственного и социального развития в эпоху эллинизма Бенгтсон специально не занимался. В его работах имеются лишь самые общие замечания на этот счет. Так, он отмечает, что в эпоху эллинизма образовалась единая хозяйственная область от Гибралтара до Индии, что способствовало развитию средиземноморской торговли. Подъем хозяйства обеспечивался также использованием драгоценных металлов из сокровищницы Ахеменидов и переходом к стандарту валюты ⁴⁸. Как особенность социально-экономического развития Египта Бенгтсон отмечает существование крупного царского землевладения и государственных хозяйств, что, по его мнению, являлось наследием фараоновского времени. Касаясь наличия раннекапиталистических элементов в птолемеевском государственном хозяйстве при сопоставлении его с меркантильной системой просвещенного абсолютизма, Бенгтсон считает, что различия между ними определяются разным характером государства — новейшее «национальное» государство отличается от эллинистического, в котором македонская династия «эксплуатировала всю страну и огромную рабочую силу ее населения как объект своей хозяйственной политики» ⁴⁹.

Подобное определение носит довольно абстрактный характер, оно не может выявить коренные различия между социально-экономическим развитием в древности и в новое время. Именно при характеристике социально-экономического развития у Бенгтсона проявляется известная модернизация исторического процесса, хотя это касается скорее терминологии, поскольку глубоко эти вопросы он не исследует.

Поскольку эллинизм для Бенгтсона является прежде всего этапом в духовном развитии в древности, остановимся подробно на характеристике им эллинистической культуры. Он считает, что мировоззрение новой эпохи отразилось в философских системах Зенона (стоицизм) и Эпикура. Эллинистическая философия ставила в центр не общество, а отдельную личность, она стремилась дать «внутреннюю уравновешенность и мир человеку» ⁵⁰. Это было связано с нестабильностью эллинистического мира, что порождало пессимистические настроения. С другой стороны, подобные идеи вытекали из политического упадка полисного мира, растущей политической индифферентности граждан. Политики Зенона и Эпикура резко отличаются, например, от политики Аристотеля. Для них государство — не полис, а космос, вся ойкумена; граждане — члены всего общества, а не отдельного полиса (по Эпикуру, независимо от экономического и социального положения). Насколько монархия Александра явилась воплощением этих космополитических тенденций греческой философии IV в. до н. э.? Бенгтсон отмечает, что она значительно отличалась от идеальной картины ⁵¹, но в эллинистических системах обосновывалась новая форма политической организации, не характерная для греческого мира, — монархия. Таким образом, Бенгтсон далек от того, чтобы доказывать прямое влияние философии на политическое развитие эллинизма, но признает их опосредованное взаимодействие.

Как отмечалось выше, Бенгтсон видит важнейшую черту эллинистической культуры в ее рационально-техническом характере. Эллинистическая культура характеризуется прежде всего распространением греческой культуры вширь посредством аттического койнэ. Однако Бенгтсон не отрицает и обратного влияния восточной культуры — в области религии ⁵². Кроме того, восточная культура продолжала развиваться дальше, это находило отражение и в сохранении восточных языков и письменности. Эллинистическая культура главным образом получила распространение в городах и преимущественно среди образованных слоев населения.

Определяя значение эллинистической культуры, Бенгтсон указывает: «Господство греческого духа, который не за столетие, а за более чем двухтысячелетие своей истории породил подобное множество выдающихся достижений, проявилось в III в.

⁴⁷ *Idem.* Die Bedeutung..., S. 302.

⁴⁸ *Idem.* Griechische Geschichte, S. 361—363.

⁴⁹ *Ibid.*, S. 447—449.

⁵⁰ *Idem.* Wesenszüge..., S. 6—7; *idem.* Griechische Geschichte, S. 468.

⁵¹ *Ibid.*, S. 443.

⁵² *Ibid.*, S. 459, 466; *Bengtson.* Alexander..., S. 265; *idem.* Wesenszüge..., S. 9.

прочно и укрепилось на все времена. Из мирового господства македонян выросло мировое господство эллинистической культуры, чьи границы почти совпадали с ойкуменой. Разумеется, мир Востока греки духовно не ликвидировали; он продолжал жить под поверхностью, под налетом эллинистической культуры и был готов пробудиться к собственной жизни, если бы был толчок к этому»⁵³.

Значительное место в своей концепции эллинизма Бенгтсон отводит освободительному движению, рассматривая его как «...духовный и физический отпор, который оказали коренные народы Передней Азии господству македонян и греков»⁵⁴. Этот отпор выливался в местные восстания. Анализируя причины восстания, Бенгтсон не отрицает известные социальные основы — «невыносимое положение местного населения», однако главными, по его мнению, являются «националистические устремления», стремление к независимости⁵⁵. Это всеобщее национально-освободительное движение, распространение национализма в средиземноморском мире стало возможным благодаря «вездесущей силе греческого духа и греческого языка»⁵⁶.

Бенгтсон недооценивает социально-экономические основы освободительного движения (о *Sklavenkriege* он вообще говорит только вскользь), объясняя его в основном с идеалистических позиций. Он ставит в один ряд и восстание в Иудее, и борьбу иберийских племен против римского господства, хотя эти общества стоят на совершенно разных ступенях развития. Но он признает, что эти движения явились одной из причин упадка эллинизма.

Как уже говорилось, рассматривая причины упадка эллинистического мира, он выделяет внутренние и внешние факторы (см. выше). К первым он относит отсутствие единства в сознании населения в государствах Селевкидов и Птолемеев: «Государственная философия эллинизма,— пишет историк,— для масс не была привлекательной, а основы для единой общности, как в греческом полисе, в эллинистических монархиях не было»⁵⁷, поэтому они держались в основном на военной силе. К внутренним причинам он относит также ограниченность социальной опоры греческого мира, который в основном зиждился на полисе, подъем освободительного движения, определенный экономический упадок, начавшийся уже в последней четверти III в. до н. э., при наличии известной стабильности экономической системы Египта, позволившей ему сохранить свои позиции в течение длительного срока⁵⁸. К внешним факторам историк относит: ослабление Селевкидской монархии после отпадения Бактрии и образования Парфянского царства; «балканизации» Малой Азии, т. е. преобладание здесь мелких государственных образований, которые не могли противостоять натиску извне; римскую экспансию, успешное продолжение которой было обусловлено ослаблением эллинистических государств.

Бенгтсон признает исключительное значение наследия эллинизма, вобравшего в себя духовное наследие полиса и старых восточных культур⁵⁹. Он подчеркивает роль эллинизма в осуществлении идеи единства античного мира и всей древности, считая его «духовным пионером христианства»⁶⁰.

Итак, Бенгтсон создал довольно стройную концепцию эллинизма, который им определяется как прогрессивный этап в развитии всемирной истории древности. Он признает значительную роль греческого компонента в становлении эллинистической системы, это явление отражает, с его точки зрения, общность развития всего средиземноморского мира. Бенгтсон включает эллинизм в общую историю человечества как переходную ступень от классической Греции и древнего Востока через Римскую империю к западноевропейскому средневековью. Хотя эллинизм для Бенгтсона главным образом явление культурное, все же он в известной мере признает и определенные социально-политические черты в этом феномене.

⁵³ *Idem.* Griechische Geschichte, S. 469.

⁵⁴ *Idem.* Wesenszüge..., S. 16.

⁵⁵ *Idem.* Zur Problem..., S. 125—126; *idem.* Wesenszüge..., S. 17, *idem.* Die ptolemäische Staatsverwaltung..., S. 317.

⁵⁶ *Idem.* Zur Problem..., S. 128; *idem.* Wesenszüge..., S. 17.

⁵⁷ *Idem.* Über einige Gründe..., S. 355; *idem.* Alexander..., S. 253 f.

⁵⁸ *Idem.* Über einige Gründe..., S. 352—354.

⁵⁹ *Idem.* Wesenszüge..., S. 18—19.

⁶⁰ *Idem.* Einführung in die alte Geschichte, S. 3.

У Бенгтсона, как и у других представителей буржуазной историографии, отсутствуют признание рабовладельческого характера древнего общества и вообще понятие какого-то определенного общественного строя. Поэтому в эллинистическом обществе он находит и рабскую зависимость, и элементы феодализма, и явления, характерные уже для капиталистического строя.

В объяснении исторических явлений Бенгтсон остается идеалистом, считая главной движущей силой в развитии эллинизма творческую силу «греческого духа». Однако этот его вывод, повторяющийся не раз в различных работах, зачастую носит довольно искусственный характер и противоречит излагаемому им же фактическому материалу.

Л. Р. Ротермель, А. С. Шофман

ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНИЯ СПАРТАКА В РАБОТАХ МАСАОКИ ДОИ

Исследования японского историка Масаоки Дои вносят существенный вклад в изучение истории восстаний рабов в античном Средиземноморье. Его перу принадлежат свыше 50 научных работ, большая часть которых посвящена народным движениям древнего Рима. В круг научных интересов Масаоки Дои входят история сицилийских восстаний рабов, движение Аристоника, история раннего христианства, а также движения багаудов и циркумцеллионов в Поздней Римской империи. Особое внимание он уделяет изучению восстания Спартака. Масаоки Дои много занимается вопросами историографии. В частности, большой интерес представляют его работы «Исследования рабства в предвоенный период»¹ и «Результаты и выводы послевоенных японских исследований рабства в классической античности»². Необходимо также отметить его работу «Библиография восстания Спартака (1726—1978 гг.)»³ — одну из наиболее полных в мировой литературе по изучаемой проблеме. Масаоки Дои — автор весьма удачной научно-популярной книги «Восстание Спартака», выпущенной в 1973 г. издательством Аоки⁴. Интересна также его брошюра публицистического характера «Восстание Спартака и война во Вьетнаме»⁵, в которой он сопоставляет героические освободительные движения древности и современности, а также polemизировать с ультрареволюционными концепциями. Основные результаты исследований Масаоки Дои опубликованы в двух небольших монографиях: «Историческое значение восстания Спартака»⁶ и «Почему Спартак остался в Италии?»⁷, а также в статье «Восстание Спартака и античная Фракия»⁸.

Масаоки Дои считает основными идейными мотивами восстания Спартака стремление рабов к личному освобождению, ностальгию по «примитивной демократии» первобытнообщинного строя и стремление включиться на родине в «движение сопро-

¹ *Doi Masaoki. Slavery Study in Pre-War Period*. Ed. by Nohara, Matsumoto, Egu-chi. — In: *The Advancement of Historical Science in Modern Japan*. Aoki Shoten, 1976.

² *Idem. The Results and Issues of Post-War Japan's Studies of Slavery in Classical Antiquity*. Tokyo, 1982.

³ *Idem. Bibliography of Spartacus' Uprising (1726—1978)*. — *Senshu Shigaku*, 10, 1978, p. 1—20.

⁴ *Doi Masaoki. Восстание Спартака*. Tokyo: Aoki Publishing Company, 1973 (на японск. яз.); перевод на болгарский язык: *Въстанието на Спартак*. София, 1982.

⁵ *Doi Masaoki. The Spartacus Uprising and the Viet Nam War*. Tokyo 1973 (november), revised and enlarged — Tokyo 1981 (june).

⁶ *Idem. A Historical Meaning of Spartacus' Uprising*. Tokyo, *Senshu Jinbun Ron-syu*, 20, 1978 (на англ. яз.), p. 23—90.

⁷ *Idem. Why did Spartacus stay in Italia? — Studies in the Humanities*, *Senshu Jinbun Ronsyu*, № 23, 1979, 5 (на англ. яз.), p. 1—57.

⁸ *Idem. Spartacus' Uprising and Ancient Thracia*. — *Bulletin of the Ancient Orient Museum*, v. 1, 1980, p. 13—26; *idem. La rivolta di Spartaco e l'antica Tracia*. Estratta da «Annuario» XVII Anno 1980—1981, Istituto Giapponese di cultura in Roma.

тивления римской агрессии». Эти положения неоднократно подчеркиваются в вышеупомянутых работах историка. Однако, на мой взгляд, такая точка зрения страдает некоторой односторонностью. Точнее говорить о том, что наряду со стремлением рабов к личному освобождению имело место также глубокое, хотя и стихийное, недовольство органическими пороками рабовладельческого общества, а также осознанная ненависть к Римскому государству, как оплоту агрессии и угнетения. В этом случае восстание Спартака органично связывается с другими восстаниями рабов II—I вв. до н. э., в которых участвовали преимущественно уроженцы покоренных римлянами стран Восточного Средиземноморья, не имевшие никакого реального представления о первобытности. Кроме того, и в восстании Спартака классовое недовольство рабов могло проявляться не только в стремлении уйти за пределы географической зоны господства рабовладельческих отношений, но и в стремлении сокрушить угнетателей. Наконец, трактовка общественных отношений у фракийцев I в. до н. э. как «примитивной демократии» выглядит упрощенной, на что, в частности, обратил внимание В. Велков в предисловии к болгарскому переводу «Восстания Спартака»⁹.

В монографии «Историческое значение восстания Спартака» Масаоки Дои подчеркивает, ссылаясь на высказывания К. Маркса и В. И. Ленина, всемирно-историческое значение личности и имени Спартака как символа борьбы угнетенных за свободу. Исследователь отмечает, что, хотя восстание нанесло тяжелый удар Римской республике и вызвало панику в правящем классе, сами по себе военные успехи Спартака не исчерпывают исторического значения восстания. Главной задачей работы, как ее формулирует сам Масаоки Дои, является попытка определить внутреннюю сущность (Something) восстания Спартака, отличавшую его от многих других движений рабов. Наиболее верным, хотя и длительным, путем к выявлению этой сущности восстания Спартака исследователь считает изучение причин поражения восставших. Вся вторая глава монографии посвящена рассмотрению различных мнений по этому вопросу. Масаоки Дои солидаризуется с высказанными в марксистской, в первую очередь советской, историографии выводами об отсутствии объективных условий для революционного низвержения рабовладельческого строя в I в. до н. э.¹⁰ В то же время Масаоки Дои указывает на необходимость изучения конкретных причин поражения столь мощного движения, как восстание Спартака.

Как известно, многие исследователи усматривают непосредственную причину поражения восстания Спартака в расколе и дезорганизации армии восставших, что позволило римским военачальникам разгромить их по частям¹¹. Другие авторы считают, что разногласия между восставшими носили чисто тактический характер и никакого фатального раскола в их среде не было¹². Масаоки Дои обстоятельно анализирует аргументы сторонников различных точек зрения и подчеркивает, что факты разделения сил восставших рабов допускают и иное истолкование, чем «раскол». В частности, восставшие стояли перед безусловной необходимостью послать отдельные отряды для захвата продовольствия, фуража и других ресурсов, нужных для ведения войны, совершали отвлекающие маневры и т. п. Тем более Масаоки Дои не считает сколько-нибудь убедительно доказанным существование идейного конфликта между Спартаком и Криксом.

⁹ Велков В. Предговор към българското издание Масаоки Дои.— В кн.: Въстанието на Спартак. София, 1982, с. 4.

¹⁰ Масаоки Дои ссылается на следующие работы: Жебелев С. А., Ковалев С. И. Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. в Риме.— ИГАИМК, 101, 1934, с. 180; Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 247 сл.; Колобова К. М. Восстания рабов в античном обществе V—I вв. до н. э.— В кн.: Проблемы всеобщей истории, 1967, с. 25; Тамаки Хадзиме. Восстания рабов в древнем Риме.— Токио: Шакайгаку Цаппи, 1927, № 44 (на японск. яз.), с. 79; Oliva P. Die Charakteristischen Züge der grossen Slavenaufstände zur Zeit der römischen Republik.— Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt II, B., 1965, S. 86.

¹¹ Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischer zur monarchischer Verfassung. IV, 1838, S. 75; Vogt J. Struktur der antiken Slavenkriege. Wiesbaden, 1957, S. 37—38; Мишулин А. В. Спартакоское восстание. М., 1937; Штаерман. Ук. соч., с. 240 сл.

¹² Pareti L. Storia di Roma. III. Torino, 1953, p. 695—696, 703; Brisson J. P. Spartacus. P., 1959, p. 212—218; Дьяков В. Н. История древнего мира. М., 1952, с. 624; Штаерман. Ук. соч., с. 242.

Анализируя социальную и этническую структуру армии Спартака, историк приходит к выводу об абсолютном численном преобладании в ней рабов¹³. Он полагает, что основную массу восставших рабов составляли кельты, германцы и в меньшей степени фракийцы. Это мнение, вероятно, справедливо, но утверждение Масаоки Дои, что представители этих народов были почти исключительно военнопленными, кажется весьма сомнительным. Как известно, первая треть I в. до н. э. — после разгрома кимвров и тевтонов и вплоть до похода Цезаря в Галлию — не была ознаменована крупными успехами римского оружия в борьбе с приальпийскими племенами, и появление больших масс этих военнопленных маловероятно. Более правдоподобно, по моему, предположение А. В. Мишулина, что «кельты и германцы» в армии Спартака в значительной части были потомками пленных кимвров и тевтонов¹⁴. В связи с этим можно заметить, что вообще не следует преувеличивать роль войны в пополнении рабского населения Италии.

По-видимому, Масаоки Дои несколько недооценивает также активную роль в восстании Спартака рабов — уроженцев Италии и других областей Средиземноморья. Так, например, из фрагмента Саллюстия известно, что одним из военачальников в армии Спартака был некто Публийор¹⁵. Это имя типично для рабов коренного италийского происхождения¹⁶. Плутарх, в свою очередь, красноречиво оценивает восстание Спартака как войну римлян против всех народов сразу¹⁷.

Однако отдельные спорные положения не подрывают хорошо аргументированного основного вывода историка об отсутствии в среде восставших основы для глубоких внутренних конфликтов. Он не отрицает, что этническая неоднородность оказывала определенное негативное влияние на организацию армии Спартака, затрудняя управление разноязычными массами воинов, могла вызывать некоторые трения, обусловленные различием привычек, но не допускает фатального характера таких раздоров. Масаоки Дои с полным основанием ссылается на исторический опыт сицилийских восстаний для обоснования тезиса, что внутренние конфликты в среде восставших рабов отходили на второй план перед лицом основного классового конфликта между рабами и рабовладельцами.

Книгу завершает глава об историческом значении восстания Спартака — «К свободе рабов. Два пути освобождения рабов». Возвращаясь к анализу различных концепций о причинах поражения восстания, Масаоки Дои обращает внимание на неравенство сил восставших рабов и противостоящего им римского рабовладельческого государства. По приблизительным подсчетам, в восстании Спартака участвовало около 200 000 человек, а римские войска, использовавшиеся для подавления восстания, насчитывали до 400 000 отлично вооруженных легионеров. Исследователь подчеркивает, что в реальных условиях вооруженной борьбы и сам Спартак, и масса участников восстания испытывали большие затруднения в оценке обстановки и не могли не колебаться между двумя возможными стратегическими курсами. Наличие у участников восстания Спартака двух программ действий: одной — направленной на коллективный побег рабов из Италии на родину — и другой — нацеленной на военный разгром Рима и завоевание Италии — признается за факт большинством историков, начиная с Саллюстия¹⁸. Масаоки Дои соглашается с тем, что противоречие между стремлением вернуться на родину и курсом на создание «рабской монархии» наподобие сицилийских царств Эвна и Афиниона было «фатальной» (по выражению историка) причиной разногласий среди восставших, но он несколько туманно определяет эти два курса «не как два различных мнения рабской массы, а как различные решения и позиции».

¹³ Определение восстания Спартака как «рабской войны» практически общепринято и кажется очевидным. Однако А. Гуарино высказывает предположение, что основной движущей силой восстания Спартака было разоряемое рабовладельцами италийское крестьянство. Участие рабов в восстании, по мнению А. Гуарино, тенденциозно преувеличено римской пропагандой с целью дискредитации этого движения.

¹⁴ Мишулин. Ук. соч.

¹⁵ Саллюстий Крисп. История, III, фр. 99.

¹⁶ Штаерман. Ук. соч., с. 64.

¹⁷ Плутарх. Моралии. О том, что Пифия более не прорицает стихами, 399. — ВДИ, 1978, № 2, с. 241.

¹⁸ Саллюстий Крисп. История, III, фр. 98; Мишулин. Ук. соч., с. 141; Штаерман. Ук. соч., с. 240—244.

Фатальный характер противоречия, по мнению Масаоки Дои, определялся невозможностью ухода из Италии без сокрушения Рима и бесперспективностью курса на создание «рабской монархии» в Италии. При этом он считает это противоречие имманентно присущим всей массе участников восстания, а не каким-либо группам среди них ¹⁹.

Далее, в определенном противоречии с этим выводом исследователь переходит к подробному сравнению двух альтернативных курсов восстания. Отмечая, что общей целью восставших было личное освобождение, историк обращает внимание на неоднозначность понимания свободы различными группами участников восстания. Рабам из эллинистических стран и рабам-италикам более импонировал курс на создание «рабской монархии» ²⁰. Для свободных бедняков, присоединившихся к восстанию, речь шла о личной свободе в государстве, более или менее гарантирующем их права и благосостояние. В то же время для большинства восставших, выходцев из Галлии, Германии и Фракии, где, по мнению Масаоки Дои, еще господствовал родовой строй, понятие «свобода» было неразрывно связано с понятием «родина» и идеализированными формами первобытной общности. Констатируя внешнюю ретроспективность и консерватизм таких идей, Масаоки Дои подчеркивает, что они представляли собой решительный разрыв восставших с основными ценностями рабовладельческого общества и несли в себе в тех условиях революционное содержание. Соглашаясь в общем с такой оценкой ранних эгалитарных утопий, необходимо заметить, что идеализация первобытности имеет более сложные причины и вытекает по преимуществу из осознания пороков классового общества, а не из тоски по реальному прошлому. В античном обществе идеализация образа жизни первобытных племен была достаточно распространена в различных слоях общества и в первую очередь среди господствующего класса ²¹. Что же касается «варварских» племен в I в. до н. э., то, на мой взгляд, Масаоки Дои явно недооценивает степень разложения родового строя и остроту конфликтов между племенной знатью и рядовыми общинниками, во всяком случае у кельтов и фракийцев ²².

Масаоки Дои утверждает, что в ходе восстания Спартака происходила постепенная кристаллизация и идеологическое оформление курса на коллективный уход рабов из Италии. Этот курс он считает наиболее прогрессивным и реалистическим, аккумулировавшим весь предшествующий опыт борьбы рабов за свободу, наиболее способствовавшим расширению размаха борьбы рабов и наносившим объективно наиболее тяжелый в тех условиях удар рабовладельческому строю. Кроме того, по мысли историка, «отказ восставших во главе со Спартаком добиваться своего превращения в новый господствующий класс бросал вызов всей идеологии эксплуататорского общества и нес в себе революционное содержание».

Нетрудно заметить слабые стороны в построениях исследователя. Прежде всего напрашивается вопрос, по каким причинам победоносный Спартак, практически достигший в 72 г. до н. э. границ Римской державы, отказался от перехода через Альпы и возвращения на родину и повернул свою армию из Цизальпинской Галлии на юг?

¹⁹ Идея о том, что так называемые «альтернативные программы» были лишь различными вариантами реализации принципиально единой общей цели восставших рабов, представляется очень интересной и плодотворной. Однако Масаоки Дои вряд ли прав, настаивая на чисто вынужденном характере изменений стратегического курса восстания Спартака: этому противоречит длительное сохранение восставшими стратегической инициативы. Очевидно, между «программами» восставших должны были существовать отношения приоритета. Логично предположить, что для восставших предпочтительнее было полное торжество над врагами, т. е. разгром Рима, а бегство из Италии было запасным вариантом действий.

²⁰ Дои Масаоки. Реконструкция первого восстания сицилийских рабов. Ч. 2.— Сеншу Шигаку, 1972, 4, с. 22—64; 1973, 5, с. 57—84; он же. Характер базиса во втором Сицилийском восстании рабов.— Сеншу Шигаку, 1974, 6, с. 1—31; он же. Проблемы первого восстания рабов на Сицилии.— Хогаку Ширин, 1965, 62, 3—4, с. 25—75; он же. По поводу второго восстания рабов на Сицилии.— Хогаку Ширин, 1966, 63, 4, с. 131—176. Все эти работы опубликованы на японском языке.

²¹ Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. Т. I. М., 1938, с. 340—344; Цезарь. О галльской войне, VI, 22; Плиний Старший. Естественная история, XXXIII, 6, 10; Тацит. О происхождении германцев и местонахождении Германии; Сальвиан. О божьем правлении, V, 15—45.

²² Всемирная история. Т. II. М., 1956, с. 135—141, 143—146; Цезарь. О галльской войне, VI, 13; Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971; Данов Х. М. Древняя Тракия. София, 1969.

В монографии «Почему Спартак остался в Италии?» Масаоки Дои пытается разрешить это наиболее серьезное противоречие своей концепции. В первой главе («Проблема и метод для ее изучения») он обосновывает целесообразность сравнительного исследования народных движений древности и современности. В частности, он сравнивает походы Спартака с Великим походом китайской Красной Армии в период борьбы против чанкайшистов. Определенные аналогии между этими походами Масаоки Дои видит в сходном психологическом воздействии победоносных походов революционных армий на сознание угнетенных масс, а также считает вероятным сходство способов технического и организационного обеспечения передвижений крупных масс пехоты на территории, находящейся под контролем врага. Во избежание недоразумений Масаоки Дои подчеркивает, что необходимо четко сознавать различия народных движений древности и современности: сравнительное рассмотрение восстания Спартака и современных революционных движений означает не модернизацию античной истории, а попытку определить общие черты и закономерности всех освободительных движений в истории и на этой основе лучше понять специфику народных движений античности. Этот метод исторической реконструкции явлений напоминает методику военно-исторического исследования М. Дельбрюка ²³.

Вторая глава монографии представляет собой свод сообщений античных источников об исследуемом периоде спартаковского восстания. В третьей главе («Реконструкция исторического явления») Масаоки Дои анализирует различные объяснения поворота армии Спартака на юг, имеющиеся в мировой историографии. Историк убедительно доказывает, что широко распространенное в буржуазной историографии мнение о конфликте между Спартаком и массами восставших рабов как причине поворота на юг не имеет надежной опоры в фактических сообщениях источников и выражает классовую тенденциозность буржуазных историков. Отмечая справедливость ряда положений, выдвинутых буржуазными исследователями, Масаоки Дои отмечает, что порочные методологические позиции помешали им развить эти положения в целостную и исторически объективную концепцию. Именно марксистской историографии, подчеркивает Масаоки Дои, принадлежит основная заслуга в исследовании проблемы. Основной вывод этой главы состоит в том, что поворот армии восставших рабов на юг был сознательным решением Спартака и что многочисленная и сплоченная армия восставших в это время отличалась наиболее высокой боеспособностью. С этим выводом нельзя не согласиться.

Заключительная глава посвящена выяснению конкретных причин принятия Спартаком такого решения. Масаоки Дои стремится найти аргументы в пользу мнения о вынужденном характере решения Спартака и соглашается с точкой зрения, которую высказывал Р. Каменик ²⁴. Масаоки Дои детально рассматривает хронологию боевых действий между армией Спартака и римскими легионами в 72 г. до н. э. и делает вывод, что пребывание Спартака в Цизальпинской Галлии приходится на август — октябрь, т. е. совпадает с периодом разлива реки По и началом осенних дождей. Восставшие, попав в Цизальпинскую Галлию, оказались, по его мнению, в непривычном и неблагоприятном социальном окружении. Так как в этой области было мало латифундий, то соответственно невелика была и поддержка восстания со стороны местных рабов, в то время как местное крестьянство оказало восставшим упорное сопротивление. Поэтому Спартак не решился ни продолжать движение на север, ни зимовать в окружении враждебного населения, в условиях, затруднявших снабжение армии, и приказал повернуть на юг.

Несмотря на обстоятельность рассуждений Масаоки Дои и на ряд интересных предположений, выдвинутых им, в целом с этим его выводом согласиться невозможно. Прежде всего необходимо указать на неточность в хронологии, которую допускают Масаоки Дои и Р. Каменик. Отправной точкой для их хронологических выкладок служит сообщение Цицерона ²⁵ о том, что Марк Красс принял командование армией,

²³ См. Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства М., 1924, с. 4—8.

²⁴ Kamienik R. Spartacus-Rückzug nach der Schlacht bei Mutina und die Misslungene Überfahrt nach Sicilien.— Das Altertum, 1972, B. 18, H. 4; *idem*. Odwrot Sparta-cusa i przeprawę na Sycylię.— Annales UMCS, 1960, Sectio F., v. XV.

²⁵ Цицерон. Речь против Верреса, II, 38—39, 95—96.

преградившей Спартаку путь на Рим, в ноябре, в год консульства Лентула и Геллия, но при этом исследователи упускают из вида несовершенство римского календаря, резко проявившееся в первой половине I в. до н. э. Римский календарный год был значительно короче астрономического, так что Цезарь, проводя знаменитую реформу календаря (юлианское летосчисление, введенное с 1 января 45 г. до н. э.) был вынужден добавить к уходящему 46 г. до н. э. 90 дополнительных дней ²⁶. Речь Цицерона против Верреса, откуда взято упомянутое сообщение, была составлена за четверть века до введения юлианского летосчисления, следовательно, «ноябрь» Цицерона фактически соответствует августу или сентябрю 72 г. до н. э. (надо учитывать еще, что до реформы Цезаря в годы периодически вставлялся дополнительный месяц неопределенной продолжительности — мерцедоний, который несколько компенсировал «забегание» календаря). Это значит, что Спартак принял решение о повороте на юг еще летом и к началу осенних дождей был со своей армией уже в Южной Италии, на берегу Ионийского моря. Только в таком случае восставшие могли заключить соглашение с киликийскими пиратами, так как судоходство в античности, как правило, прекращалось с наступлением осенней непогоды. Август в Северной Италии характеризуется минимальным количеством атмосферных осадков. Сильные дожди и катастрофические наводнения в долине реки По случаются, как правило, в октябре или ноябре ²⁷. Для движения через альпийские перевалы наиболее благоприятное время — лето и начало осени. Следовательно, время года ни в коей мере не препятствовало выходу восставших рабов из Италии через Альпы. Наконец, у Спартака была полная возможность уйти из Италии не на север, а на запад — через Лигурию, где вообще нет серьезных природных препятствий.

Еще более существенно то, что античные источники не связывают решение Спартака о повороте на юг с какими-либо неудачами восставших. Очевидно, действительность не давала в данном случае ни малейшего повода ни для прославления римской доблести, ни для демонстрации благосклонности богов к Римскому государству.

После того как армия проконсула Цизальпинской Галлии Гая Кассия была наголову разбита в сражении при Мутине, римское сельское население, рассредоточенное по обширной территории провинции, связанное заботами о своих семьях и имуществе, в принципе не могло оказать восставшим рабам сколько-нибудь эффективного сопротивления. Сильная и сплоченная армия Спартака легко могла создать в любом месте подавляющий перевес сил, чтобы сломить любое открытое противодействие населения. Что касается разного рода диверсий и нападений на отдельные отряды восставших, то они во всяком случае меньше сковывали действия Спартака, чем угроза со стороны римских легионов во время походов по Италии.

Ошибочно также утверждение об отсутствии в Цизальпинской Галлии поддержки восстания со стороны местных рабов. Нет необходимости вступать в данной статье в дискуссию об особенностях экономики Цизальпинской Галлии или о связи рабства с латифундиями. Достаточно обратить внимание на широкоизвестное описание спартаковской войны у Аппиана ²⁸. Он указывает, что Спартак, располагавший во время похода на север 70 000 воинов, повернул на Рим уже во главе 120 000 пехоты. Таким образом, по Аппиану, общая численность армии Спартака возросла летом 72 г. до н. э. почти в два раза, несмотря на потери в ходе ожесточенных сражений. Конечно, достоверность конкретных цифр, приводимых Аппианом, как и любым античным автором, весьма проблематична, однако общую динамику численности восставших Аппиан передает, вероятно, приблизительно верно.

Нет также оснований предполагать, что были особые трудности в снабжении армии Спартака в Цизальпинской Галлии. Вся Италия была для восставших вражеской страной, и трудности были везде. Но долина реки По с древних времен славилась своим плодородием и к тому же в отличие от Южной Италии не была еще разорена войной. Не составляло никакого труда захватить урожай, тем более что он большей частью еще оставался на полях. Кроме того, Аппиан сообщает, что перед поворотом

²⁶ Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975, с. 42.

²⁷ Грацианский А. Н. Природа Средиземноморья. М., 1971, с. 159—162.

²⁸ Аппиан. Гражданские войны, I, 118.

армии на Рим Спартак приказал сжечь весь лишний обоз и перерезать вьючный скот, — следовательно, он не сомневался в возможности бесперебойного снабжения войска.

Все это позволяет, на мой взгляд, сделать однозначный вывод, что Спартак не имел намерения уйти со своими войсками из Италии в 72 г. до н. э. Таким образом, попытка Масаоки Дои преодолеть основное противоречие своей концепции не может быть признана удачной, а это делает всю концепцию шаткой и уязвимой. Однако привлекает внимание и представляется интересным детальный анализ самого движения Спартака, а также противоречий среди восставших. Анализ специальных работ о восстании Спартака, данный Масаоки Дои, и его интерес к изучению проблемы освободительных движений древности²⁹ дают нам основание сказать, что его вклад в изучение восстания Спартака заслуживает самой высокой оценки. В его работах убедительно опровергнуто предвзятое мнение о дезорганизации среди восставших рабов и непреодолимом идейном конфликте между их вождями. Большое достоинство работ исследователя — весьма полный и хорошо аргументируемый анализ современного состояния мировой историографии по проблеме восстаний рабов. Безусловной заслугой Масаоки Дои является обстоятельное ознакомление японской научной общественности с достижениями советской историографии и историографии других социалистических стран, а также серьезная критика ряда концепций буржуазной историографии. Интересен используемый Масаоки Дои сравнительный метод анализа и реконструкции исторических событий. Действительно, поскольку общественные явления, в том числе освободительные движения и вооруженная борьба, развиваются по объективно существующим закономерностям, такой подход в принципе позволяет получать обоснованные решения многих проблем, по которым мы располагаем лишь отрывочной, тенденциозной и противоречивой информацией источников.

В. В. Халдеев

²⁹ В 1984 г. издательством Аоки Шотен опубликована обобщающая монография Масаоки Дои «Древнее рабовладельческое общество» (на японском языке). Работа содержит шесть глав: 1. Исследование рабства в японской историографии предвоенного периода. 2. Результаты исследований классического античного рабства в послевоенной Японии. 3. Классовая борьба в древнем мире. 4. Сицилийские восстания рабов и проблемы агрикультуры. 5. О классовой борьбе в Поздней Римской республике в связи с характеристикой восстания Спартака. 6. Классовая борьба в античном Средиземноморье в единстве римского и «варварского» мира.

La mort, les morts dans les sociétés anciennes. Cambridge—Paris. Cambridge University Press & Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1982, 505 p., 49 ill.

Сборник статей по идеологии погребальной обрядности в древнем мире «Смерть и мертвые в древних обществах» под редакцией известных историков культуры Дж. Ньюли и Ж.-П. Вернана посвящен важной исследовательской задаче сопоставления археологических данных со сведениями письменных источников. От имени авторского коллектива во введении провозглашается лозунг культурологического синтеза методов археологии, истории и филологии. Из тридцати одной статьи сборника восемнадцать построены на материалах классической античности, три — на древнеиндийских источниках, по две — на древнеегипетских, древнеиранских, месопотамских, наконец, по одной уделено погребальной обрядности хеттов, скифов, кельтов, о-ва Бали.

Если в генеральном подходе авторов этих статей к проблеме культурно-психологической адаптации обществом феномена смерти сохраняется известное единство, обусловленное тем, что сборник формировался по итогам Международного коллоквиума в Париже на данную тему, то в методологии и трактовках конкретных вопросов почти каждый автор идет собственным путем, причем большинство отдает явное предпочтение филологии. Особенно заметно это по статьям о погребальных обрядах античности, Ирана и Индии. Археология играет в них несколько меньшую роль. Избыток различий

в авторских установках препятствует провозглашенному составителями сборника сравнительному анализу идеологической аккумуляции феномена смерти в древних обществах. Скажем, между публикациями Ф. Арто о семантике ритуала погребения скифских царей и Д. Мусти о некрополях эллинистической Коммагены почти невозможно подвести черту общего знаменателя, хотя в принципе обе эти работы толкуют о символических функциях династических гробниц и о сакральной географии соответственно Скифии и Коммагены в связи с социально-политической структурой этих государств. Д. Мусти даже предполагает, что на эволюцию греко-иранских династических культов Малой Азии до известной степени повлиял азиатский способ производства (с. 197), хотя данный тезис скорее только заявлен, нежели убедительно доказан. Что касается первой из названных работ, то она примечательна помимо обращения к скифской проблематике, актуальной для советской исторической науки, необычным для последней тезисом о связи скифских династических культов обожествленных предков с ритуализованным этнопсихологическим восприятием скифами пространственных координат своего обитания. Отсчет этих координат от могил предков, подчеркнутый в известном послании Иданфирса персидскому царю, подсказал автору статьи серию любопытных оппозиций, на его взгляд эксплицитных для культуры, например, противопоставление расположения царей Скифии при жизни в центре ритуализованного пространства, а по смерти на его краю, затем царских разъездов по стране при жизни верхом, после смерти в погребальной повозке и т. п. Ответственно, но недокзательно утверждение Ф. Арто, что скифская община как социальный организм существовала только в момент похорон царя (с. 149).

В остальное время скифы представляются ему разрозненными джайками хищных кочевников, с чем, конечно, согласиться нельзя. Зато в построениях автора заслуживает всяческого внимания мысль о том, что Геродот, живописуя погребальную обрядность Скифии, намеренно воспользовался инверсией мотивов афинских погребальных обрядов, дабы умалить спартанские (с. 150—152). Факт сложных мотиваций, руководящих Геродотом, становится все более очевидным из новейших исследований, кстати, и самого Ф. Арто¹, поэтому все затруднительнее становится уподоблять извещения Геродота буквальной исторической реальности. Похоже, что во всех без исключения случаях необходимы поправки не только на жанровую специфику его «Истории», но и на тенденцию его мысли, отягощенной политической злобой дня.

Данному высказыванию отчасти созвучна статья А. Шнап-Гурбейон в рецензируемом сборнике. Анализируя эпическое предание о погребении Патрокла, она выразила сожаление по поводу действительно непрекращающихся попыток сделать из Гомера полевого этнографа (с. 77). Исследовательница ищет объяснения каждой детали в описаниях похорон Патрокла и Гектора только из структуры и движения сюжета, прихотливых зигзагов поэтической мысли. По ее мнению, красочное повествование Гомера являет собой чуть ли не произвольный монтаж традиционных и притом гипертрофированных жанровой условностью образов, призванных сюжетно, образно и более всего ассоциативно связать судьбы Патрокла и Ахилла. Рассуждения А. Шнап-Гурбейон отнюдь не так уж беспочвенны, да и не новы, чего, впрочем, она не скрывает, но все же они искажают историко-культурную ситуацию их односторонностью, а также невниманием к давно известным фактам. В основе гомеровского изображения похорон Гектора и Патрокла поэтических вольностей гораздо меньше, чем предполагается исследовательницей, так как оно проистекает из какого-то негреческого, но индоевропейского² архетипа II тыс. до н. э. Ранние историки предпочитали указывать на археологически достоверные аналогии погребениям Гектора и Патрокла в кругу центральноевропейских культур эпохи бронзы вроде унетичкой или луицкой, а современных привлекает хеттский материал³. Не пытаюсь нацело отрицать специфику эпического преломления реальности у Гомера, с одной стороны, и преувеличивать ее, с другой, можно присоединиться к названным авторам. Остается лишь добавить, что

¹ Hartog F. *Le miroir d'Hérodote*. P., 1980; историю и литературу вопроса см. Лелеков Л. А., Раевский Д. С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность. — НАА, 1979, № 6, с. 68—78.

² Crossland R. A. *Indo-European Origins*. — *Past & Present*, 1957, № 12, p. 39; Goetze A. Рец. на: Otten H. *Hethitische Totenrituale*. В., 1958. — *AJA*, 64, 1960, № 4, p. 378.

другие индоевропейские эпосы порой играли образами погребальной обрядности куда изощреннее, чем Гомер, и опознавать их поэтому намного труднее. Потребовалась острая наблюдательность Э. Кейлера и С. Пигготта, чтобы подтвердить давнюю догадку о замаскированном под образ драконьего логова описания в Беовульфе (2213, 2410, 2744 и др.) мегалитической камерной гробницы³.

Меньше возражений вызывают аргументы К. Берара. Его предмет — взаимосвязь культа героев со становлением полисной системы. Эта взаимосвязь выразилась во внезапном при взгляде из нашего времени расцвете вторичного почитания гробниц микенской эпохи на заре полисного уклада. Для переразмежевания полисных территорий и престижей требовались особо действенные символы, каковыми быстрее всего избирались знаменитые эпонимы (с. 93, 99—101). Так, поздние идеологические потребности решающим образом сказались на ускоренной перестройке некоторых форм погребальных культов, оказывается вполне способных к внезапным ускорениям их эволюции без смены этноса или верований. Статью К. Берара хорошо дополняет исследование Э. Снодграсса на ту же тему.

Интересна статья Дж. Черри об отражении норм устного права и требований погребальной обрядности в «Антигоне» Эсхила. Проанализированы лингвистические условности связанного со всем этим словоупотребления, а также художественное вовлечение их драматургом в язык трагедии. Но как и во многих других публикациях сборника, частное и особенное здесь выглядит много отчетливее, нежели общее. Системные сопоставления не получаются на одном только внутригреческом уровне, не говоря уже об эгейском и пр.

При беглом просмотре публикаций сборника на темы классической античности отчастистораживает привнесение в анализ древних культур Эллады современных подходов феноменологического, структуралистского, экзистенциалистского толков, философских установок Л. Витгенштейна, Р. Рикёра и т. д. Не видно настоятельных к тому причин, условий *sine qua non*, которые бы исключали все иные возможности интерпретации. Любые впечатления, конечно, субъективны, но некоторое злоупотребление интеллектуальными модами ощутимо на каждой второй странице.

Разумеется, есть и исключения. Дюмезилианское и, следовательно, структуралистское в его основе палеосоциологическое разделение древнехеттской идеологии погребальных обрядов у Д. Сильвестри на три сферы — «официальную», т. е. династическую, с обожествлением царственных мертвых, «популярную», т. е. массовую, без обожествления усопших, и «культовую», для потребы жреческой прослойки, — диктуется задачей и материалом источников, в данном случае письменных и археологических вкуче.

Из лучших по новизне трактовки и тонкости наблюдений работ сборника следовало бы выделить статьи Дж. Ньюли, Ф. Жинъю и Ш. Маламуда. Две первые посвящены типологически нетривиальным древнеиранским концепциям существа смерти и загробной участи индивидуума. Убедительны доводы Дж. Ньюли о намеренном замалчивании Зороастром терминологии и образов погребального обряда военно-аристократической элиты древнего Ирана (с. 339—340, 343—344). Угол зрения Ф. Жинъю более широк и охватывает идеологию иранских погребальных ритуалов в диахронии от общих индоиранских моделей до зороастрийского канона. Его критика в адрес априорных построений М. Бойс и Ж. Фюссмана, склонных буквально отождествлять архаические идеологии Индии и дозороастрийского Ирана (с. 351—353), не только оправдана, но и должна непременно учитываться в будущих реконструкциях⁴.

Что же касается индологической статьи Ш. Маламуда «Мертвые без личин» (с. 441—453), то по богатству содержания и четкости мыслей она заслуживала бы, пожалуй, пальмы первенства среди прочих, хотя антиковеды, видимо, упрекнув рецензента в некотором пристрастии. С большой тщательностью автор вскрывает семантику ритуала кремации, восходящего к человеческому жертвоприношению богу ритуального пламени Агни, что изложено в Ригведе 10.16.5. Как и любое ранневедическое жертвоприношение, это своего рода «взятка» по принципу *do ut des*. В обмен на поднесенную ему плоть Агни даровал душе усопшего бессмертие на том свете. Внеморальность

³ Keller A., Piggott S. The Chambered Tomb in Beowulf. — *Antiquity*, 13, 1939, № 51, p. 360 f.

⁴ Линия его доказательств по данному поводу детальнее развита в другой работе:

этой механической процедуры, как представляется, могла послужить предметом запрета индоиранской кремации в зороастризме, где достижение загробного блаженства должно было зависеть не от корыстных божеств вроде Агни или Митры, но только от личных деяний усопшего.

Исключительно важен тезис автора о том, что с точки зрения Брахман, ритуальных трактатов поздневедического времени, родоплеменное поселение *grāma*, проще говоря, традиционная деревня, отголоски чего сохраняются и поныне, была не столько четкой территориальной единицей, сколько группировкой социальных единиц (с. 450). Специфику древнеиндийского отношения к земле, крайне далекого от древнегреческого, часто недоучитывают даже в специальных штудиях по аграрной истории. Прав, по всей видимости, Ш. Маламуд и в объяснении того, почему Индия ведических текстов никак не поддается доказательному наложению на археологическую карту. Похоже, что ведическая стадия, увековеченная Ригведой в монументальных образах, на самом деле была очень скоропреходящей (с. 451, прим. 1).

Богатство тематики сборника нельзя исчерпать в одной рецензии. Он привлечет внимание и тех, кого интересует таксономия археологических комплексов или аксиологическая шкала в древнегреческих погребальных ритуалах (чему посвящена пространный статья Ж.-П. Вернана — с. 45—76). Из крупных недостатков должны быть названы минимум три. Во-первых, не удался синтез в масштабах всего древнего мира, поскольку составители не проявили строгости в методологической ориентации сборника. Во-вторых, излюбленные ныне ученой Европой подходы, что отмечает ее же идеологи, почему-то влекут в синхронию, к статичным срезам без исторической динамики⁵. В самых аргументированных и даже изящных по изложению трудах неуклонно воцаряется вневременный «этнографический презенс», формализованная деструкция эмпирически осязаемой реальности. Диахронии выпадает участь Золушки. В-третьих же, по-прежнему одолевает засилие априорных допущений, упований на мнимую очевидность исторических истин.

Надо сказать, что если рассматриваемый сборник и отдал привычную дань последнему пороку, то он же во многом способствует развенчанию одного из самых живучих и прискорбных допущений, великой археологической догмы о предельной консервативности погребального обряда, смена какового будто бы неуклонно означает смену этноса. Вот как изложено это суровое кредо в нашей литературе: «...ибо погребальный обряд, как известно, является самой устойчивой, самой консервативной и вследствие этого самой надежной этнической особенностью»⁶. Стоит обратить внимание на аргументацию ссылкой «как известно». На самом деле известно нечто иное, а именно то, что ни смена погребального обряда, ни появление новых видов и типов керамики не означают с непеременимостью вторжения нового этноса вопреки априорным теориям каузальности на службе археологии⁷. Все это еще раз основательно подтверждено публикациями рецензируемого сборника, как и прочими исследованиями на эту же тему. Число их умножается с каждым годом, причем их направленность довольно близка той, что вкратце была охарактеризована выше⁸. Авторы этой об-

Gignoux Ph. Des structures imaginaires du panthéon pré-zoroastrien à l'existence de Baga. — *Iranica*. Napoli, 1979, p. 365—373.

⁵ *Spriggs M.* Where the Hell are We? — *Archaeology and Anthropology*. Oxf., 1977, p. 13; ср. в этом же сборнике: *Chapman R. W.* Burial Practices: an Area of Mutual Interest, p. 19—33.

⁶ Артамонов М. И. Этногеография Скифии. — УЗЛГУ, серия исторических наук. Л., 1949, вып. 13, с. 133.

⁷ *Adams W. Y.* Invasion, Diffusion, Evolution? — *Antiquity*, 42, 1968, № 167, p. 201—203; *Монгайт А. Л.* Археологические культуры и этнические общности. — *НАА*, 1967, № 1, с. 53—76.

⁸ *Mayer R.* Der Auferstehungsglaube in der iranischen Religion. — *Kairos*, 7, 1965, S. 194—207; *Ucko P. J.* Ethnography and Archaeological Interpretation of Funerary Remains. — *World Archaeology*, 1, 1969, p. 262—280; *Thomas L.-V.* Anthropologie de la mort. P., 1975; *Tainter J. A.* Social Inference and Mortuary Practices. — *World Archaeology*, 7, 1975, p. 1—15; *Lincoln B.* Death and Resurrection in Indo-European Thought. — *JIES*, 5, 1977, № 3, p. 247—264; *Fritz J. M.* Palaeopsychology Today: Ideational Systems and Human Adaptation in Prehistory. — *Social Archaeology Adaptation in Prehistory*. — In: *Social Archaeology*. N. Y., 1978, p. 37—59; *Evans D.* Agamemnon and the Indo-European Threefold Death Pattern. — *History of Religions*, 19, 1979, № 2, p. 153—166; *The Archaeology of Death*. Cambr., 1981.

ширной литературы чаще всего волнует проблема ритуализации смерти и степень ее обусловленности другими формами идеологии, потребность живых членов общины в соучастии мертвых предков во всех делах и обрядах, в поддержании социальной нормы. На вопрос, существовала ли типологически универсальная для всех обществ древности *religio naturalis*, они чаще отвечают отрицательно. Рассмотрению архетипов, парадигм и универсалий ныне все решительнее предпочитают изучение взаимоотношений между ними. Нарастает осознание того, что развитие мифологии и ритуала, в том числе погребального, во времени ставит под сомнение постулат леви-строссинского структурного анализа о тождестве всех вариантов и одинаковом их отношении к скрытой под ними системе⁹. К примеру, автор гомеровского гимна Дионису вслух отрицал иные варианты легенды об этом божестве и сулил своей аудитории однуединственную, «истинную» (строфы 8—9). Это открытая декларация неравноценности всех наличных версий для культуры. Отдельную сторону проблемы составляют доводы о неадекватности наших представлений ходу мыслей древних людей, наших критериев первобытным. В частности, подозревается, что мы неверно толкуем назначение погребального инвентаря, особенно случаи *in absentia*. К тому уже усиливается переоценка всего мифологического корпуса древности. Девятнадцатое столетие рассматривало известную нам мифологию как достоверное зеркало самых ранних, свежайших побуждений детски наивного воображения первобытности. Только недавно открылась вся глубина этого заблуждения. Истинно первоначальной мифологии мы не знаем и лишь приблизительно реконструируем ее фрагменты. Абсолютно все дошедшее в источниках, будь то эпос о Гильгамеше, Ригведа, Гомер и более всего Авеста, являет собой в лучшем случае вторичные теологизированные обработки, опосредствованные новой эпохой упражнения с вариациями на традиционные темы¹⁰. Из этого следует, что механическая проекция сведений Ригведы или Авесты на археологические материалы Евразии II тыс. до н. э., столь модная ныне у археологов, методически незаконна, так как она порождает анахронизмы.

Итак, рассматриваемый здесь сборник характеризует целое направление в зарубежной исторической науке со многими его достоинствами и недостатками. В нем намечены интересные перспективы дальнейших исследований, весьма существенных для углубления наших представлений об идеологических основах погребальной обрядности в древних обществах.

Л. А. Пелеков

⁹ MacDougall L. Lévi-Strauss in Fairland.— The Realm of Extra-Human. The Hague — Paris, 1976, p. 31—49.

¹⁰ Geib R. Mythos und Gemeinschaft im alten Indian.— Saeculum, 32, 1981, № 1, S. 209—220; Vernant J. P. Mythe et société en Grèce ancienne. P., 1981, p. 196—197.

H. THIEMER. *Der Einfluß der Phryger auf die altgriechische Musik*. Verlag für systematische Musikwissenschaft GmbH. Bonn — Bad Godesberg, 1979.

Некогда античную музыку рассматривали как застывший, статичный феномен. Например, такой крупный для своего времени специалист, как Ф. Геварт, писал о «неподвижности» греческой музыки в течение больших исторических периодов. По его мнению, ее технологические приемы никогда не обогащались никакими существенными нововведениями¹. Эта точка зрения была характерна для многих работ XIX — начала XX в.² С течением времени такая трактовка сменилась стремлением к

¹ Gevaert F. A. Histoire et théorie de la musique de l'antiquité. V. I. Gand, 1875, p. 16.

² См. например, Bellermann F. Die Tonleitern und Musiknoten der Griechen. B., 1847; Fetis F. J. Mémoires sur l'harmonie simultanée chez les Grecs et les Romains.— Mémoires de l'Akadémie de Belgique, 31, 1895, p. 1—120; Paul O. Die absolute Harmonik der Griechen. Lpz., 1867; Monro D. B. The Modes of Ancient Greek Music. Oxf., 1894; Abert H. Die Lehre vom Ethos in der griechischen Musik. Lpz. 1899; Clements E. The Interpretation of Greek Music.— JHS, 42, 1922, p. 133—166; 56, 1936, p. 25—35, и др.

выявлению эволюционных процессов в античном музыкальном искусстве. Значительный вклад в изучение этой сложной проблемы внесли исследования Т. Рейнака, Р. Виннингтона-Инграма, О. Гомбози и особенно М. Фогеля³. Однако, как правило, основное внимание ученых было сосредоточено на обсуждении вопросов развития, связанных с классическим и поздними периодами, тогда как более ранние эпохи зачастую продолжают рассматриваться в статичном ракурсе. Такое положение имеет вполне определенные причины.

Главная из них заключается в том, что историческое музыкознание пока не обладает еще необходимыми средствами для характеристики сущности тех художественных событий, о которых сохранились лишь сообщения в мифологической форме. Методы музыковедческого раскрытия смысла мифологических символов, несмотря на некоторые обнадеживающие сдвиги в этой области⁴, до сих пор не способствуют решению многих из этих сложных задач. Кроме того, трудности объяснения большинства архаичных преданий музыкаграфической традиции также создают сложные проблемы на пути реконструкции всеобщего процесса развития античной музыки. В результате получилось так, что современные научные представления об ее эволюции при анализе явлений творчества почти никогда не простираются древнее периода классики, а при рассмотрении музыкально-теоретических воззрений — не древнее пифагореизма. Поэтому интерес к новой книге Х. Тимер обусловлен прежде всего тем, что автор анализирует материал, связанный лишь с доклассическим периодом. В этой работе собраны важнейшие сообщения античной традиции, так или иначе относящиеся к музыке Фригии. Такое собрание осуществляется впервые и уже само по себе имеет определенную ценность, так как дает возможность представить довольно сложную картину имеющихся в распоряжении науки свидетельств. Многие из них тщательно анализируются в книге. Так, автор подробно рассматривает факты, связанные с музыкальными «аксессуарами» культа Кибелы. Обсуждая смысл мифа о Марсии, Х. Тимер продолжает развивать идею М. Фогеля, успешно доказывающего, что смысл мифа запечатлел свидетельства о раннем многоголосии⁵. Вслед за М. Фогелем⁶ автор продолжает развенчивать распространившийся со времен Ф. Ницше взгляд об авлосе и кифаре как об инструментах, якобы представляющих противоположные тенденции в античной музыке⁷. Все это характеризует книгу Х. Тимер как интересное исследование.

Вместе с тем необходимо отметить, что изучаемый в этой работе материал ставит задачи, многие из которых трудно пока разрешить. Особенно это относится к противоречиям, которые сплошь и рядом встречаются в первоисточниках. Так, например, Аристотель (Pol. III, 6) называет создателем «фригийской тональности» Олимпа, а Климент Александрийский (Strom. I, 132) утверждает, что этот музыкант создал «лидийскую тональность». Аналогичным образом Павсаний сообщает (IX 5, 7), что создателем семиструнной лиры был Амфион, а Никомех (у Боэция, De inst. mus. I 20) приписывает введение этого новшества Терпандру; в одном из гомеровских гимнов (V 5, 7) создателем семиструнной лиры представлен Гермес. Следовательно, материал, анализируемый в книге Х. Тимер, ставит задачи, заключающиеся не только в том,

³ Reinach Th. La musique grecque. P., 1926; Winnington-Ingram R. Mode in Ancient Greek Music. Cambr., 1936; Gombosi O. Die Tonarten und Stimmungen der antiken Musik. Copenhagen. 1939; Vogel M. Die Enharmonik der Griechen. 2 Bd. Düsseldorf, 1963.

⁴ Clain E. Mc. Musical «Marriages» in Plato's Republic. — Journal of Music Theory, v. 18, № 2, 1974, p. 242—272; *idem*. A New Look at Plato's Timaeus. — Music and Man, v. 1, № 4, 1975, p. 341—360; *idem*. The Myth of Invariance. The Origin of the Mathematics and Music from the RG Veda to Plato. N. Y., 1976; *idem*. The Pythagorean Plato: Prelude to the Song Itself. N. Y., 1978.

⁵ Vogel. Op. cit., 2 Teil: Der Ursprung der Enharmonik, S. 89—91; *idem*. Zum Ursprung der Mehrstimmigkeit. — Kirchenmusikalisches Jahrbuch, 49, 1965, S. 57—64.

⁶ Vogel M. Apollinisch und Dionisisch. Geschichte eines genialen Irrtums. Regensburg, 1966, S. 11—94.

⁷ Nietzsche F. Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik (Nitzsche F. Gesamtausgabe in Grossoktav. Bd. XV). Русскому читателю эта работа известна в нескольких переводах: Ницше Ф. Происхождение трагедии или эллинизм и пессимизм. Пер. с немецк. Ю. М. Антоновского. М., 1902; *он же*. Происхождение (Рождение трагедии из духа музыки). Пер. с немецк. Н. Н. Полидова. СПб., 1903; *он же*. Рождение трагедии (Полное собрание сочинений. Т. I. Пер. С. Франка, Г. Рачинского и Я. Бермана, под общ. ред. Ф. Ф. Зелинского). М., 1912.

чтобы понять причины столь противоречивых сообщений, но и уяснить их суть. Ведь если бы в новое время кто-то стал утверждать, что какой-то композитор «создал» (?) «мажор» или «минор» или первый стал употреблять какую-то тональность, то это справедливо рассматривалось бы как курьез. Ладотональные формы организации музыкального материала — результат постепенной эволюции музыкального мышления, который не может полностью реализоваться в творчестве одного композитора⁸. Поэтому предстоит еще большая работа по раскрытию смысла античных сообщений о «создателях» *τίνοι*. Эта информация нуждается в основательном критическом анализе. То же самое необходимо сказать и в отношении античных свидетельств о развитии лиры. Если сообщается, что Лин добавил «лиханос»⁹, Амфион — «нэту» (Paus., IX 8,4), Орфей и Фамир — «гипату» и «парипату» (Diod., III 59), Терпандр — «нэту»¹⁰, либо перечисляются имена даже целой группы музыкантов¹¹, каждый из которых якобы внедрил какое-то определенное новшество, то такие свидетельства необходимо попытаться дифференцировать и понять: где идет речь о струнном инструменте, а где — о «полной неизменной системе». Здесь сложность заключается в том, что источники всегда используют слово *χορδή*. Однако, когда имеется в виду лира, то действительно подразумевается «струна», но при описании «полной неизменной системы» — звуковая ступень. Смысловое подразделение таких сообщений необходимо потому, что от этого зависит их правильная трактовка.

В тех случаях, когда излагаются сведения об эволюции лиры, проблема должна решаться в связи с модификацией исторически более ранней системы струн инструмента. Такой вариант имеет свои трудности, обусловленные переменами в названиях старых струн и необходимостью выявить их высотные соотношения с новыми. Например, если Амфон добавил нэту, а Орфей — гипату, то это может только означать, что были добавлены новые «крайние» струны. Но ведь в предшествующей форме инструмента были свои «крайние» струны. Значит, задача состоит в том, чтобы определить, какие струны прежде носили эти названия и логику изменений, происшедших в настройке инструмента. Если же такие сообщения описывают изменения структуры «полной неизменной системы», то следует всегда помнить, что ее трансформация — это результат объективных эволюционных процессов, связанных опять-таки с развитием ладового мышления. Перемены ладовых форм в музыкальной практике ведут к изменению теоретической звукорядной системы. Именно такой организацией и была «полная неизменная система». Происходившие в ней изменения были следствием преобразований, осуществлявшихся в музыкальной практике. Поэтому соотнесение таких новшеств с деятельностью какого-то одного музыканта (пусть даже выдающегося) противоречит нормам музыкальной жизни любой эпохи¹². Все это лишний раз говорит о том, как нелегко еще в настоящее время реконструировать историю античной музыки древнейшего периода. Поэтому понятны многие трудности, стоявшие перед Х. Тимер. Они в какой-то мере оправдывают часть не решенных в книге проблем.

Однако не следует думать, что во всех этих случаях нельзя предложить никакого объяснения. Более того, как раз именно в подлинных и кажущихся противоречиях сообщений и фактов можно обнаружить специфические особенности древнейшей музыкальной практики. Приведу только один пример. Так, абсолютное большинство античных источников приписывает создание семиструнной лиры Терпандру (VII в. до н. э.). Но известно, что в музыкальной практике Египта и Месопотамии, еще задолго до эпохи Терпандра, применялись струнные инструменты с несравненно большим

⁸ Применяемые иногда термины «лады Шостаковича», «гамма Римского-Корсакова» и другие со строго научной точки зрения очень условны (подробнее об этом см. Берков В. Об историческом обосновании понятия «гармония». — В кн.: Берков В. Избранные статьи и исследования. М., 1977, с. 184—187).

⁹ Plin., HN, VII, 204; Diod., III, 59.

¹⁰ Ps-Arist., Probl. XIX 7 и 32; Ps.-Plut., De mus. 28.

¹¹ Boet., De inst. mus. I, 20.

¹² Было бы интересно проверить возможную версию о том, что знаменитые греческие музыканты были не только выдающимися исполнителями и композиторами, но и теоретиками, стремившимися привести теоретические звукоряды в соответствие с изменяющимися формами ладовой практики. Многогранность деятельности древних музыкантов частично говорит в пользу такого предположения. Однако оно требует самостоятельного исследования.

количеством струн, доходившим иногда до 30¹³. Может показаться, что в период античности использовали более простые разновидности инструментов, чем в древнейших цивилизациях Востока.

Чтобы понять смысл этих данных, их необходимо сопоставить с результатом открытия феномена деления струны. Действительно, до тех пор пока исполнители не пользуются методом деления струны, расширение звуковых возможностей струнных инструментов должно было идти только по пути увеличения количества струн. Как видно, такая тенденция и проявилась в музыкальной практике Египта и Месопотамии, где существовали различные многострунные инструменты. Не может быть сомнения в том, что аналогичное направление в развитии инструментария существовало и в архаичные периоды музыкального искусства Греции (и во всех древнейших цивилизациях). Но, к сожалению, такие свидетельства не сохранились. Именно поэтому современная наука располагает подобными данными лишь по Востоку. На самом же деле древнейшие периоды греческой музыки не могли пройти мимо этого этапа развития инструментария. Однако открытие принципа деления струны способствовало значительному уменьшению числа струн, так как звуковое разнообразие могло уже достигаться не столь примитивным способом, как прежде. Поэтому увеличение струн до семи в VII в. до н. э. следует рассматривать как новый этап эволюции, когда расширение звуковой амплитуды инструмента связано с прибавлением относительно незначительного количества струн. Но при использовании принципа деления струны это новшество радикально расширяет художественные возможности инструмента. Безусловно, такое изменение требует основательного владения навыками «пальцевой техники» и усложняет исполнительские приемы. Это должно было создавать у древних слушателей мнение о высокой степени виртуозности исполнителей. Не исключено, что слава Олимпа и его учеников частично была обусловлена и этими причинами.

Некоторое подтверждение такому предположению можно найти у Псевдо-Плутарха (De mus. 18): «Однако древние, зная все использующиеся гармонии, применяли (лишь) некоторые. Причина такого ограничения и малострунности произошла не от незнания. Также не по незнанию при Олимпе и Терпавдре их последователи по собственной воле отвергали многострунность и сложность. По крайней мере (об этом) свидетельствуют произведения Олимпа, Терпандра и всех (мастеров), аналогичных им по стилю. Ибо существующие простые трехструнные (инструменты) выгодно отличаются от сложных и многострунных, поскольку никакие (другие) не могут воспроизводить стиль Олимпа. (Произведения) же, исполняемые на многострунном и многотональном (инструменте), уступают ему»¹⁴. Прежде всего необходимо отметить, что «многострунность» (πολυχορδία) и «малострунность» (ὀλιγοχορδία) использовались как довольно сложные и объемные понятия. Так, «многострунность» могла указывать на расширение ладотональных сторон музыкального материала. Платон применяет «многострунность» вместе с «гармонией» (παναρμονία Rep. III 399 c—d). В процитированном фрагменте Псевдо-Плутарха термин «многострунность» также используется наряду с «гармонией» (ἁρμονία) и «многотональностью» (πολύτροπον). Кроме того, Платон (там же) связывает «многострунность» с духовым инструментом: «Допускаются ли в государство (мастера), делающие авлосы, либо исполнители на авлосе? Разве это не самое большое многоструние и (разве) эти пангармонии не являются подобием авлоса?» А это уже явное свидетельство не только буквального понимания смысла термина.

Однако, если даже трактовать сообщение Псевдо-Плутарха в простейшем смысле — как повествование о «многострунных» и «малострунных» инструментах, — то и тогда текст дает повод для вполне определенных выводов. Автор пишет о том, что древним

¹³ Stauder W. Die Harfen und Leiern Vorderasiens in babylonischer und assyrischer Zeit. Frankfurt a. M., 1961; Hartmann H. Die Musik der sumerischen Kultur. Diss. Frankfurt a. M., 1960, S. 19—36, 52—78; Rimmer J. Ancient Musical Instruments of Western Asia in the British Museum. L., 1961, p. 12—26; Spycket A. La Musique Instrumentale Mesopotamienne.— Journal des Savants, Juillet-September, 1972, p. 153—209.

¹⁴ В излишне свободном переводе этого фрагмента, выполненном Н. Н. Томасовым (см. Плутарх. О музыке. Пер. с греч. Н. Н. Томасова, с пояснительными примечаниями и вступ. ст. Е. М. Браудо. Пг., 1922, с. 53), использованы такие понятия, как «модуляции», «переходы», что несколько изменяет смысл текста первоисточника.

музыкантам были хорошо известны многострунные инструменты, но художественные принципы вынуждали их пользоваться «малострунными». Это добровольное ограничение могло быть следствием использования метода деления струны. Ведь по глубокому убеждению Псевдо-Плутарха (*De mus.* 21), древнее искусство было не менее сложно, чем современное ему: «Если затем кто-то, сопоставляя прошлое и настоящее, правильно и со знанием дела исследовал бы (музыку) в отношении сложности, то обнаружил бы сложность существовавшую и прежде». Иначе говоря, в древние времена также достигались разнообразие и сложность звучания, но без увеличения числа струн. А это могло быть осуществимо только при помощи деления струн. Значит есть все основания при анализе внешне противоречивых фактов увидеть некий трехэтапный процесс, отражающий эволюцию струнных инструментов древности: 1) увеличение количества струн как единственно возможный путь расширения художественных возможностей инструментов, 2) резкое сокращение числа струн благодаря открытию феномена деления струны, 3) новое незначительное увеличение числа струн (например, с 3 или 4 до 7) при продолжающемся использовании уже известного принципа деления струны. По всем данным, деятельность Олимпа связана со вторым из указанных периодов, а Терпандра — с третьим. Конечно, изложенные соображения еще не дают возможности осветить все стороны творчества этих мастеров, но они способствуют уяснению некоторых особенностей исполнительства в эти древнейшие периоды и тем самым хотя бы частично могут охарактеризовать исполнительскую индивидуальность Олимпа и Терпандра.

Я привел возможную трактовку одного из «противоречий» с целью показать, что даже гипотетичные толкования некоторых фактов или даже частичные объяснения отдельных свидетельств могли бы расширить нарисованную Х. Тимер картину музыкальной жизни Фригии и более полно показать вклад фригийских музыкантов в общегреческую культуру¹⁵.

В своей книге Х. Тимер затрагивает также вопрос об изменениях в звукоряде «полной неизменной системы», основываясь на сообщениях античных авторов о введении Терпандром «дорийской нэты»¹⁶. Эти тексты издавна были предметом анализа филологов и музыковедов. Однако до сих пор эта проблема не может считаться разрешенной. Не стала она ясней и после публикации книги Х. Тимер. Скорее всего неудачи обусловлены тем, что исследователи не принимают во внимание одного важного обстоятельства: и известия о «дорийской нэте» и многие другие сообщения о звукорядах основываются уже на сформировавшейся системе, т. е. на той форме «полной неизменной системы», которая существовала в античном музыкознании в позднюю эпоху. Это означает, что поздние авторы описывают звукорядные формы архаичной музыки с позиций современной им конструкции «полной неизменной системы», напоминая того как современная теория нередко трактует все исторически предшествующие формы ладовых звукорядов с позиций мажора и минора (например, пентатоника определяется как «неполный мажор» или «неполный минор», лидийский лад — как «мажор с повышенной IV ступенью», а фригийский лад — как «минор с пониженной II ступенью» и т. д.). Аналогичным образом названия ступеней, упоминаемые в античной традиции, соотносятся поздними авторами с конкретными звуками уже канонизированной системы. Для подтверждения этого можно указать хотя бы на знаменитый фрагмент из трактата Псевдо-Плутарха (*De mus.* 11), в котором повествуется о том, как Олимп «открыл» энгармонию: «Предполагают, что ее открытие произошло таким образом: находясь в диатоническом (роде) и часто переводя мелос то с парамесы, то с меса на диатоническую парипату и пропуская диатонический лиханос, изумленный Олимп заметил красоту (такого) этоса и таким образом в соответствии (с ним установил) созданную и признанную систему».

Прежде всего, само описание процесса обнаружения ладового звукоряда энгар-

¹⁵ Попутно отмечу, что противоречивые сообщения, приводящиеся Х. Тимер, о Терпандре-новаторе (*Plut., Inst. Lac.* XVII 238 C) и о Терпандре-традиционалисте (*Ps.-Plut., De mus.* 6), также вполне объяснимы. История музыки знает много примеров того, как некогда новаторское творчество с течением времени начинало восприниматься как традиционное, а образ композитора-новатора предшествующей эпохи постепенно становился знаменем академизма.

¹⁶ *Ps.-Arist., Probl.* XIX, 7, 32; *Ps.-Plut., De mus.* 28.

монии до предела примитивно. Его трудно представить в реальной музыкальной практике, так как умышленное избегание одного звука не соответствует энгармонии как ладовой форме, естественной для определенного этапа исторического развития музыкального мышления. Кроме того, хорошо известно, что интервальная структура и терминология системы проходили сложный путь развития. Так, например, Никомас (Int. harm., 9) утверждает, что, по Филолаю, звук, называвшийся прежде «парамесой» стал именоваться «тритой». В другом разделе (11) того же трактата, уточняя это сообщение, Никомас пишет: «Как прежде было сказано, теми, кто усложняет гармонию, был вставлен между месой и древней тритой (либо, как [утверждают] некоторые — между тритой и паранэтой) восьмой звук, отделенный тоном. И меса уже более не находилась по центру». В одном же из начальных разделов (5) Никомас в тех же выражениях приписывает это новшество Пифагору.

Отдельные сведения об эволюции «полной неизменной системы» можно почерпнуть в некоторых запутанных по содержанию параграфах трактата Псевдо-Аристотеля (XIX, 32, 44, 47). Например, в одном из них сообщается: «... в древности было семь звуков (струн — ?). Затем Терпандр упразднил триту (и) добавил нэту». В других параграфах этого же сочинения описываются и другие изменения. Все это свидетельствует о систематически происходивших переменах, затрагивавших и терминологию, и интервалику всей организации. Не все подробности этих изменений поддаются пока осмыслению. В поздние музыкально-теоретические памятники эти сообщения попали из более древних источников, в которых определенными терминами могли называться звуки, впоследствии изменившие свои наименования. Поэтому нет никаких оснований реконструировать эволюцию системы по ее поздней форме, так как получающийся результат всегда слишком ненадежен.

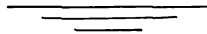
Одно из главных положений книги Х. Тимер гласит, что многие из древнейших звукорядных образований были заимствованы общегреческой музыкой из Фригии. По мнению Х. Тимер, популярность творчества фригийских музыкантов способствовала распространению этих звукорядных форм. Как известно, идея об «импорте» и «экспорте» звукорядов в древнем мире не нова. Почти во всех случаях, когда исследуются музыкальные контакты между различными культурами, принято считать, что общность звукорядных образований служит свидетельством влияния музыки одного народа на другой. Но звукоряд — это теоретически схематизированная форма лада. Значит речь идет об «импорте» и «экспорте» ладовых организаций. И здесь важно уяснить: если даже обнаруживаются общие ладовые звукоряды, то это еще не может служить свидетельством взаимовлияния. Ведь общность звукорядных конструкций в теории не обязательно является следствием единых ладовых форм музыкальной практики. Достаточно вспомнить хотя бы, что и в античности, и в Средневековье, и в Новое время в теории зачастую использовались одни и те же звукоряды. В звукоряде выхолащено ладофункциональное содержание, т. е. аннулировано главнейшее качество лада. Поэтому одни и те же звукорядные формы в живом музицировании получают совершенно различное ладовое воплощение (наглядным примером этого может служить и «мажоро-минорная эпоха» европейского музыкознания, когда одни и те же традиционные теоретические звукоряды в практике искусства принимали различные «ладофункциональные облики»).

Особенно сложно обстоит дело с разрешением этого вопроса для древней Греции. Все данные говорят о том, что звукорядные формы, анализируемые античными теоретиками, не являются ладовыми звукорядами. Это связано с тем, что в древнегреческом музыкознании основным объектом анализа были так называемые «виды октавы». Судя по всему, эти семизвуковые формы стали привлекать внимание теоретиков еще задолго до формирования окончательной конструкции «полной неизменной системы», когда целью анализа был строй инструментов. Семиструнная лира воплощала в себе тогда все наивысшие достижения инструментального искусства. Поэтому естественно, что внимание музыкальной теории было сосредоточено на ее разновидностях, имевших различную тесситуру звучания: низкие «дорийские» лиры, высокие «лидийские» и т. д. В результате любая плоскость звукового пространства стала «измеряться» такими семизвуковыми отрезками. Этот метод сохранился и в позднем античном музыкознании, когда уже была канонизирована двухоктавная форма «полной неизменной системы». Отсюда и появились «виды октавы», являющиеся по сути дела прообразами

семизвучковых отрезков, олицетворявших семь струн лиры. Но ладовые звукоряды не имели ничего общего с этими видами октавы. Для подтверждения этого достаточно сопоставить положения теории «тезиса и дюнамиса» (Aristox. Elem. harm. p. 34, 40, 47, 50 Meib.), указывающие на квартовый ладовый объем и звукоряды видов октавы. Таким образом, изучение проблемы ладовой организации античной музыки затрудняется тем, что звукорядные формы, анализируемые в первоисточниках, не являются ладовыми звукорядами. Поэтому и любое обсуждение ладовых образований на основе таких звукорядных конструкций опрометчиво и неспособно дать какие-либо данные о подлинной специфике ладовых форм. Следовательно, идентичность звукорядных построений, зафиксированных теорией в различных областях Эллады, не может дать никаких материалов об особенностях самих ладообразований.

Все это еще раз говорит о трудностях, стоящих на пути освещения античных свидетельств о музыке архаичного периода. Поэтому отдельные неудачи сейчас необходимо воспринимать как результат сложности самой проблемы и недостаточности фактологического материала. Но чем скорее при ее изучении можно будет избавиться от некоторых традиционных необоснованных методов анализа, тем скорее будет решена эта задача. Как бы то ни было, каждое новое исследование, несмотря на спорность отдельных трактовок и аргументов, уточняет бытующие представления и приближает нас к цели. В ряду таких публикаций, безусловно, займет свое место и книга Х. Тамер, так как она также способствует углублению в суть проблемы.

Е. В. Герцман

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА, ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1982 Г.*

1. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ. УЧЕБНИКИ. PERSONALIA. РАЗНОЕ. РЕЦЕНЗИИ
1. Актуальные проблемы классической филологии. М.: Изд-во МГУ, 1982, вып. 1, 168 с.
2. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Авт. вступит. статьи и сост. альбома О. Я. Неверов. Л., 1976.
3. Аракелян А. Т. Латинский язык. Учебник для Ерев. гос. мед. ин-та. Ереван: Луйс, 1982, 288 с., илл.
4. Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. 2500 ед. М.: Русский яз., 1982, 559 с. Рец.: Лугов М. Книга, нужная многим.— Ферганская Правда, 1982, 23 июня.
5. Богомолов А. С. Диалектический логос. Становление античной диалектики. М.: Мысль, 1982, 263 с., табл.
6. Галеева А. Джордж Грот и английская либерально-буржуазная историография античности XIX в.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Казань: Казанск. гос. ун-т, 1982, 17 с.
7. Галеева А. К вопросу о развитии английской либерально-буржуазной историографии античности (XIX в.). Казань, 1982, 35 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 10024 от 03.V.82 г.
8. Глушанич Е. П. Город и армия позднеантичной эпохи в советской историографии, в № 10, с. 86—95.
9. Голубцова Е. С., Кошленко Г. А. История древнего мира и «новые методики». — ВИ, 1982, № 8, с. 70—82. [Рез. на англ. яз. с. 190]
10. Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, 161 с.
11. Гуторов В. А. Некоторые проблемы изучения античных социальных утопий в буржуазной науке. — В кн.: История домарксистских социалистических учений и антикоммунизм. Л., 1982, с. 29—60.
12. Данилова Л. В. Переходные и производственные общественные формы на докапиталистических стадиях развития. — В кн.: Смена стадий общественного развития. М., 1982, с. 5—10.
13. Двинагина Л. А. Аналогия и аномалия (Исторический аспект проблемы). Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1982, 15 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 10738 от 11.08.82. Формирование понятий аналогии и аномалии в античном умозрении.
14. Десяткина Н. И., Яброва М. М. Кафедра истории древнего мира и средних веков Саратовского гос. ун-та. — В сб.: Средние века, 1982, вып. 45, с. 378—381.
15. Дроздов В. Переходные формы производственных отношений в период кризиса античного рабства и становления феодализма. — Экономические науки, 1982, № 6, с. 26—34.
16. Заливалова Л. Н. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму в освещении русской историографии конца XIX — начала XX в., в № 10, с. 77—86.
17. Зунде А. Я. Эволюция понимания природы философии (Историко-методологический обзор). — Изв. АН ЛатвССР, 1982, № 9, с. 33—46.
18. Игнатовская Н. Б. Об истоках экофобного отношения к природе в европейской философской традиции. — Вестник МГУ, сер. философия, 1982, № 2, с. 74—84. Об отношении к природе в античной философии.
19. Іноземна філологія. Львів, 1982, вип. 65. — Питання класичної філології, № 18, 147 с.
20. Иномхожаев С. Основы ораторского искусства. Учебное пособие для студентов Ташкент. ин-та культуры. Ташкент: Укитувчи, 1982, 157 с. [На узб. яз.].
21. История древней Греции. Учебник для студентов ист. фак. ун-тов. Сост. Блаватская Т. В., Блаватский В. Д., Бок-

* Указатели литературы, опубликованной в 1962—1981 гг., см. ВДИ, 1967, № 1 и № 3; 1969—1973, № 4; 1974, № 1 и № 4; 1975—1977, № 4; 1978, № 1 и № 4; 1979—1982, № 4 и 1984, № 1. Работы, вышедшие до 1982 г., но не учтенные в предыдущих выпусках, см. под № 2, 41, 48, 57, 72, 80, 105, 113, 132, 134, 136, 155, 190, 192, 214, 221, 236, 247, 249, 267, 313, 322, 345, 440, 462, 467, 546, 556.

- шанин А. Г. и др. Ерев. гос. ун-т. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1982, 583 с., илл., карты. [На арм. яз.].
22. История древнего мира. Кн. I. Ранняя древность. М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1982, 390 с., карты. Из содержания: *Андреев Ю. В.* Крито-микенский мир, с. 278—297; *Андреев Ю. В.* Греция в XI—IX вв. до н. э. по данным гомеровского эпоса, с. 298—316; *Циркин Ю. Б.* Финикийская и греческая колонизация, с. 317—330.
 23. История древнего мира. Кн. II. Расцвет древних обществ. М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1982, 576 с., карты.
Из содержания: *Андреев Ю. В.* Греция в архаический период и создание классического греческого полиса, с. 70—94; *Глускина Л. М.* Греко-Персидские войны, с. 160—181; *Глускина Л. М.* Расцвет афинской рабовладельческой демократии, с. 182—197; *Фролов Э. Д.* Пелопоннесская война, с. 213—233; *Глускина Л. М.* Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н. э., с. 234—261; *Фролов Э. Д.* Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах, с. 262—278; *Ботвинник М. Н.* Греческая культура VII—IV вв. до н. э., с. 279—307; *Дьяконов М. М.* Александр и диadoхи, с. 308—323; *Свенцицкая И. С.* Эллинистический Египет, с. 324—337; *Свенцицкая И. С.* Эллинизм в Передней Азии, с. 338—359; *Свенцицкая И. С.* Македония, Греция и Северное Причерноморье в период эллинизма, с. 360—374; *Свенцицкая И. С.* Эллинистическая культура, с. 375—391; *Амусин И. Д.* Общественные и религиозные течения в Палестине во II в. до н. э.—I в. н. э., с. 392—406; *Редакционная коллегия.* Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма, с. 407—422; *Неронова В. Д.* Этрусски и ранний Рим, с. 423—438; *Шифман И. Ш.* Карфагенская держава в Западном Средиземноморье (I тыс. до н. э.), с. 439—452; *Егоров А. Б., Неронова В. Д.* Римская республика с конца VI до середины II в. до н. э., с. 453—472; *Зеймаль Е. В.* Парфия и Греко-Бактрийское царство, с. 473—483.
 24. История древнего мира. Кн. III. Упадок древних обществ. М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1982, 303 с., карты.
Из содержания: *Неронова В. Д.* Общие черты третьего периода древней истории, с. 5—22; *Егоров А. Б.* Римская республика с середины II в. до 27 года до н. э., с. 23—50; *Неронова В. Д.* Социально-политическое и экономическое развитие Ранней Римской империи, с. 51—75; *Кнабе Г. С.* Римское общество в эпоху ранней империи, с. 76—105; *Редакционная коллегия.* Культура Ранней Римской империи, с. 106—133; *Редакционная коллегия.* Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья, с. 205—224; *Неронова В. Д.* Поздняя Римская империя (III—V вв.), с. 225—242; *Редакционная коллегия.* Идеология Поздней Римской империи, с. 243—268; *Неронова В. Д.* Вторжение варваров и крушение Римской империи, с. 269—277.
 25. История древнего мира. Ч. 2. Греция и Рим. Учебное пособие для студентов ист. фак. пед. ин-тов. Изд. 2-е, испр. и доп. Сост.: Бокшанин А. Г., Дворецкая И. А., Крушкoл Ю. С., Пикус Н. Н. М.: Просвещение, 1982, 431 с., илл.
 26. История древнего Рима. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982, 334 с. В приложении: хронологическая таблица, список римских провинций.
 27. История философии. Т. I. История домарксистской философии. М.: Прогресс, 1982, 488 с. [На финск. яз.].
 28. Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). Учебное пособие для студентов ист. спец. вузов. М.: Изд-во МГУ, 1982, 239 с., илл.
 29. *Каплюк В. З.* Кафедра истории древнего мира и средних веков Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева.— В сб.: Средние века, 1982, вып. 45, с. 375—377.
 30. *Конфорович А. Г.* Колумбы математики (Рассказы о выдающихся математиках со времен древней Греции до начала XVIII в.). Для ст. школьников. Киев: Рад. шк., 1982, 223 с., илл. [На укр. яз.]
 31. *Корольков А. А.* Проблема начала методологического влияния философии на науку (Особенности взаимодействия философии и медицины в эпоху античности).— В кн.: Проблемы методологии научных исследований. Новосибирск, 1982, с. 18—27.
 32. *Кошеленко Г. А., Кузищин В. И., Маяк И. Л., Немировский А. И., Фролов Э. Д., Шофман А. С.* Историография античной истории. М.: Высш. шк., 1980, 415 с.
Рец.: *Козловская В. И.*— ВИ, 1983, № 1, с. 142—144.
 33. Краткий словарь по философии. 4-е изд. М.: Политиздат, 1982, 432 с.
 34. *Крюков М. В.* Истоки расистских идей в древности и средневековье.— В кн.: Расы и общество., М., 1982, с. 8—20.
Античность, Китай, европейское средневековье.
 35. *Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму, в № 10, с. 56—77.
 36. *Лобанок А. М.* Философский смысл античной мифологии и трансформации мифа в современной буржуазной философии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Киев. Ин-т философии АН УССР, 1982, 23 с.
 37. *Лосева И. Н.* Социальная обусловленность становления античного теоретического знания.— В кн.: Социальная

- детерминация познания. Тезисы докладов научн. конф. Посвящается 350-летию Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1982, с. 96—98.
38. *Мавлеев Е.* Научная конференция «Западное Средиземноморье в первом тысячелетии до н. э. (Проблемы взаимодействия и преемственности культур)». Л., 11—13 декабря 1979 г. Хроника. — Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1982, № 47, с. 102.
Большая часть докладов конференции посвящена разработке этрусской проблематики.
 39. *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. В 5 томах. Т. I. Географические открытия народов древнего мира и средневековья (до плавания Колумба). Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1982, 286 с.
 40. Методическое пособие к семинарам по истории древнего Рима «Римская империя в I в. н. э.» (ч. 1). (Дион Кассий и «Римская история», кн. LVII, гл. I—X). Сост.: Строецкий В. М., Садовская М. С., Сизов С. К., Логина Л. В. Горький: Горьков. гос. ун-т, 1982, 23 с.
 41. *Мещеряков В. Т.* Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско-ленинской философии. М.: Наука, 1981, 204 с.
Рец.: *Ельмеев В. Я., Ермичев А. А., Молкин Н. С.* — Вестник ЛГУ, 1983, № 5. Экономика. Философия. Право, вып. 1, с. 112—113.
 42. *Мещеряков В. Т.* Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско-ленинской философии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филос. наук. Л.: ЛГУ, 1982, 27 с.
 43. *Мирзаев С. Б.* Античные учения о формах государства. — В кн.: Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982, с. 17—29.
Платон, Аристотель, Полибий.
 44. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах М.: Советская энциклопедия, 1980—1982.
Рец.: *Федоров Г.* В мире богов и героев. — Новый мир, 1982, № 8, с. 262—265; *Ерофеев В.* — Литературное обозрение, 1983, № 1, с. 65—70.
 45. *Мудрагей Н. С.* Проблемы рационального и иррационального: античность, средневековье. — ВФ, 1982, № 9, с. 107—116.
Сократ, Платон, средневековые философы, Ф. Бэкон.
 46. *Нахов И. М.* Историчность и актуальность античной культуры. Международная научная конференция. Тбилисский гос. ун-т, 23—27 окт. 1980 г., в № 1, с. 4—7.
 47. *Немировский А. И.* Теоретические аспекты античной историографии. — ВИ, 1982, № 2, с. 60—72. [Рез. на англ. яз.]
 48. *Нейгебауэр О.* Точные науки в древности. М.: Наука, 1968, 224 с.
 49. *Неронова В. Д.* Советская историография о сословии и классе рабов. — ВИ, 1982, № 10, с. 62—75. [Рез. на англ. яз., с. 190]
 50. *Ожунь Ю. А.* Рональд Сайм: понятие истории. Казанск. гос. ун-т. Казань, 1982, 22 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11646 от 22.11.82 г.
 51. *Ожунь Ю. А.* Рональд Сайм: становление историка. Казанск. гос. ун-т. Казань, 1982, 43 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11645 от 22.11.82 г.
 52. *Ожунь Ю. А.* У истоков концепции римской революции в буржуазной историографии XIX—XX вв. Казанск. гос. ун-т. Казань, 1982, 32 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11647 от 22.11.82 г.
 53. *Плотников А. М.* К истории вопроса взаимосвязи логических форм и категорий мышления. — В кн.: Логика и философские категории. Л., 1982, с. 5—19.
Анализ проблемы на материале домарксистской философии: Аристотель, Кант, Гегель.
 54. *Полонская К. П.* Всесоюзная конференция «Проблемы античной истории и классической филологии» (Харьков, февраль 1980 г.), в № 1, с. 8—13.
 55. *Полянский Ф.* Рабовладение и феодализм: их историческое место. — Экономические науки, М., 1982, № 6, с. 21—26.
 56. *Поплинский Ю. К.* О понятии «варвар» в античности. — В кн.: Африканский этнографический сборник. Л., 1982, 13, с. 161—185. [Рез. на англ. яз.]
 57. *Поплинский Ю. К.* Принципы этнографических описаний в античной научной литературе (Из истории этнографической науки). — Африканский этнографический сборник, XII, Л., 1980, с. 129—154. [Рез. на немецк. яз.]
 58. *Попова В. Л.* Некоторые вопросы решения проблемы перехода от античности к средним векам в советской историографии 30-х — начала 50-х гг. — В кн.: Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1982, с. 111—121.
 59. *Попова В. Л.* Некоторые итоги изучения проблемы перехода от античности к средним векам в русской либеральной историографии. — В кн.: Материалы конференции молодых ученых по общественным наукам. Томск, 1982, с. 247—249.
 60. Проблемы истории античной гражданской общины. Сб. науч. тр. М.: МГЭПИ, 1982, 132 с.
 61. Проблемы истории античности и средних веков. Сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1982, 154 с.
 62. *Рабинович Е. Г.* К вопросу о возникновении античной биографической традиции, в № 74, с. 156—166.
 63. *Радциг С. И.* История древнегреческой литературы. Учебник для студентов-филол. спец. ун-тов. Изд. 5-е. М.: Высш. шк., 1982, 487 с., илл.

64. *Ременников А. М.* Методическая разработка в помощь учителю истории по теме «Упадок и гибель Римской империи». Казанск. гос. пед. ин-т. Казань, 1982, 15 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11563 от 09.II.82 г.
65. *Снисаренко А. Б.* Курс — Море мрака: четыре шага за пределы ойкумены. Предисл. А. Б. Дитмара. М.: Мысль, 1982, 159 с.
Мореплавание в древнем мире. Ред.: *Кармин А.* Загадки античных трасс. — Знание — сила, 1983, № 4, с. 48.
66. Социальная структура и политическая организация античного общества. Межвузовский сб. Л.: ЛГУ, 1982, 194 с.
67. *Старостин Б. А.* К вопросу о начале историографии знания. — В кн.: Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982, с. 335—350.
Элементы историко-научного знания в эпоху античности.
68. *Стерлигов А. Б.* Античное наследие в культуре Возрождения. Конференция. Москва, Комиссия по пробл. культуры Возрождения Науч. совета АН СССР по истории мировой культуры, 30 марта — 1 апр. 1981 г. — В кн.: Советское искусствознание, 1981. М., 1982, вып. 2, с. 375—377.
69. *Сугрובה О.* Проблемы античного искусства. Конференция. Москва, Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, 5—6 февр. 1981 г. — В кн.: Советское искусствознание, 1981. М., 1982, вып. 2, с. 368.
70. *Талашова Н. С.* Западногерманское антиковедение в оценке историков ГДР. — В кн.: Ежегодник германской истории. 1980. М., 1982, с. 176—190.
71. Тезисы докладов X итоговой научно-теоретической студенческой конференции (11—15 мая 1982 г.). Посвящается 10-летию университета. Караганда, 1982, Карагандинский гос. ун-т.
Из содержания: *Скаковский Л.* Переписка Цицерона как источник по изучению его политической деятельности, с. 21—22; *Валенвейн А.* Северное Причерноморье в новейших археологических изысканиях, с. 22—23; *Скаковский Л.* К вопросу об освещении политической деятельности Цицерона в советской исторической литературе, с. 23—24; *Горовой В.* Колонизация и ее роль в разрешении внутриполисных противоречий, с. 24—25; *Концевая Н.* Стилистический анализ переводов 7 оды Квинта Горация Флакка в сопоставлении с оригиналом, с. 43—44.
72. *Тельнов А. А.* Генезис системных представлений. — В кн.: Общенаучные проблемы и средства познания. Иркутск, 1981, с. 29—41.
Возникновение системных представлений в античной философии и дальнейшее их развитие.
73. *Тихолаз А. Г.* Анализ античной философии в произведениях К. Маркса и некоторые аспекты современной методологии историко-философского исследования. — Проблемы философии, 1982, вып. 57, с. 116—128.
74. Традиции и новаторство в античной литературе (К 100-летию со дня рождения академика И. И. Толстого). Межвузовский сб. Philologia classica, вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, 244 с.
75. *Фролов Э. Д.* История одного поиска (Вместо предисловия), в № 66, с. 3—9.
О петербургско-ленинградской школе антиковедения.
76. Художественные изделия античных мастеров. Сб. ст. Л.: Искусство, 1982, 128 с., илл. [Рез. на англ. яз.]
77. *Чанышев А. Н.* Начало философии. М.: Изд-во МГУ, 1982, 184 с.
78. *Чухно Т. А.* Концепция «демократической монархии» Теодора Моммзена как выражение взаимообусловленности исторических и политических взглядов ученого. — В кн.: Материалы конференции молодых ученых по общественным наукам. Томск, 1982, с. 38—40.
79. *Шилуик Н. Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества. Учеб. пособие по спецкурсу. Уральский гос. ун-т. Свердловск: УрГУ, 1982, 83 с.
80. *Шофман А. С., Сергеев Н. А.* Критика концепции Арнольда Тойнби в советской науке. — В кн.: Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 4. Казань: Казанск. гос. ун-т, 1976, с. 107—132.
81. *Чухно Т. А.* Теодор Моммзен в исторической литературе. — В сб.: Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1982, с. 130—140.
82. *Шахнович М. М.* Эпикур и история русского атеизма XVIII — начала XX в. — В кн.: Атеистические традиции русского народа. Л., 1982, с. 139—159.
83. *Шульц Ю. Ф., Захарина С. Д., Мерцалова Т. В.* Латинский язык и основы терминологии. Учебник для мед. ин-тов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Медицина, 1982, 336 с., илл.
См. также № 186.

PERSONALIA

- А. А. Б е л е ц к и й
84. *Юрій Шанін.* Історія життя — Історія пошуку (А. О. Білецькому 70 років), в № 19, с. 141—144.
- Г. Д. Б е л о в
85. *Беляев С. А.* — Памяти Григория Дмитриевича Белова. — СА, 1982, № 1, с. 299—300.
- В. Д. Б л а в а т с к и й
86. *Масленников А. А.* Чтения памяти Владимира Дмитриевича Блаватского. — СА, 1982, № 4, с. 291—293.
- И. Б. З е е с т
87. Памяти Ираиды Борисовны Зеест. — СА, 1982, № 1, с. 302.

88. А. Е. Москаленко. Памяти А. Р. Корсунского.— Вестник МГУ, 1980, № 4, с. 94—96.
89. Памяти А. Р. Корсунского.— СВ, 1982, вып. 45, с. 381—382.

А. И. Тереножкин

90. Алексей Иванович Тереножкин (некролог).— СА, 1982, № 3, с. 297—298.

И. И. Толстой

91. К столетию Ивана Ивановича Толстого, в № 74, с. 7—21 (без подписи). Библиография трудов И. И. Толстого, с. 17—21.

РАЗНОЕ

92. Аверинцев С. Две тысячи лет с Вергилием (Перечитывая классику).— Иностран. лит., 1982, № 8, с. 193—201.
93. Ахмедьянов Р. А. Чувственное и рациональное в апориях Зенона.— В кн.: Чувственное и рациональное. Свердловск, 1982, с. 130—135.
94. Библин В. В. Теория перевода и лингвистика, в № 1, с. 149—168.
95. Бондалетов В. Д. Греческие заимствования в русских, украинских, белорусских и польских аргос. К проблеме генезиса и контактирования социал. диалектов славянских языков.— В кн.: Этимология: 1980. М., 1982, с. 64—79.
96. Ботвинник Н. М. Преобразование исторической традиции в народном повествовании «Романа об Александре» (Реминисценции из Геродота), в № 74, с. 172—180.
Поздняя античность и раннее средневековье.
97. Герценберг Л. Г. О следах индоевропейской просодии в латинском.— ВЯ, 1982, № 5, с. 68—77.
98. Граченко В. Н. Наследие Палладио в архитектуре русского классицизма.— В сб.: Советское искусствознание. 1981, вып. 2 (15). М.: Советский художник, 1982, с. 201—234.
99. Дерюгин А. А. Некоторые античные источники «Феофии» В. К. Тредиаковского, в № 19, с. 125—132. [Рез. на немецк. яз.]
100. Домбровский Р. О. Семантична і стилістична характеристика дериватів із суфіксом -aster в пізній латині, в № 19, с. 66—69. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
101. Елецкий Н. Д. Античные авторы о роли соревновательных отношений в обществе. Ростов н/Д, 1982, 42 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 9711 от 0.8.04.82.
102. Звиревич В. Т. Натурфилософский тип античных концепций человека.— НДВШ, филос. науки, 1982, № 2, с. 122—129.
103. Зингер Л. Ш. К проблеме расщепления поссесива от латыни к французскому языку.— Вестник ЛГУ, 1982, № 8, сер. история, яз., лит., с. 87—94 [Рез. на англ. яз.]

104. Кодиров К., Садулов М. Преемственность греко-эллинистической научной мысли: причинность (Гиппократ и Ибн-Синх).— В кн.: Республиканская научно-теоретическая конференция молодых ученых и специалистов ТаджССР, посвященная XXVI съезду КПСС. Секция общественных наук: история, философия. Душанбе, 1982, с. 75—78.
105. Крайнева И. Б. Античное наследие в теории искусства раннего итальянского Возрождения.— Проблемы развития зарубежного искусства, 1981, вып. II, с. 33—40.
106. Ланитуки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города (Очерки о подводной археологии). Пер. с немецк. Сеферьянца В. А.; предисловие и ред. Петерса Б. Г. М.: Прогресс, 1982, 159 с., илл.
Имеются материалы об античных кораблях.
107. Лысенко В. Г. Атомизм вайшешиков и атомизм Демокрита: опыт сравнительного анализа.— В кн.: Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982, с. 187—201.
108. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. Аристотель: жизнь и смысл. М.: Дет. лит., 1982, 286 с., илл.
109. Любакин М. А. Об учебнике древней истории проф. И. Д. Кайданова.— В сб.: Книга. Исследования и материалы, 1982, 44, с. 116—125.
110. Маслюк В. П. Теорія епічної поезії в українських шкільних поетиках XVII — першої половини XVIII ст., в № 19, с. 132—140. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
111. Можейко И. В. 7 и 37 чудес. Пер. с русск. Б. Медекшайте и др. Вильнюс: Мокслас, 1982, 207 с., илл. [На литовск. яз.]
112. Молчанов В. А. Феномен античной индивидуальности в концепциях всемирной истории Гегеля и Маркса.— В кн.: Человек и социальный прогресс. Ижевск, 1982, с. 175—178.
113. Невгеров О. Я. Мифический корабль Геракла.— Судостроение, 1975, № 3, с. 61 сл.
114. Нехорошкова Т. П. Развитие структуры отрицательного предложения (От латинского языка к французскому): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1982, 16 с.
115. Нехорошкова Т. П. Семантические основы классификации отрицательных предложений.— В кн.: Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии. Л., 1982, с. 180—187.
На материале латыни и русского языка.
116. Рыжова Т. С. К проблеме формирования личности в эллинистическом творчестве Гельдерлина и Кюса.— В кн.: Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии. Л., 1982, с. 52—55.

117. Сериков Н. К вопросу о «чужой речи» в произведении Евстафия Солунского «О захвате Солуни»: на материале цитат из Гомера и Ветхого завета. — Визант. временник, 1982, № 43, с. 225—228.
118. Томаш И., Томашева М. Сократ. Роман. Пер. с чешского. М.: Прогресс, 1981, 478 с.; с. 466—478 — Гаспаров М. Словарь античных имен и названий. В романе создана панорама общественной жизни афинского полиса во времена его расцвета и упадка.
- 119—121. Широков В. С. Жан Буридан об апориях Зенона. — НДВШ, филос. науки, 1982, № 4, с. 94—101.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ ДО 1982 Г.

122. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII). Киев, 1977.
Рец.: Грандмезон Н. Н. — ВДИ, 1983, № 2, с. 167—169.
123. Бычков В. В. Эстетика поздней античности (II—III вв.). М.: Наука, 1981, 325 с.
Рец.: Афанасьев М. Н. — ВФ, 1983, № 3, с. 172; Свенцицкая И. С. — ВДИ, 1983, № 2, с. 170—172; Новиков Л. И. — НДВШ, филос. науки, 1983, № 3, с. 180—181.
124. Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
Рец.: Аскаров А. А. — ОНУ, 1982, № 8, с. 57—59.
125. Кораблев И. Ш. Ганнибал. Изд. 2-е. М.: Наука, 1981, 358 с.
Рец.: Каптария Г. Е. — ВИ, 1983, № 8.
126. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1—5. — М.: Искусство, 1963—1979.
Рец.: Герцман Е. Проблемы античного музыкального знания. — Сов. музыка, 1983, № 5, с. 103—107.
127. Максимова М. И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979, 152 с., илл.
Рец.: Горончаровский В. А. — СА, 1983, № 4, с. 241—244.
128. Цибукидис Д. И. Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850—1974 гг.). М., 1981, 253 с.
Рец.: Свенцицкая И. С. — ВДИ, 1983, № 1, с. 185—187.
129. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981, 374 с.
Рец.: Драч Г. В. — НДВШ, филос. науки, 1982, № 6, с. 182—184.

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ. ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

130. Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. Пер. с латинск. И. Кобова, Ю. Цымбалюка. Вступит. статья

- И. Кобова. Киев: Дніпро, 1982, 239 с. [На укр. яз.]
131. Гомер. Гомеровские гимны. Пер. с древнегреч., предисл., примеч. и указ. имен Л. Квирикашвили. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1982, 95 с. [На груз. яз.]
132. Гомер. Илиада. Пер. Дамбраускаса А. Вильнюс, 1981.
Рец.: Нарбута С. — Литовская гомеристика. — Pergale, 1982, № 4, р. 177—179. [На литовск. яз.]
133. Гомер. Одиссея. Пер. с древнегреч. В. А. Жуковского. Вступ. ст. А. А. Содоморы. Киев: Молодь, 1982, 336 с., илл.
134. Гомер. Одиссея. Пер. В. Жуковского. Вступит. ст. А. Тахо-Годи. М.: Худ. лит., 1981, 407 с.
135. Гомер. Одиссея. Пер. В. Жуковского. Послесловие А. Тахо-Годи, примеч. С. Ошерова. М.: Московский Рабочий, 1982, 350 с.
136. Гомер. Приключения Одиссея. Прозаический пересказ для детей. Калининград, 1979.
137. Дион Кассий. Римская история. Кн. LVII, гл. I—X. Пер. и комм. В. М. Строгоцкого, М. С. Садовской, С. К. Сизова, Л. В. Логинова, в № 40.
138. Менаандр. Комедии. Фрагменты. Издание подготовил В. Н. Ярхо. М.: Наука, 1982, 574 с.
Содержание: Комедии и сцены, дошедшие на папирусах (пер. С. Апта А. Парина, Г. Церетели); Комедии, известные по цитатам у античных авторов (пер. О. Смыки); Дополнения: Античные свидетельства о жизни и творчестве Менаандра (пер. В. Чемберджи); Маски средней и новой комедии (пер. М. Гаспарова). Приложения: В. Н. Ярхо. Менаандр — поэт, рожденный заново. Примеч. сост. В. Ярхо; Таблица для перевода нумерации фрагментов по Кёрте.
139. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, пер. и комм. А. И. Доватура, Д. П. Каллистова, И. А. Шишовой. М.: Наука, 1982, 455 с.
140. Платон. Государство. Пер. с древнегреч. Г. Лукстыньша. Рига: Звайгзне, 1982, 183 с. [На латыш. яз.]
141. Платон. Критий. Пер. С. С. Аверинцева. — В кн.: Галапопулос А. Г., Бэкон Э. Атлантида. За легендой — истина. Отв. ред. и автор послесловия Г. А. Комеленко. М.: Наука, 1983, с. 153—168.
142. Плиний Младший. Письма Плиния Младшего. Кн. I—X. Переводы: гл. I—VI, X — М. Е. Сергеев; гл. VII—IX — А. И. Доватура. Изд. подгот. М. Е. Сергеев, А. И. Доватур; примеч. М. Е. Сергеев и др. Изд. 2-е, перераб. М.: Наука, 1982, 407 с. Дополнения: Панегирик императору Траяну. Пер. В. С. Соколова. Эпиграфические памятники. Пер. Н. Н. Казанского; Приложения: Сергеев М. Е. О Плинии Младшем; Соколов В. С. Панегирик Плиния

Траяну. Указатель собственных имен, сост. М. Е. Сергеев, с. 391—405.
143. Поздняя латинская поэзия. Пер. с латинск. Сост. и вступит. ст. М. Гаспарова, с. 5—34. М.: Худ. лит., 1982, 719 с., илл.

III. НУМИЗМАТИКА, ЭПИГРАФИКА, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

144. Абикулова М. И., Пиворович В. Б. Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра (По материалам Херсонского музея), в № 176, с. 30—32.
145. Алексеев В. П. Семантика реверсного типа серебряных истрийских монет V—IV вв. до н. э., в № 176, с. 106—114.
146. Алексеев В. П., Коцневский А. С. Херсонесская надчеканка на монете Боспорского царства, в № 176, с. 42—45.
147. Ашрафиан А. А. О некоторых нумизматических датах Боспора в III в. н. э., в № 176, с. 64—71.
148. Бердзенишвили Д. К. Неизвестные надписи Триалети.— В кн.: Сборник исторической географии Грузии. Тбилиси, 1982, вып. 6, с. 3—28. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
149. Бондарь Р. Д. Находка бронзовых монет Антонина Пия в Орловке, в № 176, с. 133—135.
150. Бондарь Р. Д., Булатович С. А. Находки римских монет в Орловке, в № 381, с. 154—160. Приложение: Список монет, с. 159—160.
151. Брабич В. М. Некоторые мифологические сюжеты античных монет и две тенденции в античной культуре.— В сб.: Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л.: Гос. Эрмитаж, 1982, с. 201—209.
152. Булатович С. А. О классификации и хронологии электронов монет Кизика, в № 176, с. 98—105.
153. Вайнберг Б. И. Кушанские монеты в древнем Хорезме.— В кн.: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 61—65.
154. Вартаков Г. А. Колхидская тетрадрахма, найденная в Гермонассе, в № 176, с. 71—74.
155. Василенко Б. А. О характере надписей и меток на древнегреческих амфорах.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Ч. II. Киев, 1975, с. 63—64.
156. Виноградов В. Б. Судьбы древних монет (Опыт лирической нумизматики). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982, 95 с., илл.
157. Голенко К. В. Новая монета царя Спартока, в № 176, с. 50—55.
158. Грандмезон Н. Н. Заметки о монетах Херсонеса Таврического, в № 176, с. 34—42.
159. Гребенкин В. Н., Загинайло А. Г. К вопросу о применении статистических методов при изучении монетно-весовых систем, в № 176, с. 143—158.
160. Денисова В. И. Новый эпиграфический документ из Ольвии.— СА, 1982, № 1, с. 95—104. [Рез. на англ. яз.]
161. Дзис-Райко Г. А. Гиря из Надлиманского городища, в № 176, с. 138—140.
162. Диамант Э. И. Две серебряные монеты фракийских царей, найденные в Тире, в № 176, с. 114—117.
163. Дундуа Г. Ф. Монетное дело и монетное обращение в Грузии в античную эпоху (VI в. до н. э.— IV в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. Тбилиси. Центр археологических исследований Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР, 1982, 51 с.
164. Загинайло А. Г. Каменный клад стреловидных литых монет, в № 176, с. 20—28.
165. Загинайло А. Г. Монетное дело и денежное обращение Западного¹ и Северо-Западного Причерноморья в V—IV веках до н. э. Одесский гос. ун-т. Одесса, 1982, 239 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 13007 от 20.05.83 г.
166. Зеймаль Е. Парфянский лучник и его происхождение.— Сообщения Гос. Эрмитажа, Л., 1982, № 47, с. 46—49. [Рез. на англ. яз., с. 86]. Нумизматический материал.
167. Зеймаль Е. В., Вафаев Г. Новое в науке: поиски, открытия. Находки тетрадрахм Деметрия из долины Зерафшана.— ОНУ, 1982, № 5, с. 38—43.
168. Зеймаль Е. В., Вафаев Г. Тетрадрахма Деметрия из долины Зерафшана.— ОНУ, 1982, № 6, с. 38—42.
169. Зограф А. Н. Лук и стрельба из него на монетах Северного Причерноморья, в № 176, с. 5—14.
170. Карышковский П. О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синоп, Истрии и Ольвии, в № 176, с. 80—98.
171. Карышковский П. О. О монетах царя Фарзоя, в № 372, с. 66—82. Приложение: список и главная библиография монет Фарзоя, статеры аттической системы.
172. Коцневский А. С. Несколько² неизданных монет Тира из частных собраний, в № 176, с. 117—125.
173. Крыжицкий С. Д. Статер Филиппа Арридея, найденный в Ольвии в 1978 г., в № 176, с. 32—34.
174. Новиков С. В. Городской строй Суз-Селевкии на Эвлее по данным эпиграфики.— Вестник МГУ, сер. история, 1982, № 2, с. 78—89.
175. Нудельман А. А. Римская монета в Междуречье Днестра, Прута и Дуная, в № 176, с. 125—133.
176. Нумизматика античного Причерноморья. Сб. научных трудов. Одес. археол. музей АН УССР. Киев: Наук. думка, 1982, 164 с., илл.
177. Панфилова С. В. Серебряные монеты римского Амиса³ из собрания Одесского музея, в № 176, с. 75—80.

178. *Лидавс Ш. Р.* Бактрийская надпись из Мирзакуль-тепа.— ОНУ, 1982, № 10, с. 40—42.
179. *Розов В. Н.* Боспорские монеты VI—V вв. до н. э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975—1980 гг.).— СА, 1983, № 2, с. 109—116. [Рез. на англ. яз.]
180. *Розуменко Ю. Г.* Клад антонинианов из Болградского района, в № 176, с. 135—138.
181. *Рубан В. В.* О хронологическом соотношении литых стрел и дельфинovidных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья, в № 176, с. 15—20.
182. *Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А.* Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-Тепе (Северный Афганистан).— В кн.: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 317—318.
183. *Сотникова М.* О некоторых древнегреческих сюжетах на русских монетах XV века.— Сообщения Гос. Эрмитажа, Л., 1982, № 47, с. 79—82. [Рез. на англ. яз., с. 87].
184. *Тарадаш А. М.* Камень Траяна из собрания Одесского археологического музея, в № 176, с. 140—143.
185. *Урсалов В. Н.* Литая ольвийская монета, найденная на поселении Козырка II, в № 176, с. 28—30.
186. *Федоров Е. В.* Введение в латинскую эпиграфику. Учебное пособие для студентов ист. и филол. спец. ун-тов. М.: Изд-во МГУ, 1982, 255 с., илл.
187. *Фенггер Х., Гироу Г., Унгер М.* Словарь нумизмата. Пер. с немецк. М.: Радио и связь, 1982, 328 с., илл. Имеются разделы по античной нумизматике.
188. *Фролова Н. А.* О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н. э. по нумизматическим данным, в № 176, с. 55—63.
189. *Чистякова Н. А.* Древнейшая греческая надпись из Аттики (IG, I² 919), в № 19, с. 3—8. [Рез. на немецк. яз.]
- VIII в. до н. э.
190. *Шамба С. М.* Монеты Северного Причерноморья, найденные на территории Абхазии.— Изв. АН ГССР, Абхаз. ин-т яз., лит. и истории, 1981, т. 10, с. 120—124.
191. *Шамба С. М.* О чем говорят монеты. Сухуми: Алашара, 1982, 55 с., илл.
192. *Шебакин Н. В.* Истоки древнегреческой метрической надписи: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., МГУ, 1981, 19 с.
193. *Шелов Д. Б.* К истории обращения пантикапейских медных монет, в № 176, с. 45—50.
194. *Щукин М.* Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья.— Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1982, № 47, с. 35—38. [Рез. на англ. яз., с. 85].
195. Эпиграфические памятники. Пер. Н. Н. Казанского, в № 142, с. 272.
196. *Яйленко В. П.* Греческая колониза-

ция VII—III вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. М.: Наука, 1982, 312 с.

См. также № 189, 378, 413, 508, 510, 561.

IV. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ*

197. *Андреев Ю. В.* К проблеме гомеовского землевладения, в № 66, с. 10—31.
198. *Андреев Ю. В.* Начальные этапы становления греческого полиса, в № 10, с. 3—17.
199. *Акимова Л. И.* Скульптурный ансамбль храма Зевса в Олимпии как явление ранней классики.— В сб.: Советское искусствознание, 81, вып. 2(15). М.: Советский художник, 1982, с. 51—80.
200. *Аронов Р. А., Терентьев В. В.* К вопросу о взаимоотношении материи и пространства в философии Платона.— В кн.: Диалектический материализм и философские проблемы естествознания. М., 1982, с. 40—51.
201. *Бейнарович Л. Е.* Политические принципы как основа проблематики первой книги «Государства» Платона.— Вестник Беларус. ун-та. Сер. 3. История. Философия. Навук. камунізм. Эканоміка. Права, Минск, 1982, № 2, с. 66—69.
202. *Богомолов А. С.* Детерминизм, спонтанность и свобода в философии Демокрита.— ВФ, 1982, № 3, с. 119—128.
203. *Борисковская С.* Беотийский чернофигурный алабастр.— Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1982, № 47, с. 38—39. [Рез. на англ. яз., с. 85]
204. *Бородай Т. Ю.* Понятие материи в «Тимее» Платона и способы его выражения, в № 1, с. 53—64.
205. *Бородай Т. Ю.* Проблемы становления терминологии у Платона.— Вестник МГУ, сер. филология, 1982, № 4, с. 36—44. Анализ диалогов «Тимей» и «Парменид».
206. *Брусенцов Н. П.* Полная система категорических силлогизмов Аристотеля.— Вычисл. техника и вопр. кибернетики, 1982, вып. 19, с. 3—16.
207. *Бурабаев М. С., Кенисарин А. М.* Об отношении к философскому наследию в учениях Аристотеля и аль-Фараби.— Вестник АН КазССР, 1982, № 11, с. 52—60.
208. *Вальченко В. В.* К вопросу о повторях у греческих ораторов IV в. до н. э., в № 74, с. 105—115.
209. *Визгин В. П.* Аристотелевская теория тяготения: качественный подход.— Природа, 1982, № 4, с. 97—104.
210. *Визгин В. П.* Генезис и структура квалитатизма Аристотеля. Ин-т истории естествознания и техники АН СССР. М.: Наука, 1982, 429 с. [Рез. на франц. яз.]
- Рец.: *Шрейдер Ю. А.* Кухня Стагирита.— Химия и жизнь, 1983, № 6, с. 79.

* Учебники и учебные пособия см. в общем разделе.

211. Виц Б. Б. Демокрит. Таллин: Ээсти раамат, 1982, 166 с. [На эст. яз.]
212. Гаврилов А. К. Знамена и действие-мантра в «Ифигении Таврической» Еврипида, в № 74, с. 88—101.
213. Гринбаум Н. С. Традиция и новаторство в языке Пиндара (Имена на -τρ, -τωρ, -τας), в № 74, с. 68—78.
214. Гусейнов Г. Ч. «Орестея» Эсхила: образное моделирование действия. Лекция для студентов-театроведов и режис. фак. театр. вузов. М.: ГИТИС, 1982, 63 с.
215. Давыдова Л. С. Тирания Набиса в Спарте, в № 61, с. 17—30.
216. Демина Н. А. Фольклорные мотивы в изображении Артемиды у древнегреческих поэтов.— Вестник ЛГУ, сер. история, яз., лит., 1982, 10 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11845 от 21.12.82 г.
217. Джумадрдыев С. М. Аналитико-синтетический метод Платона.— Изв. АН ТССР, сер. обществ. наук, 1982, № 3, с. 40—47.
218. Доватур А. И. Солон и Мимнерм (Поэтическая полемика по поводу разного восприятия жизни), в № 74, с. 55—62.
219. Долгоруков В. С. Укрепление раннегреческого города, в № 541, с. 176—190.
220. Драч Г. В. Учение о человеке в натурфилософии милетской школы.— Вестник МГУ, сер. философия, 1982, № 5, с. 87—94.
221. Древнее искусство греческих островов Эгейского моря. Каталог выставки, 1981 (б. м.). Министерство культуры СССР. Министерство культуры и науки Греции. Гос. Музей изобр. искусств им. А. С. Пушкина, Гос. Эрмитаж.
222. Дружинина Е. Ф. Пространство в гомеровском эпосе (Несколько аспектов проблемы), в № 1, с. 14—25.
223. Зайцев А. И. Формирование новаторских тенденций древнегреческой литературы в долитературной эпической традиции, в № 74, с. 22—29.
224. Залюбовина Г. Т. Кризис полисной идеологии в Афинах во второй половине V в. до н. э., в № 60, с. 7—27.
225. Звиревич В. Т. Натурфилософский тип античных концепций человека.— НДВШ, филос. науки, 1982, № 2, с. 122—129.
Концепция человека в античной философии от Фалеса до Диогена Аполлонийского.
226. Иванова И. И. Индукция в логике Аристотеля.— В кн.: Философские основания науки. Материалы VIII Всесоюз. конф. «Логика и методология науки». 26—28 сент. 1982 г. Паланга, Вильнюс, 1982, с. 292—293.
227. Ильинская Л. С. Девкалионов потоп.— ВИ, 1982, № 1, с. 183—187.
Об истоках древнегреческой легенды.
228. Казанский Н. Н. Две традиции о встрече Менелая и Елены в поэме Стесихора «Разрушение Трои» (Р. Оху. 2619, fr. 16 + PMG 249 и Р. Оху 2619, fr. 19; PMG 201 и Илионская таблица), в № 74, с. 62—68.
229. Кессиди Ф. Х. Гераклит. М.: Мысль, 1982, 199 с.
Рец.: Звиревич В. Т.— НДВШ, филос. науки, 1983, № 3, с. 189—190.
230. Кессиди Ф. Х. Сократ. М.: Прогресс, 1982, 308 с. [На франц. яз.]
231. Кессиди Ф. Х. «Теория» и «созерцательная жизнь» в древнегреческой философии.— ВФ, 1982, № 6, с. 65—72.
232. Корчагин Ю. В. Фессалийский союз в первой половине IV в. до н. э., в № 10, с. 34—43.
233. Кузьма Ю. М. Проблемы становления греческой новеллы, в № 19, с. 86—91. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
234. Кудулиште А. В. Гомеровская традиция в поэтическом языке Алкмана, в № 74, с. 29—37.
235. Кудулиште А. Окончание -ατ винительного падежа множественного числа древнегреческих имен на -α- и фрагмент Алкмана 17 PMG.— Уч. зап. вузов ЛитССР. Языкознание, 1982, 33, 2, с. 54—61. [Рез. на англ. яз.]
236. Лебедев А. В. Об изначальной формулировке традиционного тезиса Фалеса ΤΗΝ ΑΡΧΗΝ ΔΩΡ ΕΙΝΑΙ.— В кн.: Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, с. 175.
237. Луковская Д. И. Политическое учение Гераклита.— В кн.: Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982, с. 10—17.
238. Мещерякова Д. И. Превращение устной новеллы о Гиге Медийском в фантастическую сказку, в № 74, с. 101—105.
239. Молчанов А. Фестский диск. Загадка древнейшего печатного текста.— Наука и жизнь, 1982, № 2, с. 118—121.
240. Мудрагай Н. С. Проблемы рационального и иррационального: античность, средневековье.— ВФ, 1982, № 9, с. 107—116.
Сократ, Платон.
241. Мушнина Л. Н. Ранняя греческая инвектива и ее литературная основа, в № 74, с. 46—55.
242. Панасенко Ю. Ф. Эпитеты Зевса в гимне Клеанфа «К Зевсу», в № 1, с. 76—90.
243. Перельмутер И. А. Синтактико-стилистические особенности ранней древнегреческой прозы (На материале Геродота).— В кн.: Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. Л., 1982, с. 53—123.
244. Перова В. И. Присоединение Спарты к Ахейскому союзу (192—189 гг. до н. э.). Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 1982, 15 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 12090 от 11.01.83.
245. Петрова Э. Б. Из истории древнегреческой колонизации Кипра. Симферопольский гос. ун-т. Симферополь, 1982, 15 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 10348 от 08.06.82 г.

246. *Петрова Э. Б.* Изучение темы «Греция в первой половине IV в. до н. э.». Симферопольский гос. ун-т. Симферополь, 1982, 19 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11303 от 29.09.82 г.
247. *Резникова М. К.* Ленинская оценка проблемы становления в философии Гераклита. Киевский гос. пед. ин-т. Киев, 1981, 18 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11524 от 05.11.82 г.
248. *Рубцова Н. А.* О предметности именования в молитвах «Илиады» Гомера, в № 1, с. 26—40.
249. *Сергеев Н. А.* Некоторые проблемы дорийского вторжения в интерпретации Арнольда Тойнби.— В кн.: Вопросы отечественной, зарубежной истории литературы и лингвистики. Ч. 1. Казань: Казанск. гос. ун-т, 1981, с. 74—79.
250. *Смышляева В. П.* Гликоней в эолийской метрике (Эволюция лирического размера), в № 74, с. 37—45.
251. *Стрелков А. В.* Афинский «монетный» декрет Клеарха, в № 61, с. 3—16.
252. *Строгеев В. М.* Панаэллинская лига 481 г. до н. э. (Возникновение и структура), в № 66, с. 45—75.
253. *Рожанский И. Д.* Древнегреческая наука.— В кн.: Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982, с. 197—275.
254. *Рыжикова З. А.* Дифирамб Вакхилида и дальнейшая судьба этого жанра хоровой лирики, в № 74, с. 78—88.
255. *Слинин Я. А.* Об аристотелевском понимании возможности.— В кн.: Логика и философские категории. Л., 1982, с. 19—32.
256. *Содомора А.* Гомер и его поэма о странствиях и возвращении Одиссея.— В кн.: Гомер. Одиссея. Киев, 1982, с. 5—19.
257. *Тамм Э.* О некоторых особенностях образа Одиссея как трагического героя.— Уч. зап. Тарт. ун-та, 1982, вып. 626. Труды по романо-германской филологии, с. 5—13. [Рез. на англ. яз.]
258. *Тахо-Годи А.* «Одиссея» и ее художественно-эстетический смысл.— В кн.: Гомер. Одиссея. М., 1982, с. 306—321.
259. *Теперик Т. Ф.* Стилистические аспекты лексики, отражающей представление о благородстве в трагедиях Софокла, в № 1, с. 41—52.
260. *Тихолаз А. Г.* О мировоззренческих основаниях раннегреческой науки о природе.— Проблемы философии, Киев, 1982, вып. 56, с. 101—107.
- Пифагорейцы, Эмпедокл, Демокрит.
261. *Токарев В.* Забытая работа Теофраста.— Наука и жизнь, 1982, № 4, с. 72—73.
- Трактат о камнях.
262. *Федотов В. В.* Античная традиция о крайнем Севере (Проблема Туле).— Вестник МГУ, сер. история, 1982, № 5, с. 60—66.
263. *Фролов Э. Д.* Рационализм и политика в архаической Греции, в № 66, с. 17—34.
264. *Циркин Ю. Б.* Эволюция политического строя Массалии, в № 66, с. 31—44.
265. *Цисык А. З.* Идиллии Феокрита в свете концепций серьезно-смеховых и этологических жанров, в № 19, с. 97—105. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
266. *Чанышев А. Н.* Начало философии. М.: Изд-во МГУ, 1982, 184 с.
- Имеется глава о философии древней Греции.
267. *Челидзе М. И.* О современных интерпретациях «неписанной» истории Платона.— Изв. АН СССР, сер. философия и психология. Тбилиси, 1981, № 4, с. 42—55. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
268. *Челидзе М. И.* У истоков истории философии как науки: Платон, Аристотель. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1982, 152 с. [На груз. яз. Рез. на русск. и нем. яз.]
269. *Чистякова Н. А.* Судьба греческой эпиграммы в реальной действительности IV в. до н. э. (Эпиграмматическое творчество Платона), в № 74, с. 115—125.
270. *Шахнович М. М.* Эпикур и проблемы атеизма: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук: Л., ЛГУ, 1982, 17 с.
271. *Шевченко С. М.* Про заслуги софистів у галузі поезити, в № 19, с. 9—14. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
272. *Широков О. С.* Греческий язык.— В кн.: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1982, с. 49—134.
273. *Шичалин Ю. А.* Проблема «начал» в «Тимее» Платона, в № 1, с. 65—75.
274. *Шопина Н. Р.* Изображение межличностных отношений в древнегреческой поэзии (Период архаики и классики): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбилиси. Тбил. гос. ун-т, 1982, 24 с.
275. *Эдаков А. В.* К положению наемников в Египте VI—IV вв. до н. э., в № 60, с. 28—40.
276. *Юделевич А. И.* К вопросу о социально-политических взглядах Фукидида, в № 66, с. 75—103.
277. *Ярхо В.* «Илиада» Гомера: фольклорная традиция и индивидуальное творчество.— В кн.: Гомер. Илиада. М., 1982, с. 405—417.
- См. также № 5, 43, 93, 104, 106, 107, 108, 118, 119, 152, 155, 183, 189, 192, 340, 371, 378, 426, 452, 468, 505, 509, 511.

В. ЭЛЛИНИЗМ*

278. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. Пер. с немецк. М.: Наука, 1982, 391 с., илл.

* См. также: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье». Цхалтубо, 21—27 мая 1982 г., в № 378.

279. *Климов О. Ю.* Городской строй Пергама в эллинистический период, в № 60, с. 97—111.
280. *Климов О. Ю.* Полис в системе эллинистического государства (На материале Пергамского государства): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1982, 15 с.
281. *Климов О. Ю.* Царские должностные лица в полисах Пергамского государства. — Вестник ЛГУ, 1982, № 14, сер. история, яз., лит., с. 42—45. [Рез. на англ. яз.]
282. *Красавина Н. К.* Стих 11—17 отрывка Δις ἐφαπτόν Менаандра и 494—499 Bacchides Плавта, в № 74, с. 149—156.
283. *Кряжшарян С.* К вопросу о посольстве Аппия Клодия. — Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1982, № 4, с. 86—91. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]
284. *Медведев И. П.* Фонд Льва Алляция как источник по истории эллинизма в Западной Европе в XVII веке. — В кн.: Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Л., 1982, с. 96—123.
285. *Павленко Л. В.* К вопросу о переосмыслении традиций в драматургии Менаандра, в № 74, с. 125—134.
286. *Панченко Д. В.* Кампанелла и Ямбул (Опыт текстологического анализа). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982, т. 13, с. 314—324. Сопоставительный анализ утопии Кампанеллы и Ямбула.
287. *Самохина Г. С.* Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э., в № 66, с. 104—119.
288. *Трофимова М. К.* К пониманию «утопии» Ямбула и Диодора Сицилийского. — В кн.: История социалистических учений. М., 1982, с. 236—251.
289. *Фролов Э. Д.* История эллинизма в биографиях его творцов (Предисловие в кн.: Г. Бенгтсон. Правители эпохи эллинизма. М.: Наука, 1982, с. 3—28).
290. *Ярхо В. Н.* Менаандр — поэт, рожденный заново. — В кн.: Менаандр. Комедии. Фрагменты. М.: Наука, 1982, с. 380—435.
291. *Ярхо В. Н.* О забвении традиций и горьких плодах новаторства, в № 74, с. 134—141. Три фрагмента папирусов из Оксириха, связанных с именем Менаандра (№ 3004—3006).
- См. также № 28, 96, 305, 378, 532.
293. *Вулих Н. В.* Сказочные черты пейзажей в «Метаморфозах» Овидия, в № 74, с. 234—242.
294. *Глущенко Л. М.* Стилистические особенности субстантивированных прилагательных в трактатах Цицерона «О государстве» и «О законах», в № 19, с. 41—46. [Рез. на немецк. яз.]
295. *Гончарова Н. А.* Об отдельных случаях самостоятельного употребления глагола фасега в классической и постклассической латыни, в № 19, с. 33—41. [Рез. на франц. яз.]
296. *Гончарова Н. А.* Функциональная и семантическая структура глагола делать в классической и постклассической латыни. — В кн.: Актуальные проблемы общественных наук. Актуальные проблемы естественных наук. Минск, 1982, с. 75.
297. *Грацианская Л. И.* «География» Страбона как исторический источник: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982, 24 с.
298. *Грошева А. В.* Особенности синтаксического строя ранней латинской прозы (На материале «De agri cultura» Катона). — В кн.: Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. Л., 1982, с. 9—52.
299. *Двинятина А. А.* Вопросы грамматики в ораторских трактатах М. Т. Цицерона. Калининский гос. ун-т. Калинин, 1982, 10 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 10784 от 11.08.82 г.
300. *Домбровский Р. О.* Суффиксы субъективной оценки в поздней латыни: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбилиси. Тбил. гос. ун-т, 1982, 25 с.
301. *Дуров В. С.* Жанр мениппем в творчестве Варрона-сатирика, в № 74, с. 187—199.
302. *Егоров А. Б.* Развитие политической системы принципата при Тиберии, в № 66, с. 135—163.
303. *Елагина А. А.* О возможных путях миграции древних германцев по Тациту. Омский гос. ун-т. Омск, 1982, 18 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 10355 от 08.06.82 г.
304. *Елагина А. А.* Русские и советские историки о Публий Корнелий Тацит (XVIII—XX вв.). Омский гос. ун-т. Омск, 1982, 52 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 9894 от 23.04.82 г.
305. *Журавлев Ю. Е.* Взаимоотношения Рима с державой Селевкидов (200—160 гг. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1982, 23 с.
306. *Забулис Г. К.* Республиканские идеалы в золотой поэзии Рима. Вильнюс: Мокслас, 1982, 264 с. [На литов. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]
307. *Зиревич В. Т.* Античная картина прогресса человечества в поэме Лукре-

VI. ДРЕВНИЙ РИМ РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ. ХРИСТИАНСТВО

ДРЕВНИЙ РИМ*

292. *Борисковская С. П.* Бронзы из Вульчи в собрании Эрмитажа, в № 76, с. 70—83. [Рез. на англ. яз.]

* Учебники. Учебные пособия см. в общем разделе.

- ция.— В кн.: Человек и социальный прогресс. Ижевск, 1982, с. 172—174.
308. Карасева Т. А. Ударение в латинском языке в эолийских диалектах.— Вестник МГУ, сер. филология, 1982, № 4, с. 54—60.
309. Керасиди Н. Х. «Consolatio ad Polybium» Сенеки (Традиционность и новаторство), в № 74, с. 215—224.
310. Корыталова Т. П. Колористические традиции в римской поэзии (На материале од Горация), в № 74, с. 206—215.
311. Лапина Т. А. Историко-географические концепции Италии у Плиния Старшего, в № 61, с. 31—39.
312. Ляпушин Б. С. Помпеи как ремесленный центр: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1982, 22 с.
313. Мавлеев Е. В. Амазонки в Этрурии.— В кн.: Искусство и религия. Л., 1981, с. 7—22.
314. Мавлеев Е. В. Греческие Диомеды и этрусский человек-лебедь, в № 76, с. 86—96. [Рез. на англ. яз.]
315. Мавлеев Е. Мастер «Суда Париса» из Оберлин колледжа в Эрмитаже.— Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1982, № 47, с. 44—46. [Рез. на англ. яз., с. 86].
Этруская гравюра.
316. Магулария Г. Н. Марк Аврелий.— В кн.: Магулария Г. Н. Литературные портреты. Письма. Тбилиси, 1982, с. 75—81. [На груз. яз.]
317. Метушевская О. С. Аграрный вопрос в социально-политической борьбе Рима 70-х — начала 50-х гг. I в. до н. э. (От Суллы до первого консульства Цезаря): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1982, 16 с.
318. Маяк И. Л. Генезис римского полиса (Социально-политические проблемы древнейшего Рима): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. М.: МГУ, 1982, 29 с.
319. Межеричкий Я. Ю. Высшие слои римского общества по произведениям Сенеки, в № 60, с. 112—130.
320. Михайлов В. М. Критика взглядов Тенни Франка о месте и роли свободного и подневольного труда в сельском хозяйстве древнего Рима. Чувашский гос. ун-т. Чебоксары, 1982, 53 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11021 от 25.09.82 г.
321. Мокрородова Л. С. Луцилий в оценке Горация (К проблеме преемственности), в № 74, с. 199—205.
322. Нахов И. М. Книжечная литература. М.: Наука, 1981, 303 с.
Рец.: Тахо-Годи А.— Новый мир, 1982, № 10, с. 267—268.
323. Нахов И. М. Философия киников. М.: Наука, 1982, 223 с.
Рец.: Тахо-Годи А.— Новый мир, 1982, № 10, с. 267—268.
324. Неверов О. Я. Нерон-Юпитер и Нерон-Гелиос, в № 76, с. 101—111. [Рез. на англ. яз.]
Геммы из собрания Эрмитажа.
325. Оленич Р. М. Питання casus septimus i casus octavis у творах римських граматиків, в № 19, с. 27—33. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
326. Олейник Т. И. Ораторская деятельность М. Порция Катона Старшего, в № 19, с. 112—117. [Рез. на немецк. яз.]
327. Олішук Р. Л. Вживання прислівників при ад'єктивованих дієприкметниках (На матеріалі мови Плавта, Цезаря, Плінія Молодшого), в № 19, с. 46—53. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
328. Откупщиков Ю. В. К вопросу об оригинальности прологов Теренция, в № 74, с. 142—149.
329. Панфилов Е. Д. Правила слогаделения и корпус слогов (На материале классического латинского языка).— В кн.: Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л., 1982, с. 16—21.
330. Ревяко К. А. Немецкая историография о Пунических войнах. Минск, 1982, 47 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 9832 от 20.04.82 г.
331. Сенів М. Г. Семантичні групи емоційно-опінійної лексики в латинській мові, в № 19, с. 59—65. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
332. Сидорович О. В. Структура римского патрициата Ранней республики: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1982, 15 с.
333. Синица В. Г. Загальнобіологічна і методична термінологія «Природничої історії» Г. Плінія Секунда Старшого (nomina, actionis na-tio (sio), в № 19, с. 70—77. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
334. Синюк Н. А. Роль обращений и восклицаний в поэме Лукана «Фарсалия». Одесский гос. ун-т. Одесса, 1983, 17 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 13449 от 28.VI.83 г.
335. Смольская Л. Ю. Медична термінологія Целія Авреліана (Субстантивация participium praesentis activi), в № 19, с. 77—82. [Рез. на русск. и немец. яз.]
336. Сергеевко М. Е. О Плинии Младшем, в № 142, с. 274—283.
337. Содомора А. О. Мотив смерті в поезії Горация, в № 19, с. 118—125. [Рез. на русск. и латинск. яз.]
338. Соколов В. С. Панегирик Плиния Траяну, в № 142, с. 283—285.
339. Ходза Е. И. Рельефы Кампана с изображением цирковых сцен, в № 76, с. 111—118. [Рез. на англ. яз.]
Датировка рельефов — I в. н. э.
340. Чекалова Е. И. О характере изложения натурфилософии у Эпикура и Лукреция, в № 74, с. 180—187.
341. Черняк А. Б. «Отсроченная информация» (ретаррация) в античной риторике и ее развитие у Тацита, в № 74, с. 224—234.
342. Чужно Т. А. Теодор Моммзен в исторической литературе.— В кн.: Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1982, с. 130—140.
343. Яцина О. Г. Ад'єктивація дієприк-

метників у Тацита, в № 19, с. 53—59.
[Рез. на русск. и немецк. яз.]

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ

344. Армичева В. И. Класс мелких производителей в Римской Испании в период Ранней империи. М.: МГУ, 1982, 22 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11986 от 31.12.82 г.
345. Башмакова И. Г. Диофант и диофантовы уравнения. М.: Наука, 1972, 68 с.
346. Богомолов А. С., Хлебников Г. В. Диоген Лаэртский как историк философии. — НДВШ, филол. науки, 1982, № 3, с. 80—89.
347. Гаврило Л. М. Вчення Аполлонія Діскола про дієслівні способи, в № 19, с. 21—27. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
348. Гаврило Л. М. Терміни поняття синтаксичних функцій імені в Аполлонія Діскола, в № 19, с. 14—21. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
349. Дашкова М. Ф. Сравнение в «Эпитомах» Л. Аннея Флора (Лексика, связанная с организмом человека, и контекст). — В кн.: Функционирование языковых единиц в контексте. Воронеж, 1982, с. 39—45.
350. Егоров И. А. Плутарх Херонейский как оригинальный мыслитель. Его учение о бытии. — В кн.: Проблемы бытия и познания в истории зарубежной философии. М., 1982, с. 3—10.
351. Кобів І. Визначна пам'ятка античного роману. — В кн.: Апулей. Метаморфози, або Золотий осел. Київ, 1982, с. 5—17.
352. Майстренко М. И. Орфей в орфической «Аргонавтике», в № 19, с. 92—97. [Рез. на немецк. яз.]
353. Малеваний А. М. К вопросу о характере борьбы варварских народов античного мира против экспансии рабовладельческих государств, в № 60, с. 64—80.
354. Мерсалина М. С. Традиционный риторический топос «счастливый простой» и его трансформация у Диона Хрисостома, в № 74, с. 166—172.
355. Нестерова О. Е. Плотин и Августин о соотношении времени и вечности. — В кн.: Проблемы бытия и познания в истории зарубежной философии. М., 1982, с. 11—19.
356. Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы (Некоторые аспекты политической характеристики), в № 66, с. 119—134.
357. Хлебников Г. В. К вопросу о методе Диогена Лаэртского. — В кн.: Проблемы бытия и познания в истории зарубежной философии. М., 1982, с. 35—42.
358. Цыбенко О. П. Позднеантичная интерпретация Гомера (Самофракийские сцены Нонна), в № 19, с. 106—112. [Рез. на немецк. яз.]
359. Шабига И. Ю. Роль культа импера-

торов в конце III—IV в. до данным галльских панегириков, в № 61, с. 40—55.

360. Шаламон А., Баркоци Л. Археологические данные к периодизации поздне-римской Паннонии (376—476 гг.). — В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982, с. 31—49. [Рез. на немецк. яз., с. 48—249].
361. Широкова Н. С. Императорский культ и собрания галльских провинций, в № 66, с. 164—193.
362. Широкова Н. С. Переселение кельтов (К вопросу о роли миграции и войн в становлении раннеклассового общества), в № 10, с. 44—56.

ХРИСТИАНСТВО*

363. Бонгард-Левин Г. М., Карлюк С. Г. Сведения о буддизме в античной и раннехристианской литературе. — В кн.: Древняя Индия: Историко-культурные связи, М., 1982, с. 42—52.
364. Коржева К. П. Проблемы перво-христианства в советской историографии. — ВВ, 1982, № 1, с. 67—81. [Рез. на англ. яз., с. 190].
365. Крымелев И. А. Библия: историко-критический анализ. М.: Политиздат, 1982, 255 с.
366. Семенов Л. Е. Идеология первоначального христианства: методологический и историографический аспекты: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Казань: Казанск. гос. ун-т, 1982, 24 с.
367. Сидоров А. И. Гностицизм и философия (Учение Василида по Ипполиту) — В кн.: Религии мира: История и современность. М., 1982, с. 159—183.
368. Сидоров А. И. Проблема гностицизма и синкретизм позднеантичной культуры в историографии, в № 1, с. 91—148.
369. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. М.: Политиздат, 1982, 39 с.
- См. также № 355.

VII. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ПЛЕМЕННОЙ МИР. КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

370. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья (Археология СССР. Свод археол. источников, вып. Г — 12). Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1982, 105 с., илл.
371. Арсеньева Т. М. Всесоюзный симпозиум по проблемам истории местного населения Причерноморья в эпоху греческой колонизации. Цхалтубо, 1979 г. — КСИА, 1982, вып. 170, с. 126—129.

* Работы по истории христианства в настоящий указатель включены выборочно.

372. Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Сб. науч. трудов. Киев: Наук. думка, 1982, 166 с., илл.
373. Барцева Т. Б. Спектро-аналитическое изучение цветного металла скифского времени (Днепроовская левобережная лесостепь), в № 375, с. 39—42.
374. Бібіков С. М., Крижичий С. Д. Дослідження античних пон'яток на Україні.— Археологія, 1982, № 40, с. 55—71. [Рез. на русск. яз.]
375. Естественные науки и археология в изучении древних производств (Материалы совещ. 27 марта 1981 г.). Моск. об-во испытат. природы. Комиссия по применению естеств. наук в археологии. М.: Наука, 1982.
376. Крижичий С. Д. Вивчення античної культури Північно-Західного Причорномор'я.— Археологія, 1982, № 40, с. 71—82. [Рез. на русск. яз.]
377. Крижичий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1982, 166 с., илл.
378. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм в Причерноморье». Цхалтубо, 21—27. V. 1982 г. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: Мецниереба, 1982, 127 с.
Содержание: Брашинский И. Б. Черноморская торговля в эпоху эллинизма, с. 3—4; Вишакидзе Н., Калидзе А. Ю. Могилиники эллинистического времени в Юго-Западной Грузии, с. 4—7; Виноградов Ю. А. О взаимоотношениях Боспора с варварским миром в период раннего эллинизма, с. 7—8; Виноградов Ю. Г., Молев Е. А., Толстиков В. П. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи, с. 8—11; Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в системе эллинистического мира, с. 11—13; Герцигер Д. С. Фигурный сосуд из Пантикапея (К иконографии Митридата Евпатора), с. 13—14; Гилевич А. М. Херсонес и Понтийская держава Митридата VI по нумизматическим данным, с. 14—16; Голенко В. К. Некоторые аспекты денежного обращения и экономической географии раннеселевкидского государства, с. 16—18; Горончаровский В. А. Пергам и Боспор в эпоху эллинизма (К проблеме контактов), с. 18—19; Гороховская Л. П., Циркин Ю. Б. Северное Причерноморье и Карфаген, с. 20—21; Грач Н. Л. Боспорский город Нимфей в эпоху эллинизма (Особенности развития), с. 21—22; Гребенкин В. Н., Зигинайло А. Г. К вопросу о денежном обращении Понтийского государства эпохи Митридата VI Евпатора, с. 22—24; Дандамаев М. А. Передняя Азия до македонского завоевания и истоки эллинизма, с. 24—26; Доманский Я. В. Скифы и Ольвия в начале эллинистической эпохи, с. 27—28; Драчук В. С., Кутайсов В. А. Керкинитиды в эллинистический период, с. 28—30; Дундуа Г. Ф., Лордкипанидзе Г. А. Грузия и Митридат VI (По нумизматическим данным), с. 30—31; Зедгенидзе А. А. О генезисе некоторых проблем истории Херсонеса периода эллинизма, с. 31—34; Золотарев М. И. Эллинистические домашние святилища Херсонеса, с. 34—35; Инадзе М. П. К вопросу о распространении влияния эллинизма в Колхиде, с. 35—37; Карышковский П. О. О титуле Митридата VI Евпатора и его преемников в Понте и на Боспоре, с. 37—40; Кац В. И. Типология и хронология херсонесских магистратских клейм, с. 41—45; Кругликова И. Т. Боспор, Херсонес и Ольвия в III—II вв. до н. э., с. 45—47; Крижичий С. Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе, с. 47—49; Кузищин В. И. Херсонес, Гераклея и Рим в начале II в. до н. э., с. 49—51; Лейпунская Н. А. Эллинистические тенденции в экономике Ольвии, с. 51—54; Личели В. Т. Торгово-ремесленное поселение III—II вв. до н. э. во внутренней Колхиде, с. 54—55; Лордкипанидзе О. Д. О географии «эллинистического мира» (Трудности дефиниции), с. 55—56; Лордкипанидзе О. Д. О некоторых инновациях в Колхиде в IV—III вв. до н. э. (По материалам Ванского городища), с. 56—60; Маринович Л. П. Полис и эллинистическая монархия: к проблеме генезиса отношений, с. 60—63; Масленников А. А. Боспор в эпоху эллинизма (Некоторые черты социально-экономической и этнической истории), с. 63—65; Матиашвили Н. Н. Эллинизм и религиозные верования древних колхов, с. 65—66; Молева Н. В. Греческое и варварское в боспорских антропоморфных надгробиях (К вопросу о генезисе), с. 65—68; Молев Е. А. О происхождении и приходе к власти в Понте династии Митридатов, с. 68—70; Моназов С. Ю. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе (Вопросы технологии и объем), с. 70—72; Николаенко Г. М. Организация хора Херсонеса на Гераклеиском полуострове, с. 72—75; Николаенко Г. М., Янушевич З. В., Кузьмина Н. Н. Виноградарство в Херсонесе Таврическом в IV—II вв. до н. э. по археологическим и палеоботаническим исследованиям, с. 75—76; Онайко Н. А. Юго-восточная окраина Боспора в эллинистическо-римское время, с. 76—81; Отрешко В. М. О миксэллинах, с. 82; Рубан В. В. Хора Ольвии в период эллинизма, с. 82—84; Сапрыкин С. Ю. «Северная лига», с. 84—87; Свенцицкая И. С. Некоторые особенности религиозного синкретизма в эпоху эллинизма, с. 87—88; Согомонов А. Ю. Коллективные формы зависимости в Средиземноморье и Причерноморье эпохи эллинизма (Проблемы трансформации), с. 89—90; Сорокина Н. П. Новые данные по истории архитектурного ан-

- самбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре, с. 90—91; Толстиков В. П. Эллинистические фортификационные принципы и элементы в оборонительном зодчестве Боспора, с. 91—93; Фролов Э. Д. Античная государственность на рубеже классики и эллинизма, с. 93—96; Хачушташвили Д. А., Кахидзе А. Ю. Пичвнари в эллинистическую эпоху, с. 96—97; Циркин Ю. Б. Эллинизм и периферийные общества (На примере Карфагена), с. 98—99; Чкаидзе Л. В. Гонио-Апсар в эпоху эллинизма, с. 100; Шамба Г. К. Греческий элемент в культуре населения нагорной Абхазии в эллинистическое время, с. 101—102; Шелов Д. Б. Понтийская держава Митридата Евпатора, с. 102—105; Шмаль И. В. Мотивы вазовой живописи в искусстве Северного Причерноморья эллинистического периода (IV—II вв. до н. э.), с. 105; Шелов-Коведяев Ф. В. Государство ранних Спартокидов как феномен античной культуры. О периоде «протоэллинизма» в Северном Причерноморье, с. 105—107; Щеглов А. Н. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира, с. 107—109; Яковенко Э. В. К проблеме происхождения шедевров торевтики из раннеэллинистических курганов Скифии и Боспора, с. 109—111; Яйленко В. П. Новые эпиграфические данные о Митридате и Фарнаке, с. 111—115; Чкониа А. М. Ювелирное искусство Колхиды в IV—II вв. до н. э. (Вопросы инноваций), с. 115—116; Толордава В. А. Инновации в погребальных обрядах Колхиды эллинистического времени, с. 116—117.
- Хроника: Гиголашвили Е. Г. Симпозиум по проблемам истории эллинизма.— ВИ, 1982, № 11, с. 155—156.
379. Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Сб. научн. трудов. Киев: Наук. думка, 1982, 174 с.
380. Ольговский С. Я. Цветная металлообработка в греческих городах Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М. Ин-т археологии АН СССР, 1982, 24 с.
381. Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Сб. научн. трудов. Киев: Наук. думка, 1982, 186 с., илл.
382. Петерс Б. Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982, 209 с., илл.
383. Піоро Г. С. Письмові джерела про стародавніх германців у Північному Причорномор'ї.— Вісн. Київ. ун-ту, іст. науки, 1982, вип. 24, с. 107—111.
384. Русаева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI—I вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1982, 165 с., илл.
385. Сорокина Н. П. Стеклопосуда

как источник по истории экономических связей Причерноморья и локального стеклоделия первых веков н. э., в № 386, с. 40—42.

386. Труды Гос. Исторического музея, вып. 54. Археологические исследования на юге Восточной Европы, ч. II. М., 1982, 124 с., илл.

387. Шапова Ю. Л. Об эволюции в стеклоделии древнейших эпох, в № 375, с. 81—91.

388. Щеглов А. Н. Об определении высоты построек по развалам сырцовых стен.— КСИА, 1982, вып. 172, с. 50—57.

См. также № 159, 165, 169, 453.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО*

389. Алексеева Е. М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии.— В кн.: Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции, т. II. Краснодар. Краснодарское книжное изд-во, 1982, с. 5—116.

390. Арсеньева Т. М., Казакова Л. М. Двадцать лет работы музея-заповедника «Танаис».— СА. 1982, № 2, с. 292—297.

391. Билимович З. Бронзовая ойнохоя из Нимфея.— Сообщения Гос. Эрмитажа, Л., 1982, № 47, с. 41—43. [Рез. на англ. яз., с. 85—86].

392. Билимович З. А. Этруссский бронзовый кувшин из IV Семибратнего кургана, в № 76, с. 84—85. [Рез. на англ. яз.]

393. Горончаровский В. А. Свинцовая гиря из Илурата.— СА, 1982, № 1, с. 236—238.

394. Киселева В. А., Комарова Э. Н., Станюкович А. К. Исследование образцов органического вещества из античных и средневековых памятников Таманского полуострова, в № 375, с. 159—162.

395. Корпусова В. Н. Античные геммы боспорских некрополей, в № 379, с. 86—104.

396. Кунина Н. З. Два стеклянных кувшина из некрополя Нимфея, в № 76, с. 119—124. [Рез. на англ. яз.]

397. Кругликова И. Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954—1964 гг.— В кн.: Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции, т. II. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1982, с. 117—149.

398. Масленников А. А. Некоторые особенности некрополей городов европейского Боспора первых веков н. э.— СА, 1982, № 1, с. 33—43. [Рез. на англ. яз.]

399. Онайко Н. А. О датировке горгиппийских кирпичей с тамгообразным клеймом.— СА, 1982, № 1, с. 233—235.

400. Трейстер М. Ю. Фибулы из Горгиппии.— В кн.: Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспеди-

* См. также раздел III.

ции, т. II. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1982, с. 150—167.
См. также № 146, 147, 154, 157, 179, 188, 193, 378, 385, 388, 426, 485.

ХЕРСОНЕС И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ*

401. Дашевская О. Д., Голенцов А. С. Кульчукский курган — Кенотаф. — КСИА, 1982, вып. 170, с. 90—96.
402. Зубарь В. Н. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1982, 143 с., илл.
403. Зубарь В. М., Рыжов С. Г. О датировке нового погребального комплекса из некрополя Херсонеса, в № 463, с. 113—125.
404. Зубарь В. М., Рыжов С. Г. Розкопки західного некрополя Херсонеса. — Археологія, 1982, вип. 39, с. 77—87. [Рез. на русск. яз.]
405. Пятыхева Н. В. Статуэтка пляшущего кочевника из Херсонеса (К вопросу о гуннах в Крыму), в № 386, с. 48—54.
406. Саверкина И. И. Две архаистические скульптуры в собрании Эрмитажа, в № 76, с. 97—100. [Рез. на англ. яз.]
Оба памятника относятся к архаистическому направлению, распространенному в искусстве позднего эллинизма в Риме.
407. Сапрыкин С. Ю. Присяга граждан Херсонеса о хоре города в свете новых исследований, в № 60, с. 41—63.
408. Сорочан С. Б. Про так звани рубчасті світільники з Херсонеса. — В сб. Археологія, 1982, вип. 38, с. 43—50. [Рез. на русск. яз.]
409. Федоров Б. Н. Помещение с мозаикой (К вопросу о реконструкции эллинистического жилого дома в Херсонесе). — Проблемы развития зарубежного искусства, 1981, вып. 11, с. 12—16.
См. также № 146, 158, 378, 388, 405.

ОЛЬВИЯ И ЕЕ РАЙОН**

410. Буйских С. Б. Два фигурных сосуда из раскопок городища Золотой мыс, в № 379, с. 77—86.
411. Горбунова К. С. Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962—1971 гг. на участке «Г» о. Березань, в № 76, с. 36—49. [Рез. на англ. яз.]
412. Зайцева К. И. Группа местной расписной керамики с растительным орнаментом из Ольвии III—II вв. до н. э., в № 76, с. 50—69. [Рез. на англ. яз.]
413. Карышковский П. О. Ольвия и Рим в I в. н. э., в № 381, с. 6—28. Приложение: список золотых монет царя Фарзоя, с. 26—28.
414. Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. с о. Бе-

резань и ее значение для изучения раннего этапа существования поселения, в № 76, с. 6—35. [Рез. на англ. яз.]

415. Копейкина Л. Чернофигурная аттическая амфора из раскопок древнегреческого поселения на острове Березань. — Сообщения Гос. Эрмитажа, Л., 1982, № 47, с. 39—41. [Рез. на англ. яз., с. 85].
Вторая четверть VI в. до н. э.
416. Крыжицкий С., Лейпунская Н. Ольвия — память тысячелетий. Очерк. Одесса: Маяк, 1982, 118 с., илл.
417. Курбатов А. А. Ольвийские формы культа Ахилла (К истории полисной идеологии), в № 60, с. 81—96.
418. Марченко К. К., Доманский Я. В. Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье. — КСИА, 1982, вып. 172, с. 58—65.
419. Отрешко В. М. З історії Ольвійського поліса в IV—I ст. до н. е. — Археологія, 1982, № 41, с. 34—46. [Рез. на русск. яз.]
420. Рубан В. В. Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино I, в № 379, с. 54—58.
421. Рубан В. В. Магістратура агрономів в Ольвії. — Археологія, 1982, № 39, с. 30—40. [Рез. на русск. яз.]
422. Русяева А. С. Негрецькі елементи в релігії Ольвії римського часу. — Археологія, Київ, 1982, № 37, с. 3—17. [Рез. на русск. яз.]
423. Рубан В. В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (По материалам хиосских амфор), в № 463, с. 96—113.
424. Русяева А. С., Лейпунская Н. А. Группа терракот из Ольвии, в № 379, с. 58—77.
425. Северская Н. М. Несколько фрагментов краснофигурной керамики из Никония, в № 372, с. 136—141.
426. Тарадаш А. М. Клазоменская мастертская Антестерий, в № 372, с. 119—123.
427. Шишкин К. В. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей. — СА, 1982, № 3, с. 235—242.
428. Тереножкин А. И. Ягорлыцкий котел. — СА, 1982, № 2, с. 218—223.
См. также № 144, 160, 171, 173, 185, 194, 378, 441, 485.

ПРОЧИЕ ОБЛАСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

429. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Поселение и могильник римского времени Молога II, в № 381, с. 55—113.
430. Клейман И. Б. Новая аттическая терракота из Тиры, в № 372, с. 132—135.

Конец V — начало IV в. до н. э.
431. Охотников С. Б. Археологический

* См. также раздел III.

** См. также раздел III.

*** См. также раздел III.

- комплекс из поселения Надлиманское III в Нижнем Поднестровье, в № 372, с. 123—131.
432. Руссва Н. Д. Бусы из могильника Молога II, в № 381, с. 113—119.
433. Самойлова Т. Л., Строкин С. В. Керамика северопонтийских городов из Тиры (IV—I вв. до н. э.), в № 372, с. 141—151.
- См. также № 162, 172.

ПЛЕМЕННОЙ МИР*

434. Анфимов Н. В. Курганы рассказывают. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1982, 127 с., илл. О сокровищах скифских курганов.
435. Байгушева В. С., Житников В. Г. Скотоводство и охота жителей Елизаветинского городища на Дону.— Изв. Сев.-Кавк. центра высш. школы. Обществ. науки, Ростов н/Д, 1981, № 4, с. 61—64.
436. Бессонова С. С. О скифских повозках, в № 445, с. 102—117.
437. Бессонова С. С. «Серьги» с изображением Владычицы зверей из скифских погребений IV в. до н. э., в № 379, с. 13—36.
438. Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму, в № 386, с. 31—39.
439. Воронина Р. Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское.— КСИА, 1982, вып. 170, с. 87—89, табл.
440. Вьютская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979, 207 с., илл.
441. Гаврилюк Н. А., Отрешко В. М. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка II, в № 445, с. 75—91.
442. Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э., в № 386, с. 20—30. Могильники датируются I—III вв. н. э.
443. Гросу В. И. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского Междуречья.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1977—1978 гг. Кишинев, 1982, с. 4—27.
444. Дзиговский А. Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья, в № 372, с. 83—92.
445. Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1982, 247 с., илл.
446. Ильинская В. А. Изображение скифов времени переднеазийских походов, в № 445, с. 38—47.
447. Клочко В. И. К вопросу о происхождении скифских наконечников стрел, в № 463, с. 80—83.
448. Клочко Л. С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифов, в № 445, с. 118—130.
449. Клочко Л. С. Скифские налобные украшения VI—III вв. до н. э., в № 379, с. 37—53.
450. Клочко Л. С., Гребенников Ю. С. Скифский калаф IV в. до н. э., в № 463, с. 86—96.
451. Ковалева И. Ф., Мухомов С. Е. Скифское погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка, в № 445, с. 91—102. Новомосковский р-н, Днепропетровская обл.
452. Козаев А. И. Анахарсис (Скифский мыслитель VI века до н. э.). Предисловие Р. С. Кабисова.— Цхинвали: Ирыстон, 1982, 129 с.
453. Козенкова В. И. О работе сектора скифо-сарматской археологии за пять лет (1975—1979).— КСИА, 1982, вып. 170, с. 130—133.
454. Колотухин В. А. Обследование памятников прескифского и раннескифского времени в Крыму.— СА, 1982, № 1, с. 105—119.
455. Кореняко В. А. Погребения савроматского времени на Восточном Мангыче.— СА, 1982, № 2, с. 223—229.
456. Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона.— СА, 1982, № 3, с. 149—164. [Рез. на англ. яз.] VII—VI вв. до н. э.
457. Корняко Л. М., Симоненко О. В. Сарматские похороны по Полтавщині.— Археологія, 1982, № 37, с. 84—85. [Рез. на русск. яз.]
458. Костенко В. И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья.— В сб.: Древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.), Днепропетровск, 1982, с. 69—75.
459. Кривц С. И. Палеоантропологические материалы из кургана Желтокаменка, в № 445, с. 222—231.
460. Кубышев А. И., Николаева А. В., Полин С. В. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине, в № 445, с. 130—148.
461. Кузнецова Т. М. Зеркала с боковыми ручками из скифских памятников.— КСИА, 1982, вып. 170, с. 13—19.
462. Ложкин М. Н., Петренко В. Г. Уздечный набор из Краснодарского края.— КСИА, 1981, вып. 167, с. 70—72.
463. Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Сб. науч. трудов. Киев: Наук. думка, 1982, 171 с., илл.
464. Мелюкова А. И. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солнечна в Молдавии.— КСИА, 1982, вып. 170, с. 3—12.
465. Мозолевский Б. Н. Скифский «парский» курган Желтокаменка, в № 445, с. 179—222.
466. Мурзин В. Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э., в № 445, с. 47—64.
467. Мухомов С. Е. Новые материалы скифского времени из Приорелья.— В сб.: Степное Поднепровье в бронзо-

* См. также раздел III.

- вом и раннем железном веках. М., 1981, с. 88—93.
468. *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982, 239 с.
469. *Ольховский В. С.* О населении Крыма в скифское время.— СА, 1982, № 4, с. 61—81. [Рез. на англ. яз.]
470. *Онайко Н. А.* О новых публикациях античной тореvтики из скифских курганов Приднепровья.— СА, 1982, № 4, с. 248—260.
471. *Охонько Н. А., Отыцкий И. В.* Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска.— СА, 1982, № 4, с. 235—242.
472. *Патоква Э. Д., Дзиговский А. Н., Зильковский К. В.* Сарматские погребения Маякского могильника, в № 381, с. 131—136.
- II—III вв. н. э.
473. *Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И.* Двугорбая могила, в № 445, с. 148—178.
474. *Радзівська В.* Обробка кісти та рогу в Лісостеповій Скифії.— Археологія, 1982, № 41, с. 21—33. [Рез. на русск. яз.]
475. *Симоненко А. В.* О позднескифских налбонниках, в № 445, с. 237—245.
476. *Скорый С. А.* История вивчення зброї скіфського типу в Середній Європі.— Археологія, 1982, № 38, с. 23—30. [Рез. на русск. яз.]
477. *Скорый С. А.* Скифский курган с катакомбам в Северном Крыму, в № 445, с. 231—236.
478. *Скорый С. А.* Скифские мечи с лучковидным перекрестьем, в № 463, с. 83—86.
479. *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия во II—IV вв. (Некоторые проблемы исследования).— СА, 1982, № 2, с. 43—56. [Рез. на англ. яз.]
480. *Скрипкин А. С.* К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II—IV вв.— В кн.: Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981, с. 73—87.
481. *Смирнов К. Ф.* «Амазонка» IV века до н. э. на Дону.— СА, 1982, № 1, с. 120—131. [Рез. на англ. яз.]
482. *Черненко Е. В.* Поход Дария в Скифию, в № 445, с. 3—38.
483. *Черненко Е. В., Мурзин В. Ю.* Курганы скифских царей. Из истории исследования.— Вестник АН СССР, 1982, № 11, с. 101—112.
484. *Шкурко А. И.* Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии, в № 386, с. 3—8.
485. *Щукин М.* Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья.— Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1982, № 47, с. 35—38. [Рез. на англ. яз., с. 85].
486. *Яковенко Э. В.* Раннескифские погребения Восточного Крыма, в № 445, с. 65—75.
- См. также № 171, 194, 378, 383, 388, 405, 428
487. *Апакидзе А. М., Николаишвили В. В., Сихарулидзе А. Н., Джгаркава Т. В., Дзnelадзе М. С., Садрадзе В. Г., Манджgаладзе Г. Н., Гиунашвили Г. Д.* Археологические исследования на новостройках Великой Мцхета (1976—1979 гг.), в № 495, с. 103—110.
488. *Апакидзе А. М., Николаишвили В. В., Манджgаладзе Г. Н., Сихарулидзе А. Н., Хецуриани Л. Г., Садрадзе В. Г., Иремашвили Ш. А., Дзnelадзе М. С., Чанишвили Т. В., Мелитаури К. Н., Гиузе Г. Д., Наишвили Т. В., Гиунашвили Г. Д.* Мцхетская экспедиция в 1980 году, в № 526, с. 35—39.
- Обнаружены мощные культурные слои эллинистической и позднеантичной эпох.
489. *Апакидзе А. М., Николаишвили В. В., Манджgаладзе Г. Н., Садрадзе В. Г., Дзnelадзе М. С., Хецуриани А. Г., Давлианидзе Р. В., Гавашели Э. И., Сихарулидзе А. Н., Гиунашвили Г. Д., Мелитаури К. Н., Иремашвили Ш. А.* Результаты полевых исследований на территории Мцхета, в № 525, с. 68—79.
490. Арташат. I. Археологические раскопки в Армении, № 16. *Аракелян Б. Н.* Основные результаты раскопок 1970—1977 гг. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982, 68 с., илл., табл. [Рез. на англ. яз.]
491. *Аревшатян С. С.* Античная наука и становление средневековой армянской философии.— В кн.: Методологические вопросы истории развития средневековой философии народов Закавказья. Баку, 1982, с. 70—80.
492. *Арешян Г. Е.* Обобществление древностей.— Вестник Ерев. гос. ун-та. Обществ. науки, 1982, № 2, с. 72—78. [Рез. на арм. яз.]
- Об актуальности расширения археологических исследований, охрана, реставрация и использование памятников культуры.
493. Археологические изыскания. Материалы II и III сессий молодых исследователей. Тбилиси, 1982, 290 с., илл., табл. [На груз. яз.]
494. Археологические исследования на новостройках Великой Мцхета (1976—1979 гг.), в № 495, с. 103—110.
495. Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982, 123 с., табл., илл.
496. *Бохочадзе А., Мирианшвили Н.* «Вспомни Приска, который сделал это».— Наука и жизнь, 1982, № 9, с. 27—29.
- О мозаиках храмового комплекса античного города Дзалиса. По материалам археологических раскопок.
497. *Бохочадзе А. В., Мирианшви-*

* См. также раздел III.

- ли Н. Г. Основные итоги работ Настакисской археологической экспедиции в 1975—1979 гг., в № 495, с. 111—123.
498. Божочадзе А. В., Мирианашвили Н. Г., Нариманашвили Г. К., Надибаидзе М. Т. Настакисская археологическая экспедиция Мцхетского района, в № 525, с. 93—106.
499. Божочадзе А. В., Марианашвили Н. Г., Нариманашвили Г. К., Надибаидзе М. Т., Карая К. В., Сургуладзе В. Г. Настакисская археологическая экспедиция Мцхетского района, в № 526, с. 44—51.
- Раскопанные на настакисском поле погребения датируются III в. до н. э.—II в. н. э.
500. Вашакидзе Н. В. Импортная керамическая тара из поселения «Намчедури». — В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 11. Тбилиси, 1982, с. 78—94. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
501. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Исследования Цибилума, в № 525, с. 118—124.
502. Гаглоев Р. Х. Кинжал с зооморфным навершием из с. Монастери. — Изв. АН ГССР. Сер. история, археология, этнография и история искусства, 1982, № 2, с. 109—113. II—I вв. до н. э.
503. Гагошидзе Ю. М. Могильник Триаleti. 3. Могильник античной эпохи. Каталог. АН ГССР. Гос. Музей Грузии им. С. Н. Джанашиа. Археол. комис. Тбилиси: Мецниереба, 1982, 130 с., илл. [Текст паралл. на русск. и груз. яз.]
504. Гамкрелидзе Г. А. Древние поселения Центральной Колхиды (с. Мтисдаири). Тбилиси: Мецниереба, 1982, 146 с., илл. [На груз. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]
505. Гуледани Л. И. Рукописи и издания грузинского перевода «Притчей и жизнеописания Эсопа». — Изв. АН ГССР. Сер. яз. и лит., 1982, № 1, с. 136—140 [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
- Перевод и издание памятника относятся к XVIII в.
506. Джинджигашвили Г. Погребения в пифосах из могильника Сакараулос-Сери, в № 493, с. 59—69. I в. до н. э.—начало I в. н. э.
507. Дзенадзе М. К. Изучению черепицы античной эпохи Грузии, в № 493, с. 69—80.
508. Иашвили И. А. Синопское клеймо из Пичвнари. — В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 11. Тбилиси, 1982, с. 95—98. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
509. Инадзе М. П. Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Ин-т истории, археологии, этнографии АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982, 247 с. [На груз. яз. Рез. на русск. и франц. яз.]
510. Исторический музей Армении. Ереван. Каталог музейных коллекций. Гос. музей истории Армении. Вып. 2. Предметы, выявленные раскопками в Ани. Подгот. к печати Е. Мушегян. Ереван: Айтастан, 1982, 163 с. [На арм. яз.]
511. Казидзе А. Ю. Ионийские и аттические этапы греческой колонизации Восточного Причерноморья. — В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 11. Тбилиси, 1982, с. 44—47. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
512. Казидзе А., Джаелидзе А. Пичвнарское городище античного периода. — В сб.: Дзеглис Мегибарби (Друзья памятников культуры), 59. Тбилиси, 1982, с. 38—42, илл. [На груз. яз. Рез. на англ. яз., с. 78]
513. Личели В. Итоги раскопок городища Саканча в 1976 г. (Реконструкция позднелеллинистического дома), в № 493, с. 31—41.
514. Лордкипанидзе Г. А., Агба В. В. Раскопки на территории комплекса Пицундского храма. — В кн.: Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси, 1982, с. 26—31, табл.
515. Лордкипанидзе О. Д. Археология в Грузии. — Вестник АН СССР, 1982, № 4, с. 66—76.
516. Лордкипанидзе О. Д. Археология в Грузинской ССР. Центр археол. исслед. Ин-та истории, археологии, этнографии АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982, 56 с., илл.
517. Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В., Чкония А. М., Толордава В. А., Пирицхалава М. С., Матиашвили Н. Н. Итоги работ Ванской археологической экспедиции, в № 525, с. 80—86.
518. Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В., Матиашвили Н. Н., Чкония А. М., Толордава В. А., Качарова Д. Д. Работы Ванской археологической экспедиции, в № 526, с. 40—44.
- Раскопки городища античной эпохи в Вани.
519. Манасерян Р. Л. Держава Тиграна II и ее борьба против экспансии Рима и Парфии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ереван. Ин-т истории АН АрмССР, 1982, 20 с.
520. Манджгаладзе Г. Самтаврский могильник (По раскопкам 1976 г.), в № 493, с. 103—115.
- Имеется античный материал.
521. Микеладзе Т. К., Хачутайшвили Д. А. Отчет о полевых исследованиях Колхидской археологической экспедиции, в № 525, с. 86—93.
522. Мирианашвили Н. Местная расписная керамика эллинистического времени из Агапани, в № 493, с. 41—50.
523. Нариманашвили Г. Случайно обнаруженный археологический материал из Настакисп. в № 493, с. 50—58. IV—II в. до н. э.
524. Османов Ф. Л. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э.—III в. н. э.). Ин-т истории,

- археологии и этнографии АН АзССР. Баку: Элм, 1982, 158 с., илл.
525. Полевые археологические исследования 1979 года (Краткие сообщения). Тбилиси: Мецниереба, 1982, табл.
526. Полевые археологические исследования в 1980 году (Краткие сообщения). Тбилиси: Мецниереба, 1982, 68 с., табл., илл.
527. Рамшвили Р. М. Археологические изыскания в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса в 1976—1979 гг., в № 495, с. 25—46.
528. Рамшвили Р. М., Джорбенадзе В. А. Жинвальская экспедиция, в № 525, с. 106—117.
529. Робакидзе Ц. Глиняные сосуды из Арагвипирского могильника, в № 493, с. 85—92.
- III—IV вв.
530. Сагинашвили М. И. Случайно найденные стеклянные сосуды из Урбниси.— Вестник Музея Грузии АН ГССР, т. 36-В, Тбилиси, 1982, с. 154—169. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
531. Сапрыкин С. Ю. Новые книги о древней Колхиде.— СА, 1982, № 1, с. 265—270.
532. Симонян А. А. «Повесть об Александре Македонском» Псевдо-Каллисфена в средневековой армянской литературе.— В кн.: Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982, с. 39—55.
533. Сокровища древнего Вани. Сост. Толордава В. Тбилиси: Хеловнеба, 1982, 21 с., илл. [Текст паралл. на русск., груз. и англ. яз.]
534. Хачушташвили Д. А. Основные результаты работы археологической экспедиции Юго-Западной Грузии в 1979 году.— В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 11. Тбилиси, 1982, с. 3—18. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
535. Хидашели М. Ш. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа. Тбилиси: Мецниереба, 1982, 152 с., илл. [На груз. яз.]
536. Хомасуридзе Г. Карсисхевский могильник: погребальные сооружения и обряд, в № 493, с. 80—85.
537. Цанава Р. А. Медя и грузинский мир.— Изв. АН ГССР. Сер. яз. и лит., Тбилиси, 1982, № 1, с. 40—54. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
538. Цулишвили И. А. Римский гарнизон в Пипунде IV—V вв.— Сообщения АН ГССР, т. 107, Тбилиси, 1982, с. 443—444.
539. Чигладзе В. Жинвальский могильник (По материалам 1976 г.), в № 493, с. 92—103.
540. Шамба Г. К., Шамба С. М. Раскопки Эзерского городища.— В кн.: Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси, 1982, с. 14—18, табл.
- См. также № 163, 190, 378.
541. Археология Старого и Нового света. Сб. ст. М.: Наука, 1982, 224 с., илл. [Рез. на англ. яз.]
542. Бабаев А. Д. Коропластика Чимкургона (Северный Таджикистан).— СА, 1982, № 4, с. 232—235.
543. Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974—1977 гг. Материалы совмест. археол. экспедиций на Кара-тепе. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1982, 200 с., илл. [Рез. на англ. яз.]
- Содержание: Ставиский Б. Я. Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974—1977 гг., с. 7—49; Бердников А. Ф. Раскопки комплекса В в 1974—1977 гг., с. 50—53; Альбаум Л. И. О толковании каратепских комплексов (В свете раскопок Фаяз-тепе), с. 56—63; Вайнберг Б. И., Раевская Т. А. Нумизматические заметки, с. 64—71; Сычева Н. С., Сычев В. Л. К проблеме семантики изобразительных и декоративных мотивов на Кара-тепе, с. 72—93; Агеева Э. Н., Белозерова Г. Е. Известия в памятниках Термеза и его окружи кушанского периода, с. 94—96; Бирштейн В. Я. Идентификация минеральных компонентов грунтов и пигментов росписей Кара-тепе и других среднеазиатских памятников с помощью физико-химических методов, с. 97—114; Желнинская З. М., Витт С. В., Сапоровская М. Б., Пасконова Е. А. Новые данные о связующей краске настенной живописи из Кара-тепе, с. 115—119; Желнинская З. М. К вопросу об анализе связующего состава в стенных росписях, открытых на Кара-тепе и некоторых других археологических памятниках Передней Азии, с. 120—128; Вертоградов В. В. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе, с. 134—159; Вертоградов В. В. Находки надписи неизвестным письмом на Кара-тепе, с. 160—167.
544. Валиев А. Античный этап развития антропогенных ландшафтов юга Узбекистана, в № 550, с. 41—47.
545. Горелик М. В. Кушанский доспех.— В кн.: Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982, с. 82—112.
- О панцирном защитном вооружении воинов Кушанской империи.
546. Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (Материалы по проблеме). М.: Наука, 1968, 186 с.
547. Зеймаль Е. В. Раскопки на Шахринауском городище.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1982, вып. 16, с. 66—72. Античный период.
548. Иваницкий И. Д. Образ богини Анахиты в коропластике Согда, в № 550, с. 78—80.

* Работы по истории Средней Азии в указатель включены выборочно. См. также раздел III.

549. *Исамиiddинов М. Х.* Стратиграфия древнейших слоев Еркургана, в № 550, с. 60—77.
550. История материальной культуры Узбекистана. Сб. ст. Ташкент: ФАН, 1982, вып. 17, 199 с.
551. *Касаткин Д.* Кушаны: взгляд сквозь века (I—IV вв. н. э.).— Азия и Африка сегодня, 1982, № 9, с. 53—55. [Рез. на англ. яз.]
552. *Кругликова И. Т.* Дилеберджин — кушанский город в Северном Афганистане (По данным археологических раскопок), в № 541, с. 153—175 илл.
553. *Кузьмина Е. Е., Сарианиди В. И.* Два головных убора из погребения Тилля-тепе и их семантика.— КСИА, 1982, вып. 170, с. 19—27.
554. *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Некоторые аспекты иерархии и семантики ступа в Средней Азии и Индии:— В кн.: Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982, с. 164—168.
О раскопках буддийского монастыря Аджина-тепа.
555. *Лунина С. Б.* Всесоюзная конференция по культурным связям Средней Азии в древности и средневековье.— ОНУ. 1982, № 3, с. 50—51.
Москва, 7—12 дек. 1981 г.
556. *Мухитдинов Х. Ю.* Бактрийский всадник (Археологические материалы о бактрийско-скифских контактах).— В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980, с. 212—227.
557. *Обельченко О. В.* Культура древних кочевников долины Заравшана: по материалам раскопок курганов VII в. до н. э.— VII в. н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. М.: МГУ, 1982, 481 с.
558. *Пичикян И. Р.* Возобновление работ на Каменном городище. Раскопки Тактиквядского отряда ЮТАЭ 1976 г.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1982, вып. 16, с. 73—83.
Кушаны
559. *Пугаченкова Г. А.* К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии.— КСИА, 1982, вып. 172, с. 24—30.
560. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Очерки искусства Средней Азии: древность и средневековье. М.: Искусство, 1982, 270 с., илл.
561. *Пьянков И. В.* Бактрия в античной традиции. Общие данные о стране: название, территория. Душанбе: Дошиш, 1982, 65 с., илл.
562. *Равич И. С., Седов А. В., Шамаханская М. С.* Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана, в № 375, с. 23—27.
Металлические изделия кушанского времени.
563. *Сагдуллаев А. С.* Заметки о раннем железном веке Средней Азии.— СА, 1982, № 2, с. 229—234.
564. *Сайко Э. В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1982, 212 с.
565. *Сарианиди В. И.* Новый центр древневосточного искусства, в № 541, с. 68—88, илл.
II тыс. до н. э. Бактрия и Маргиана.
566. *Сарианиди В. И.* Об одной группе древнебактрийской глиптики.— В кн.: Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982, с. 297—306.
О коллекции древних печатей и амулетов.
567. *Седов А. В.* Работы Шаартузского отряда в 1976 г.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1982, вып. 16, с. 84—95.
Кушаны.
568. *Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю.* Предварительные результаты раскопок дворца Еркургана, в № 550, с. 47—51.
569. *Туребеков М.* Цитадель Еркургана, в № 550, с. 51—60.
570. *Ходжаниязов Т.* В землях древней Бактрии. И-т истории ТССР. Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад: Ылым, 1982, 125 с., илл. [На туркм. яз.]
См. также № 148, 153, 166, 167, 168, 178, 182, 479, 480, 519.

Сост. И. Е. Борщ

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С. Л. УТЧЕНКО

(К 75-летию со дня рождения)

1 декабря 1983 г. в секторе истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР состоялись ежегодные чтения памяти С. Л. Утченко, приуроченные к 75-летию со дня его рождения.

Во вступительном слове *Е. С. Голубцова* уделила большое внимание тому вкладу, который внес С. Л. Утченко в изучение истории античной и в первую очередь римской культуры. Он интересовался этими проблемами в течение всей жизни, начиная с первых работ, вышедших в конце 30-х годов и вплоть до последней книги «Политические учения древнего Рима», появившейся в свет уже после смерти автора (1977). В этой в определенной степени итоговой работе С. Л. Утченко связывает проблемы культуры с широким кругом политических и социальных вопросов истории Рима, изучает их на широком фоне — не только римской, но и греческой культуры. Он полемизирует с теми историками, которые доказывали превосходство эллинской культуры над римской, являвшейся, по их мнению, не самостоятельной и эклектичной. С. Л. Утченко приходит к выводу о самобытности римской культуры. Он показывает, что проникновение в Рим эллинистических влияний вызывало «защитную реакцию» римского общества. Процесс этот шел сложным путем и в различной среде. Эллинистические влияния охотно и не встречая противодействия воспринимались определенными кругами нобилитета (однако не нобилитетом в целом) и римской интеллигенцией, но наталкивались на широкое сопротивление со стороны властей и широких слоев населения, римского плебса.

В своих работах С. Л. Утченко неоднократно отмечал, что, изучая римскую культуру и роль в ней эллинистических влияний, следует различать отдельные аспекты этих влияний. Если иметь в виду сферу культуры в прямом и потому более узком значении слова (язык и литература, изобразительное искусство, театр и т. п.), то здесь можно и даже следует говорить о приятии эллинизма, о его освоении, часто творческом и самобытном. Но если затронуть сферу идейно-политическую, то именно здесь проникающие в Рим влияния наталкивались на самое решительное сопротивление, на стену «нравов и обычаев предков» и в ходе напряженной борьбы либо отвергались, либо значительно приспособлялись.

Уделяя большое внимание изучению римской культуры, С. Л. Утченко считал необходимым посвятить этой проблеме специальную, большую работу. Согласно его замыслу, культура древнего Рима должна изучаться в самых различных аспектах — в плане разработки вопросов мировоззрения, религии, права, науки, литературы, искусства. Большое внимание С. Л. Утченко предполагал уделить изучению культуры римских провинций, — как западных, так и восточных, — проблемам эллинизации и романизации культур. Он неоднократно подчеркивал, что отправной пункт изучения римской культуры — «шкала ценностей» римской гражданской общины. Его интересовал вопрос об эволюции мировоззрения римлянина «от гражданина к подданному», о синтезе культур различных государств, находившихся на разных уровнях социального и экономического развития.

Е. С. Голубцова отметила, что для С. Л. Утченко как исследователя истории римской культуры были характерны широта и проблемность в постановке вопроса, привлечение большого фактического материала, важные теоретические выводы.

После выступления Е. С. Голубцовой была зачитана неопубликованная лекция С. Л. Утченко «Культура и идеология римского общества в III—I вв. до н. э.», представляющая собой введение к спецкурсу «Римская историография», который он читал в 1974—1975 гг. в МГПИ им. В. И. Ленина.

В этой лекции С. Л. Утченко выступает против широко распространенного мнения, будто бы «греческая культура, как культура более самостоятельная и более „высокая“, оплодотворила римскую, причем последняя уже заранее признается неоригинальной, эклектичной, подражательной. Кроме того, процесс проникновения эллинистических влияний в Рим изображается обычно как „завоевание Грецией сурового завоевателя“ (Norat., Epist. II, 1, 156), завоевание мирное, „бескровное“, не встретившее в римском обществе сколь-нибудь заметного противодействия». В обоснование своей позиции С. Л. Утченко анализирует «идейную атмосферу», которая царила в римском обществе эпохи Ранней республики. Он отмечает характерное для римлян и обусловленное средой преклонение перед традицией, восхваление нравов предков. Моральные ценности римлян «не исчерпывались четырьмя добродетелями, господствовавшими в греческой этике классической эпохи, т. е. справедливостью, мудростью, мужеством и умеренностью. Наоборот, римляне требовали от каждого бесконечного числа добродетелей (*virtutes*), причем человек и гражданин оценивались не по его отдельным качествам и достоинствам, но только по их совокупности: сумма всех требуемых качеств и есть римская *virtus* в широком смысле слова — всеобъемлющее выражение достойного поведения каждого римлянина в рамках гражданской общины». С. Л. Утченко подчеркивает совпадение наименований «абстрактных» божеств, олицетворявших моральные нормы и категории (*Concordia, Fides, Virtus, Honor, Clementia* и др.), и основных критериев системы ценностей гражданской общины.

Весьма показательна, по его мнению, иерархия достоинств, входящих в представление о римской *virtus*: на первом месте стоят качества и деяния, направленные на благо отчизны, затем — на благо родных и только на последнем месте — забота о собственном благе. «Высшая ценность, которую знал римлянин, это его отечество (*patria*), его родной город. Рим — вечная и бессмертная величина, которая безусловно переживает каждую отдельную личность, поэтому интересы отдельной личности всегда должны отступать на второй план по сравнению с интересами общины в целом. С другой стороны, — только община может считаться высшей (и единственной!) инстанцией для апробации достоинств того или иного своего сочлена, только она может даровать ему славу, честь, отличие. Поэтому-то доблесть (*virtus*) и не может существовать в отрыве от общественной жизни и деятельности, быть независимой от приговора сограждан». Эти положения прослеживаются на материале надгробных надписей Сципионов.

Далее С. Л. Утченко останавливается на данных о систематическом проникновении в Рим начиная с III в. до н. э. эллинистических влияний (распространение греческого языка и греческой образованности, поездки римлян в Афины и на Родос для изучения философии, появление в Риме греческих риторов и философов, появление римлян, серьезно занимающихся философией, и т. д.). «Все это вместе взятое, — говорит С. Л. Утченко, — приводит к возникновению „филэллинства“, явления, которое можно считать „модой“, даже, может быть, определенным течением, распространившимся в некоторых кругах нобилитета. Для „филэллинов“ характерно не только преклонение перед греческой культурой и образованностью, но и довольно открыто выражаемое стремление отойти от древнеримской полисной морали, отвергнуть ее традиционные нормы и критерии». В качестве примера С. Л. Утченко называет Т. Квинкцию Фламиния, Авла Постумия Альбина, Тита Альбуция, Публия Рутилия Руфа. Все эти примеры, по его мнению, свидетельствуют о том, что в определенных кругах римского общества наблюдался протест против норм традиционной морали и, следовательно, можно говорить о кризисе этой морали и системы ценностей раннего Рима.

Есть некоторые основания полагать, говорит С. Л. Утченко, что «...эллинистические влияния, распространение культуры и образованности коснулось не только высших слоев римского общества. Социальные последствия этого явления были более широки. Можно говорить о формировании в Риме определенной социальной прослойки — своеобразной античной «интеллигенции». Это были люди, занимавшиеся культурной или научной и педагогической деятельностью, превратив ее в свою основную, постоянную профессию. Римская «интеллигенция» в большинстве своем состояла не из

римляни и по социальному статусу принадлежала к рабам и отпущенникам. «Слой рабочей „интеллигенции“ в Риме, особенно в последние годы существования Республики, был многочислен, а вклад, внесенный ее представителями в создание римской культуры, весьма ощутим».

Но было бы неправильным говорить только о греческом влиянии на развитие римской культуры, отмечает С. Л. Утченко. «Это было бы неправильно уже потому, что речь идет об эпохе эллинизма, когда так называемая классическая греческая культура подверглась глубоким изменениям и была в значительной степени ориентализована. Поэтому в Рим, сначала, правда, через посредство греков, а затем и более прямым путем проникают культурные влияния Востока». Так, с присоединением малоазийских провинций в Рим прежде всего среди низших слоев населения широко распространяются эсхатологические и сотериологические идеи, переплетающиеся с этрусской эсхатологией и сотериологическими символами дионисийского культа. «Тот факт, что подобные явления расцветают особенно пышным цветом в годы политических потрясений, свидетельствует о том, что все эти мотивы представляли собой не только отражение религиозных взглядов, но и определенных социальных требований».

Отмечая большое значение процесса проникновения в Рим эллинистических культурных влияний, С. Л. Утченко тем не менее полагает, что нет оснований считать Рим эллинистическим государством: «подобное мнение основано на несколько одностороннем подходе и на довольно поверхностных аналогиях». Эллинизм характеризуется взаимовлиянием эллинических и местных, прежде всего восточных, элементов не только в области культуры, но и в экономике и в социально-политических отношениях. И именно в этом плане говорить о влиянии эллинистических государств не приходится, скорее имел место, «...правда, далеко не всегда и не во всех отношениях, обратный процесс... Кроме того, нельзя забывать, что самый характер проникновения и распространения культурных влияний был в римских условиях достаточно сложен». Реакция римского общества «...бывала не раз чрезвычайно резкой и решительной, да и самые формы, в которые облекались идущие с эллинистического Востока влияния, не могли не встретить активного противодействия». С. Л. Утченко напоминает об обсуждении в сенате и комициях вопроса о вакханалиях и подробно рассматривает деятельность Катона Старшего, цензора 184 г., направленную на реализацию «определенной политической программы, которую можно определить как программу борьбы против того, что он сам называл „гнусными новшествами“». Эта программа, по мнению С. Л. Утченко, была созвучна настроениям широких слоев населения Рима, об этом свидетельствует надпись на воздвигнутой Катону статуе: «за то, что, став цензором, он здравыми советами и разумными наставлениями снова вывел на правильный путь уже начавшее клониться к упадку римское государство» (Plut., Cato major, 19). Катон видел упадок древних нравов в распространении роскоши, корыстолюбия, тщеславия, надменности, необузданности, бесстыдства. «В данном случае налицо такая же множественность пороков, как и множественность древнеримских добродетелей. Но если бесконечное множество добродетелей было объединено как бы общим стержнем, причем этим стержнем можно считать благо государства, то и ныне все те пороки, против которых выступал Катон, тоже имели нечто общее. Это — стремление удовлетворить чисто личные интересы даже в тех случаях, когда они противоречат требованиям общего блага. Частные, эгоистические побуждения преобладают над общественными, что и свидетельствует наиболее ярко и наглядно о потрясении древних нравственных устоев».

С. Л. Утченко отмечает, что во времена Катона все пороки, все чужеземные влияния «еще могли рассматривать именно как новшества, как нечто занесенное в Рим сравнительно недавно и потому не пустившее еще в римском обществе особенно глубоких корней». Соппротивление эллинистическим влияниям, по его мнению, весьма симптоматично, оно позволяет говорить о некотором обратном воздействии римской «культурной среды». Так, эллинистическая философия по мере своего проникновения в Рим «стремится приспособиться к запросам римского общества, смягчить некоторые из своих догм. Происходит своеобразная адаптация». Этот процесс С. Л. Утченко прослеживает в философско-этических концепциях Средней (римской) Стои, в социально-политических воззрениях Полибия, в политических идеях и политической практике Сципиона Эмилиана и его кружка. Наиболее наглядные примеры «защитной реакции» римского общества и «взаимных уступок» относятся к III—II вв. до н. э., но и позже,

«когда основные догмы эллинистической философии и основные каноны эллинистического искусства подверглись значительной переработке на „римский лад“ и были ассимилированы римской культурной средой, еще встречаются характерные проявления все той же „защитной реакции“». «Не может быть и речи о „мирном“ завоевании Рима более „высокой“ эллинистической культурой,— утверждает С. Л. Утченко,— и об оплодотворении ею бессильного в творческом отношении римского общества. Пресловутая творческая несамостоятельность и „бессилие“ римлян суть не что иное, как иногда глухая, иногда открытая форма сопротивления чуждым влияниям. Это был процесс борьбы, преодоления, переработки, но отнюдь не безоговорочного принятия или заимствования... Борьба эта, как мы знаем, не завершилась победой чужеземной идеологической среды, но в конечном результате, в результате освоения, переработки, сплавления, взаимных уступок возникло совершенно новое историческое и идеологическое образование... Эллинистическая культура оказалась „принята“ обществом и распространялась в Риме только тогда, когда она была преодолена как нечто чуждое, когда она была оплодотворена римскими самобытными силами, когда она поистине стала широким народным достоянием... Поэтому, если определять удельный вес и место римского элемента в культуре античного общества,— говорит в заключение С. Л. Утченко,— нужно признать момент взаимопроникновения двух интенсивных культурных сфер — староримской и восточноэллинистической, из которых каждую следует считать безусловно необходимой для утверждения нового и совершенно особого образования — римской культуры эпохи кризиса республики и установления принципата».

После чтения текста лекции С. Л. Утченко были заслушаны 8 докладов, в большинстве из них затрагивались вопросы истории римской культуры и идеологии.

Е. М. Штаерман прочла доклад «От гражданина к подданному», посвященный проблеме эволюции римской культуры и идеологии от эпохи Ранней республики и до кризиса III в. н. э., изложив конспективно результаты своего исследования, вошедшего в I том «Истории римской культуры».

По словам докладчика, отправным пунктом для этой работы послужила высказанная С. Л. Утченко мысль, что о пути, пройденном античным обществом, можно говорить как об эволюции «от полиса к империи, от гражданина к подданному». В связи с этим была поставлена задача проследить, как отражалась в идеологии римского общества и его различных социальных слоев эта эволюция, сыгравшая огромную, в известной мере определяющую роль развития римской культуры в целом. Характеризуя структуру римской *civitas* и ее трансформацию в ходе развития римского общества, докладчик показала связь этого процесса с формированием системы ценностей и с последующей переоценкой этих ценностей. Е. М. Штаерман проанализировала причины возникновения так называемого «римского мифа», его содержание и оформление и проследила его роль в идеологической и социально-политической жизни римского общества на разных его этапах. Она показала, что с установлением империи усиливается среди различных слоев населения экономическая, а с ней и моральная зависимость, начинается кризис «коллективных целей»; психология гражданина, органически связанного с коллективом сограждан, постепенно вытесняется психологией подданного, стоящего в стороне от общественной жизни. Вопрос о преодолении оторванности от «мировой гармонии», т. е. об отчуждении, становится одним из основных в философии I—III вв. В период кризиса III века окончательно разлагаются официальные традиционные ценности, а с ними и последние следы гражданственности.

В докладе *М. Л. Гаспарова* «Поэт и поэзия в римской культуре» речь шла о становлении поэзии в Риме начиная от долитературного периода и до времени империи, когда специфика римской культурной ситуации стирается и положение римской литературы в системе античной культуры уже не отличается от положения греческой. Поэзия была детищем *otium*⁷, досуга: сперва досуга праздничного, предоставляемого толпе; потом досуга будничного, доступного имущим; потом досуга всеобщего, чудом достигнутого после гражданских войн; и, наконец, досуга, которым будет питаться поэзия империи. Средствами распространения этой поэзии были сперва сцена и школа; потом — книга в частном потреблении; потом — библиотеки и рецитации в Риме; потом — то же самое в повсеместном масштабе. На первом этапе это поэзия для масс, но не для знати; на втором — для образованных верхов, но не для масс; на третьем, не-

долгом — для всего общества; на четвертом, в эпоху империи, это уже поэзия для поэзии, живущая больше инерцией, чем спросом. Соответственно образ поэта сначала — это образ театрального служителя и клиента высоких покровителей; потом — изысканного ученого-сибарита; потом — вещего пророка, несущего людям глас богов, а богам молитвы людей; и, наконец, происходит возвращение к началу, поэт оказывается одновременно и вещим пророком и голодным чудаком-прихлебателем, и этот двоящийся образ надолго остается в истории европейской литературы.

Ю. К. Колосовская в своем докладе «Этика и культура римского провинциального общества (По материалам придунайских провинций)» на основании анализа надгробных надписей и надписей магического характера, происходящих из придунайских провинций, попыталась восстановить некоторые черты умонастроения и этических представлений различных слоев провинциального населения.

В. М. Смирин в докладе «Патриархальные представления и рабовладельческая реальность» исходил из того, что представления римлян об их обществе неизбежно преломляли современную им социально-экономическую реальность через понятия и представления, унаследованные ими от предшествующих эпох. В этой связи особенно интересны представления патриархальные, связанные с властью домовладыки («отца семейства»), т. е. в конечном счете со структурой римской фамилии (дома). Как часть власти домовладыки рассматривалась и власть над рабами. Докладчик предостерегает от распространенной тенденции связывать «патриархальность» с какой-то идиллическостью, мягкостью, тогда как для нее характерны скорее жестокость и деспотизм. Недаром Силанианский сенатусконсульт (9 г. н. э.), предусматривавший в случае убийства господина пытку и казнь для всех рабов, находившихся под одной с ним крышей, и возлагавший осуществление этой кары на государство, мотивирован тем, что «иначе ни один дом не может быть в безопасности». Докладчик рассмотрел также эволюцию «отеческой власти» (у римлян пожизненной), тоже принадлежавшей домовладыке, и показал, что ее ограничение и видоизменение (связанные с переходом части функций «отца семейства» к императору) не отменяли сам принцип отеческой власти, но меняли его смысл, ставя его на службу государству или городу (а не дому). Однако переосмысление старых институтов происходило в старых же понятиях: старые представления начинали служить новой реальности, налагая тем самым и на нее свой отпечаток, связывая ее с развитием определенной культурной традиции.

А. И. Павловская прочла доклад «Аврелий Исидор, сын Птолемея (Социально-психологический облик крестьянина позднеримской эпохи)», в котором на основании папирусов из «архива Исидора» (P. Cair. Isidor, № 1—146) и других примыкающих к нему документов попыталась воспроизвести жизнь и деятельность крестьянина из комы Каранис (одного из окраинных поселений в Фаюмском оазисе Египта), жившего в конце III — начале IV в. до н. э. Автор охарактеризовала деревню, где жил Исидор, его семью, их материальное положение, хозяйственную и общественную деятельность Исидора, условия, в которых она протекала и внутри комы и вне ее на фоне общеимперских событий. По мнению автора, анализ деятельности Исидора и его взаимоотношений с окружающими его людьми позволяет заключить, что в жизни Исидора столкнулись две противоположные моральные установки в поведении и деятельности людей, может быть, даже две разные системы ценностей: с одной стороны, — восходящий к традициям общинной организации принцип превалирования общих интересов над частными, удержавшийся в среде мелких и средних землевладельцев, так как в нем они видели опору своего независимого существования, с другой, — признание руководящим принципом поведения осуществление своих частных интересов. И в реакции на это проявились уже не типические, а индивидуальные особенности Исидора как человека, как личности.

В. И. Кузищин в докладе «Развитие производительных сил и античное рабство (Новые аспекты старой проблемы)» остановился на вопросе о производительности труда в древнем мире. Рассматривая сохранившиеся в источниках данные о размерах и сроках проведения тех или иных работ в земледелии и ремесленном производстве, он пришел к выводу, что распространенные в нашей науке представления о производительности труда рабов и наемных работников в древности не вполне адекватны истинному положению вещей: они явно имеют тенденцию к ее занижению.

И. Ш. Шифман в кратком сообщении «Иисус Назарей и город Назарет» привел

новые письменные и археологические материалы, свидетельствующие о том, что город Назарет существовал уже в I в. н. э.

А. С. Шофман представил сообщение «С. Л. Утченко и антиковедение в Казанском государственном университете», в котором показал, что С. Л. Утченко поддерживал тесные контакты с КГУ. Его интерес к Казани во многом объяснялся давними антиковедческими традициями КГУ, где начиная с 30-х гг. XIX в. преподавали многие известные специалисты в области античной истории. Будучи главным редактором «Вестника древней истории», С. Л. Утченко широко привлекал ученых КГУ к участию в работе журнала и в научных конференциях по проблемам древней истории.

Л. Е. Семенов в сообщении «Научное наследие С. Л. Утченко и проблемы позднеантичной идеологии» отметил, что для затронутой им темы имеют значение не столько отдельные высказывания С. Л. Утченко по проблемам позднеантичной идеологии, сколько его идеи общетеоретического характера, касающиеся общих проблем культуры античности и применяемых в ней методов исследования. Докладчик указал на положение С. Л. Утченко об оро-акустической ориентации античной культуры, на стремление ученого рассматривать античность как этап развития средств коммуникации со своим уникальным набором последних, в значительной мере определявшим физиономию эпохи, на его высказывания о картине мира, свойственной античной философии, как воплощении определенного социально-исторического типа мировоззрения.

Закрывая Научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко, Е. С. Голубцова поблагодарила выступавших и отметила научный интерес всех заслушанных докладов и сообщений.

А. П.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА

21—23 декабря 1983 г. в Москве проходила научная конференция «Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке». Конференция была организована Институтом востоковедения АН СССР и Государственным музеем искусств народов Востока и посвящена десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (ЮТАЭ), работающей на базе Института востоковедения АН СССР, Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. На конференции было заслушано 55 докладов специалистов из различных научных учреждений Москвы, Ленинграда, Душанбе, Ташкента и Ашхабада, посвященных проблемам истории и культуры Бактрии-Тохаристана и сопредельных областей в древности и средневековье, а также связям обитателей этого региона с другими странами и народами Востока¹. За исключением двух пленарных заседаний, работа конференции была организована по двум секциям — древней и средневековой истории Бактрии-Тохаристана. В настоящем сообщении основное внимание уделяется докладом, затрагивающим проблемы древней истории.

Конференцию открыл директор Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР академик АН Таджикской ССР Б. И. Искандаров. В своем вступительном слове он отметил роль Бактрии-Тохаристана в древней и средневековой истории Средней Азии и всего Востока, а также значение материалов, обнаруженных в ходе работ ЮТАЭ, для исследования бактрийской истории и культуры. Подробнее этот круг проблем был освещен в специальном докладе начальника ЮТАЭ, члена-корреспондента АН ТаджССР Б. А. Литвинского (Москва) «Кардинальные проблемы истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете десятилетних работ Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (1973—1983)». В докладе были освещены основные направления работ экспедиции. Среди них следует особо отметить изучение эпохи бронзы, тесно связанное с исследованием среднеазиатского аспекта индоиранской проблемы; раскопки

¹ Предварительную публикацию материалов конференции см. в сб.: Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М: Наука, 1983.

памятников античной Бактрии, в первую очередь городища Тахти-Сангин, материалы которых наглядно продемонстрировали протекавший на бактрийской территории процесс синтеза различных древних культур — от Индии до Средиземноморья; изучение раннесредневековых комплексов (Аджина-тепа, Кафыркала, Калаи-Кафирниган и др.), отражающих пути исторического и культурного развития Тохаристана, а также памятников эпохи развитого средневековья. Докладчик остановился также на сопоставительном анализе культур Бактрии и других областей древнего и средневекового Востока.

На том же пленарном заседании было заслушано еще два доклада. Древнейшему периоду был посвящен доклад *В. А. Ранова* (Душанбе) «Палеолит Южного Таджикистана и его связи с культурами окружающих стран», в котором освещалась проблема заселения этого региона и даны обзор и характеристика памятников разных стадий палеолита. *Э. А. Грантовский* (Москва) в докладе «Бактрия и Ассирия (В связи с проблемой древнебактрийского „царства“») проанализировал те источники, на которые обычно опираются сторонники гипотезы о существовании на территории Бактрии в доахеменидскую эпоху значительного государственного образования. По его мнению, данные о стране, откуда в Ассирию поступал лазурит, постоянно привлекавшиеся в контексте этой проблемы, вовсе не обязательно связаны с Бактрией, а рассказы Ктесия и других античных авторов о походах Семирамиды и Нина на Восток носят баснословный характер и не могут быть использованы как достоверный исторический источник.

На секции древней истории было заслушано 26 докладов.

А. Г. Амосова, Т. Г. Филимонова и А. Х. Юсупов (Душанбе) в докладе «Мезолит и неолит Южного Таджикистана» остановились, в частности, на проблеме времени становления на территории Бактрии производящего хозяйства, дискуссионной в современной науке. В докладе *Л. Т. Пьянковой* (Душанбе) «Бронзовый век Южного Таджикистана. Итоги и проблемы» проанализирована роль как местных оседло-земледельческих, так и пришлых степных племен в формировании культуры Бактрийского региона конца II тыс. до н. э. и охарактеризован процесс становления на этой территории скотоводческого хозяйства. Сновыми археологическими материалами, относящимися к этой эпохе, познакомила аудиторию *Н. М. Виноградова* (Москва) в докладе «Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана». Важному аспекту культуры Бактрии эпохи бронзы был посвящен доклад *В. И. Сарияниди* (Москва) «Антропоморфные божества древней Бактрии». Изображениям религиозно-мифологического содержания на металлических печатях автор находит аналогии в глиптике Западного Ирана — области, с которой он связывает формирование анализируемых мифологических представлений. Глиптике был посвящен и доклад *Е. В. Антоновой* (Москва) «О значении и назначении печатей первобытных земледельцев Передней и Средней Азии». Автор полагает недостаточной трактовку этих печатей как знаков собственности и видит в представленных на них изображениях своего рода «материализованные заклинания», где даже сама идея охраны собственности реализуется магическими средствами.

Материалам более поздней эпохи был посвящен доклад *Б. И. Вайнберг* (Москва) и *Х. Ю. Юсупова* (Ашхабад) «Древние кочевники Закаспия», в котором выделены различные группы памятников кочевых скотоводов I тыс. до н. э., предложены их хронология и этническая интерпретация.

Ряд докладов был посвящен ранней истории и идеологии ираноязычных обитателей Средней Азии. *И. В. Пьянкова* (Душанбе) сделал доклад на тему «Река Ох и Арьяна Вайджа». Согласно концепции автора, иранское Vahu-, к которому восходит античное Ochos, — это и древнее название Амударьи, и название реки Кундуз, в долине которой и следует локализовать страну Арьяна Вайджа, бывшую центром Бактрии до перемещения его в Балхский оазис. В докладе *Л. А. Лелекова* (Москва) «К методике индоиранских этнокультурных реконструкций: источники и толкования» подверглась пересмотру традиционная концепция существования индоиранского этнокультурного и лингвистического единства. Автор полагает значительно более вероятным исконное многообразие языковых и культурных форм, присущих различным группам населения, включаемым обычно в число индоиранцев, и отмечает необходимость принципиально новых способов их реконструирования. *Л. С. Клейн* (Ленинград) посвятил свой док-

лад «От Тигровой Балки до Матсья-пураны (Следы неведийских похоронных обрядов у индоариев в свете степной и среднеазиатской археологии)» проблеме формирования погребальных обычаев индоиранских народов, в частности проанализировал данные источников и археологии о бытовавшей у ариев практике расчленения трупов и очистки костей от мяса. Автор полагает, что эта практика существовала преимущественно у иранцев, а в Индостан была занесена какой-то группой неведийских ариев. Мифологические концепции древних иранцев послужили также темой доклада *Л. Л. Гуревича* (Ленинград) «Авестийская „Вара“ (О взаимоотношениях мифопоэтического образа и формы сооружения)». Докладчик оспаривает распространенное в литературе представление о сооруженной мифическим Йимой варе как имеющей четырехугольные очертания, полагая, что это противоречит ее описанию в источнике. В то же время он отмечает, что мифологическое описание объекта по самой своей природе допускает различные равноправные интерпретации. *С. А. Узянов* (Москва) в докладе «Ардвисура Анахита и Большая Медведица» остановился на вопросах эволюции образа одной из главных богинь авестийского пантеона и выдвинул тезис о его синкретическом характере, о слиянии в нем черт древнеиранской Харахвати Ардвисуры и ассирийско-вавилонской Иштар. Одной из находок ЮТАЭ был посвящен доклад *Д. С. Раевского* (Москва) «К толкованию композиции на костяных ножнах с городища Тахти-Сангин», в котором на примере декора ножен ахеменидских, скифских и среднеазиатских акинаков рассматривались некоторые принципы воплощения мифологических концепций древних иранцев языком зооморфных образов. Отчасти с проблемами истории Средней Азии в ахеменидскую эпоху был связан доклад *Е. В. Кухтиной* (Москва) «Некоторые аспекты толкования надписи на статуе Дария из Суз».

На заседании, посвященном античному периоду истории Средней Азии, был заслушан доклад *И. Р. Пичикяна* (Москва) «Датировка ионийской капители из храма Окса». Эта находка на городище Тахти-Сангин дополнила сведения о распространении на Востоке ионийского архитектурного стиля. Докладчик относит названную капитель к узколокальной малоазийской группе, датируя ее IV—III вв. до н. э., что, по его мнению, и определяет время завершения постройки и оформления интерьеров храма Окса. *Н. М. Асавина* (Москва) в докладе «Проблема одноименных правителей в бактрийской нумизматике (На примере чекана Евкратиды)» присоединилась к мнению тех исследователей, которые отрицают принадлежность монет с именем Евкратиды, украшенных различными изображениями, разным одноименным правителям; по ее мнению, был только один греко-бактрийский царь, носивший это имя. *Ф. Р. Балонов* (Ленинград) посвятил свой доклад «Хрисаор, отец Гериона...» интерпретации ритона, украшенного протомой крылатого коня и найденного при раскопках Кавказской экспедиции ГМИНВ в Прикубанье. Видя в этом коне мифологического Хрисаора, традиционное толкование имени которого («Златомеч») докладчик объясняет народной этимологией, он связывает эту находку с причерноморским мифом о прародителе скифов Геракле-Таргитае. В докладе *Ю. А. Рапопорта* (Москва) «„Зал царей“ во дворце II—III вв. н. э. на городище Топрак-кала (Опыт реконструкции и трактовки)» предложена интерпретация структуры и декора этого комплекса как связанных с почитанием в древнем Хорезме своего рода «календарного пантеона», главенствующую триаду в котором скорее всего составляли божества огня, воды и солнца. *М. А. Бубнова* (Душанбе), *А. Ф. Дубровин* и *М. С. Шемаханская* (Москва) посвятили свой доклад данным о составе металлических предметов, найденных при раскопках в Южном Таджикистане, и его сопоставлению с составом металла ряда обнаруженных в настоящее время месторождений, уже в древности подвергавшихся разработке. *Х. Ю. Юсупов* (Ашхабад) познакомил слушателей своего доклада «Бронзовый предмет из левобережного Хорезма» с уникальным сосудом в виде фигуры полиморфного существа. Докладчик сопоставил этот предмет с изображением на хорезмийской фляге, опубликованным Ю. А. Рапопортом и трактованным им как иллюстрация космогонического мифа.

Новые материалы кушанского периода были использованы в докладах: *В. Н. Пилипко* (Ашхабад) — «Стратиграфия кушанских поселений Юго-Восточной Туркмении», *А. А. Бурханова* и *Г. Гутлыева* (Ашхабад) — «Северо-Западная периферия Бактрии-Тохаристана (Новые данные о памятниках Средней Амударьи кушанского времени)» и *В. А. Забьялова* (Ленинград) — «Буддийские элементы в культуре горожан позднего кушанского времени (По материалам Зар-тепе)». *Е. П. Денисов* (Душанбе) посвятил

доклад «Могильники на реке Ксиров и тохарско-юэчжийская проблема» этнической интерпретации погребальных комплексов I в. до н. э. — II в. н. э. из Южного Таджикистана, сопоставленных им с погребениями Бабаповского могильника в Юго-Восточной Туркмении. *С. Я. Берзина* (Москва) в докладе «Две гностические геммы из Средней Азии» проанализировала предметы, поступившие в собрание ГМИНВ из коллекции М. А. Ратнера и связанные, по ее мнению, с распространением в кушанской среде египетских гностических культов. Памятники среднеазиатской короластики были рассмотрены в докладах *Т. И. Зеймалъ* (Ленинград) «Терракоты Северного Тохаристана (Вопросы археологической периодизации)» и *В. А. Мешкерис* (Ленинград) «Переднеазиатские и индийские параллели в искусстве Бактрии-Тохаристана (По материалам короластики)».

С проблематикой, обсуждавшейся на заседаниях секции древней истории, тематически связаны также прочитанный на секции средневековой истории доклад *Л. А. Чвырь* (Москва) «О соответствиях в похоронно-погребальных обрядах бактрийцев и таджиков», построенный на сопоставлении археологического и этнографического материалов, и сделанный на совместном заседании обеих секций доклад *Р. Ф. Тарасенко* (Москва) «Новое чтение легенды на монетах Герая и на гемме Харобалана».

Заключительное пленарное заседание открылось докладом *Б. А. Литвинского* и *И. Р. Пичикяна* (Москва) «Результаты новейших раскопок на городище Тахти-Сангин», посвященным итогам многолетних исследований так называемого «храма Окса», обогативших бактрийскую археологию ценнейшими материалами широкого хронологического диапазона. В докладе *Е. В. Зеймалъ* (Ленинград) «Северный Тохаристан в кушанскую эпоху (Опыт историко-стратиграфической периодизации)» на основе сопоставления археолого-стратиграфических и нумизматических данных выделено семь последовательных этапов истории этого региона от крушения Греко-Бактрии до окончательного подчинения Тохаристана Сасанидам. *Б. Я. Ставиский* (Москва) посвятил доклад «Буддийские памятники правобережных районов Бактрии-Тохаристана» подробному обзору и характеристике буддийских комплексов как кушанского, так и раннесредневекового времени. В основном раннесредневековой тематики касался доклад *Б. И. Маршака* (Ленинград) «Монументальная живопись Согда и Тохаристана в раннем средневековье». Завершилась конференция докладом *В. А. Лившица* (Ленинград) «Новые эпиграфические материалы из Бактрии», посвященным памятникам, которые позволяют говорить о ранних попытках создания бактрийской письменности на основе арамейской графики, предшествующих созданию кушанского письма на базе греческого алфавита.

Итоги конференции были подведены в заключительном слове *Б. А. Литвинского*. К работе конференции было приурочено открытие в залах Государственного музея искусств народов Востока выставки материалов из раскопок Южно-Таджикистанской археологической экспедиции.

Д. С. Раевский

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО

С 4 по 7 января 1984 г. в Горьковском государственном университете им Н. И. Лобачевского состоялась научная конференция историков, посвященная памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского. Наиболее представительной была секция «Проблемы античной истории и культуры», где с докладами выступили антиковеды Москвы, Горького и других городов страны.

Проблемам классического периода греческой истории были посвящены доклады *В. М. Строгецкого* и *Н. А. Касаткиной* (Горький). В сообщении *В. М. Строгецкого* «Битва при Фермопилах: легенда и история» анализировались расхождения между источниками, повествующими об этом знаменитом событии. Можно выделить две параллельные версии: официальную спартанскую, согласно которой Леонид приказал союзникам отступить, когда узнал, что персы могут окружить войско, и афинскую, которая

гласила, что союзники сами покинули спартанцев. По мнению докладчика, первая (спартанская) версия более правдоподобна: примерно две тысячи лакедемонян и феспипцев намеренно пожертвовали собой, чтобы прикрыть намеченный еще утром отход основных сил, гибель которых в ином случае была бы неизбежной. В докладе *Н. А. Касаткиной* «Колонизационная деятельность Афин в 445—435 гг. до н. э.» на эпиграфическом и нарративном материалах источников было показано, что это десятилетие представляло собой особый этап афинской колонизации, отличавшийся от предшествующих двумя новыми чертами: расширением сферы колонизации за пределами Эгейского бассейна, а также перерастанием колонизационной деятельности Афин в открыто экспансионистскую политику в условиях, когда аграрная проблема в Аттике была практически решена и основание колоний стало служить прежде всего стратегическому обеспечению державной политики Афин.

Вопросы истории и источниковедения эллинистической эпохи рассматривались в сообщениях *Г. С. Самохиной* (Петрозаводск), *С. Ю. Сапрыкина* (Москва) и *С. К. Сизова* (Горький). *Г. С. Самохина* в сообщении «Терминология причинности у Полибия» исследовала все те места в сочинении Полибия, где содержатся мысли историка о теории исторического описания. Предметом анализа ее стали термины «айтия», «профасис», «архэ», «эпийной», «диатесис», «крисис» и другие, с помощью которых Полибий пытался установить причинную связь различных событий. Как видно из самой терминологии историка, исходным моментом для определения причин событий для него была прежде всего мыслительная деятельность людей. Полибий, видимо, первым применил в историографии ряд философских категорий. В докладе «Аспургиане» *С. Ю. Сапрыкин* дал свое истолкование термина, встречающегося в рассказах античных писателей о Боспорском царстве, но нигде не расшифрованного. По мнению *С. Ю. Сапрыкина*, аспургиане представляли собой военных поселенцев типа катойков эллинистического Востока. Они жили на территории двух округов азиатской части Боспора, на «царской земле», а название свое получили от имени боспорского царя Аспурга (10—37 гг. н. э.), продолжавшего и развившего традиции укрепления царской хоры в противовес городам, начало чему положил еще Митридат VI Евпатор. Этот вывод подтверждается как данными об экономике и политике Боспорского царства, так и схожестью археологического материала царской хоры Боспора и аналогичных территорий Малой Азии. Сообщение *С. К. Сизова* «Ахейский Союз и города Восточной Аркадии» было посвящено одному из неясных и вызывающих споры эпизодов греческой истории III в. до н. э. Исследователи выдвигают различные предположения по поводу того, когда (в 40-е или 30-е годы III в.) и при каких обстоятельствах Орхомен, Мантиней, а также, вероятно, Тегей и Кафии вошли в Ахейскую федерацию (о чем вскользь сообщают источники). С точки зрения *С. К. Сизова*, наиболее вероятное время вхождения восточноаркадских городов в Ахейский Союз — это 233 или 231 годы до н. э. Эта гипотеза связывает присоединение Восточной Аркадии с деятельностью ахейского стратега Лидиада, чьи заслуги в деле укрепления нового федеративного государства явно замалчиваются Плутархом и Полибием, у которых на первый план всегда выступают успехи Арата, политического противника Лидиада.

В ряде докладов были подняты проблемы римской истории. *А. В. Шмалько* (Харков) сделал сообщение о римской социальной политике в провинции Вифинии-Понт (вторая половина I в. до н. э. — I в. н. э.). Политика Рима в этой провинции была направлена прежде всего на поддержку имущей городской верхушки, причем нередко в ущерб интересам старой землевладельческой и жреческой аристократии. Римляне создали себе в Вифинии-Понте довольно широкую социальную опору в лице разбогатевших «новых людей», ветеранов, отпущенников, части интеллигенции. Этим можно объяснить достаточно прочные позиции Рима в этой отдаленной провинции. *И. И. Портнягина* (Калинин) в докладе «Новые люди в сенате в правление императора Тиберия» провела анализ состава сенатских группировок времен Тиберия и сделала вывод, что так называемые «новые люди» главным образом находились в скрытой оппозиции к императору и группировались вначале вокруг Германика, а затем вокруг Сеяна. Эти люди были скорее монархистами, чем республиканцами, но основные свои надежды в соперничестве со старым нобилитетом возлагали не на аристократа Тиберия, а на Германика и Сеяна. Не случайно поэтому враждебное отношение к Сеяну со стороны нобилитета. *Я. Ю. Межеричский* (Калуга) выступил с докладом «Монархиче-

ские идеи и становление принципати». По его мнению, в ходе политических экспериментов различные группировки римского правящего класса руководствовались своими «моделями» принципати, т. е. сложившимися комплексами идей, представлений и настроений. Выделяются три таких комплекса: модель «эллинизирующая» (берущая начало в эллинской политической мысли, особенно стоической философии), «романизирующая» (сохраняющая староримские традиции; типичный сторонник такой линии — Цицерон) и «ориентализирующая» (сложившаяся на основе опыта ближневосточных, в том числе эллинистических монархий). Элементы последней модели оказали определенное влияние на деятельность Марка Антония, Августа, Калигулы и т. д. Эта «ориентализирующая» модель оказалась наиболее жизненной и в конце концов возобладала над прочими. М. С. Садовская (Горький) в своем сообщении рассмотрела вопрос об этническом составе населения римского Йорка. Эборак (нынешний Йорк) был не торговым, а главным образом военным центром провинции Британии, базой вначале IX, а потом VI легиона императорской армии. Данные надписей, результаты антропологического анализа, проведенного в захоронениях римской эпохи, предметы быта показывают космополитический характер гражданского населения Эборака: здесь жили италийцы, галло-германцы, выходцы с Востока. Местный этнический элемент представлен очень слабо — это еще одно доказательство слабой романизации Британии, где города так и не выполнили свою традиционную функцию распространителей античной цивилизации среди местного населения.

Некоторые доклады касались различных явлений античной культуры (литература, раннее христианство, мифология) и их влияния на средневековье. В сообщении В. В. Лукьянова (Горький) «Фрэнсис Бэкон о мифологии древних» рассматривался бэконовский метод интерпретации античных мифов. Согласно Бэкону, мифология явилась попыткой древних изложить свои «научные» представления в чувственных, зримых образах. Смысл аллегории Бэкон искал прежде всего в естественной философии, в качественной физике, выдвигая на первый план внеисторическое содержание мифологии. Докладчик привел целый ряд интересных догадок и оригинальных истолкований конкретных мифов из произведений Бэкона. Доклад В. Н. Русинова (Горький) «Рассказ Феодорита Кирского о Мелетии Антиохийском в русской письменности XIII—XVI вв.» был посвящен текстологическому анализу сказания о Мелетии Антиохийском, часто встречающегося в русских средневековых источниках. Выяснилось, что по древнейшему русскому списку XIII в. рассказ о действиях Мелетия на антиохийском церковном соборе в 360 г. изложен в полном соответствии с текстом «Церковной истории» Феодорита Кирского. Однако более поздние русские списки передают этот рассказ с искажениями и дополнениями. В таком измененном виде сказание о Мелетии Антиохийском приобрело на Руси характер поучения о двоеперстии; один из вариантов этого поучения получил название «Феодоритова слова». В сообщении Г. И. Чистякова (Москва) «С чего начал Павсаний как историк?» был разобран целый ряд исторических экскурсов Павсания, посвященных греческой истории от Филиппа II до конца I в. н. э. Эти очерки объединяются одними и теми же идеями, языком, который сильно отличается от языка остального текста Павсания, наконец, тем, что если их расставить в хронологическом порядке, то получится связное повествование. Это дает все основания предполагать, что первоначально экскурсии, посвященные периоду от 338 г. до н. э. до 146 г. н. э., представляли собой единое целое и только впоследствии были расчленены на отдельные части и размещены в разных местах «Описания Эллады». По мнению Г. П. Чистякова, это было юношеское произведение Павсания, которому можно дать условное название «О том, как Эллада потеряла свое величие». В докладе В. Н. Илюшечкина (Москва) «„Жизнеописание Аполлония Тианского“ Филострата и его источники» речь шла об источниках, использованных Филостратом при работе над романом об Аполлонии из Тианы — сочинениях Дамида, Мойрагена, Максима из Эг, письмах Аполлония. В связи с этим в докладе были охарактеризованы две тенденции, нашедшие отражение в романе: 1) пропагандируемые Филостратом политические идеалы муниципальной знати и 2) ориентация на занимательное чтение, включавшее чудеса, путешествия, экзотику, что в наибольшей степени должно было вызывать интерес массовых низовых читателей, связывающих с образом мудреца и чудотворца Аполлония собственные представления о долге и чести.

С. К. Сизов

(1910—1984)

Советское антиковедение и востоковедение постигла тяжелая утрата. 12 июня 1984 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался выдающийся советский историк древнего Ближнего Востока, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, доктор исторических наук Иосиф Давидович Амусин.

Иосиф Давидович Амусин родился 29 ноября 1910 г. в гор. Витебске. В 1941 г. он окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1941—1945 гг. Иосиф Давидович участвовал в Великой Отечественной войне, а после ее окончания обратился к научной работе. В 1949 г. он защитил кандидатскую диссертацию, в которой исследовал послание императора Клавдия к александрийцам (41 г. н. э.) как источник по социально-экономической истории I в. н. э. В 1965 г. за свои работы по кумрановедению И. Д. Амусин получил ученую степень доктора исторических наук.

Поразительно широк был круг научных интересов Иосифа Давидовича, и всюду, куда бы ни обращалась его пытливая мысль, он умел сказать свое веское слово, определить новые направления исследования, сформулировать важные новые и нетривиальные выводы. Так было уже в студенческие годы, когда он опубликовал статью на тему, которая и сегодня привлекает исследователей: «Тацит и Пушкин». И. Д. Амусин успешно занимался папирологией. Исследование Р. Lond. VI, 1912 легло в основу серии его блестящих статей, опубликованных в нашей стране и за рубежом (ВДИ, 1949, № 1—2 и 1951, № 4; JJP, IX—X, 1956). Его обзоры и рецензии (ВДИ, 1950, № 4; 1958, № 4; 1959, № 2), посвященные важнейшим проблемам папирологии, и до сих пор не утратили своего значения.

Много внимания и сил отдал И. Д. Амусин изучению социально-экономической истории древнего Востока. Такие его работы, как «Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте по данным Септуагинты» (ВДИ, 1952, № 3, с. 46—67), «„Народ земли“ (К вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии)» (ВДИ, 1955, № 2, с. 14—36), заложили основы современного изучения социальной структуры обществ доэллинистического и раннеэллинистического Ближнего Востока. Этой теме И. Д. Амусин остался верен до конца своей творческой жизни. Среди последних работ, которые он опубликовал или подготовил к печати, занимают заметное место статьи, посвященные свободным наемным работникам и неполноправным поселенцам,

Со второй половины 50-х годов И. Д. Амусин основное свое внимание уделял рукописям из окрестностей Мертвого моря, находки которых положили начало новому направлению в исследовании истории древнего мира — кумрановедению. Помимо многочисленных статей, посвященных общим и частным проблемам, его перу принадлежат основополагающие монографии: «Рукописи Мертвого моря», публиковавшаяся двумя тиражами в 1960 и 1961 гг., «Тексты Кумрана», вып. I (М., 1971) и «Кумранская община» (М., 1983). В трудах И. Д. Амусина на широком историческом фоне показано место кумранской секты в идеологической жизни Ближнего Востока и в общественно-политической борьбе конца I тысячелетия до н. э. И. Д. Амусин глубоко и обстоятельно проанализировал идейное содержание кумранских документов, обращая особое внимание на соотношение и взаимосвязь ессеиста и раннего христианства. Поистине ювелирная работа над текстами позволила И. Д. Амусину убедительно расшифровать реальное историческое содержание многочисленных иносказаний в кумранских комментариях на книги библейских пророков (см. ВДИ, 1977, № 1; 1979, № 3 и др.)

Иосиф Давидович Амусин был не только большим ученым, внесшим громадный вклад в науку о древнем мире, он был замечательным человеком. Его доброта, деликатность, чуткость, отзывчивость и щедрость, с которой он делился своими знаниями и идеями с окружающими, неразрывно сочетались с непреклонной принципиальностью и гражданским мужеством.

Светлая память об И. Д. Амусине навсегда сохранится в истории отечественной науки, в сердцах тех, кто имел счастье общаться с ним.

*Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР,
Отдел древнего Востока Института востоковедения АН СССР,
Редколлегия и редакция «Вестника древней истории»*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник
 ВИ — Вопросы истории
 ВЛ — Вопросы литературы
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ВФ — Вопросы философии
 ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИФЖ — Историко-филологический журнал АН Армянской ССР
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 НАА — Народы Азии и Африки
 НДВШ — Научные доклады высшей школы
 ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 ПИШ — Преподавание истории в школе
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СВ — Средние века
 СЭ — Советская этнография
 AJA — American Journal of Archaeology
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
 BiOr — Bibliotheca Orientalis
 BMHB — Bulletin du Musée Hongrois de Beaux-Art
 BMSA — Bulletin et memoires de la Société d'antropologie de Paris
 BSFE — Bulletin de la Société Française d'Egyptologie
 CdE — Chronique d'Egypte
 EAZ — Etnographisch-archäologische Zeitschrift
 FGrH — *Jacoby F.* Fragmente der griechischen Historiker
 HBO — Hallesche Beiträge zur Orientwissenschaft
 JAOS — Journal of American Oriental Society
 JCS — Journal of Cuneiform Studies
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JESHO — Journal of Economic and Social History of the Orient
 JJS — Journal of Jewish Studies
 JNES — Journal of Near Eastern Studies
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
 MCS — Manchester Cuneiform Studies
 MJBK — Münchner Jahrbuch der Bildenden Kunst
 OLP — Orientalia Lovaniensia Periodica
 OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
 OMRO — Oudheidkundige Mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden
 Or — Orientalia
 PEQ — Palestine Exploration Quarterly
 RA — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale
 RdE — Revue d'égyptologie
 RE — *Pauly, Wissowa, Kroll.* Real-Encyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 RSO — Rivista degli studi orientali
 SM BFB — Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte
 StOr — Studia Orientalia
 WZMLU — Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität
 ZA — Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete
 ZAS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde